

СМОЛЕНСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

1918

Известия Смоленского государственного университета

Научный журнал
Выходит 4 раза в год

№ 1(61), 2023

*Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии
Минобрнауки России от 01 декабря 2015 года № 13-6518 журнал
включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов
и изданий, в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук*

Учредитель и издатель

Смоленский государственный университет

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций
Рег № ПИ № ФС 77 – 35710 от 23.03.2009
Подписной индекс ПН182 (Почта России)

Редакционный совет

М.Н. Артеменков (*Смоленск, председатель*), И.В. Романова (*Смоленск, заместитель председателя*), В.А. Волков (*Москва*), А.Б. Каменский (*Москва*), В.С. Кошелев (*Минск, Республика Беларусь*), А. Молнар (*Дебрецен, Венгрия*), Л.В. Рацибурская (*Нижний Новгород*), Ф.Б. Успенский (*Москва*), Н.А. Фатеева (*Москва*), З.А. Харитончик (*Минск, Республика Беларусь*), И.Р. Чикалова (*Минск, Республика Беларусь*)

Редакционная коллегия

И.В. Романова (*гл. редактор*), А.В. Тихонова (*зам. гл. редактора*), Р.В. Белютин (*отв. секретарь*), С.Н. Андреев, С.Ю. Артемова, Л.И. Ивонина, Д.Е. Комаров, А.В. Королькова, Л.В. Павлова, О.Е. Похаленков, А.М. Ранчин, Ю.Л. Цветков

Адрес редакции и издателя

214000, Смоленская область, г. Смоленск, ул. Пржевальского, д. 4,
Смоленский государственный университет
E-mail: izwestija@smolgu.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Павлова Л.В., Романова И.В.</i> Созвучие Сарьяна и Армении в восприятии русских поэтов	5
<i>Лицарева А.Ф.</i> Образ женщины в белом в устных нарративах о Великой Отечественной войне: мотивы, сюжеты, функции	18
<i>Лунькова Е.С.</i> Отадъективное словообразование в смоленских говорах: словообразовательный тип с суффиксом -к(а).....	35
<i>Леишкова Н.В.</i> Дискурсивные стратегии православного дискурса.....	46
<i>Терских М.В., Боцорога К.В.</i> Роль непрямой коммуникации при формировании имиджа банка: работа с негативными отзывами клиентов ...	58
<i>Калиуценко В.Д.</i> Типология имен существительных, мотивирующих глаголы	69
<i>Войтальянова Я.И., Шелихова С.В.</i> Этнокультурная метафора повседневной жизни как отражение национальной языковой картины мира в английском языке	84
<i>Сиразетдинова Р.Н.</i> Вербализация лексемы «LOVE» в современных мультипликационных фильмах	97
<i>Басьров Ш.Р.</i> Стилистически маркированные наименования офисных работников в немецком языке.....	109

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Майоров А.А., Шинаков Е.А.</i> Днепро-Окский путь («угровский переход») конца IX – начала XI века	125
<i>Космовская А.А.</i> Оброки и сборы с лавок Чердынского уезда в XVII–XVIII веках.....	139
<i>Савчук Р.А.</i> Влияние советской идеологии на публичный дискурс православного духовенства и мирян Украинской ССР (вторая половина 1980-х годов)	153
<i>Ушаков А.В.</i> Торговая политика «новгородских гостей» Любека в конце XV века	165
<i>Ивонина Л.И.</i> Несостоявшийся союз: Оливер Кромвель и Великий Конде	174
<i>Шумаков А.А.</i> Несостоявшаяся революция Габриэля 1800 года: причины и предпосылки	186

<i>Иванова О.Ю.</i> Наступление Красной армии на Сычевском направлении в ходе операции «Марс».....	203
<i>Елизаров С.А.</i> Основные тенденции развития системы органов местного государственного управления БССР (1953–1964).....	218
Сведения об авторах	233

Л.В. Павлова, И.В. Романова

Смоленский государственный университет
Смоленск, Россия

УДК 821.161.1

DOI 10.35785/2072-9464-2023-61-1-5-18

СОЗВУЧИЕ САРЬЯНА И АРМЕНИИ В ВОСПРИЯТИИ РУССКИХ ПОЭТОВ¹

Ключевые слова: *русская поэзия; Армянский локальный текст; М. Сарьян; рифма.*

В локальном тексте имена собственные всегда маркированы, особенно если они имеют высокую частотность. Для Армянского текста русской поэзии таким именем, носителем культурного кода, является имя выдающегося армянского художника Мартироса Сарьяна (1880–1972). Сарьян и Армения навеки «зарифмованы» в восприятии окружающих. Это «созвучие» обыгрывается многократно в массовом сознании, воспоминаниях, в критике, в поэзии. Сарьян воспринимается представителями других национальностей как создатель образа Армении – необычного, но настоящего. На уровне лирического сюжета часто встречается мотив открытия страны для лирического субъекта или мотив прозрения. Рифмы в стихотворениях выполняют роль красной нити этого сюжета. Художественный потенциал фамилии Сарьяна, оказавшейся в позиции рифмы, заключен в характеристиках его как художника: его экспрессии, творческой манеры, красок, визуальных эффектов, способности к изнурительному труду.

Представленная работа является частью исследовательского проекта по изучению Армянского локального текста русской поэзии, цель которого – собрать наиболее полный корпус стихотворений русскоязычных авторов об Армении и на этой основе выделить и описать черты Армянского локального текста. Под локальным текстом мы понимаем, вслед за Е.К. Созиной, «систему текстов, интегрированных в целое благодаря их общей “внетекстовой ориентации”» [Созина, 2010, 288], в нашем случае объединяющим фактором стала Ар-

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РНФ научного проекта № 22-18-00339, Электронный ресурс «Армянский текст русской поэзии»: репрезентация локального текста русской литературы.

меня. Работа ведется по разным направлениям: выделение и описание паттернов локального текста [Шафранская, 2022а; Шафранская, 2022б], рассмотрение восприятия русскими поэтами ключевых особенностей мировосприятия другого народа, его судьбы, культуры и быта [Карасик, 2022а], изучение распределения разных групп лексики в армянском тексте русской поэзии [Андреев, 2022а; Андреев, 2022б], изучение национальной системы ценностей, выраженной в поговорках [Карасик, 2022б], реконструкция и интерпретация цветовой картины мира армянского текста русской поэзии [Павлова, Романова, 2022а; Павлова, Романова, 2022б], рассмотрение ономастических особенностей локального текста [Бубнова, 2022].

Еще в 2000 году в статье «Собиратели пространства», опубликованной в «Дружбе народов», известный поэт и переводчик Георгий Кубатьян мог поставить крест на перспективах изучения этой темы, написав: «Связи русских классиков с Арменией, прямые и косвенные, литературные и житейские, – тема, со вниманием и кропотливо разработанная, в известном смысле даже закрытая. Поле сжато практически без потерь, урожай выбран до колоска. Мелькнуло ли у Пушкина, Толстого, Чехова слово “армянин”, “армянский” или, скажем, имя, выдающее происхождение носителя, специалисты докопались, отыскали, перепроверили: кто таков? откуда? почему? где? <...>

Ужасно ли, нет ли, разыскивать и толковать в означенной сфере нечего. <...> Все существительные перечислены, нам остаются разве что прилагательные – нюансы, полутона, ракурсы» [Кубатьян, 2000].

Заколачивая перед исследователями парадную дверь в тему рефлексии русской литературы над Армянской темой, Кубатьян все же направляет их через запасной вход: «На исходе века круг русской классики решительно расширился. В него полноправно вошли писатели, которых если в советские времена и печатали, то с изъятиями, со смущенными оговорками о том, чего недопонял и недовыразил имярек. Экивоки сегодня отброшены, классиков официально признали классиками. <...> Мысль об исчерпанности названной выше темы на глазах устарела. Материала сызнова предостаточно. Было бы кому в него вникать» [Кубатьян, 2000].

Одним из критериев локального текста является наличие в нем знаковых имен собственных – своего рода культурных маркеров. Показательно для «армянского текста» в этом смысле стихотворение М. Матусовского, построенное как вереница четверостиший, посвященных выдающимся деятелям культуры и науки Армении:

О, тайна фамилий на «ян»,
 Смущавшая нас постоянно,
 Как горный прозрачный туман,
 Скользящий меж строк Туманяна.
 Как где-то за свесом горы
 Заря, заплывшая рдяно.
 Как звездные эти миры,

Пленившие Амбарцумяна.
Как звук колокольца в ночи,
Диктующий ритм каравана,
Который всегда различим
В поэзии Исаакяна.
Как врубленный в скалы амвон –
Гегарда глубокая рана.
Как яростный сабельный звон
Мелодии Хачатуряна.
Как взлет этой арки сквозной,
Над бездною замершей странно.
Как сжегший подрамники зной
Картин Мартироса Сарьяна.

[Амирханян, 2022, 371–372]

Каждый упомянутый в стихотворении великий сын Армении – яркая индивидуальность, каждому посвящена отдельная строфа и «собственная» рифма (*постоянно – Туманяна; рдяно – Амбарцумяна; каравана – Исаакяна; рана – Хачатуряна; странно – Сарьяна*), но, преодолевая синтаксическую автономность строф, цепочка рифм обретает сквозной характер из-за исходного созвучия фамилий на -ян. Так создается единое «армянское» звучание. Поэты Ованес Туманян и Аветик Исаакян, ученый-астрофизик Виктор Амбарцумян, композитор Арам Хачатурян, художник Мартирос Сарьян – эти имена в общественном сознании являются отчетливыми знаками «армянского» вклада в развитие мировой культуры и науки².

В последней строке М. Матусовский перед фамилией поставил имя, завершив свое стихотворение раскатистым мощным аккордом – *Мартирос Сарьян*.

Сарьян и Армения навеки «зарифмованы» в восприятии окружающих. Это «созвучие» обыгрывается многократно в массовом сознании, воспоминаниях, в критике.

Порой предстает в шуточной форме: «Он создал армянскую школу живописи. Даже шутили в художественной среде при советах: “каждый армян – Сарьян”» [Галоян, 2018].

Порой отражается в восторженной похвале. Например, выдающийся армянский поэт Аветик Исаакян вспоминал о своем потрясении от сарьяновских работ, пережитом в 1924 году на международной художественной

² В стихотворении Расула Гамзатова «В гостях у Мартироса Сарьяна» (перевод Е. Николаевской) тоже два имени армянских представителей культуры зарифмованы в конце – поэт и художник. Принцип тот же (Армения – это ее великие сыны) – Гамзатов пишет, что постиг Армению через полотно Сарьяна и стихи Исаакяна:

Армения! Благословенна будь!..
Я был в гостях у самого Сарьяна
И разгадать твою пытался суть
Сквозь магию стихов Исаакяна... [Гамзатов, 2006].

выставке в Венеции: «“Сарьян – певец природы, ярких красок Армении. Что в нем поймут жители других стран?” Взволнованный, я без конца повторял про себя: “Да, певец Армении, певец Армении...”» [Исаакян, 1959, 163]³.

Порой оборачивается запоминающимся афоризмом, как, например, высказывание авторитетного французского критика Луи Вокслера: «Сначала Сарьян нарисовал Армению, а уже потом ее создал Бог»⁴. Включение Бога в единство Сарьяна и Армении закрепилось в нескольких вариациях этой мысли. Вот одна из таких вариаций – рассуждение Рузанны Сарьян, внучки художника, директора Дома-музея Мартироса Сарьяна: «Армения была создана Творцом и Сарьяном. Один создал действительную и материальную, другой – живописную и духовную. Все то, что представлял Творец, создавая нашу горную родину, Сарьян создал силой искусства. И сегодня мы имеем две Армении: одна – действительная, другая – сарьяновская. И они слиты воедино навечно»⁵.

Об Армении, созданной Сарьяном, написал в своем стихотворении «В гостях у Мартироса Сарьяна» Расул Гамзатов (перевод Е. Николаевской):

Признаюсь: я Армении не знал
Такой – какой ее твой создал гений.
[Гамзатов, 2006]

Сарьяна благодарил за прозрение Армении Андрей Белый в своих знаменитых очерках: «Я видел Армению – два уже дня: но увидел впервые – в полотнах Сарьяна; их вынес позднее на улицу, в поле, чтобы там развивать мне преподанное мастерство: уметь видеть» [Белый, 1985, 31].

Стихи русских поэтов наполнены экфрасисами сарьяновских полотен, исследование этого аспекта – задача следующего этапа изучения темы «Сарьян в русской поэзии».

В настоящей работе исследовательское внимание сосредоточено на художественном потенциале имени «Сарьян». В глазах критиков и исследователей именно это имя порой становилось связующим звеном между несколькими произведениями. Так, размышляя об издании нескольких книг, посвященных связям русских писателей с Арменией⁶, Георгий Кубатьян пишет: «Имя Мартироса Сарьяна – существенная скрепа, собирающая книги, составленные Н. Гончар, в серию» [Кубатьян, 2000].

³ Цитируется в переводе на русский С. Гайсарьяна: Исаакян А. Сарьян принадлежит всему миру. URL: <http://www.armenianhouse.org/isahakyan/isahakyan-ru.html#1>.

⁴ Фраза (встречается также вариант: «Сначала величайший виртуоз Сарьян нарисовал Армению, а потом Бог создал ее») многократно повторяется в статьях, книгах, фильмах о М. Сарьяне с ссылкой к каталогу его персональной выставки, проходившей в январе 1928 года в парижской галерее Шарля Жирара.

⁵ Армения – Создание Творца и Сарьяна // Вне строк. 2018. 25 ноября. URL: <https://vstroka-net.allinnet.info/istoriya/armeniya-sozdanie-tvortsa-i-saryana>.

⁶ «Перечислю книги, составившие серию: Андрей Белый, “Армения” (1985 и 1997); Осип Мандельштам, “Стихотворения. Проза. Записные книжки” (1989); Максимилиан Волошин,

Русские поэты, понимая силу воздействия имени, активно привлекали его для убедительного воссоздания «армянского» духа в своих произведениях. «Многие русские поэты посвящали стихи Сарьяну. Среди них С. Орлов, С. Шервинский, В. Рогов, И. Давиденко, Н. Кончаловская, Е. Николаевская, Л. Вышеславский, Н. Полякова, А. Гитович, И. Снегова» [Сарьян, 2019, 102].

Материалом исследования «Сарьян в произведениях русских поэтов» стало 31 стихотворение (23 авторов), в которых упоминается имя художника:

- 1) Антокольский П. «Древний город» (1936) [Антокольский, 1982, 126–127],
- 2) Вознесенский А. «Декабрьские пастбища» (1969)⁷ [Вознесенский, 1976, 178–179],
- 3) Вышеславский Л.Н. «Краски Сарьяна» [Амирханян, 2022, 464–465],
- 4) Гитович А. «Живопись» [Амирханян, 2022, 347],
- 5) Городецкий С. «Мартиросу Сарьяну (Экспромт)» [Амирханян, 2022, 313],
- 6) Дементьев А. «Солнце Сарьяна»⁸ [Русская советская поэзия, 1982],
- 7) Звягинцева В. «В гостях у Мартироса Сарьяна» (1940), «Моя Армения» (1954), «Армении» (1970) [Амирханян, 2022, 398, 403–404, 436],
- 8) Орлов С. «Сарьян» (1973) [Орлов, 1973, 56–57],
- 9) Зенов И. «Еревану» [Амирханян, 2022, 501],
- 10) Кончаловская Н. «Портрет Сарьяна», цикл «Выставка Сарьяна»: «Вернисаж», «У родника в селе Туманян», «Сбор хлопка в Арагатской долине», «С высот Арагаца» (все – не позднее 1961) [Кончаловская, 1961, 48–55],
- 11) Копштейн А.И. «Армения» (1940) [Советские поэты, 2005],
- 12) Матусовский М. «О, тайна фамилий на “ян”...», «Август» (1950) [Амирханян, 2022, 371, 380],
- 13) Рогов В. «Красота» (1963)⁹,
- 14) Лисянский М. «Я читаю стихи Сарьяну» (1965) [Лисянский, 1983, 207],

“Дом поэта” (1994); “Чаренц и о Чаренце” (1997); “Марина Цветаева в ереванских публикациях 1960–1990-х” (1999). Все книги вышли в одном издательстве, хотя на титуле первой значится “Советакан грох”, второй – “Хорурдаин грох” (и то и другое – “Советский писатель”), а третьей и далее – “Наири”» [Кубатьян, 2000].

⁷ Посвящено Сарьяну.

⁸ Опубликовано в издании: Русская советская поэзия 50–70-х годов: хрестоматия / сост. И.И. Розанов. Минск: Вышэйшая школа, 1982. 703 с.

⁹ Рогов В. // Шарапова А. Рого-зинин, он же Владимир Рогов. URL: <https://stihi.ru/2009/11/16/7558> (дата обращения: 25.11.2022).

- 15) Николаевская Е. «Армения», «Когда ты застынешь в его мастерской...»¹⁰ [Амирханян, 2022, 370, 374],
 16) Рождественский Р. «Сарьян» [Рождественский, 1979, 109–110],
 17) Сапгир Г. «Жар-птица» (1995) [Сапгир, 1996, 82],
 18) Слуцкий Б. «Холсты Акопа Коджояна» [Слуцкий, 1991],
 19) Снегова И. «Сарьяну» [Амирханян, 2022, 454],
 20) Чичибабин Б. «Четвертый Псалом Армении» (1985) [Амирханян, 2022, 607–609],
 21) Шервинский С.В. «В мастерской Сарьяна» [Амирханян, 2022, 488],
 22) Калашников С.Б. «Севджур» [Амирханян, 2022, 550],
 23) Калугин И. «Волшебный свет воды армянской...» [Амирханян, 2022, 629].

Фамилия *Сарьян* и ее производные (*Сарьяна, Сарьяне, Сарьяну, сарьяновских*) вынесена в сильную позицию рифмы у 16 авторов¹¹, всего выявлено 22 рифменные пары (табл. 1).

Попутно отметим, что три автора, писавших о Сарьяне, в позицию рифмы поставили не фамилию художника, а его имя. *Мартироса – росы* зафиксировано в стихотворении И. Калугина «Волшебный свет воды армянской...»:

А ныне в раме Мартироса
 Кармин и золото Минаса.
 На камне жарком сохнут росы,
 Вода: мгновенное богатство.
 [Амирханян, 2022, 629]

«Портретная» рифма *горбоносый – Мартироса* встречается у Н. Кончаловской («Портрет Сарьяна»):

Я подхожу, гляжу на свет, –
 Знакомый профиль горбоносый.
 Бог мой! Ведь это же портрет
 Сарьяна, друга Мартироса!
 [Кончаловская, 1961, 48]

Р. Рождественский, вынеся фамилию художника в название стихотворения («Сарьян»), не воспользовался рифмой с фамилией в самом тексте, зато дважды зарифмовал его имя: *лось – Мартирос, морозно – Мартироса*. Имя «Мартирос» оказывается последним словом в стихотворении, в совокупности с названием-фамилией образуя своего рода подпись художника под завершённой работой – *Сарьян Мартирос*:

¹⁰ Посвящено Сарьяну.

¹¹ Антокольский П., Вышеславский Л., Гитович А., Городецкий С., Дементьев А., Звягинцева В., Калашников С., Копштейн А., Кончаловская Н., Лисянский М., Матусовский М., Николаевская Е., Орлов С., Рогов С., Сапгир Г., Чичибабин Б.

Он дышит, как бегущий лось.
К спине
рубашка липнет...
Крича,
рисует Мартирос.
В конце работы –
хрипнет.

И в финале стихотворения:

Окно раскрыто,
а за ним
просторно и морозно...
И Арарат
как будто нимб
над гривой
Мартироса.

[Рождественский, 1979, 109–110]

Арарат – символ Армении, излюбленный «герой» Сарьяна. Когда в 1963 году Армению посетил Джон Стейнбек, художник подарил ему свою картину «Арарат утром»: «<...> тот долго в нее всматривался, а потом сказал: – Я знаю, Арарат живет в сердце каждого армянина. Я повешу картину у себя. И Арарат постепенно проникнет в мое сердце» [Из воспоминаний, 2017].

Созвучия слов и цветовые ассоциации, порождаемые именем *Сарьян*, подобраны были некогда Максимилианом Волошиным, одним из первых высоко оценившим творческий дар художника. «Сарьян... Звуки, из которых составлено его имя, выражают все его искусство. Корень “Сар” на многих восточных языках обозначает желтый цвет, т.е. полноту света, солнечный ореол – царственное облачение мира. Окончание же его имени созвучно словам “рдяный”, “пряный”, “рьяный”... в целом – при произнесении этого имени мерещится словно иступление желто-оранжевого цвета, прикрытое синева-то-сизым пламенем, напоминающим фиолетово-медные отливы мавританской керамики времени Оммайядов...» [Волошин, 2007, 153].

Поэты выразили творческое единодушие с волошинской подсказкой. Рифменная пара *пряный – Сарьяна* встречается в стихотворении Н. Кончаловской «У родника в селе Туманян», *пряно – Сарьяна* – у Е. Николаевской в «Армении», а «рьяная» рифма оказалась самой частотной в сарьяновском корпусе текстов: *рьяно – Сарьяна* зафиксирована в «Августе» М. Матусовского и в «Четвертом Псалме Армении» Б. Чичибабина; ее зеркальный вариант *Сарьяна – рьяно* использован П. Антокольским в «Древнем городе».

А вот вместо подсказанного Волошиным *рдяный* для рифменных нужд оказалось востребовано другое цветоименование «Красной группы» – *багряный*: *багряны – Сарьяна* (Звягинцева В. «В гостях у Мартироса Сарьяна»), *багряными – Сарьяновы* (Вышеславский Л. «Краски Сарьяна»).

Сарьяновские рифмы армянского корпуса русской поэзии

№ п/п	Имя	Рифма и минимальный контекст
1	Сарьяна (12)	<p>— <i>странно</i> – <i>Сарьяна</i>: 1) Как взлет этой арки сквозной, / Над бездною замершей странно. / Как сжегший подрамники зной / Картин Мартироса Сарьяна (Матусовский М. «О, тайна фамилий на “ян”...»); 2) Все было в солнце: / тот портрет, / где Эренбург смотрел так странно, / как будто жаль ему Сарьяна, / который немощен и сед (Дементьев А. «Солнце Сарьяна»);</p> <p>— <i>рьяно</i> – <i>Сарьяна</i>: 1) Багровели холмы, солнце жарило рьяно, / Поднимался туман из лиловых низин. / Разгадал я секрет Мартироса Сарьяна / На дороге, несущейся в Эчмиадзин (Матусовский М. «Август»); 2) Листая твой словарь / взволнованно и рьяно, / я в жизни не сорвал / плода в садах Сарьяна (Чичибабин Б. «Четвертый Псалом Армении»);</p> <p>— <i>обмана</i> – <i>Сарьяна</i>: Но красота предстанет без обмана / В лице Ахматовой, в лице Сарьяна (Рогов В. «Красота»);</p> <p>— <i>пряно</i> – <i>Сарьяна</i>: Что бы ты не пил, / Где бы ты не был – / Будешь ты видеть синее небо, / Небо, что пахнет терпко и пряно, / Синее небо кисти Сарьяна (Николаевская Е. «Армения»);</p> <p>— <i>пряный</i> – <i>Сарьяна</i>: Я слышу запах пряный / Коры древесной, знойных трав, / На вернисаже постояв / Перед холстом Сарьяна (Кончаловская Н. «У родника в селе Туманян»);</p> <p>— <i>Севана</i> – <i>Сарьяна</i>: И терпкий запах южных трав, / И солнце в зеркале Севана... / Нет, скульптор! Ныне ты не прав, / Пойдем на выставку Сарьяна (Кончаловская Н. «Портрет Сарьяна»);</p> <p>— <i>океана</i> – <i>Сарьяна</i>: Настанет день – и повлекутся к ней / Те, что бредут за гранью океана, / И Сароян вернется в дом Сарьяна, / Как блудный сын Армении своей (Гитович А. «Живопись»);</p> <p>— <i>странах</i> – <i>Сарьяна</i>: Не о чужих заморских странах, / Им всем привет, всем исполать! / Я об Армении Сарьяна, / Где мне случилось побывать (Орлов С. «Сарьян»);</p> <p>— <i>Сарьяна</i> – <i>рьяно</i>: Где всей палитрою Сарьяна, / Под солнцем изжелта-синя, / Большая, плещущая рьяно / Жратных базаров толкотня <...> (Антокольский П. «Древний город»);</p> <p>— <i>Сарьяна</i> – <i>сиянье</i>: На прекрасных картинах Сарьяна / Я нагорные вижу сады, / И армянского солнца сиянье, / И дрожанье искристой воды (Копштейн А. «Армения»)</p>
2	Сарьян (6)	<p>— <i>Сарьян</i> – <i>армян</i>: Табличка «Мартирос Сарьян». / ВангоГоген вся армян / здесь жил <...> (Калашников С. «Севджур»);</p>

		<p>— <i>туман – Сарьян</i>: Гигант Арарат, Алагез и Севан, / Не страшен вам тусклый осенний туман! / Могучею солнечной кистью своей / Сияние вам возвращает Сарьян! (Городецкий С. «Мартirosу Сарьяну (Экспромт)»);</p> <p>— <i>бурьян – Сарьян</i>: Развеян прошлого бурьян, / И пишет радостными красками / Тебя, Армения, Сарьян (Звягинцева В. «Армении»);</p> <p>— <i>обман – Сарьян</i>: Уже уверен без опаски, / Что правда все, а не обман, / Как мир, в котором брал он краски. / Художник Мартiros Сарьян (Орлов С. «Сарьян»);</p> <p>— <i>зван – Сарьян – Каждан</i>: <...> явись из бездны адской / Ковенацкий! / и ты зван – / и Шагал и Сарьян – / и Гаяна Каждан (Сапгир Г. «Жар-птица»)</p>
	Сарьяну (2)	<p>— <i>Сарьяну – поляну</i>: Я читаю стихи Сарьяну, / А под небом лежат снега. / Беломраморную поляну / Свет лиловый тронул слегка (Лисянский М. «Я читаю стихи Сарьяну»);</p> <p>— <i>Сарьяну – неустанных</i>: Я читаю стихи Сарьяну – / И в снегу его голова, / И в глазах его неустанных / Вся севанская синева (Лисянский М. «Я читаю стихи Сарьяну»)</p>
	Сарьяне (1)	— <i>Сарьяне – крестьянин</i> : Что знал я раньше о Сарьяне? / Ко мне неторопливо встал, / Весь солнцем обожжен, крестьянин / Среди своих долин и скал (Орлов С. «Сарьян»)
3	Сарьяновы (1)	— <i>багряными – Сарьяновы</i> : Невиданно цветастыми, / неслыханно багряными / в степенных залах выставки / висят холсты Сарьяновы (Вышеславский Л. «Краски Сарьяна»)

Визуальная рифма с Сарьяном *Сарьяна – сиянье* встречается у Арона Копштейна. В противоположность *сиянью* с *туманом* рифмует Сарьяна Сергей Городецкий.

К эффекту, производимому на зрителя художественной манерой Сарьяна, можно отнести рифмы, обозначающие эффект остраннения: *странно* (у Матусовского и Дементьева) и убежденность в правдивости: *без обмана* (у Владимира Рогова), *не обман* (у Орлова) – именно с отрицанием.

Географические ассоциации с фамилией художника возникают у Сергея Орлова: *странах – Сарьяна*, исключительно водные – у Александра Гитовича: *Сарьяна – океана*, у Натальи Кончаловской: *Севана – Сарьяна*. Растительные, буйные – у Веры Звягинцевой: *бурьян – Сарьян*. Метафорически дикий бурьян у нее означает прошлое, которое художник побеждает ясностью и *радостными красками*. Человеческие ассоциации – у Орлова: *Сарьяне – крестьянин* (неожиданно восприятие внешности труженика-художника строится на сопоставлении с образом крестьянина, частого персонажа его картин), а также у Сергея Калашникова – самая ожидаемая: *Сарьян – армян*. У Генриха Сапгира в поэме «Жар-птица» на Христов обед созываются «усопшие мастера» и фамилия Сарьян воз-

никает в рифме *зван – Сарьян – Каждан* и оказывается в одном ряду с художниками авангардного направления XX века Марком Шагалом и Гаяной Каждан: *и ты зван – /и Шагал и Сарьян – /и Гаяна Каждан*.

Таким образом, на уровне лирического сюжета имя Сарьяна прочно связано с Арменией и с мотивом открытия этой страны для лирического субъекта или с мотивом прозрения. На этом фоне маркированные фонетически, композиционно, графически и семантически рифмы выполняют роль красной нити сюжета, его узлов.

На стиховом уровне ни разу Сарьян не рифмуется со словами с отрицательной коннотацией. Большинство рифм так или иначе представляют его как художника, в первую очередь выделяя экспрессию (*рьяно* – самая частотная рифма), впечатление от его творческой манеры (*странно, пряно, без обмана, не обман*), краски (*багряными*), визуальные эффекты (*сиянье, тумана*), способность к тяжелому, изнуряющему труду (*крестьянин*). Появление в позиции рифмы имени собственного всегда маркировано вдвойне, с этой точки зрения знаменательно рифменное соседство Сарьяна с художницей-экспрессионисткой *Гаяной Каждан*. Мажорный пафос творчества и авангардный стиль Сарьяна, действительно, роднит его с Марком Шагалом. Данную связь почувствовал не только Г. Саггир, ее отмечал и У. Сароян: «Да, Мартирос Сарьян армянин, а это значит, что он выжил. Поэтому вслед за его именем идет имя Марка Шагала...»

Их роднит еще и невероятный талант – превращать все мертвое в живое. Вы не увидите погромов на картинах Шагала и не увидите резни на картинах Сарьяна. Они – маленькие дети с широко раскрытыми глазами, они радуются жизни умом и сердцем» [Рассказы Уильяма Сарояна, 2017].

ЛИТЕРАТУРА

- Амирханян М.Д. Армения в зеркале русской поэзии. Ереван: Копи Принт, 2022. 662 с.
- Андреев С.Н. Распределение сенсорной лексики в локальных армянских текстах XIX–XXI вв. // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022а. № 12. С. 4066–4073.
- Андреев С.Н. Эмотивная лексика в локальных текстах про Армению: квантитативный подход // Квантитативная лингвистика. Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2022б. Вып. 9. С. 4–12.
- Антокольский П.Г. Стихотворения и поэмы. Л.: Л.О. изд-ва «Советский писатель», 1982. 784 с.
- Бельй А. Армения: Очерк, письма, воспоминания. Ереван: Совет. грох, 1985. 208 с.
- Бубнова Н.В. Ономастическое пространство текста Вячеслава Иванова «Роза преображения» // Психолингвистика и лексикография. 2022. Вып. 9. С. 175–183.
- Вознесенский А.А. Витражных дел мастер. М.: Молодая гвардия, 1976. 336 с.
- Волошин М. М.С. Сарьян // Волошин М. Собрание сочинений. Т. 5. М.: Эллис Лак, 2007. С. 149–163.
- Галоян М. Сначала Армению написал Сарьян, а потом Бог создал ее. Немного о Сарьяне // Radiovan. 2018-11-09. URL: <https://www.radiovan.fm/station/article/6691> (дата обращения: 24.12.2022).
- Гамзатов Р.Г. Берегите друзей: сборник стихотворений. Махачкала: Изд. дом «Эпоха», 2006. 179 с. URL: <https://iknigi.net/avtor-rasul-gamzatov/91756-beregite-druzey-rasul-gamzatov/read/page-2.html> (дата обращения: 24.12.2022).

- Из воспоминаний писателя Рафаэла Арамяна // Armenia Today | Новости Армении. 2017. 8 июля. URL: https://vk.com/wall288489542_1371 (дата обращения: 26.01.2022).
- Исаакян А. Собрание сочинений. Т. IV. Ереван: Айпетрат, 1959.
- Карасик В.И. Самовыражение через иную культуру: армянский текст в русской поэзии // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2022а. № 4(47). С. 143–157.
- Карасик В.И. Сюжетная символика армянских пословиц // Известия Смоленского государственного университета. 2022б. № 3(59). С. 80–89.
- Кончаловская Н.П. Цвет: стихи. М.: Сов. писатель, 1961. 88 с.
- Копштейн А.И. Армения. URL: https://www.rulit.me/books/sovetskie-poety-pavshie-na-velikoj-otechestvennoj-vojne-read-243590-113.html#section_576 (дата обращения: 25.11.2022).
- Кубатьян Г. Собиратели пространства // Дружба народов. 2000. № 11. URL: <https://magazines.gorky.media/druzhba/2000/11/sobirатели-prostranstva.html> (дата обращения: 26.01.2022).
- Лисянский М.С. Избранные произведения. В 2 т. Т. 1: Стихотворения. М.: Худож. лит., 1983. 463 с.
- Орлов С.С. Верность. Стихи. М.: Современник, 1973. 80 с. («Новинки “Современника”»).
- Павлова Л.В., Романова И.В. Синий цвет в армянском тексте русской поэзии (интерпретация данных программного комплекса «Гипертекстовый поиск слов-спутников в авторских текстах») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022а. Т. 15, вып. 12. С. 3732–3738.
- Павлова Л.В., Романова И.В. «Цветная» составляющая частотного словаря «армянского текста» // Litera. 2022б. № 12. С. 20–32.
- Рассказы Уильяма Сарояна, посвященные Мартиросу Сарьяну // Армянский музей Москвы и культуры наций. 2017. 4 ноября. URL: <https://www.armmuseum.ru/news-blog/2017/11/4/--4> (дата обращения: 26.01.2022).
- Рождественский Р.И. Избранные произведения. В 2 т. М.: Худож. лит., 1979. Т. 2. 469 с.
- Русская советская поэзия 50–70-х годов: хрестоматия / сост. И.И. Розанов. Минск: Вышэйшая школа, 1982. 703 с.
- Саакян Н. Мошь слова и неистовая кисть // Голос Армении. 2017. 31 мая. URL: <https://www.golosarmenii.am/article/54062/moshh-slova-i-neistovaya-kist> (дата обращения: 26.01.2022).
- Сапгир Г. Жар-Птица // Новый мир. 1996. № 4. С. 80–82.
- Сарьян С.Л. Мартирос Сарьян и русские писатели // Русская литература и журналистика в движении времени. 2019. № 1. С. 82–105.
- Слуцкий Б.А. Собрание сочинений. В 3 т. М.: Худож. лит., 1991. Т. 2. 541 с. URL: <https://flibusta.club/b/357919/read> (дата обращения: 25.11.2022).
- Советские поэты, павшие на Великой Отечественной войне. СПб.: Академический проект, 2005. 571 с. (Новая библиотека поэта). URL: <https://coollib.com/b/192421-nikolay-otrada-sovetskie-poetyi-pavshie-na-velikoj-otechestvennoy-vojne/read> (дата обращения: 25.11.2022).
- Созина Е.К. Локальный текст // Гуманитарная география. М.: Институт Наследия, 2010. Вып. 6. С. 288–290.
- Шафранская Э.Ф. Армянский текст: дети Иова // Полилингвильность и транскультурные практики. 2022а. № 3. С. 511–520.
- Шафранская Э.Ф. Армянский текст: стихи и проза // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2022б. № 6с. С. 135–143.
- Это Армения. Стихи русских поэтов. Ереван: Айастан, 1967. 178 с.

L.V. Pavlova

*Doctor of Philological Sciences,
Professor,
Literature and Journalism Chair,
Smolensk State University
Smolensk, Russia*

I.V. Romanova

*Doctor of Philological Sciences,
Professor,
Literature and Journalism Chair,
Smolensk State University
Smolensk, Russia*

The Consonance of Saryan and Armenia in the Perception of Russian Poets

In the local text proper names are always marked, especially if they have a high frequency. For the Armenian text of Russian poetry, such a name, the bearer of the cultural code is the name of the outstanding Armenian artist Martiros Saryan (1880–1972). Saryan and Armenia are forever «rhymed» in the perception of others. This «consonance» is played out many times in the mass consciousness, in memories, in criticism, in poetry. Saryan is usually perceived by representatives of other nationalities as the creator of the image of Armenia – unusual, but real. At the level of a lyrical plot, there is often a motive of discovering this country for the lyrical subject or a motive of insight. Rhymes in poems serve as the keynote of this plot. The artistic potential of Saryan's surname, which turned out to be in the position of rhyme, lies in his characteristics as an artist: his expression, creative manner, colors, visual effects, ability to grueling work.

Key words: *Russian poetry; Armenian local text; M. Saryan; rhyme.*

REFERENCES

- Amirkhanian M.D. Armenia in the Mirror of Russian Poetry [Armeniiia v zerkale russkoi poezii]. Erevan: Kopi Print, 2022. 662 p. (in Russian).
- Andreev S.N. (a) Distribution of Sensory Vocabulary in Local Armenian Texts of the XIX–XXI Centuries [Raspreделение sensornoj leksiki v lokal'nykh armianskikh tekstakh XIX–XXI vv.]. *Philological Sciences: Theory and Paracice*, 2022, no. 12, pp. 4066–4073 (in Russian).
- Andreev S.N. (b) Emotive Vocabulary in Local Texts about Armenia: a Quantitative Approach [Emotivnaia leksika v lokal'nykh tekstakh pro Armeniiu: kvantitativnyi podkhod]. *Quantitative Linguistics*, 2022, Issue 9, pp. 4–12 (in Russian).
- Antokol'skii P.G. Poems and Big Poems [Stikhotvoreniiia i poemy]. Leningrad: L.O. izd-va «Sovetskii pisatel», 1982, 784 p. (in Russian).
- Belyi A. Armenia: Essay, Letters, Memoirs [Armeniiia: Ocherk, pis'ma, vospominaniia]. Erevan: Sovet. grokh, 1985. 208 p. (in Russian).
- Bubnova N.V. Onomastic Space of Vyacheslav Ivanov's Text «The Rose of Transfiguration» [Onomasticheskoe prostranstvo teksta Viacheslava Ivanova «Roza preobrazheniia»]. *Psycholinguistics and Lexicography*, 2022, Issue 9, pp. 175–183 (in Russian).

Voznesenii A.A. Stained Glass Master [Vitrazhnykh del master]. M.: Molodaia gvardiia, 1976. 336 p. (in Russian)

Voloshin M. M.S. Saryan [M.S. Sar'ian]. *Maksimilian Voloshin. Collected Works [Sobranie sochinenii]*. Vol. 5. Moscow: Ellis Lak 2000, 2007. pp. 149–163. (in Russian)

Galoian M. At First Armenia was Written by Saryan, and then God Created it. A Little Bit about Saryan [Snachala Armeniiu napisal Sar'ian, a potom Bog sozdal ee. Nemnogo o Sar'iane]. *Radiovan*. 2018-11-09. Available at: <https://www.radiovan.fm/station/article/6691> (accessed: 24 December 2022) (in Russian).

Gamzatov R.G. Take Care of your Friends: a Collection of Poems [Beregite druzei: sbornik stikhotvoreniij]. Makhachkala: Izd. dom Epokha, 2006. 179 p. URL: <https://iknigi.net/avtor-rasul-gamzatov/91756-beregite-druzey-rasul-gamzatov/read/page-2.html> (accessed: 24.12.2022) (in Russian).

From the Memoirs of Writer Rafael Aramyan [Iz vospominanii pisatel'ia Rafaela Aramiana]. *Armenia Today | News of Armenia*. 2017-7-8. Available at: https://vk.com/wall288489542_1371 (accessed: 26.01.2022) (in Russian).

Isaakian A. Collected Works [Sobranie sochinenii]. Vol. IV. Erevan: Aipetrat, 1959 (in Armenian)

Karasik V.I. (a) Self-expression through a Different Culture: the Armenian Text in Russian Poetry [Samovyrazhenie cherez inuiu kul'turu: armianskii tekst v russkoi poezii]. *Theory of Language in Cross-cultural Communication*, 2022, no. 4(47), pp. 143–157 (in Russian).

Karasik V.I. (b) Plot Symbolism of Armenian proverbs [Siuzhetnaia simvolika armianskikh poslovits]. *Issues of Smolensk State University*, 2022, no. 3, pp. 80–89 (in Russian).

Konchalovskaia N.P. Color: Poems [Tsvet: Stikhi]. Moscow: Sov. Pisatel', 1961. 88 p. (in Russian).

Kopshtein A.I. Armenia [Armeniiia]. Available at: https://www.rulit.me/books/sovetskie-poety-pavshie-na-velikoj-otechestvennoj-vojne-read-243590-113.html#section_576 (accessed: 25.11.2022) (in Russian).

Kubat'ian G. Collectors of Space [Sobirатели prostranstva]. *Druzhba Narodov*, 2000, no. 11. Available at: <https://magazines.gorky.media/druzhba/2000/11/sobirатели-prostranstva.html> (accessed: 26.01.2022) (in Russian).

Lisianskii M.S. Selected Works: in 2 vols. Vol. 1. Poems [Izbrannye proizvedeniia: V 2-kh t. T. 1. Stikhotvoreniia]. M.: Khudozh. lit., 1983. 463 p. (in Russian).

Orlov S.S. Loyalty. Poems [Vernost'. Stikhi]. M.: Sovremennik, 1973. 80 p. («Novinki “Sovremennika”») (in Russian).

Pavlova L.V., Romanova I.V. (a) Colour Blue in the Armenian Text of Russian Poetry (Interpretation of Data of the Software System «Hypertext Search for Companion Words in Author's Texts») [Sinii tsvet v armianskom tekste russkoi poezii (interpretatsiia dannykh programmogo kompleksa «Gipertekstovyi poisk slov-sputnikov v avtorskikh tekstakh»)]. *Philological Sciences. Theory and Practice*, vol. 15, issue 12, pp. 3732–3738 (in Russian).

Pavlova L.V., Romanova I.V. (b) The «Color» Component of the Frequency Dictionary of the «Armenian Text» [«Tsvetnaia» sostavliaiushchaia chastotnogo slovaria «armianskogo teksta»]. *Lit-era*, 2022b, no. 12, pp. 20–32 (in Russian).

William Saroyan's Stories Dedicated to Martiros Saryan [Rasskazy Uil'iama Saroiana, posviashchennye Martirosu Sar'ianu]. Armenian Museum of Moscow and Culture of the Nation, 2017-11-4. Available at: <https://www.armmuseum.ru/news-blog/2017/11/4/-4> (accessed: 26.01.2022) (in Russian).

Rozhdestvenskii R.I. Selected Works in 2 volumes [Izbrannye proizvedeniia v 2 tomakh]. Vol. 2. M.: Khudozhestvennaia literatura, 1979. 469 p. (in Russian).

Russian Soviet Poetry of the 50–70s. A Textbook. Compiled by I.I. Rozanov [Russkaia sovet'skaia poeziia 50–70kh godov. Khrestomatii. Sostavitel' I.I. Rozanov]. Minsk: Vysheishaia shkola, 1982. 703 p. (in Russian).

Saakian N. The Power of the Word and the Frantic Brush [Moshch' slova i neistovaya kist']. *Golos Armenii*, 2017-5-31. Available at: <https://www.golosarmenii.am/article/54062/moshh-slova-i-neistovaya-kist> (accessed: 26.01.2022) (in Russian).

Sapgir G. Firebird [Zhar-Ptitsa]. *Novyi mir*, 1996, no. 4, pp. 80–82 (in Russian).

Sar'ian S.L. Martiros Saryan and Russian Writers [Martiros Sar'ian i russkie pisateli]. *Russian Literature and Journalism through Time*, 2019, no. 1, pp. 82–105 (in Russian).

Slutskii B.A. Collected Works in 3 volumes [Sobranie sochinenii v 3 tomakh]. Vol. 2. M.: Khudozhestvennaia literatura, 1991. 541 p. Available at: <https://flibusta.club/b/357919/read> (accessed: 25.11.2022) (in Russian).

Soviet Poets who Fell in the Great Patriotic War [Sovetskie poety, pavshie na Velikoi Otechestvennoi voine]. Saint Petersburg: Akademicheskii proekt, 2005. 571 p. (New poets library). Available at: <https://coollib.com/b/192421-nikolay-otrada-sovetskie-poetyi-pavshie-na-velikoy-otechestvennoy-voyne/read> (accessed: 25.11.2022). (in Russian)

Sozina E.K. Local Text [Lokal'nyi tekst]. *Humanitarian Geography [Gumanitarnaia geografiia]*. M.: Institut Nasledia, 2010. Issue 6, pp. 288–290 (in Russian).

Shafranskaia E.F. (a) Armenian Text: Job's children [Armianskii tekst: deti Iova]. *Polilingvial'nost' i transkul'turnye praktiki*, 2022, no.3, pp. 511–520 (in Russian).

Shafranskaia E.F. (b) Armenian Text: Poems and Prose [Armianskii tekst: stikhi i proza]. *Philological sciences. Scientific reports in the Higher School*, 2022, no. 6s, pp. 135–143 (in Russian).

This is Armenia. Poems of Russian Poets [Eto Armeniia. Stikhi russkikh poetov]. Erevan, Aiastan, 1967. 178 p. (in Russian).

А.Ф. Лицарева

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Москва, Россия*

УДК 398.1

DOI 10.35785/2072-9464-2023-61-1-18-34

ОБРАЗ ЖЕНЩИНЫ В БЕЛОМ В УСТНЫХ НАРРАТИВАХ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ: МОТИВЫ, СЮЖЕТЫ, ФУНКЦИИ

Ключевые слова: *женщина в белом; Великая Отечественная война; устные нарративы; мотивы; сюжеты; функции; фольклор.*

Предметом изучения в статье являются образ женщины в белом и его модификации. Материалом послужили собственно устные нарративы о Великой Отечественной войне, а также их трансформация в художественных и публицистических текстах. Актуальность связана с тем, что, несмотря на частое обращение ученых к этому образу, он недостаточно полно описан. Цель анализа состоит в систематизации взглядов на генезис и трактовку данного персонажа (от персонификации болезней, смерти, войны до облика святой или Богородицы), выделении основных функций, образов, мотивов и сюжетов. Также описываются характерные особенности женщины в бе-

лом (внешний вид, действия и их последствия). Дискуссионным остается вопрос о происхождении персонажа, в связи с чем приводятся различные трактовки. Кроме того, дан анализ женщины в белом как персонажа современного городского фольклора (прежде всего в молодежной среде), проводятся некоторые параллели со схожими героями в других культурах (Юки-онна, банши), что может стать интересной перспективой развития темы, особенно в ракурсе сравнения с сюжетами традиционного фольклора.

В рассказах о Великой Отечественной войне нередко фигурирует образ женщины в белом (иногда – в черном, красном, в одних рейтузах, в прозрачной или рваной одежде, в лохмотьях, реже – голой бабы, белой бабы). Порой она плачет, причитает, как по покойнику, оплакивает кого-то, воспринимая страшное будущее как данность. Иногда указывается наличие платка на голове или, наоборот, упоминаются распущенные волосы (что связано с мотивами безумия, юродства, а одной рассказчице дало основание идентифицировать незнакомку как русалку). Иногда есть указание на возраст: старуха, старушка. Могут быть гендерные модификации (является мужичок, старик, иногда – с крыльями). В связи с этим трактовка образа частично изменяется. Так, в текстах, в которых женщина в белом интерпретируется как Богородица, старичок вызывает ассоциации со святым. Традиционно подобный персонаж является путнику (с появлением машин – шоферу), чтобы сообщить страшную весть.

Помимо таинственной незнакомки (или незнакомца) путник зачастую видит предметы, трактовку которых дают его родные (чаще всего мать) или тот, кто встретился на пути. Иногда символику предметов (платки разных цветов, ведро с кровью, бадья с сырым мясом, мешок с зерном, колосья и проч.) толкует сам очевидец, как правило, постфактум, после начала войны. Кроме того, есть тексты, в которых путник встречает зооморфного персонажа: в диалог с ним вступает худой волк, корова, крокодил, чудовище. «“Предвестник в белом” являлся одним из самых популярных персонажей народных поверий, особенно в XIX–XX вв.» [Шапарова, 2003, 67].

Цель – анализ образа женщины в белом (и его модификаций) в устных нарративах о Великой Отечественной войне: обзор интерпретации данного персонажа разными исследователями, описание наиболее частотных мотивов, сюжетов, функций. В данной статье мы рассматриваем образ женщины в белом в разные периоды войны, накануне известия о войне и сразу после ее окончания.

Задачи: найти записи рассказов о женщине в белом, связанные с Великой Отечественной войной, по возможности сделать свои; изучить историю вопроса; систематизировать полученную информацию; проанализировать корпус текстов о женщине в белом; сделать выводы о функциях персонажа, мотивах и сюжетах, связанных с ним.

Методологической базой исследования послужили сравнительно-исторический, структурный и типологический методы, метод сравнения вариантов. На методическом уровне использованы приемы систематизации и анализа фольклорной прозы.

Материалом стали записи из личного архива (ЛАЛ), тексты из архива фольклорных экспедиций кафедры русского устного народного творчества филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (АКФ), научные и публицистические статьи, монографии, тематические сборники. В качестве дополнительного материала, обогащающего содержание работы и подтверждающего частотность определенных мотивов и сюжетов, привлекается художественная литература, а также размещенные в сети Интернет истории (как правило, относящиеся к жанрам быличек, легенд, преданий).

Актуальность обусловлена как возросшим интересом общества в России к теме Великой Отечественной войны, так и изучением устных рассказов о войне (значительная часть материала основана на подобных записях). Предмет исследования актуален, так как его проблематика связана с различными аспектами, основными из которых являются фольклорный, культурологический, религиозный, этнографический, психологический.

Несмотря на частое упоминание данного персонажа в научных статьях в последние годы, до настоящего времени не было систематизации трактовок образа женщины в белом. В нашей статье выделены основные группы толкований, согласно мнению исследователей и информантов.

Этот персонаж встречается в указателе В.П. Зиновьева, входит в число вестников судьбы: «Женщина в белом (в красном) предсказывает войну, голод и другие... Человек в белом (женщина в черной шали, собака) предвещает болезнь, смерть...» [Мифологические рассказы, 1987, 320]. Основные *функции* следующие: предсказывать «как грядущие несчастья в судьбе одного человека (или его семьи), так и беды, касающиеся всех жителей страны» [Балашова, 2012, 47]. Причем если отнести женщину в белом к персонажам низшей демонологии, то ее с остальными существами «объединяют способы причинения вреда человеку и собственно осуществления насильственных актов», главным из которых становится «психологическое и гипнотическое воздействие» [Арутюнов, 2020, 117]. Таким образом, важной функцией является нанесение вреда людям. Как в сказках, таинственная незнакомка дает задание или поручение. Обычно оно связано с покупкой для нее ткани или одежды. В большинстве нарративов лишь после выполнения или невыполнения задания незнакомка сообщает о грядущем страшном событии – войне. Причем порой дальнейшее зависит от особенностей действий человека (дали вытереть лицо новым полотенцем – войне еще долго длиться, надо было предложить старое).

Аналогичный сюжет встречается в мирное время. В числе просящих вещь могут быть цыганка, нищий, старик. Например, в быличке, записанной в

Пермской области, встретившийся нищий предсказал страшные события, которые можно трактовать и применительно к Великой Отечественной войне, и применительно к ряду событий послевоенного времени (в том числе локальным конфликтам). *Подруга моя рассказывала. У нее брат был. Первая жена у него умерла. Пошли они на кладбище, на могилку. Перед ними нищий появился, грязный такой, говорит: «Вы бы мне рубашку дали». Они пошли в бюро похоронное и купили ему рубашку. Он ее развернул и говорит: «Лучше вы мне старую дали, а то теперь молодежь будет умирать, а старые жить». И с глаз долой. А ведь так и есть* [Куединские былички, 2004, 103].

В гендерных трансформациях вестника говорящее человеческим голосом чудовище (или животное, например волк или тощая корова) также просит накинуть на него ткань. И далее объясняет, что если бы человек накинул на голову, то война бы только начиналась, а если накинуть на середину туловища, будет длиться не очень долго, при накидывании на хвост война могла быстро закончиться.

Таким образом, ответственность за начало войны (развязывание кровопролитных событий) частично ложится на того, кто выполнил или не выполнил поручение. Известие о начале войны может быть воспринято и как награда (рассказ о ближайшем будущем в обмен на некое действие).

В то же время в текстах, рассказчики которых соотносят вестницу с Богородицей, вместо мотивов причинения вреда людям (кликушество, способность «накаркать» злую весть, устрашение) появляется мотив оплакивания их судьбы, а весть воспринимается как предостережение. В связи с этим причиной начала войны называют массовое отречение людей от Бога (атеизм, закрытие церковей, репрессии против священников, уничтожение икон и проч.).

Иногда таинственная незнакомка (незнакомец) является во сне, причем не только накануне войны, но и во время войны, а также после ее окончания (может быть связана с военными событиями). В связи с этим реализуются новые функции данного персонажа: предупредить, помочь.

Появление женщины в белом в ее разных ипостасях (нагой, в черном, в красном, в одних рейтузах, в одежде старушки и т.п.) может сочетаться с другими приметами войны, когда жители отмечают изобилие яблок, грибов, большое количество белок. Например, когда местные жители с плохим предчувствием наблюдали за природой и ждали беды, женщина «в костюме Евы» явилась изо ржи едущим в машине людям в случае в д. Село Духовщинского р-на Смоленской области [Балашова].

О.В. Белова полагает, что «наиболее популярным мотивом фольклорных “проphetических” нарративов является мотив встречи на дороге (с неизвестной женщиной, стариком, животным), в результате которой человеку открывается знание о будущем» [Белова, 2013б, 205]. Нагота персонажа обычно связана с тем, что все отобрали враги (так иногда объясняет

это сама незнакомка). В то же время здесь можно увидеть отсылку к нездешности, потусторонности существа, которое не следует общепринятым правилам и традициям.

Символика цвета одежды незнакомки (при ее наличии) также важна для толкования образа. *Белый цвет* одежды объединяет таинственную женщину с другими фольклорными персонажами, например ржаницей, полудницей. Он связан и с тем, что данный персонаж предстает перед человеком как наяву, так и во сне, поскольку «белый цвет одежды является характерным признаком умерших персонажей в нарративах о снах» [Лазарева, 2020, 170]. Кроме того, белый цвет «символизирует бестелесность, сакральность, принадлежность... “иному миру”» [Лазарева, 2020, 171]. Он имеет как положительные, так и отрицательные коннотации. «Возможно, негативная оценка белого цвета связана с тем, что некоторым славянским народам белый известен как цвет траура. Именно белый цвет часто имеет смертная одежда (саван). Кроме того, белые одежды характерны для духов, мифологических персонажей. Однако белый цвет имеет и позитивную оценку в традиции снотолкования (в оппозиции черному цвету): одевать кого-либо в белую одежду – хвалить, в черную – к покойнику; одеваться в белое – хорошо, в черное – плохо... Ничего хорошего не предвещает и *красный цвет* платья: “Женщине видеть на себе красное платье – быть от мужа виноватой или битой”... В традиционной культуре красный часто противопоставляется белому цвету (небелое, “окрашенное”, “темное”») [Живица, 2005, 160–161].

Любопытен рассказ о казавшейся в лесу женщине *в красном*: *Перед войной видели у нас тут в лесу женщину в лесу. Пошли. Видят, сидит на пенечке незнакомая женщина, вся в красном, плачет, сидит. Это к войне казалось...* Символический смысл упомянутого красного как демонического проясняет отмеченный в Прикамье запрет на одежду красного цвета в войну: *Красну юбку носить нельзя женщине, которая мужа проводила на фронт, а то мужа на войне убьют* [Подюков, Свалова, 2013, 21].

Черный цвет вызывает ассоциации не только с inferнальными силами и грязью, но и с монашеским одеянием, цветом земли. Среди описаний явившейся накануне войны незнакомки есть следующие детали: *огромный темный силуэт, который напоминал фигуру женщины в черной одежде*, появление которого сопровождалось страшными звуками – лязгом оружия, плачем, стонами [Бутов, 2020, 49].

Иногда *описание незнакомки* детализируется. Но в целом это абстрактный образ, словно описанный несколькими мазками кисти, то есть без запоминающихся примет. Она неожиданно появляется и исчезает. В статье мы рассматриваем самые распространенные трактовки данного персонажа.

Богородица в традиционных сюжетах нередко является в облике нищей старушки, в том числе во время войны. В некоторых легендах оказавшие ей помощь (дали последнее одеяло, отдали лучшую одежду погибшего

мужа) позже узнают незнакомку на иконе. Она даже может укрывать отданной ей одеждой или подаренным одеялом младенца, не сходя с иконы, дав понять, кому в действительности помогли, то есть действия незнакомки оказывались проверкой душевных качеств людей.

Данная трактовка образа частотна в последнее время. Предвестником Великой Отечественной войны становится плачущая Божья Мать, явившаяся нагой в большинстве случаев, зачастую просящая ткань или одежду, реже – полотенце, о чем уже говорилось ранее. Согласно одному из нарративов, когда началась война, Божья Мать вся в слезах явилась на землю, умылась и попросила полотенце вытереть лицо. Ей дали новое полотенце, поэтому слышали слова о долго длящейся войне. Если бы дали вытереться заношенным полотенцем, война могла закончиться быстрее [Чайкина, 2020, 51]. «Оскудение женской, прокреативной сферы связано непосредственно, по народным представлениям, с избытком жизненной силы-энергии в сфере мужской, что и приводит к неизбежной войне. За нарушением нормы с неизбежностью следует расплата с последующим оскудением уже мужской сферы» [Рыблова, 2012, 183].

Герой еще одной истории, когда ему было 16 лет, шел на рынок по поручению матери, а на обратном пути спрятался от внезапной бомбежки, но вышел из безопасного места, чтобы спасти двух мальчишек. Действие происходило во время Сталинградской битвы. *И тут, среди дыма, копоти и запаха гари, дед увидел перед собой женщину в чистой белой одежде без единого пятнышка (что, как сами понимаете, было весьма удивительно после бомбежки), она подошла к нему, улыбнулась и сказала следующую фразу: «Ты выжил, потому что был в окружении ангелов». После этого она развернулась и пошла в другую сторону, быстро скрывшись из виду среди пыли и развалин* [Дедушкины истории о войне].

В другом сюжете, связанном с образом Богородицы, раненый солдат увидел, как по лестнице с неба спустились красивая молодая женщина в белом и мужчина в черном с кадилом и книжкой, поющие другим за упокой, а рассказчику – за здоровье, после чего он провалился в беспамятство [Подоюков, Свалова, 2013, 20].

В «Непридуманных рассказах» речь идет о спасении путников на краю пропасти: женщина в белом явилась на краю обрыва, благодаря чему успели затормозить, когда заблудились в темноте. Ее отличительные черты – «высокая, в белом», впечатление от ее появления у персонажей – «от нее аж мороз по коже», «страх, доходящий до смертного ужаса, особенно от предостерегающе раскинутых рук» [Православные чудеса, 1993, 70]. Объяснение образа рассказчиками: «Кто же мог быть еще, как не Мать Божья?!» [Православные чудеса, 1993, 71]. В тот раз в двух грузовиках везли детей в эвакуацию, с ними ехал грузовик с продуктами [Православные чудеса, 1993, 66–71].

В годы войны был известен сюжет о *помощи решившемуся от безысходности на самоубийство человеку* незнакомки или незнакомца, вселившего надежду своими словами и накормившего или угостившего хлебом отказавшегося от своего намерения несчастного. Сюда относится нарратив о том, как получившая похоронку на мужа и не зная, чем кормить детей, женщина увидела возле сделанной ею петли незнакомку, отличительные черты которой были следующие: «вся в белом, огромная, вокруг головы как кольцо – сияние» [Подюков, Черных, Хоробрых, 2006, 143]. Здесь «в описании ее отчетливы черты Богородицы, покровительницы женщин» [Подюков, Черных, Хоробрых, 2006, 143]. Женщина протянула руки и велела несчастной вдове уходить из того места.

Соответственно, в текстах, в которых фигурирует мужчина, может появляться толкование незнакомца не только как юродивого или пророка, но также как *святого* и даже *Бога*. «Когда была война и в селе Летки стояли немцы, баба Дидовычка говорила, что ей снился сон, будто *ее улицы, Песком*, идет дед, весь в белом, одетый как сеятель, с сумкой через плечо, и сеет жито [рожь] <...> Тогда *этот сон истолковали, что улица, может, не очень пострадает от врагов*» [Лазарева, 2020, 72]. Здесь информанты объясняют появление старика так: «в образе старца человеку может явиться Бог» [Лазарева, 2020, 72]. Объяснимо это тем, что «поступки и внешний облик деда (сеет жито, выглядит как сеятель) представлены как пророчество. Засевание улицы – странное занятие (улица – не поле, она не предназначена для выращивания хлеба), поэтому оно привлекает к себе внимание, требует интерпретации. При этом сеяние зерна – акт созидания», а жито здесь связано с жизнью, в том числе на основе созвучия [Лазарева, 2020, 73].

Иногда интерпретация образа в военные и послевоенные годы совпадает: *И полно историй, как женщина в белом выводила из леса на торную тропу и исчезала. С самой такое было, когда было мне лет 6. Женщина издали сделала мне знак идти за ней из болота, и я шла след в след, только в нескольких шагах от меня женщина как бы посторонилась, давая мне пройти, но куда девалась – совершенно непонятно: лес просматривался далеко, сухая тропа была под ногами, а ее не было. И звали, и искали – ничего. Народ говорит, что это Богородица* [Кузьмина]. Сами поисковики образ интерпретируют не только как явление Богородицы или судьбы, но и как появление духа убитой фашистами девушки.

О *современной интерпретации* этого персонажа уместно говорить из-за появления образа женщины в белом в *фольклоре поисковиков*. Это важно в связи с восприятием представителями поискового движения себя в качестве продолжателей дела воинов Великой Отечественной войны, «похоронной команды» [Балашова, 2014, 59–70]. Незнакомка просит подвезти; появляется на месте гибели солдат или там, где находятся боеприпасы; показывается на краю оврага (с целью заманить в него или заставить отойти,

что зависит от поступков человека): *Я писала о том, как ездили за еловым лапником и встретили женщину, у которой под белой одеждой угадывались сапоги не по размеру. Ее вид настолько напугал водителя, что он отказался возвращаться в город той дорогой. А весной на том месте, где она голосовала, была найдена кучка взрывоопасных предметов* [Кузьмина].

Не всегда незнакомка может помочь. Часто она лишь плачет по покойникам (в том числе живым на тот момент людям, которые вскоре погибнут). В некоторых белорусских деревнях «содрогавшаяся от рыданий женская фигура появлялась накануне расстрелов во время оккупации» [Бутов, 2020, 49]. После войны люди видели у домов, в которых были погибшие, сгорбленную плачущую женщину в белых полотнах [Воронцов, Касимов, 2015, 297]. Здесь видим *мотив оплакивания погибших*, который встречается и в ряде текстов военных лет (когда величественная дама, монахиня или старушка идет по полю боя и оплакивает погибших солдат). Также иногда плачет встретившаяся путникам накануне войны незнакомка.

Существует трактовка этого образа как олицетворения *смерти*. Классическая деталь, знакомая по сказкам, – наличие в руках косы. Перед войной зимой голая женщина с косой на плечах встретила ехавшему на мельницу мужчине, пообещала покосить все. При этом незнакомка держала за руку маленького ребенка [Бутов, 2020, 49]. «Женщина в белой одежде или “белая женщина” – распространенный образ персонифицированной смерти, появление которого во сне предвещает смерть» [Лазарева, 2020, 170]. Среди логичных объяснений функций данного персонажа – осознание того, что «любая война естественным образом ассоциируется в сознании простого человека со смертью, болезнями, голодом, холодом и увечьями» [Касимов, 2019, 158]. Таким образом «в быличках, связанных с темой войны, военных лет, ухода в армию, трансформируются и сливаются традиционные образы Солдата и Смерти» [Касимов, 2014, 97].

Сгорбленная фигура женщины и плач стали ее опознавательными особенностями в некоторых послевоенных быличках. При этом на обычные действия людей она не реагирует, словно находится в другом пространстве. *После войны это было. Во многих домах, в деревнях видели сгорбленную фигуру женщины, обернутую в белые полотна. А по ночам слышались странные звуки в домах, так, как будто плакал кто-то. Мужики, чтобы избавиться от видения, чего только не делали – и молитвы читали, и из ружей стреляли прямо в доме, туда, где фигура появлялась или звуки странные. Может, это домовый был, а может, и смерть приходила, говорили старики* [Касимов, 2014, 98].

Идентифицируют женщину в белом и с *русалкой*. Женщина с длинными распущенными волосами в белой рубашке, которая быстро передвигается, при этом может создавать вокруг себя сильный вихрь, в Калужской области воспринимается как русалка. Рассказчица видела ее перед войной

[Балашова, 2013, 16–17]. В нарративе о вещем сне, предвещающем конец войны, тот же информант аналогично описывает летящую русалку. В военные годы рассказчицу угнали в Германию, где она полюбилась хозяйке за хорошую работу. Загадавшая желание девушка смогла дать правильный ответ на просьбу русалки нарисовать ей землянику, сославшись на отсутствие карандаша и бумаги, вследствие чего была награждена словами о конце войны, что наутро подтвердилось [Гурова]. Таким образом, помимо преобладающего количества сюжетов о предсказывании начала войны встречаются тексты о том, как незнакомка предсказывает и ее окончание. Но в целом данный сюжет нетипичен для подобных нарративов.

Информантка вспоминала и рассказ соседки о ее встрече с русалкой: та была в белой рубахе, выше леса. Перед войной женщина нашла в лесу плачущего голого младенца, решила, зная местные поверья, что это ребенок русалки, оторвала рукав от своей рубахи и спеленала его. Позже ей встрети­лась русалка, пообещавшая выполнить любое желание в качестве благодарности за поступок. Женщина ответила, что у нее все есть, было бы здоровье у сына. Тогда русалка предсказала в скором времени войну и пообещала, что спасительница ее ребенка вместе с сыном в войну выживут, а после войны сын будет успешен в работе, что и реализовалось [Гурова].

Есть версия, что женщина в белом – привидение, дух (душа) погибшего человека, у которого по каким-либо причинам в мире ином не получилось обрести покой. М.В. Станюкович, обращаясь к Энциклопедическому словарю Брокгауза и Ефрона, относит Белую женщину к привидениям, а в числе версий ее происхождения называет строительную жертву [Станюкович, 2018, 299].

Согласно легенде, в бывшем губернаторском доме в Смоленске живет привидение – полупрозрачная женщина в белом, гуляющая по зданию в темное время суток. По одной из версий, дама погибла в 1812 году, когда Наполеон Бонапарт сделал этот дом своей резиденцией. Автор статьи утверждает, что именно трагические события многочисленных войн служат основным источником предполагаемого появления различных призраков. «Слишком уж много непогребенных защитников города, а следовательно, не нашедших покоя их душ обитает на этой земле» [Савенок, 2016, 22]. В качестве примера потусторонних звуков приведены легенды о голосах и столах, якобы слышимых за мемориалом в парке Реадовка [Савенок, 2016, 24]. Их приписывают душам смолян, расстрелянных в этом месте во время оккупации Смоленска гитлеровскими войсками.

В послевоенные годы, в частности в наши дни, в молодежной среде, прежде всего, популярны былички о *явлении женщины в белом близ дома человека, который вскоре умрет, или самому человеку незадолго до его кончины*. Некоторые рассказчики именуют их пионерскими страшилками, байками из пионерских лагерей, хотя в последние годы логичнее говорить о

сетевом бытовании подобных текстов в группах и сообществах по интересам. Воспринимается этот персонаж и как ночное видение [Ночное видение]. Частотны нарративы о незнакомке, именуемой рассказчицами «попутчицей-призраком», мстящим фантомом.

Автор другой статьи, знакомый с некоторыми текстами о женщине в белом, обобщил полученную информацию о явлении незнакомки «перед какими-то важными, решающими, часто, но не всегда, трагическими событиями в жизни людей. Многие предполагают, что это Смерть является людям в таком облици. Некоторые люди думают, что это Ангел – вестник плохих или хороших событий. А некоторые верят, что это Сама Любовь в белых одеяниях, просто гуляет по свету» [Женщина в белом одеянии], дополняя своим рассказом. В нем речь идет о том, как мать рассказчицы перед смертью видела плывшую по воздуху женщину в белом, которая погладила тяжелобольную женщину, словно успокаивая.

В Европе образ женщины в белом ассоциируется с *болезнями, вызывавшими эпидемии*. «Представляется, что сюжет про голую (в белом, оборванную) женщину, которая просит шофера привезти ей одежду, а затем предсказывает гибель, генетически связан с широко распространенным западноевропейским сюжетом об антропоморфном духе болезни – чуме, лихорадке, оспе, коровьей смерти – через близкие русским восточно- и южнославянские варианты, известные в записях XIX в.» [Петров, 2013, 194].

Наиболее известна в связи с этим версия из художественной литературы (и экранизации повести В.М. Шукшина «Живет такой парень»): «Это не *смерть* была, это *любовь* по земле ходит» [Шукшин, 1992, 47], поскольку белый цвет также вызывает ассоциации с подвенечным платьем невесты: «А зачем тебе белое-то? Ты что, замуж вы...» [Шукшин, 1992, 30].

С данными сюжетами могут быть связаны былички о явлении погибшей невесты (движимой ненавистью или мстью живым людям, в основном – мужчинам) в подвенечном платье водителю с его последующей гибелью.

Любопытно сопоставить данный образ с персонажами из других культур, например, ирландской банши или японской Юки-онна, а также бретонской Анку. Книга «Мифология и фольклор Ирландии» состоит из двух частей. Первая – перевод ирландской работы о банши (вестнице смерти), написанной известной фольклористкой П. Лайсафт. Вторая – осмысление изложенного ею материала с точки зрения современной отечественной фольклористики, этнолингвистики и типологии текста Т.А. Михайловой. В качестве приложения помещен очерк А. Мурадовой об Анку – вестнике смерти бретонского фольклора [Михайлова, Мурадова, Лайсафт, 2007, 179]. Кстати, в современном городском фольклоре, а также в легендах, связанных с образами женщин в белом не в русской культуре, в незнакомок нередко влюблялись мужчины (Юки-онна даже могла стать женой человека и исчезнуть, после того как он проболтался ей же о встрече с ней) [Юки-

онна]. В связи с интересом исследователей к схожим персонажам в разных культурах перспективой дальнейших исследований становится как изучение образа женщины в белом в разных культурах, так и сопоставление функций данного существа в разные эпохи и при разных обстоятельствах. В качестве образца можно использовать статью М.В. Станюкович о Белой даме на Филиппинах, в которой также представлены некоторые версии легенд об этом духе (так его трактует автор) в Европе, в том числе в России [Станюкович, 2018].

Т.Б. Щепанская в статье о зафиксированных во время экспедиций мифологических персонажах упоминает дорожницу – «женщину под два метра ростом, в белой одежде. Дорожница – персонаж мифологии местных водителей. По поверьям, она появляется перед опасностью, чтобы предупредить водителя (о пропасти, завале или размыве), а иногда воспринимается, наоборот, как предвестница беды» [Щепанская, 2006, 336]. Подобный сюжет «может относиться и к послевоенным испытаниям (то есть знаки-предвестия сохраняют свою силу как универсальные знаки бедствий)» [Белова, 2013а, 229]. Вероятно, свое именование персонаж получил по месту обитания согласно традиционной модели (по аналогии с домовым, банником, овинником, ржаницей и проч.). Функции дорожницы и упоминаемой далее Белой женщины совпадают с функциями женщины в белом. Здесь персонажу не приписываются черты небесных существ, как и во многих других быличках. Кроме того, «традиционные версии легенды предполагают, что женщина в белом выходит из могилы, является *водной нимфой или ведьмой*, но не принадлежит небесной сфере» [Смит, 2004, 293].

Иногда рассказчики *затрудняются с толкованием образа незнакомки*. При этом они нередко описывают ощущения, возникшие при встрече с ней, или последствия встречи. Например, солдат был предупрежден о летящем снаряде, успел выйти из окопа и увести подальше сослуживцев. *Прадеду во время войны, когда его часть находилась в окружении, во сне два раза являлась женщина “во всем белом”*. *Подробности неизвестны, но он говорил, что ему не было страшно, он не ощущал угрозы или опасности, исходящей от нее* [Хомков].

Женщина в белом могла являться и *в послевоенное время*, но быть непосредственно связанной с событиями войны. Еще один интересный эпизод, вокруг которого рассказчик строит повествование о тех годах в судьбе своих родных.

В моей семье есть одна любопытная легенда. Ее рассказывала бабушка. Однажды, это было в 1947-м, ей не спалось. Она лежала с открытыми глазами, смотрела в потолок и плакала. Ее любимый муж, отец троих оставшихся в живых детей (всего было пятеро), не вернулся домой с войны. «Похоронки» не получали, писем тоже не было. <...>

*А в ту самую ночь произошло следующее. Тишину ничто не нарушило, но подул легкий ветерок. <...> Прямо перед ней появилась **женщина в белом – красивая, полупрозрачная, парящая над землей**. «Боже, что это?» – у Матрены не было ни страха, ни слов. Было непонятно и все. Женщина сразу заговорила: «Не плачь! Твой муж вернется, обязательно вернется. Когда пойдет желтый снег, он придет, вот увидишь. Не плачь!»*

*В воздухе повисла тишина, и **светлый силуэт** качнулся где-то над потолком [Федотова, 2010].*

Иногда рассказчик затрудняется с воспоминанием о том, была ли незнакомка в белой одежде, при пересказе она оказывается то просто девушкой, то девушкой в чем-то белом. *Нечто похожее было с одним солдатом. <...> Однажды ему **приснилась красивая девушка**. Она ему сказала, чтобы он непременно... **сдружился с одним своим товарищем**... знакомым. И вот он с этим товарищем сдружился и все время был с ним рядом. И отделился от своего прежнего друга. И однажды во время бомбежки бомба попала в того друга, с которым он прежде дружил [Белых].*

Таким образом, в устных рассказах о войне женщина в белом выполняет следующие *функции*: вестник (известие всегда негативное, часто страшное, подается в символической форме), предсказатель начала войны и судьбы конкретного человека, таинственный помощник. Персонаж преимущественно связан с предсказанием дурных вестей или предупреждением об опасности. В рассмотренных сюжетах женщина в белом оказывается существом из иного мира: может видеть или даже создавать, трансформировать будущее – как отдельного человека, так и целого народа или даже жителей страны.

С этим образом связан ряд мотивов. Речь идет, прежде всего, о *мотиве* оплакивания погибших солдат таинственной женщиной. Также в быличках или легендах о святых с появлением женщины в белом часто возникают мотивы предупреждения о скорой гибели или грядущем бедствии либо, наоборот, чудесного спасения, предотвращения беды.

Данный образ исследователи вопроса и информанты идентифицируют как с персонификацией смерти, болезни, войны, образом русалки, так и с образом Богородицы. Также это может быть, согласно толкованию рассказчиков, представитель нечистой силы («поможет, но душу заберет») или ангел-хранитель. По одной из версий, это душа предка: предупреждает об опасности, в том числе крутом обрыве. Толкования варьируются: речь идет и о представителях низшей демонологии, и о святых.

В целом логично предположить, что некогда отрицательный персонаж, вредящий человеку или приносящий плохие вести, со временем стал приобретать черты, характерные для героев не из низшей демонологии, а, наоборот, из небесной сферы, особенно в связи с тем, что длительное время атеизм был признан официальной заменой религии.

ЛИТЕРАТУРА

Арутюнов А.Г. Насилие, употребляемое персонажами отечественной демонологии, как фактор восприятия насилия в культуре и религиозной картине мира // Религия и контексты: коллективная монография по материалам Всероссийской научной конференции. Бюллетень Центра этнорелигиозных исследований. 2020. № 1–4. С. 114–125.

Балашова А.Ф. Образ женщины в белом в быличках о начале войны // Славянский мир: письменность и культура: материалы XX международной научной конференции (24–25 мая 2011 г.). Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2012. Т. 13. С. 39–47.

Балашова А.Ф. Природные и метеорологические приметы войны // Фольклор и пост-фольклор: структура, типология, семиотика. URL: <https://ruthenia.ru/folklore/folklorelaboratory/Balashova.htm> (дата обращения: 15.06.2022).

Балашова А.Ф. Рассказы о русалках из поселка Бетлица // Живая старина. 2013. № 3. С. 16–17.

Балашова А.Ф. Сюжеты преданий о кладах в повествовательной структуре устных рассказов поисковиков // Известия Смоленского государственного университета. 2014. № 2(26). С. 59–70.

Белова О.В. Легенды о войне: архетипы в современных фольклорных нарративах // Проблемы истории России. Екатеринбург: Волот, 2013а. Вып. 10: Исторический источник и исторический контекст. С. 227–235.

Белова О.В. Рассказы о знаменьях войны из Брянской области: к вопросу о типологии // Материалы II международной научной конференции «Западный регион России в международных отношениях X–XX вв.» (Брянск, 28–30 ноября 2013 г.) / ред. С.И. Михальченко, А.А. Чубур. Брянск: БГУ им. акад. И.Г. Петровского, 2013б. С. 203–211.

Бутов И.С. «Будзе законна вайна»: Белорусские материалы о предвестиях Великой Отечественной войны // Живая старина. 2020. № 2. С. 48–51.

Власова М. Русские суеверия: энциклопедический словарь. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. 736 с.

Воронцов В.С., Касимов Р.Н. К вопросу бытования некоторых современных фольклорных символов, связанных с Великой Отечественной войной // Вестник экономики, права и социологии. 2015. № 4. С. 297–299.

Дедушкины истории о войне // Реальные страшные мистические истории. URL: <https://strashno.com/istoriya-2014/dedushkiny-istorii-o-vojne/> (дата обращения: 10.11.2016).

Женщина в белом одеянии // Страшные истории. URL: <https://4stor.ru/histori-for-life/112684-zhenschina-v-belom-odeyanii.html> (дата обращения: 14.05.2022).

Живица Е.Ю. Русская традиция толкования слов // Знание. Понимание. Умение. 2005. № 1. С. 158–166.

Касимов Р.Н. О бытовании в сознании современных людей представлений, связанных с мифологемой «Войны и Мира» // Modern Science. 2019. Т. 1, № 5. С. 156–160.

Касимов Р.Н. Специфика формирования и бытования мифологического сознания: от традиционной культуры к современности // Иднакар. 2014. № 5. С. 96–110.

Куединские былички: Мифологические рассказы русских Куединского района Пермской области в конце XIX – XX вв. / сост. А.В. Черных; авт. вступ. статьи О.И. Васнева, А.В. Черных. Пермь: Изд-во ПОНИЦАА, 2004. 114 с.

Лазарева А.А. Толкование сновидений в народной культуре. М.: РГГУ, 2020. 257 с.

Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири / сост. В.П. Зиновьев. Новосибирск: Наука, 1987. 401 с.

Михайлова Т.А., Мурадова А.Р., Лайсафт П. Банши. Мифология и фольклор Ирландии. М.: ОГИ, 2007. 179 с.

Ночное видение // Страшные истории. URL: <https://4stor.ru/histori-for-life/44278-nochnoe-videnie.html> (дата обращения: 10.05.2022).

Петров Н.В. Как баба в белом войну предсказала: эсхатологические настроения в СССР // Мифологические модели и ритуальное поведение в советском и постсоветском пространстве: сб. статей / сост. А. Архипова. М.: РГГУ, 2013. С. 188–199.

Подюков И.А., Свалова Е.Н. Образ войны в народном представлении (по диалектным и фольклорным материалам Прикамья конца XX – начала XXI в.) // Вестник Пермского университета. Серия: Российская и зарубежная филология. 2013. Вып. 3(23). С. 17–27.

Подюков И.А., Черных А.В., Хоробрых С.В. Земля Соликамская. Традиционная культура, обрядность и фольклор русских Соликамского района. Усолье: Пермское книжное издательство, 2006. 224 с.

Православные чудеса в XX веке. Свидетельства очевидцев. М.: ТРИМ, 1993. 381 с.

Рыблова М.А. «Устная история» донских казаков в полевых этнографических исследованиях // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2012. № 1. С. 177–185.

Савенок А. Тайны, легенды, преданья и поверья смоленской земли // О чем говорит Смоленск. 2016. № 21. С. 20–25.

Смит С. Небесные письма и рассказы о лесе: «суеверия» против большевизма // Антропологический форум. 2004. № 1. С. 280–306.

Станюкович М.В. Белая дама и ее либрета // Фольклор и антропология города. 2018. Т. I, № 1. С. 298–316.

Федотова Н.Ю. Дедушка Веремейчиков Михаил Васильевич // Когда стоим у Вечного огня... / ред.-сост. И.В. Ключева. М.: Изд-во Колледжа гостиничного хозяйства «Царицыно» № 37, 2010. С. 55–57.

Чайкина М.А. Рассказы о предзнаменованиях войны в Себежском районе Псковской области // Живая старина. 2020. № 2. С. 51–53.

Шапарова Н.С. Краткая энциклопедия славянской мифологии. М.: Изд-во АСТ, 2003. 624 с.

Шукшин В.М. Живет такой парень // Шукшин В.М. Собрание сочинений в пяти томах. Т. 3. Бишкек: Венда, 1992. 480 с.

Щепанская Т.Б. Мифологические персонажи в неформальном дискурсе «поля» // Антропологический форум. 2006. № 4. С. 326–346.

Юки-онна. Японский фольклор (Снежная женщина). URL: <http://misalina.beon.ru/31924-738-japonskii-fol-klor-juki-onna-snezhnaja-zhenschina.shtml> (дата обращения: 17.01.2012).

ИНФОРМАНТЫ

Белых Юлия Сергеевна, 1988 г. р., филолог. Запись 2010 г. Москва. ЛАЛ.

Гурова Зинаида Яковлевна из д. Садовище Куйбышевского р-на Калужской обл., 1924 г. р., 6 классов образования. Живет в п. Бетлица. Запись 2008 г. Балашовой А.Ф. АКФ.

Кузьмина Ирина Викторовна, 1975 г. р., г. Старая Русса Новгородской обл., писатель-фольклорист. Поисковый отряд «Гвардия-Шкраб». Запись 2014–2022 гг. ЛАЛ.

Хомков Дмитрий Станиславович, 1997 г. р., аспирант ЛГУ им. Пушкина (Философия религии и религиоведение). Место рождения: г. Сочи Лазаревского р-на Краснодарского края. Проживает в г. Гатчине. Основная информация получена от бабушки: Орищина (Матынян) Рувара Рубеновна, 1946 г. р. Запись 2022 г. ЛАЛ.

A.F. Litsareva
*Graduate Student,
 Russian Oral Folk Art Chair,
 Lomonosov Moscow State University
 Moscow, Russia*

The Image of a Woman in White in Oral Narratives about the Great Patriotic War: Motives, Plots, Functions

The subject of the study in the article is the image of a woman in white and its modifications. The material was actually oral narratives about the Great Patriotic War, as well as their transformation in artistic and journalistic articles. The relevance is due to the fact that, despite the frequent appeal of scientists to this image, it is not fully described. The purpose of the analysis is to systematize views on the genesis and interpretation of this character (from the personification of diseases, death, war to the appearance of the saint or the Virgin), highlighting the main functions, images, motives and plots. Also, this work describes the characteristic features of a woman in white (appearance, actions and their consequences). The question of the origin of this character continues to be debatable, in connection with which various interpretations are given. In addition, the analysis of the woman in white as a character of modern urban folklore (primarily among young people) is given, some parallels are drawn with similar characters in other cultures (Yuki-onna, banshee), which can become an interesting perspective for the development of the topic, especially in the perspective of comparison with the plots of traditional folklore.

Key words: woman in white; the Great Patriotic War; oral narratives; motives; plots; functions; folklore.

REFERENCES

A Woman in a White Robe [Zhenshhina v belom odejanii]. *Scary stories [Strashnye istorii]*. Available at: <https://4stor.ru/histori-for-life/112684-zhenschina-v-belom-odeyanii.html> (accessed: 14.05.2022) (in Russian).

Arutjunov A.G. Violence Used by the Characters of Russian Demonology as a Factor of Perception of Violence in the Culture and Religious Picture of the World [Nasilie, upotrebljaemoe personazhami otechestvennoj demonologii, kak faktor vosprijatija nasilija v kul'ture i religioznoj kartine mira]. *Religion and Context: a Collective Monograph Based on the Materials of the All-Russian Scientific Conference. Bulletin of the Center for Ethno-Religious Studies [Religija i konteksty: kollektivnaja monografija po materialam Vserossijskoj nauchnoj konferencii. Bjul'leten' Centra jetnoreligioznych issledovanij]*. 2020, no. 1–4. Sankt-Peterburg, 2020, pp. 114–125 (in Russian).

Balashova A.F. Plots of Legends about Treasures in the Narrative Structure of Oral Stories of Search Engines [Sjuzhety predanij o kladah v povestvovatel'noj strukture ustnyh rasskazov poiskovikov]. *Izvestija Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2014, no. 2, pp. 59–70 (in Russian).

Balashova A.F. Stories about Mermaids from the Village of Betlitsa. [Rasskazy o rusalkah iz poselka Betlica]. *Living antiquity [Zhivaja starina]*. 2013, no. 3, pp. 16–17 (in Russian).

Balashova A.F. The Image of a Woman in White in Bylichki about the Beginning of the War [Obraz zhenshhiny v belom v bylichkah o nachale vojny]. *Slavic World: Writing and Culture: Materials*

of the XX International Scientific Conference May 24-25, 2011 [Slavjanskij mir: pis'mennost' i kul'tura: materialy XX mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii 24–25 maja 2011 g.]. Smolensk, SmolGU, 2012, vol. 13, pp. 39–47 (in Russian).

Balashova. A.F. Natural and Meteorological Signs of War [Prirodnye i meteorologicheskie primety vojny]. *Folklore and post-folklore: structure, typology, semiotics* [Fol'klor i postfol'klor: struktura, tipologija, semiotika]. Available at: <https://ruthenia.ru/folklore/folklorelaboratory/Balashova.htm> (accessed: 15.06.2022) (in Russian).

Belova O.V. Stories about the Signs of War from the Bryansk Region: on the Question of Typology [Rasskazy o znamenijah vojny iz Brjanskoj oblasti: k voprosu o tipologii]. *Materials of the II International Scientific Conference «The Western region of Russia in international relations of the X-XX centuries» (Bryansk, November 28-30, 2013)* [Materialy II mezhd. nauch. konferencii «Zapadnyj region Rossii v mezhdunarodnyh otnoshenijah X-XX vv.» (Brjansk, 28-30 nojabrja 2013 g.)]. Ed. by S.I. Mihal'chenko, A.A. Chubur. Brjansk: BGU im. akad. I.G. Petrovskogo, 2013, pp. 203–211 (in Russian).

Belova O.V.(a) Legends of War: Archetypes in Modern Folklore Narratives [Legendy o vojne: arhetipy v sovremennyh fol'klornyh narrativah]. *Problems of Russian History* [Problemy istorii Rossii]. Ekaterinburg: Volot, 2013. Issue 10: Historical Source and Historical Context [Istoricheskij istochnik i istoricheskij kontekst], pp. 227–235 (in Russian).

Butov I.S. «There will Be a Legitimate War»: Materials about the Harbingers of the Great Patriotic War [«Budze zakonna vajna»: Belorusskie materialy o predvestijah Velikoj Otechestvennoj vojny]. *Zhivaja starina*. 2020, no. 2, pp. 48–51 (in Russian).

Chajkina M.A. Stories about the Omens of War in the Sebezhsy District of the Pskov Region [Rasskazy o predznamenovanijah vojny v Sebezhskom rajone Pskovskoj oblasti]. *Zhivaja starina*. 2020, no. 2, pp. 51–53 (in Russian).

Fedotova N.Ju. Grandfather Veremeychikov Mikhail Vasilyevich [Dedushka Veremeychikov Mihail Vasil'evich]. *When we Stand by the Eternal Flame ...* [Kogda stoim u Vechnogo ognja ...] M.: GOU SPO Kolledzh gostinichnogo hozjajstva «Caricino» no. 37, 2010. Ed. by I. V. Kljueva, pp. 55–57 (in Russian).

Grandfather's Stories about the War [Dedushkiny istorii o vojne]. *Real Scary Mystical Stories* [Real'nye strashnye misticheskie istorii]. Available at: <https://strashno.com/istoriya-2014/dedushkiny-istorii-o-vojne/> (accessed: 10.11.2016) (in Russian).

Kasimov R.N. About the Existence in the Minds of Modern People of Ideas Related to the Mythologeme of «War» and «Peace» [O bytovanii v soznanii sovremennyh ljudej predstavlenij, svjazannyh s mifologemoj «Vojny» i «Mira»]. *Modern Science*. 2019, vol. 1, no. 5, pp. 156–160 (in Russian).

Kasimov R.N. The Specifics of the Formation and Existence of Mythological Consciousness: from Traditional Culture to Modernity [Specifika formirovanija i bytovanija mifologicheskogo soznaniya: ot tradicionnoj kul'tury k sovremennosti]. *Iznakar*. 2014, no. 5, pp. 96–110 (in Russian).

Kuedinsky Bylichki: Mythological Stories of Russians of the Kuedinsky District of the Perm Region at the End of the XIX—XX Centuries. [Kuedinskie bylichki: Mifologicheskie rasskazy russkikh Kuedinskogo rajona Permskoj oblasti v konce XIX—XX vv.]. Ed. by A.V. Chernyh; Entry by O.I. Vasneva, A.V. Chernyh. Perm: PONICAA, 2004. 114 p. (in Russian).

Lazareva A.A. Interpretation of Dreams in Popular Culture [Tolkovanie snovidenij v narodnoj kul'ture]. M.: RGGU, 2020. 257 p. (in Russian).

Mihajlova T.A., Muradova A.R., Lajsaft P. Banshi. Mythology and Folklore of Ireland [Banshi. Mifologija i fol'klor Irlandii]. M.: OGI, 2007. 179 p. (in Russian).

Mythological Stories of the Russian Population of Eastern Siberia [Mifologicheskie rasskazy russkogo naselenija Vostochnoj Sibiri]. Ed. by V.P. Zinov'ev. Novosibirsk: Nauka, 1987. 401 p. (in Russian).

Night Vision [Nochnoe videnie]. *Scary stories* [Strashnye istorii]. Available at: <https://4stor.ru/histori-for-life/44278-nochnoe-videnie.html> (accessed: 10.05.2022) (in Russian).

Orthodox Miracles in the XX Century. Eyewitness Accounts [Pravoslavnye chudesa v XX veke. Svidetel'stva ochevidcev]. M.: TRIM, 1993. 381 p. (in Russian).

Petrov N.V. How a Woman in White Predicted the War: Eschatological Moods in the USSR [Kak baba v belom vojnu predskazala: jeshatologicheskie nastroenija v SSSR]. *Mythological models and ritual behavior in the Soviet and post-Soviet space: collection of articles* [Mifologicheskie modeli i ritual'noe povedenie v sovetskom i postsovetskom prostranstve: sb. statej]. Comp. A. Arkhipova. M.: RGGU, 2013, pp. 188–199 (in Russian).

Podjukov I.A., Chernyh A.V., Horobryh S.V. Solikamsk Land. Traditional Culture, Ritual and Folklore of the Russians of the Solikamsk District [Zemlja Solikamskaja. Tradicionnaja kul'tura, obrjadnost' i fol'klor russkih Solikamskogo rajona]. Usol'e: Permskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2006. 224 p. (in Russian).

Podjukov I.A., Svalova E.N. The Image of War in the Popular View (according to Dialect and Folklore Materials of the Kama Region of the Late XX – early XXI century) [Obraz vojny v narodnom predstavlenii (po dialektnym i fol'klornym materialam Prikam'ja konca XX – nachala XXI v.)]. *Bulletin of the Perm University [Vestnik Permskogo universiteta. Ser.: Rossijskaja i zarubeznaja filologija]*. 2013, issue 3(23), pp. 17–27 (in Russian).

Ryblova M.A. «Oral History» of the Don Cossacks in Field Ethnographic Research [«Ustnaja istorija» donskih kazakov v polevyh jetnograficheskikh issledovanijah]. *Bulletin of the Volgograd State University [Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 4: Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnoshenija]*. 2012, no. 1, pp. 177–185 (in Russian).

Savenok Secrets, Legends, Legends and Beliefs of the Smolensk Land. [Tajny, legendy, predan'ja i pover'ja smolenskoj zemli]. *What Smolensk is Talking About [O chem govorit Smolensk]*. 2016, no. 21, pp. 20–25 (in Russian).

Shaparova N.S. A Short Encyclopedia of Slavic Mythology [Kratkaja jenciklopedija slavjanskoj mifologii]. M.: AST, 2003. 624 p. (in Russian).

Shhepanskaja T.B. Mythological Characters in the Informal Discourse of the «Field» [Mifologicheskie personazhi v neformal'nom diskurse «polja»]. *Antropologičeskij Forum*. 2006, no 4, pp. 326–346 (in Russian).

Shukshin V.M. Such a Guy Lives [Zhivet takoj paren']. *Shukshin V.M. Collected Works in Five Volumes [Sobranie sochinenij v pjati tomah]*. Vol. 3. Bishkek: Venda, 1992. 480 p. (in Russian).

Smit S. Heavenly Letters and Stories about the Forest: «Superstitions» against Bolshevism [Nebesnye pis'ma i rasskazy o lese: «sueverija» protiv bol'shevizma]. *Anthropological Forum [Antropologičeskij forum]*. 2004, no.1, pp. 280–306 (in Russian).

Stanjukovich M.V. The White Lady and her Libretto [Belaja dama i ee libreta]. *Folklore and anthropology of the city [Fol'klor i antropologija goroda]*. 2018, vol I, no. 1, pp. 298–316 (in Russian).

Vlasova M. Russian Superstitions: an Encyclopedic Dictionary [Russkie sueverija: jenciklopedičeskij slovar']. SPb.: Azbuka, Azbuka-Attikus, 2018. 736 p. (in Russian).

Vorontsov V.S., Kasimov R.N. To the question of the existence of some modern folklore symbols associated with the Great Patriotic War [K voprosu bytovanija nekotoryh sovremennyh fol'klornyh simvolov, svjazannyh s Velikoj Otechestvennoj vojnoj]. *Vestnik jekonomiki, prava i sociologii*, 2015, no. 4, pp. 297–299 (in Russian).

Yuki-onna Japanese Folklore (Snow Woman) [Juki-onna Japonskij fol'klor (Snezhnaja zhenshhina)]. Available at: <http://misalina.beon.ru/31924-738-japonskii-fol-klor-juki-onna-snezhnaja-zhenshhina.zhtml> (accessed: 17.01.2012) (in Russian).

Zhivica E.Ju. The Russian Tradition of Interpreting Words [Russkaja tradicija tolkovanija slov]. *Knowledge. Understanding. [Ability Znanie. Ponimanie. Umenie]*. 2005, no. 1, pp. 158–166 (in Russian).

Е.С. Лунькова

Смоленский государственный университет

Смоленск, Россия

УДК 811.161.1'282

DOI 10.35785/2072-9464-2023-61-1-35-45

ОТАДЪЕКТИВНОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ В СМОЛЕНСКИХ ГОВОРАХ: СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ТИП С СУФФИКСОМ -К(А)

Ключевые слова: *диалектное словообразование; смоленские говоры; суффикс -к(а).*

Предметом изучения в статье является словообразовательный тип отадъективных диалектных существительных, обладающих конкретно-предметным значением и образованных с помощью суффикса -к(а). Словообразовательный тип включает в себя слова, зафиксированные на территории Смоленской области с конца XIX века по настоящее время. Рассматриваемый тип представляет особый интерес в области диалектного словообразования как самостоятельная словообразовательная единица, поскольку существительные, входящие в него, были образованы с помощью широко распространенного в русском языке суффикса -к(а), при этом диалектные отадъективы ярко демонстрируют всю специфику собственно диалектного словообразования, а именно: наполнение типа с помощью существительных, относящихся к разнообразным лексико-семантическим группам; широкое привлечение не только общерусских, но и диалектных слов в качестве производящих основ; особую роль производных слов с усложненной словообразовательной структурой в рамках типа. Значимость проведенного исследования подчеркивает большое количество производных существительных, образованных от адъективов и слов, использующихся в смоленских говорах в роли адъективов (страдательные причастия), с одним или несколькими суффиксами, то есть находящихся на разных ступенях деривационного процесса; это обстоятельство свидетельствует о сложном устройстве диалектной словообразовательной системы смоленских говоров на отдельно взятом участке.

Словообразование диалектных существительных с производящей основой, принадлежащей именам прилагательным (отадъективные словообразовательные типы), традиционно находится на периферии исследований по диалектной грамматике. Необходимо отметить, что исследование общерусских словообразовательных типов отадъективной деривации, как и всей сферы словопроизводства на базе имен прилагательных, также традиционно относится не к центральным, а к условно периферийным областям русской грамматики, что может быть обусловлено спецификой словообразования

имени прилагательного как части речи (в этом контексте нужно упомянуть работы, посвященные словообразованию прилагательных [Немченко, 1973; Харитончик, 1990]).

Сложившуюся ситуацию можно объяснить сравнительно небольшим инвентарем словообразовательных морфем в рассматриваемой области словопроизводства (по сравнению, например, с отсубстантивами), а также относительно однородным словообразовательным значением у отадективов в современном русском литературном языке (см. подробнее о специфике словообразовательного значения отсубстантивных и отглагольных диалектных словообразовательных типов с суффиксами -к(а) и об отличиях в словообразовательной семантике диалектных и общерусских слов в [Лунькова, 2018]).

В словообразовательной системе смоленских говоров отадективные словообразовательные типы, напротив, занимают важное место и безусловно заслуживают внимания по целому ряду причин: словообразовательные типы формируются на базе более чем тридцати суффиксов (в частности, -иц(а), -ин(а), -ух(а), -ник, -ик(и), -ищ(е), -ень, -к(и), -ох(а) и других), которые во многих случаях представляют собой словообразовательные ниши, то есть используются в схожей функции не только в адективном, но и в субстантивном, нумеративном и иных видах словопроизводства. В количественном отношении диалектные словообразовательные типы имеют хорошее наполнение из десятков производных существительных, некоторые из типов включают более ста диалектных производных слов (в частности, типы с суффиксами -к(а) и -ик).

На периферии словообразовательной системы отадективов в смоленских говорах находится группа парных и единичных производных существительных с более чем пятьюдесятью словообразовательными единицами, выступающими в функции формантов. Эти единицы заслуживают внимания с точки зрения определения статуса диалектного словообразовательного средства. Такое большое количество слов, не входящих в диалектные словообразовательные типы, а точнее сказать большое количество специфически диалектных словообразовательных средств, обусловлено внутренними механизмами развития частной диалектной словообразовательной системы. Механизмы развития системы во многих случаях демонстрируют динамические отношения между производными диалектными словами и их производящими, эти процессы обусловлены разрывом существующих или установлением новых словообразовательных связей между собственно диалектными единицами, с одной стороны, и общерусскими единицами – с другой.

Ярким представителем сферы отадективной деривации в смоленских говорах, демонстрирующим сложное устройство комплексной языковой единицы, является словообразовательный тип конкретно-предметных существительных с суффиксом -к(а). Рассмотрим его характеристики подробнее.

Описываемый словообразовательный тип включает 118 производных слов, функционирующих на территории Смоленской области (слова для анализа извлекались из «Словаря смоленских говоров» [ССГ], в отдельных случаях уточнялись по картотеке Словаря).

Производные диалектные существительные с суффиксом -к(а) обозначают предметы, которые характеризуются признаками, названными производящими словами, и имеют общее словообразовательное значение «носитель признака». Значение суффикса в смоленских говорах совпадает со значением, характерным для аналогичных слов общерусского языка [Русская грамматика, 1982, 170–172; Ефремова, 2005, 236–238].

В семантическом отношении словообразовательный тип неоднороден, производные слова объединяются в несколько подгрупп, из которых самая значительная – названия кушаний, напитков, видов корма; в подгруппу входит 34 существительных:

беленка '1) молочная приправа к кушаньям; 2) картофельное пюре, разведенное молоком,

варенка 'топленое заквашенное молоко; варенец,

гречневка 'гречневая каша,

дра́нка 'преим. мн. оладьи из тертого картофеля,

жаренка 'что-либо жареное; жаркое,

затира́нка 'мучная каша,

квáiшенка 'кушанье, приготовленное из топленого молока с добавлением сметаны, ряженка,

конопля́нка 'кушанье из толченого конопляного семени,

кори́чка 'яблочный компот с изюмом,

крученка 'картофельное пюре, сдобренное чем-либо (молоком, маслом, салом, сметаной, тушенкой и под.),

куба́тка 'каравай хлеба,

леда́нка 'леденец,

лени́вка 'щи из свежей капусты,

лупленка 'картофель в мундире,

мако́вка 'пирог с начинкой из мака,

мешанка 'корм для домашнего скота или птицы,

моренка 'кушанье из пареных овощей,

моченка 'жидкая пища с замоченными в ней кусками хлеба,

обыденка 'пресное тесто, изделие из пресного теста,

очи́щенка 'водка,

паренка '1) пареные овощи (картофель, брюква и др.), 2) мелко порезанное и запаренное кипятком сено, солома,

подо́вка 'лепешка из остатков теста,

разведенка 'пюре,

разво́женка 'картофельное пюре,

размазенка 'жидкая каша',
рэзónка 'суп с картофелем, порезанным пластиками',
сеченка 'кушанье или начинка из картофеля, крупы, молока',
сква́шенка 'простокваша',
спущенка 'картофельное пюре',
толкáнка 'еда, приготовленная из толченого картофеля или лука',
толченка 'картофельное пюре',
топленка 'топленое молоко',
тушенка 'тушеный картофель с мясом',
тянучка 'кисель'.

К названной группе можно добавить наименования продуктов, всего три слова:

крупíтчатка 'крупчатка',
крупчатка 'измельченная гречневая крупа',
шотлáндка 'сеledка определенного сорта'.

Оставшиеся семантические подгруппы менее представительны по количественному составу, среди них выделяются следующие: названия предметов одежды и их деталей, 21 слово:

батистóвка 'отделка из батиста',
белорóзовка 'одежда (рубашка, платье) из светлой ткани с цветами',
борчáтка 'шуба из овчин со сборками в талии',
валенка 'юбка или сарафан из валяной шерсти, сукна',
венгéрка 'праздничный полушубок',
в́язáнка 'шерстяная женская кофта',
катáнка 'длинная верхняя одежда из сукна',
кругóвка 'полотняная вышитая женская рубашка',
кры́тка 'полушубок, покрытый материалом',
льня́нка 'то, что сшито из льняного полотна',
малоросси́йка 'вышитая мужская рубаха',
перекоше́нка 'юбка-шестиклинка',
перешíтка 'шуба, верх которой сшит из нового материала, а низ –

из старого',

плисовка 'нарядная одежда из плюша, бархата, атласа',
плюше́вка 'женская куртка, жакет из плюшевой ткани',
распу́щенка 'о широкой одежде',
самотка́нка 'изделие из домотканого полотна',
спло́шка 'цельнокроеная женская рубаха',
сукóнка 'портянка из домотканого сукна',
шерстя́нка 'теплая одежда',
япóнка 'женская рубашка на тонких бретельках';

сюда же примыкают названия тканей:

золя́нка 'ткань, используемая при изготовлении щелока',

суровка 'суровое полотно (грубое, небеленое)'.
Посуду и различные емкости, в том числе корзины, называют

13 слов:

берестянка 'глиняная посуда, обернутая берестой',

дубовка 'сделанный из дуба бочонок',

дуплянка 'сосуд, выдолбленный из дерева',

липовка 'липовый бочонок',

лубянка 'лукошко, корзинка из луба',

осиновка 'бочка из осины',

поливанка 'глиняная посуда, покрытая специальной глазурью',

резанка 'деревянная ложка',

смолянка 'глиняный горшок, кринка',

соленка 'солонка',

солодовка 'кадка',

стеклянка 'стеклянная банка',

твердка 'кадка'.

Наименования орудий труда представлены восьмью словами:

дровянка 'поперечная пила для дров',

землянка 'устар. часть сохи, соединяющая рассоху сохи с оглоблями',

латышка 'устар. прялка с маленьким кружком и большим порожком',

литовка 'коса с длинной прямой ручкой',

лучковка 'лучковая пила',

рогатка '1) приспособление в прялке в виде планки с вбитыми железными изогнутыми зубьями, которое служит для равномерного наматывания готовой нитки на шпульку; 2) веерообразное приспособление на косе, с помощью которого ровно укладывалось скошенное сено',

сортовка 'двуручная пила',

шершатка 'толстая длинная игла с широким ушком, которой шили толстый материал'.

Для наименования головных уборов использованы шесть слов:

атласовка 'атласный платок',

валянка 'устар. валяная войлочная, суконная шапка, шляпа, колпак',

нашиванка '1) вышивка; 2) женский цветастый платок',

обрезанка '1) старый сапог или валенок с обрезанным верхом; 2) не-
большой платок с рисунком по краям',

однобочка 'платок с разноцветными цветами и кистями, у которого
рисунок только с лицевой стороны',

пеньковка 'дешевая домашняя одежда'.

Постройки и их части названы четырьмя словами:

ветренка 'ветряная мельница',

водянка 'водяная мельница',

одинокка 'комната для одного человека',

плетневка 'сарай, навес'.

Такая часть постройки, как печь, именуется тремя словами:

бокóвка 'душник; задвижка в дымоходе',

жестя́нка 'временная печь из жести',

лежу́чка 'печь из жести, низкая, на ножках'.

Ряд существительных разнороден по семантике и не образует подгрупп:

би́тка 'предмет, которым бьются в играх (обычно о яйце)',

богóвка 'полотенце на иконе',

верченка 'самодельная сигарка',

газóвка 'газовая плита',

гонто́вка 'плаха, пригодная для щипания лучины',

кле́енка 'резиновая самодельная калоша',

комла́тка 'тележка с прямыми краями для перевозки навоза',

коря́вка 'грязная тряпка',

кошенка 'скошенная и не связанная в снопы рожь, пшеница, овес',

кужелевка 'пучок вычесанного льна, приготовленный для прядения',

ла́комка 'торба, мешок, из которого дают корм лошадям',

лету́чка 'о легковой машине',

мизио́рка 'небольшой кусочек',

мостóвка 'толстая, тяжелая доска',

овся́нка 'овсяное поле',

перебира́нка '1) собранная граблями охапка сена, клевера, которую укладывают в копну или на воз; 2) скатерть в три полы, набранная узорами',

песча́нка 'футляр, в котором находится брусок для заточки косы',

плетенка 'предмет, изготовленный плетением',

погну́тка 'коромысло',

полотня́нка 'колыбель из полотна, подвешенная к чему-либо',

прошива́нка 'кнут',

суковитка 'суковатая палка',

сученка 'домотканая одежда',

торфа́нка 'кладка торфа'.

Таким образом, лексическое наполнение словообразовательного типа отадъективов с суффиксом -к(а), который используется для образования конкретно-предметных существительных, в смоленских говорах представлено разнообразными лексико-семантическими группами, включающими несколько десятков слов.

Привлекает внимание семантическая однородность некоторых существительных (например, названий блюд из картофеля *разведенка*, *развоженка*, *резонка*, *сеченка*, *спущенка*, *толканка*, *толченка* и др.), которые демонстрируют сходство механизмов номинации в смоленских говорах, когда в качестве номинативного признака используется значение отглагольного

прилагательного или причастия (речь о важности учета частеречных характеристик производящих слов в рамках одного словообразовательного типа пойдет ниже). Такие производящие слова могут в процессе деривации образовывать условные синонимические ряды по целым группам процессуальных признаков предмета (*разведенные, толченые, сеченые* и т.п. блюда).

Важной для понимания специфики диалектного словообразования является разносторонняя характеристика производящих основ в пределах словообразовательного типа. Сведения о них, с одной стороны, помогают выявить закономерности в лексической организации типа, с другой – показывают собственно диалектную специфику сочетаемости, комбинаторики основ и формантов в рамках одного типа. Обратимся к этой характеристике и рассмотрим производящие основы в диалектном словообразовательном типе подробнее.

Производящие основы в рассматриваемом типе отадъективов представлены как производные, так и непроизводные; известные общерусскому языку и диалектные (возможность учета полимотивационных связей учитывалась в соответствии с точкой зрения, изложенной в [Ширшов, 1981]).

Производные основы в совокупности преобладают над непроизводными и составляют 94% от общего количества основ в типе; при этом преобладают производные основы, известные общерусскому языку, – они встречаются в 88 словах, или 74% от общего количества (*атласовый – атласовка, батистовый – батистовка, беленый – беленка, бело-розовый – белорозовка, берестяной – берестянка, битый – битка, боковой – боковка, валяный – валянка, вареный – варенка, венгерский – венгерка, верченый – верченка, ветренный – ветренка, вязаный – вязанка, газовый – газовка, гречневый – гречневка, драный – дранка, дровяной – дровянка¹, дубовый – дубовка, жареный – жаренка, жестяной – жестянка, катаный – катанка, кашеный – кашенка, клееный – клеенка, конопляный – коноплянка, кошеный – кошенка, круговой – круговка, крупитчатый – крупитчатка, крупчатый – крупчатка, крученый – крученка, крытый – крытка, латышский – латышка, ледяной – ледянка, ленивый – ленивка, летучий – летучка, липовый – липовка, литовский – литовка, лубяной – лубянка, лупленный – лупленка, лучковый – лучковка, льняной – льнянка, маковый – маковка, малороссийский – малороссийка, мешаный – мешанка, мореный – моренка, мостовой – мостовка, моченый – моченка, обрзанный – обрзанка, овсяный – овсянка, одинокий – одиночка, односторонний – односторонка, осиновый – осиновка, очищенный – очищенка, пареный – паренка, пеньковый – пеньковка, перекошенный – перекошенка, перешитый – перешитка, песчаный – песчанка, плетеный – плетенка, плисовый – плисовка, плюшевый – плюшевка, погнутый – погнутка, подовый – подовка, полотняный – полотнянка, разведенный – разведенка, размазанный – размазенка, распущенный – распущенка, резаный – резанка и резонка, рогатый – рогатка, самотканый – самотканка, сеченый – сеченка, смоляной – смолянка, соленый – соленка, солодовый – солодовка, сортовой – сортовка, сплошной – сплошка,*

спущенный – спущенка, стеклянный – стеклянка, суконный – суконка, сученый – сученка, толченый – толченка, топлёный – топлёнка, торфяной – торфянка, тушеный – тушенка, тянучий – тянучка, шерстяной – шерстянка, шотландский – шотландка, японский – японка).

Непроизводные производящие основы, известные русскому литературному языку, имеют место лишь в семи случаях (*коричневый – коричка, корявый – корявка, лакомый – лакомка, мизерный – мизюрка, обыденный – обыденка, суровый – суровка, твердый – твердка).*

Большая часть диалектных производящих основ в типе также являются производными, они отмечаются в 22 случаях, или 19% от общего количества (*боговой – боговка, борчатый – борчатка, валеный – валенка, водяной – водянка1), гонтовой – гонтовка, дуляный – дулянка1), затираемый – затиранка, земляной – землянка, золяный – золянка, комлатый – комлатка, кубастый – кубатка, кужелевый – кужелевка, лежучий – лежучка, нашиваный – нашиванка, перебираемый – перебиранка, плетневый – плетневка, поливаный – поливанка, прошиваный – прошиванка, развоженный – развоженка, сквашеный – сквашенка, суковитый – суковитка, толканый – толканка).*

Одна непроизводная диалектная основа обнаруживается в паре *шершатый – шершатка.*

Характер мотивационных отношений в словообразовательном типе с суффиксом -к(а) разнообразен: в качестве производящих в типе используются отсубстантивные, отглагольные, отадвербиальные, отнумеративные и сложные прилагательные с различными суффиксами; страдательные причастия; первообразные прилагательные.

Отсубстантивные прилагательные встречаются в 55 случаях. Наиболее частотны отсубстантивные прилагательные с суффиксами -ов- (*атласовый, батистовый, боговый, боковой, газовый, гонтовой, дубовый, круговой, липовый, лучковый, маковый, мостовой, осиновый, пеньковый, плисовый, подовый, солодовый, сортовой – всего 18 слов*) и -ян(-яйн-) (*берестяной, водяной, дровяной, дуляный, жестяной, земляной, золяный, конопляный, ледяной, лубяной, льняной, овсяный, полотняный, смоляной, торфяной, шерстяной, стеклянный – всего 17 слов*). В словопроизводственных процессах принимают участие отсубстантивные существительные с другими суффиксами: -ск- (*венгерский, латышский, литовский, шотландский, японский – всего пять слов*; примечателен тот факт, что все прилагательные образованы от имен собственных), -чат- (*борчатый, крупитчатый, крупчатый*), -ат- (*комлатый, рогатый*), -ев- (-(-н)ев-) (*плюшевый, гречневый*), -ев- (*кужелевый, плетневый*). Единичными случаями представлены отсубстантивные прилагательные с суффиксами -ан- (*песчаный*), -аст- (*кубастый*), -ен- (*солёный*), -ив- (*ленивый*), -н- (*суконный*), -овит- (*суковитый*).

Страдательные причастия используются при мотивации в описываемом словообразовательном типе почти так же широко, как и отсубстантивные прилагательные, а именно в 44 случаях. Выделяется три группы причастий с суффиксами -ен- (-ен-, -енн-) (*жареный, квашеный, клееный, кошеный, лупленький, пареный; беленый, валеный, вареный, верченый, крученый, мореный, моченый, плетеный, развоженный, сеченый, сученый, толченый, топленький, тушеный; очищенный, перекошенный, разведенный, распущенный, сквашенный, спущенный*), -н- (-нн-) (*вязаный, драный, затираный, катаный, мешаный, нашиваный, перебираный, поливаный, прошиваный, резаный, толканый; обрезанный, размазанный*) и -т- (*битый, крытый, перешитый, погнутый*).

Отглагольные прилагательные с различными суффиксами встречаются в пяти случаях со следующими суффиксами: -уч- (*лежучий, летучий, тянучий*), -ен- (*ветренный*), -ян- (*валяный*).

Сложные прилагательные зафиксированы в четырех случаях: *малороссийский, бело-розовый, однобокий, самотканый*. В единичных случаях обнаруживаются отнумеративное (*одинокий*) и отадвербиальное (*сплошной*) прилагательные.

Немотивированные прилагательные встречаются в восьми случаях (*коричневый, корявый, лакомый, мизерный, обыденный, суровый, твердый, шершатый*).

Морфонологические процессы происходят в 23 словах описываемого типа, что составляет 19% от общего количества слов, и представлены чередованиями гласных, согласных и усечениями производящих основ.

Чередования гласных в типе представлены двумя видами: /e//o/ (девять пар: *жареный – жаренка, кошеный – кошенка, лупленький – лупенка, обыденный – обыденка, пареный – паренка, перекошенный – перекошенка, разведенный – разведенка, распущенный – распущенка, спущенный – спущенка*) и /a//o/ (*размазанный – размазенка, резаный – резонка*).

Чередования согласных не характерны для типа и встречаются в трех случаях: /к//ч/ (*одинокий – одиночка, однобокий – однобочка*) и /ст//т/ (*кубастый – кубатый*).

Усечение производящих основ происходит в девяти случаях: усекается /ск/ во всех прилагательных, образованных от имен собственных, – *венгерский – венгерка, латышский – латышка, литовский – литовка, малороссийский – малороссийка, шотландский – шотландка, японский – японка, /н/ в сплошной – сплошка, мизерный – мизюрка, в последней паре с параллельной меной /e//y/; усекается сочетание /нев/ в *коричневый – коричка*.*

Ударение в пределах типа подчиняется основным особенностям общерусского языка, но в ряде случаев может служить доказательством установления отношений производности именно от имен прилагательных (при

потенциально возможных нескольких производящих): *перекошенка* от *перекошенный*, *распуценка* от *распущенный*, *поливанка* от *поливанный*, *наливанка* от *наливанный*, *обрезанка* от *обрезанный* и некоторые др.

Таким образом, необходимо отметить особую роль словообразовательного типа конкретно-предметных отадъективных существительных в организации словообразовательной системы смоленских говоров, обусловленную как количественным наполнением типа, так и представленными в нем существительными, которые могут быть сведены в доминантные лексико-семантические группы.

Своеобразие типа обусловлено также разнообразными характеристиками производящих основ – среди них обнаруживаются как общерусские, так и собственно диалектные; по морфологическим характеристикам производящие основы демонстрируют принадлежность практически всем частям речи, за исключением местоимений, что также определяет специфику диалектного словопроизводства, ее открытость к установлению парадигматических связей между единицами.

Отдельно необходимо отметить использование производных слов в описываемом типе – преимущественно в качестве производящих основ: всего лишь восемь производящих основ в типе непроизводные, или первообразные, по отношению к 110 производным основам, выступающим, в свою очередь, в роли производящих на новой ступени словопроизводства. Этот факт определяет сложность деривационных отношений между единицами типа и, как следствие, многомерность морфемной организации диалектных слов; позволяет определить позицию практически каждого диалектного отадъективного существительного последовательно «внутри» словообразовательного ряда и, в свою очередь, словообразовательного гнезда, констатировать включенность диалектных слов в разнообразные и богатые словообразовательные связи в смоленских говорах.

ЛИТЕРАТУРА

Ефремова Т.Ф. Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка. М.: АСТ: Астрель, 2005. 636 с.

Лунькова Е.С. Особенности словообразовательной семантики суффикса -к(а) в смоленских говорах // Севернорусские говоры. Вып. 17. СПб.: ИЛИ РАН, 2018. С. 228–239.

Немченко В.Н. Словообразовательная структура имен прилагательных в современном русском языке. Горький, 1973. 139 с.

Русская грамматика. Т. 1. М.: Наука, 1982. 784 с.

Словарь смоленских говоров / под ред. А.И. Ивановой, Л.З. Бояриновой. Вып. 1–11. Смоленск, 1974–2005.

Харитончик З.А. Имя прилагательное: проблемы классификации // Теория грамматики: лексико-грамматические классы и разряды слов: сборник научно-аналитических обзоров / под ред. Ф.М. Березина, Е.С. Кубряковой. М., 1990. 201 с.

Ширшов И.А. Множественность словообразовательной мотивации в современном русском языке. Ростов-на-Дону, 1981. 117 с.

E.S. Lunkova
*Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor,
Russian Language Chair,
Smolensk State University
Smolensk, Russia*

Subjective Word Formation in Smolensk Dialect: Word-formation Type with the Suffix -k(a)

The subject of the study in the article is the word-formation type of subjective dialect nouns that have a specific subject meaning and are formed with the suffix -k(a). The word-formation type includes words recorded on the territory of the Smolensk region from the end of the XIX century to the present. The type under consideration as an independent word-formation unit is of particular interest in the field of dialect word-formation, since the nouns included in it were formed using the suffix -k(a), which is widely used in the Russian language, while dialect adjectives clearly show all the specifics of dialect word formation proper: filling the type with nouns belonging to a variety of semantic groups; wide involvement of not only typical Russian, but also dialect words as generating bases; the special role of derived words with a complicated word-formation structure within the type. The significance of the conducted research is emphasized by a large number of derived nouns formed from adjectives and words used in Smolensk dialects as adjectives (passive participles), with one or more suffixes, i.e. located at different stages of the derivation process; this circumstance indicates the complex structure of the dialect word-formation system of Smolensk dialects.

Key words: *dialect word-formation; Smolensk dialect; suffix -k(a).*

REFERENCES

- Dictionary of Smolensk Dialects [Slovar' smolenskikh govorov]. Smolensk: Smolensk State University, 1974–2005. Vol. 1–11 (in Russian).
- Efremova T.F. Explanatory Dictionary of Word-forming Units of the Russian Language [Tolkovyj slovar' slovoobrazovatel'nyh edinic russkogo yazyka]. M.: AST: Astrel', 2005. 636 p. (in Russian).
- Haritonchik Z.A. Adjective Name: Classification Problems [Imya prilagatel'noe: problemy klassifikacii]. *Theory of Grammar: lexical-grammar classes and types of words: A collection of scientific-analytical reviews [Teoriya grammatiki: leksiko-grammaticheskie klassy i razryady slov: sbornik nauchno-analiticheskikh obzorov]*. Ed. F.M. Berezina, E.S. Kubryakov. M., 1990. 201 p. (in Russian).
- Lunkova E.S. Features of the Word-formation Semantics of the Suffix -k(a) in the Smolensk Dialect [Osobennosti slovoobrazovatel'noj semantiki suffixa -k(a) v smolenskikh govorah]. *Severnorrusskie govory*. No. 17. Saint-Petersburg: ILI RAN, 2018, pp. 228-239 (in Russian).
- Nemchenko V.N. The Word-formation Structure of Adjectives in the Modern Russian Language [Slovoobrazovatel'naya struktura imen prilagatel'nyh v sovremennom russkom yazyke]. Gor'kij, 1973. 139 p. (in Russian).
- Russian Grammar [Russkaya grammatika]. Vol. 1. M.: Nauka, 1982. 784 p. (in Russian).
- Shirshov I.A. The Multiplicity of Word-formation Motivation in the Modern Russian Language [Mnozhestvennost' slovoobrazovatel'noj motivacii v sovremennom russkom yazyke]. Rostov-na-Donu, 1981. 117 p. (in Russian).

Н.В. Лешкова

*Горловский институт иностранных языков
Горловка, Донецкая Народная Республика, Россия*

УДК 81'1(043.3)

DOI 10.35785/2072-9464-2023-61-1-46-57

ДИСКУРСИВНЫЕ СТРАТЕГИИ ПРАВОСЛАВНОГО ДИСКУРСА

Ключевые слова: *адресант; анализ; повествование; проповедь; стратегия; тактика.*

Статья посвящена анализу реализации основных дискурсивных стратегий, а также их тактик. Внимание уделено дискурсивной стратегии наррации, контактирующей и информирующей стратегиям, которые являются основными для православной проповеди и присутствуют во всех ее жанрах. В исследовании рассматриваются основные стратегии, которые выступают базовыми понятиями коммуникативно-дискурсивного анализа. Целью любой коммуникативной стратегии становится коррекция модели мира адресата, поэтому в рамках стратегии адресантом выбираются определенные психологические параметры, обозначаются необходимые изменения в их значениях и способы достижения этих целей.

Цель статьи – анализ всех стратегий, которые являются основными понятиями коммуникативно-дискурсивного анализа изучаемой православной проповеди. В рамках исследования были рассмотрены проповеди Святейшего Патриарха Всея Руси Кирилла.

Коммуникативное взаимодействие в православном дискурсе получает адекватную реализацию в дискурсивной стратегии, которую понимаем как глобальное коммуникативное намерение говорящего в пределах определенного дискурса и речевую объективизацию этого намерения. Дискурсивная тактика – это одно или несколько речевых действий, обеспечивающих реализацию выбранной дискурсивной стратегии говорящего и разрывание определенного речевого жанра.

Проблема коммуникативных и дискурсивных стратегий и тактик в лингвистике исследована достаточно широко, однако отсутствие их единой классификации, а также четких и однозначных дефиниций не дает пока возможности предоставить их полную классификацию. Традиционно принято выделять основные (семантические или когнитивные) стратегии, которые на конкретном этапе коммуникативного взаимодействия являются наиболее значимыми с точки зрения иерархии мотивов и целей (например, дискредитации, подчинения), и вспомогательные, которые способствуют эффективной организации диалогического взаимодействия, оптимальному воздействию на адресата и охватывают прагматические (например, создание

имиджа, формирование эмоционального настроя), диалогические (контроль над темой, контроль над инициативой), риторические (драматизация, привлечение внимания) стратегии. При этом стратегически важными являются все компоненты коммуникативной ситуации: адресант, адресат, канал связи, коммуникативный контекст. Общая стратегия чаще всего реализуется через специальные. Основная стратегия является наиболее значимой с точки зрения иерархии мотивов и целей. Вспомогательная стратегия способствует эффективной организации речевого взаимодействия, оптимальному влиянию на адресата. К.Ф. Седов в числе глобальных коммуникативных стратегий речевого поведения указывает репрезентативную, или изобразительную, и нарративную, или аналитическую [Седов, 1998, 38]. В классификации Т.А. ван Дейка стратегии дискурса делятся на глобальную (стратегия всего дискурса, общая стратегия участника речевого взаимодействия, которая контролирует результаты на локальных этапах и реализуется с помощью локальных стратегий), локальную (стратегия, направленная на достижение более конкретных целей) и речевую (функциональная единица последовательности действий, которая способствует решению локальной или глобальной задачи) [Ван Дейк, 1989, 274]. Рассматривая эту классификацию, И.Е. Фролова соотносит глобальную стратегию с дискурсивной и считает, что она взаимодействует с декларативным знанием, локальные стратегии – с процедуральным знанием, речевые стратегии – со способами актуализации процедурального знания. Исследователь разделяет речевые стратегии на конвенциализированные и неконвенциализированные.

Тактики в соответствии с функциями, которые выражение реализует в речи, дифференцируются на акторечевые (иллокутивно-перлокутивные), содержательные и диалоговые.

Другие исследователи-лингвисты предлагают разделять стратегии на основе таких критериев, как сотрудничество, соперничество и конфликт. Исходя из этого, стратегии могут быть кооперативными и некооперативными. А.А. Горячев, опираясь на классификацию Ю.К. Пироговой, выделяет информационно-формирующие (стратегии ассоциирования, диссоциирования) и оптимизирующие (стратегии управления вниманием, управления декодированием и интерпретацией, управления критичностью восприятия, мнемоническую, прямого влияния на принятие решения, дискурсивного позиционирования) стратегии.

На сегодняшний день практически отсутствуют исследования, анализирующие речевое влияние священника через дискурсивные стратегии и тактики. Как правило, рассматриваются лишь отдельные аспекты речевого влияния в православном дискурсе. Так, среди стратегий православного дискурса выделяются общедискурсивные (организующие и объединяющие) и собственно дискурсивные (выделяющие) стратегии. Под общедискурсив-

ными Е.В. Бобырева понимает организующие стратегии, к которым относятся коммуникативная стратегия, направленная на установление контакта, и собственно процесс коммуникации в пределах любого интерперсонального дискурса, а также организующая стратегия, которая ставит цель проведения совместных действий участников общения по организации процесса коммуникации [Бобырева, 2007, 31]. К объединяющим стратегиям Е.В. Бобырева, вслед за В.И. Карасиком, относит объяснительную, оценочную, контролирующую, способствующую, призывную и утвердительную стратегии, присущие определенным образом различным жанрам религиозного дискурса. К числу выделяющих стратегий относятся молитвенная, исповедальная и обрядовая. Эти стратегии являются специальными и реализуются только в рамках православного дискурса [Бобырева, 2007, 32]. В жанре проповеди Е.В. Бобырева выделяет следующие характерные стратегии: объяснительную, организующую, коммуникативную, обрядовую, контролирующую, призывную, оценочную, утвердительную [Бобырева, 2007, 32].

Любая дискурсивная стратегия в проповеди основывается на интерпретации действительности, поскольку она, опираясь на определенную модель мира, более или менее общую для автора и адресата, призвана скорректировать картину мира адресата в соответствии с целью субъекта речи. Стратегическая цель священника – изменение (полное или частичное) не только картины мира своего слушателя, но и модели поведения в соответствии с вероучительной доктриной православия, то есть определенными нормами, заданными различными вероучительными текстами и опытом священнослужителя. Однако эта цель может быть достигнута только в случае полного погружения адресата текста в дискурс церковно-религиозной коммуникации, в которой важнейшую роль играет фактор веры адресата в Божью одухотворенность текста Писания, в сосуществование божественного и мирского, в неразрывность слова и духовной жизни пастыря, в соборность Церкви, видение своей грешной сущности и понимание необходимости раскаяния и тому подобное.

В теоретических основах исследования проповеди как жанра православного дискурса следует выделить основные понятия коммуникативно-дискурсивного анализа современной православной проповеди. В статье рассматриваются основные стратегии как базовые понятия коммуникативно-дискурсивного анализа, основные подходы к определению этих понятий и их классификации.

Понятия коммуникативных стратегий исследовали такие лингвисты, как А.Л. Факторович, Е.И. Шейгал, И.В. Труфанова, Е.В. Клюев, Г.Г. Матвеева, М.М. Добрякова, О.С. Иссерс, Т.А. ван Дейк и др.

Коммуникативная лингвистика определяет стратегию «как сверхзадачу, идущую от адресанта, направленную на достижение коммуникативной или практической цели и рассчитанную на определенный перлокутивный эф-

фект» [Попова, 2002, 276]. Стратегия заключается в умении моделировать ситуацию с помощью доступных средств и методов с целью достижения необходимого результата. Она сознательно ограничивает возможный объем информации и отбор языковых средств, которые должны быть предоставлены адресату с целью влияния на его «интеллектуальную, волевою и эмоциональную сферы» [Борисова, 1996, 21]. Конечная цель любой коммуникативной стратегии – коррекция модели мира адресата, поэтому в рамках стратегии «говорящим выбираются определенные психологические параметры, определяются необходимые изменения в их значениях и способы достижения этих изменений» [Койт, 1988, 101].

Дискурсивная стратегия наррации выделяется лингвистами как одна из основных, потому что в том или ином виде она присутствует во всех образцах жанра проповеди. Для лучшего понимания сути этой дискурсивной стратегии приведем определение термина «наррация» у Ж. Женетта, согласно которому она является порождающим повествовательным актом, ситуацией или рассказом, создающим инстанцию нарративного дискурса, «изложение истории» [Georgakopoulou, 2004]. В проповедях наррация необходима для полной или лаконичной передачи фрагмента Евангелия, в зависимости от его сложности, длительности, языка, на котором он читался священником. Наррация представляет собой вводный элемент проповеди, с которого и начинает логически разворачиваться пространство дискурса. Наррация также используется во время пересказа исторических событий, рассказов из патериков, собственной жизни. После наррации всегда следует интерпретация, разъяснение, информирование, аргументация, призывы.

В основном повествование после прочитанной проповеди из Евангелия звучит так: *Во имя Отца и Сына и Святого Духа! Сегодня мы слышали Евангелие об исцелении расслабленного (Мк. 2 : 1–12)* (Слово Святейшего Патриарха Кирилла в Неделю 2-ю Великого поста после Литургии в Храме Христа Спасителя).

В некоторых случаях священник начинает проповедь, ссылаясь на свои предыдущие проповеди и вспоминая темы, которые уже были предварительно раскрыты: *Мы видим, как актуализируется в нашей истории рассказ о парализованном, которого люди принесли к Спасителю. Во всех этих исторических сюжетах, на которых я сегодня остановился, несомненно присутствовала благодать Божия. Но ведь присутствовали и конкретные люди, чьи имена мы уже когда-то вспоминали* (Слово Святейшего Патриарха Кирилла в Неделю 2-ю Великого поста после Литургии в Храме Христа Спасителя).

Этот прием срабатывает в случаях, когда прихожане постоянно участвуют в церковной жизни и присутствуют на каждой литургии; с другой стороны, таким образом священник предоставляет возможность новым реципиентам прослушать ту информацию, которая была сообщена без их уча-

ствия. Кроме того, таким способом священник акцентирует внимание на взаимосвязи между различными евангельскими событиями и праздниками, посылая импульс людям к повышению уровня богословского образования.

Наррация строится по аллюзивной схеме «жизненный опыт – сегодняшнее Евангелие – описание события – параллель с настоящим временем»: *Вот в чем смысл сегодняшнего празднования. Царица Небесная не просто принесла победу русскому оружию, но явила милость Божию, и народ наш, объединившись перед лицом общего врага, действительно став единым, оказался способным его победить. Поэтому сегодня мы празднуем не военную победу, но удивительное событие единения нашего народа, до того разделенного на непримиримые, казалось бы, враждующие группы. Народа, который, осознав свою ответственность за судьбу Отечества, стал единым и явил грозную силу, так что противник, почувствовав эту силу, покинул и стольный град, а через достаточно короткое время – и пределы нашего Отечества.*

Замечательно, что именно этот день был объявлен и гражданским праздником, поскольку события, связанные с освобождением Москвы по молитвам Пречистой Преподобной Царицы Небесной, явили народу силу того, что есть единение и согласие. И вот сегодняшний день напоминает о величайшей ценности единения и любви, о способности быть всем вместе для того, чтобы решать задачи, которые стоят перед личностью, перед семьей, перед обществом и перед государством (Слово Святейшего Патриарха Кирилла в праздник Казанской иконы Божией Матери после Литургии в Александро-Невском скиту).

Дискурсивная стратегия наррации реализуется такими тактиками:

– тактикой описания запланированных действий: *Если Господь юродством проповеди, как сказал апостол, принес спасение (см. 1 Кор. 1 : 21), то это значит, что всякая человеческая сила, всякая власть не имеют никакого отношения к нашему счастью, к нашему спасению, – к этому имеет отношение только сила Божия. Уповая на эту силу, привлекая эту силу своими молитвами, мы обретаем реальную возможность войти в Божие Царство, коснуться рая уже здесь, на земле, и надеяться на то, что милостью Божию обретем этот рай и это счастье – абсолютное, без всяких оговорок, – в Царствии Небесном (Слово Святейшего Патриарха Кирилла в праздник Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня в кафедральном соборном Храме Христа Спасителя);*

– тактикой просьбы разрешения для рассказа определенной истории или описания события, например: *Я напомню Вам о благочестивых родителях, отдавших на воспитание в храм Пресвятую Деву Марию, это должно помочь и современным родителям понять, что когда ребенок ходит в храм Божий, когда он учится при храме в воскресных школах, а сейчас суще-*

ствует еще и много православных гимназий, тогда он обретает замечательное воспитание, которое поможет ему в жизни остаться сильным, несокрушимым, справиться не только со стрессами повседневного бытия, но и со многими и многими искушениями, которые встречаются на нашем жизненном пути (Слово Святейшего Патриарха Кирилла в праздник Рождества Пресвятой Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии в Храме пророка Божия Илии);

– тактикой апелляции к эмоциональным переживаниям, для которой характерны инверсия, специальные союзы: «не только..., но...»: *Он предлагает нам взойти на наш маленький крест не только для того, чтобы мы погибли, но для того, чтобы мы, по образу распятого Спасителя, искупили свои собственные грехи...* (Слово Святейшего Патриарха Кирилла в Неделю 3-ю Великого поста после Литургии в храме великомученика Димитрия Солунского в Хорошеве).

Проповедь как жанр православного дискурса выполняет коммуникативную функцию, так как рассчитана на восприятие прихожанами. Главной задачей контактирующей дискурсивной стратегии является установление контакта с реципиентом проповеди. Это достигается с помощью:

– тактики обращения к адресатам или к высшим силам, например: *Во имя Отца и Сына и Святого Духа! Всех вас, мои дорогие владыки, отцы, братья и сестры, сердечно поздравляю с сегодняшним воскресным днем, с Прощеным воскресеньем, с последним воскресным днем перед началом поприща Святой Четырдесятницы – Великого поста!* (Слово Святейшего Патриарха Кирилла в Неделю сыропустную после Литургии в Храме Христа Спасителя);

– тактики ведения диалога – чаще всего контактирующая дискурсивная стратегия реализуется с помощью риторических вопросов, на которые священник отвечает сам: *Что же тогда? Неужели напрасно нам дана сегодняшняя притча, напрасно Господь предложил ее Своим ученикам, а через учеников – всему миру?* (Слово Святейшего Патриарха Кирилла в Неделю о блудном сыне после Литургии в Александро-Невском скиту).

Задавая вопрос, говорящий желает не получить конкретный ответ, а «преследует вполне определенную цель – он влияет на поведение собеседника» [Карасик, 2002, 303].

В проповеди можно также найти случаи, когда с помощью риторического вопроса автор пытается сделать более деятельной мысленную активность адресата, заставляет его задуматься над проблемой, попытаться самому найти ее решение и дать ответ на вопрос. И только с течением времени (после того как ответ уже вроде появился или хотя бы начинает формироваться в сознании адресата) автор сам предлагает ответ и толкование проблемы, пытаясь с помощью аргументов убедить адресата или утвердить мнение, которое у него уже сформировалось: *Кто из нас не проходил через*

жизненные испытания? Люди в возрасте могут перечислить множество событий в своей жизни, от которых буквально зависело их будущее; молодые еще не имеют такого опыта, но и они через него пройдут (Слово Святейшего Патриарха Кирилла в праздник Рождества Пресвятой Богородицы в храме пророка Илии).

Риторический вопрос, без сомнения, оказывает большее эмоциональное и психологическое воздействие на адресата, однако выражает тот же смысл, который реализован в форме обычного императива. Е.В. Бобырева справедливо отмечает, что в проповеди риторические вопросы выполняют фатическую функцию, устанавливая контакт с аудиторией, также представляют тематику, которая получает отражение и развертывание в тексте проповеди, и подкрепляются комментариями из текста Священного Писания и предания [Бобырева, 2007, 146].

На некоторые вопросы священник не дает ответа, когда ответ очевиден или когда человек должен сам потратить время для постижения определенных истин: *Если много званых в Царство Небесное, а мало избранных, что это означает? Предопределение? То, что Бог заранее определил, кто будет избран? Ведь не сказано, что человек сам себя избирает. Много званых, но мало избранных – кем? Богом мало избранных?* (Слово Святейшего Патриарха Кирилла в Неделю 14-ю по Пятидесятнице в храме Введения во храм Пресвятой Богородицы).

Контакт с прихожанами устанавливается с первых слов священника. Поэтому после первой традиционной молитвы идет обращение к мирянам. Обычно тактика обращения предусматривает использование эмоционально-возвышенной лексики, формируя чувство особого отношения к мирянам как к близким сердцу братьям и сестрам, духовным детям: *Возлюбленные во Христе братья и сестры!; Дорогие во Христе братья и сестры; Всех вас, возлюбленная моя паства, братья и сестры...*

Такая лексика используется не только в начале проповеди, но и по всему тексту, закрепляя искреннее и доброе отношение со стороны священнослужителя. Кроме того, тактика обращения подразумевает контроль над вниманием мирян, чтобы они не отвлекались: *Этой простой истине мы научаемся сегодня, дорогие братья и сестры, в преддверии Великого поста, через дивный евангельский текст* (Слово Святейшего Патриарха Кирилла в Неделю о мытаре и фарисее после Литургии в Александро-Невском скиту).

Тактику объяснения проповедник применяет для обоснования информации, которая была озвучена, например: *История о мытаре и фарисее учит нас тому, что никакие добродетели, связанные с нашей религиозной жизнью, не должны восприниматься нами как нечто, что спасает нас автоматически. Ходим в храм, постимся, пытаемся исполнять заповеди – ну что же еще? Но если мы так считаем, то это означает застой в духовной*

жизни (Слово Святейшего Патриарха Кирилла в Неделю о мытаре и фари-сее после Литургии в Александро-Невском скиту).

Таким образом устанавливается контакт с прихожанами: когда человек понимает, что информация касается его напрямую, а тем более может быть полезной, тогда он пытается сосредоточить на ней максимум внимания и осмыслить ее.

Тактика «чтение мыслей» является одной из основных при реализации контактирующей стратегии. Священник выступает от «МЫ»-сообщества, открывая проблемы или сокровенные мысли, грехи, упование, страдания, которые человек носит в себе. Тем самым человек чувствует себя живой частью коммуникативного процесса, ибо, согласен реципиент с тем, что было подтверждено адресантом, или нет, невербальный ответ невольно предоставляется слушателем: *Поэтому сегодняшнее Евангельское чтение должно помочь **нам** понять: от Господа зависит, пустить **нас** на пир или не пустить, пригласить или не пригласить; а вот в какую одежду **нам** одеться – зависит от **нас**. Давайте изберем чистые и светлые одежды, которые и откроют **нам** путь в Царствие Небесное!* (Слово Святейшего Патриарха Кирилла в Неделю 14-ю по Пятидесятнице после Литургии в храме Введения во храм Пресвятой Богородицы).

Информирующая дискурсивная стратегия представляет собой «последовательность интенций, ориентированных на информирование человека, сообщение ему знаний и мыслей о мире» [Карасик, 2002, 256]. Знание – это сложная система информации, которая признается в обществе как коллективное объективное достояние, а мнения – это индивидуальные и субъективные представления. Стратегия информирования в проповеди определяется целью проповеднического выступления – разъяснить слушателям суть религиозного вероучения, содержание слов Учителя, принципы религиозной морали и др. К коммуникативным тактикам этой стратегии относятся разъяснение, дефиниция и нарратив. Характерными для рассуждения маркерами являются причинно-следственные высказывания, модальные лексические единицы, многочисленные риторические вопросы, структурирующие рассказ и облегчающие для слушателей понимание сказанного проповедником.

Успешная реализация коммуникативного намерения проповедника зависит в основном от уровня образовательной подготовки адресата, его мировоззрения, знаний как теологических, так и исторических. Степень глубины восприятия адресатом послания варьируется в зависимости от его интеллектуального базиса. В некоторых случаях необходимо донести информацию до реципиента в развернутом или, наоборот, в лаконичном виде. Для представления полной картины какого-то явления проповедник прибегает к использованию информирующей дискурсивной стратегии. Особенно это касается той части проповеди, которая идет по преданию евангельского фрагмента, когда проповедник объясняет, например, устаревшие

слова, особенности мировосприятия древних иудеев и христиан, их традиции, исторические условия жизни и т.п.: *Вот какие удивительные слова! В храме Божиим чистый, светлый, безгрешный Младенец в сопровождении Матери, и Она слышит эти непонятные и даже страшные слова, что Сей будет и на падение, и на восстание многих, и в предмет пререканий. Может быть, Пресвятая Дева в то время еще не могла понять в полной мере, что означает это пророчество. Но в течение всей жизни это пророчество отзывалось в Ее сердце, и мысленно Она возвращалась к словам Симеона, ведь стоило только Сыну Ее выйти на проповедь, как Он сразу стал предметом пререканий, на восстание и падение многих.*

Возникает вопрос: что же все-таки означает падение? Восстание – это возрождение и обновление человека, его путь к совершенству. Но что означает падение? А падение – это обратный процесс, это отказ человека от самых великих ценностей, от истинной веры, впадение в заблуждение, принесение скорби и болезней другим (Слово Святейшего Патриарха Кирилла в праздник Сретения Господня после Литургии в Храме Христа Спасителя).

Православный священник может ознакомить паству с ново- и ветхозаветными событиями и сюжетами, он дает ссылки на авторитетные для верующего человека источники, используя тактику апелляции к сакральным текстам: *Сегодня воскресенье посвящено воспоминанию о притче (Лк. 15 : 11–32), которую поведал Господь. Это рассказ о блудном сыне, о том, как он возвращается к отцу и отец его прощает (Слово Святейшего Патриарха Кирилла в Неделю о блудном сыне после Литургии в Александро-Невском скиту).*

Священник может предоставлять обзор исторических книг и использовать ссылки на известные исторические фигуры, авторитетные среди церковного круга, а также писателей, философов, выдающихся творческих личностей в сфере образования и науки и др.: *День отдания праздника Крещения Господня совпал с праздником святой равноапостольной Нины, просветительницы Грузии. Это женищина, которая совершила труд не меньший, чем святые апостолы. Она пришла на Кавказ, где в то время жили язычники, малопросвещенные народы, и в этой тревожной, опасной обстановке смело проповедовала язычникам христианскую веру. А это значит, что она проповедью своей требовала от них отказаться от своих обычаев, своих нравов, от заведенных порядков (Слово Святейшего Патриарха Кирилла в день отдания праздника Богоявления после Литургии в Александро-Невском скиту).*

При реализации информирующей стратегии чаще всего используют тактику объяснения, например: *Хотел бы присовокупить, что в этот день произошло событие большого исторического значения. Особенно хотел бы сказать о нем как человек, родившийся в Ленинграде, – именно в этот день*

была снята 900-дневная Ленинградская блокада (Слово Святейшего Патриарха Кирилла в день отдания праздника Богоявления после Литургии в Александро-Невском скиту).

Другим способом реализации стратегии выступает тактика ведения диалога, когда священник задает вопрос и сразу же отвечает на него в виде исторической справки: *И кто пришел к этому горячему и сильному народу с таким радикальным призывом, со словами, призывающими к покаянию? Женщина!* (Слово Святейшего Патриарха Кирилла в день отдания праздника Богоявления после Литургии в Александро-Невском скиту).

Очень часто священник предоставляет информацию в аксиоматической форме, ее безоговорочность подчеркивается традиционными для проповеди наречиями *несомненно, известно, верно, часто* и т.д. Например: *Для Девы Марии это было начало пути – как мы знаем, скорбного пути, исполненного многих страданий и болезней* (Слово Святейшего Патриарха Кирилла в праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы после Литургии в Храме Христа Спасителя в Москве).

Во время проповеди часто используется тактика обобщения с помощью употребления специальных конструкций пассивного состояния, инверсии для достижения эмфатического эффекта: *Очень хотел бы надеяться, что мои сегодняшние слова достигнут сердец и отцов, и матерей, и бабушек, и дедушек, и педагогов* (Слово Святейшего Патриарха Кирилла в праздник Рождества Пресвятой Богородицы после Литургии в Илиинском храме).

Коммуникативное взаимодействие в православном дискурсе получает адекватную реализацию в дискурсивной стратегии, которую понимаем как глобальное коммуникативное намерение говорящего в пределах определенного дискурса и речевую объективизацию этого намерения. Дискурсивная тактика – это одно или несколько речевых действий, обеспечивающих реализацию выбранной дискурсивной стратегии говорящего и развертывание определенного речевого жанра.

ЛИТЕРАТУРА

Бобырева Е.В. Религиозный дискурс: ценности, жанры, языковые характеристики: монография. Волгоград: Перемена, 2007. 385 с.

Борисова И.Н. Дискурсивные стратегии в разговорном диалоге // Русская разговорная речь как явление городской культуры / под ред. Т.В. Матвеевой. Екатеринбург: АРГО, 1996. С. 21–48.

Бугаева И.В. Религиозная языковая личность в современном обществе // Личность в межкультурном пространстве: материалы межвуз. науч. конф. М.: Изд-во РУДН, 2005. С. 53–55.

Ван Дейк Т.А. Язык. Познание. Коммуникация / пер. с англ.; сост. В.В. Петрова; под ред. В.И. Герасимова. М.: Прогресс, 1989. 312 с.

Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс: монография. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.

Койт М.Э. Понятие коммуникативной стратегии в модели общения // Труды по искусственному интеллекту: учен. зап. Тартус. ун-та. Тарту, 1988. Вып. 793. С. 97–110.

Куклев В.В. Проповедь в гомилетике и лингвистике // Известия ПГПУ им. В.Г. Беллинского. 2012. № 27. С. 27–31.

Попова Е.С. Структура манипулятивного воздействия в рекламном тексте // Известия Урал. гос. ун-та. 2002. № 24. С. 276–288.

Православные проповеди. URL: <http://www.patriarchia.ru/patriarch/38019>.

Салахова А.Г.-Б. Конфессиональная языковая личность: коммуникативные стратегии и тактики: монография. Челябинск: Энциклопедия, 2013. 166 с.

Седов К.Ф. Становление дискурсивного мышления языковой личности: грамматический и прагматический аспекты. Саратов: Изд-во Саратов. пед. ун-та, 1998. 112 с.

Georgakopoulou A. Discourse Analysis. Edinburgh Univ. Press, 2004. 215 p.

N.V. Leshkova

Candidate of Philology,

Associate Professor,

General Linguistics and Slavic Languages Chair,

Gorlovka Institute for Foreign Languages

Gorlovka, Donetsk People's Republic, Russia

Discursive Strategies of Orthodox Discourse

The theoretical foundations of the study of preaching as a genre of religious Orthodox discourse require the definition of the basic concepts of the communicative and discursive analysis of modern Orthodox preaching and form the basis for its conduct. However, for practical analysis, it is also necessary to develop a research model that covers the fundamental principles of analysis and its tools. The problem of communicative and discursive strategies and tactics in linguistics has been studied quite extensively, however, the lack of a unified classification of them, as well as clear and unambiguous definitions, does not yet make it possible to provide a complete classification of them.

The article is devoted to the analysis of the implementation of the main discursive strategies. Attention is paid to the discursive strategy of narrative, as well as to the contacting and informing strategies that are basic for Orthodox preaching and are present in all its genres. The study examines the main strategies that are the basic concepts of communicative and discursive analysis. The goal of any communicative strategy is to correct the addressee's world model, therefore, within the framework of the strategy, the addressee selects certain psychological parameters, identifies the necessary changes in their values and ways to achieve these goals.

The purpose of the article is to analyze all the strategies that are the basic concepts of the communicative and discursive analysis of the studied Orthodox sermon. As part of the study, the sermons of His Holiness Patriarch Kirill of All Russia were used and analyzed.

Conclusions: communicative interaction in Orthodox discourse receives adequate implementation in the discursive strategy, which we understand as the global communicative intention of the speaker within a certain discourse and the

speech objectification of this intention. Discursive tactics are one or more speech actions that ensure the implementation of the chosen discursive strategy of the speaker and the deployment of a certain speech genre.

The results of the research conducted in this article can be used in research and teaching activities related to the study of various types of discourses.

Key words: *addressee; analysis; narrative; sermon; strategy; tactics.*

REFERENCES

Bobyreva E.V. Religious Discourse: Values, Genres, Linguistic Characteristics: Monogr. [Religioznyj diskurs: cennosti, zhanry, yazykovye harakteristiki: monografiya]. Volgograd: Change, 2007. 385 p. (in Russian).

Borisova I.N. Discursive Strategies in Conversational Dialogue [Diskursivnye strategii v razgovornom dialoge]. *Russian Colloquial Speech as a Phenomenon of Urban Culture [Russkaya razgovornaya rech' kak yavlenie gorodskoj kultury]*. Ed. by T.V. Matveeva. Yekaterinburg: ARGO, 1996, pp. 21–48 (in Russian).

Bugaeva I.V. Religious Linguistic Personality in Modern Society [Religioznaya jazykovaja lichnost' v sovremennom obshchestve]. *Personality in the Intercultural Space: Materials of the Inter-university Scientific conf. [Religioznaya yazykovaya lichnost' v sovremennom obshchestve. Lichnost' v mezhkul'turnom prostranstve: materialy mezhvuz. nauch. konf.]*. M.: RUDN Publishing House, 2005, pp. 53–55 (in Russian).

Van Dyke T.A. Language. Cognition. Communication [Yazyk. Poznanie. Kommunikaciya]. Translated from English; comp. V.V. Petrov; ed. by V.I. Gerasimov. M.: Progress, 1989. 312 p. (in Russian).

Karasik V.I. Language Circle: Personality, Concepts, Discourse [Yazykovoj krug: lichnost', koncepty, diskurs]. Volgograd: Change, 2002. 477 p. (in Russian).

Koit M.E. The Concept of a Communicative Strategy in the Communication Model [[Ponyatie kommunikativnoj strategii v modeli obshchenii]. *Works on Artificial Intelligence: Scientific Notes. Tartous. un-ta [Trudy po iskusstvennomu intellektu: Uchen. zap. Tartus. un-ta]*. Tartu, 1988. Issue 793, pp. 97–110 (in Russian).

Kuklev V.V. Sermon in Homiletics and Linguistics [Propoved' v gomiletike i lingvistike]. *The Bulletin of PGPU named after V.G. Belinsky*, no. 27, pp. 27–31 (in Russian).

Popova E.S. The Structure of Manipulative Influence in the Advertising Text [Struktura manipulativnogo vozdejstviya v reklamnom tekste]. *The Bulletin of Ural State University*. 2002, no. 24, pp. 276–288 (in Russian).

Salakhova A.G.-B. Confessional Linguistic Personality: Communicative Strategies and Tactics: monograph [Konfessional'naya yazykovaya lichnost': kommunikativnye strategii i taktiki: monografiya]. Chelyabinsk: Encyclopedia, 2013. 166 p. (in Russian).

Sedov K.F. Formation of Discursive Thinking of a Linguistic Personality: Grammatical and Pragmatic Aspects [Stanovlenie diskursivnogo myshleniya yazykovoj lichnosti: grammaticheskij i pragmaticheskij aspekty]. Saratov: Publishing house of Sarat. ped. un-ta, 1998. 112 p. (in Russian).

Georgakopoulou A. Discourse Analysis. Edinburgh Univ. Press, 2004. 215 p. (in English).

Orthodox sermons [Pravoslavnye propovedi]. *Available at: <http://www.patriarchia.ru/patriarch/38019>* (accessed: 17.01.2023). (in Russian).

М.В. Терских, К.В. Боцорога

*Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
Омск, Россия*

УДК 81'27

DOI 10.35785/2072-9464-2023-61-1-58-69

РОЛЬ НЕПРЯМОЙ КОММУНИКАЦИИ ПРИ ФОРМИРОВАНИИ ИМИДЖА БАНКА: РАБОТА С НЕГАТИВНЫМИ ОТЗЫВАМИ КЛИЕНТОВ

Ключевые слова: непрямая коммуникация; рекламный дискурс; PR-коммуникация; точки контакта; имидж; коммуникационная стратегия; коммуникативные стратегии и тактики; отзыв; интернет-отзыв.

Статья посвящена рассмотрению инструментов позиционирования банковских услуг, анализу структуры ответа на негативный отзыв клиента, систематизации способов урегулирования конфликтной ситуации и укрепления позитивного образа организации в сознании целевой аудитории. Особое внимание в статье уделяется типологии стратегий и тактик, направленных на решение спорного вопроса, урегулирование конфликта, послужившего причиной отрицательного отзыва клиента. Материалом исследования стали рекламные и PR-тексты, инициированные Почта Банком (2016–2022), а также тексты отзывов клиентов Почта Банка и ответов сотрудников рассматриваемого банка на портале Банки.ру (более 500 сообщений). При проведении анализа материала были использованы следующие методы: описательно-аналитический; метод классификации; сравнительно-сопоставительный анализ; контент-анализ; концептуальный анализ. Проведенное исследование показало, что посредством рекламной и PR-деятельности Почта Банк стремится сформировать в сознании целевой аудитории следующие имиджеобразующие (позиционирующие) категории: доступность, выгодность, надежность, стабильность предоставляемых финансовых услуг, социальную ориентированность банка. В результате анализа ответов сотрудников банка авторы пришли к выводу, что при урегулировании конфликтных ситуаций Почта Банк не использует нейтральные (игнорирование, умалчивание, молчание) и деструктивные (давление, требования, отказ, возмущение) стратегии. В арсенале сотрудников банка следующие коммуникативные стратегии и тактики: стратегия присоединения (тактики согласия, уступки, привлечения внимания); стратегия сотрудничества (тактики сочувствия, поддержки, убеждения, предложения, согласия); стратегия компромисса (тактики убеждения, согласия, поощрения).

В условиях регулярной конкуренции любой компании следует постоянно работать над своей репутацией, формируя в сознании потребителя положительный образ отмечающий существенные преимущества продвигаемого

продукта. Именно грамотное позиционирование помогает потенциальному клиенту увидеть не только рациональные, но и эмоциональные преимущества, которые зачастую становятся определяющим фактором при выборе той или иной торговой марки / бренда – порой вопреки объективным характеристикам товара. Таким образом, коммуникационная стратегия строится на основе выбранного позиционирования и зависит не столько от стоимости торговой марки или бренда, сколько от системы ценностей потребителя и преимуществ товара в глазах покупателя. Грамотно выбранная стратегия позиционирования позволяет идентифицировать товар и дифференцировать его от товаров-конкурентов. Основная задача позиционирования – формирование в сознании потребителя уверенности в исключительности, уникальности и значимости торговой марки, а также в ее отличии от конкурентов.

Прямая и непрямая коммуникация при позиционировании товара и/или услуг. Рекламная коммуникационная система включает следующие составляющие: отправитель (предприятие, осуществляющее деятельность по продвижению торговой марки); получатель (потенциальный потребитель товаров или услуг); сообщение (рекламный посыл для целевой аудитории); инструменты для передачи сообщения (инструменты позиционирования и продвижения); каналы коммуникации (каналы, через которые будет осуществляться передача сообщения от предприятия к потребителю). Взаимодействие отправителя и получателя осуществляется посредством прямой (личностной) и непрямой / косвенной (маркетинговой коммуникации).

Прямая коммуникация представляет собой непосредственно процесс общения представителя организации с потребителем товара или услуг, как правило, в точке получения данного товара или услуги. Иными словами, это процесс взаимодействия персонала с клиентом через следующие каналы коммуникации: по телефону, в переписке, при личной встрече. Непрямая коммуникация – все то, что мотивирует потребителя перейти на уровень прямой коммуникации: реклама, упоминания в СМИ, отзывы и т.п.

Структура общения с клиентом строится в соответствии с теорией этапности продаж, согласно которой выделяются следующие этапы принятия решения о покупке: осознание проблемы (потребности), поиск информации, сравнение вариантов, покупка, реакция на покупку. Остановимся подробнее на последнем этапе, поскольку он крайне важен. На этапе реакции на покупку покупатель может остаться довольным и стать своего рода «рекламоносителем» – рекомендовать компанию своему окружению. Может возникнуть и обратная ситуация: клиент остается неудовлетворенным качеством товара или уровнем обслуживания, что является серьезным риском для продавца, ведь потребитель не только уходит из клиентской базы, но и может «увести за собой» других клиентов, например разместив негативный отзыв о работе сотрудников и низком качестве услуг.

Цель, материал и методы исследования. Цель данной статьи – рассмотрение коммуникационных инструментов позиционирования банковских услуг (на примере Почта Банка), а также анализ структуры ответа на негативный отзыв клиента, систематизация способов урегулирования конфликтной ситуации, нейтрализации негативного имиджа и укрепления позитивного образа организации в сознании целевой аудитории. Материалом исследования стали рекламные и PR-тексты, инициированные Почта Банком (2016–2022), а также тексты отзывов клиентов Почта Банка и ответов сотрудников рассматриваемого банка на портале Банки.ру (более 500 сообщений). Для проведения анализа мы использовали следующие методы исследования: *контент-анализ; метод классификации; описательно-аналитический метод; концептуальный анализ.*

Формирование имиджа Почта Банка. Поскольку позиционирование – это в первую очередь создание желаемого образа в сознании потребителя, на примере Почта Банка рассмотрим способы формирования положительного имиджа организации посредством рекламных и PR-материалов, а также работу с отзывами клиентов как значимые точки контакта, позволяющие укрепить положительный образ организации и нейтрализовать негативный опыт клиентов, который является реакцией либо на контакт с сотрудниками, либо на покупку.

Несколько замечаний относительно специфики работы Почта Банка и деятельности по формированию позитивного имиджа, которую осуществляют PR-специалисты банка. Почта России, а следовательно и Почта Банк, есть практически во всех регионах страны, отсюда доступность банковских услуг для клиентов. Вместе с тем Почта Банк унаследовал целый ряд негативных стереотипов, закрепившихся за Почтой России.

Остановимся на коммуникационной стратегии рассматриваемого банка, в частности на аспектах, связанных с желаемым имиджем данной организации.

Посредством рекламной и PR-деятельности Почта Банк стремится сформировать в сознании целевой аудитории следующие основные **имиджеобразующие (позиционирующие) категории.**

1. Доступность и выгодность финансовых услуг.

Одним из значимых элементов построения имиджа Почта Банка является акцент на доступности финансовых услуг: территориальная доступность, а также непосредственно возможность пользования банковскими продуктами. Благодаря дистанционным каналам банковского обслуживания услуги и продукты Почта Банка могут оформить жители даже отдаленных уголков нашей страны. Во всех рекламных и PR-обращениях Почта банк делает акцент на том, что продукты банка становятся все более выгодными, отражая конкурентное преимущество и привлекая новых клиентов. Например, в рекламном сообщении «звездное лицо» Почта Банка Сергей Гармаш

рассказывает про преимущества пользования картой «Вездеход» и вручает ее «случайной» прохожей – девушке, выступающей в роли потенциального клиента: *Почта Банк вернет 10% кешбэка за покупки в продуктовых магазинах. Клиенты, которые впервые оформят дебетовую карту «Вездеход» Почта Банка с 1 октября по 31 декабря, будут в течение трех месяцев получать кешбэк 10% за покупки в любых продуктовых магазинах.*

2. Надежность и стабильность предоставляемых услуг.

Во всех позиционирующих материалах PR-специалисты банка подчеркивают, что главной **ценностью** Почта Банка являются **клиенты**, при этом основная задача банка – построение **длительных, доверительных и партнерских** отношений с клиентами. Почта Банк стремится завоевать **доверие**, быть **стабильным** и **честным** по отношению к своей аудитории.

Рассмотрим PR-текст на официальном сайте Почта Банка от 12.09.2022: *По итогам августа Почта Банк выдал на 80% больше кредитов наличными, чем за аналогичный период прошлого года. По итогам прошлого месяца Почта Банк выдал нецелевых кредитов наличными на общую сумму порядка 25 млрд рублей, что на 80% превышает количество выданных в августе 2021 года и на 14% – в июле 2022 года...*

Содержание текста позволяет сделать вывод, что востребованность услуг банка повысилась, аудитория заинтересована в том, чтобы стать клиентом Почта Банка: если численность аудитории банка растет, значит, Банку можно доверять, его услуги пользуются популярностью и остальная – сомневающаяся – часть целевой аудитории может принять решение в пользу данной финансовой организации в условиях конкурентного выбора.

Активно работает на формирование положительного имиджа и социальная ориентированность организации. Именно поэтому социальный аспект также присутствует в коммуникационной деятельности Почта Банка.

3. Социальная ориентированность банка.

Почта Банк довольно активно участвует в жизни общества, поскольку для него важно позиционироваться в качестве социально ориентированной коммерческой организации: банк участвует в различных социальных проектах, сотрудничает с государственными органами.

Социально ориентированным является, например, экопроект «Подари лес другу!», принять участие в котором может любой клиент банка. Достаточно оформить дебетовую карту «Зеленый мир» и стать участником проекта, в рамках которого банк – а следовательно, и его клиент – сажает деревья и участвует в восстановлении национальных парков России. Чтобы подчеркнуть весомый вклад клиента банка в процесс озеленения России, Почта Банк отправляет по электронной почте клиенту сертификат, в котором указываются координаты восстановленного леса. С количеством посаженных благодаря ему деревьев клиент может ознакомиться в своей выписке из счета.

Отметим еще один проект банка. Тем, кто является клиентом Почта Банка, предоставляется бесплатная возможность воспользоваться сервисом «Линия заботы», о чем организация заявляет на своих ресурсах. Приведем в качестве примера информацию с официальной страницы банка на сайте «Дзен»: *От юристов до психологов: куда обратиться за бесплатной консультацией? В непростое время важно чувствовать поддержку и быть уверенным в том, что при необходимости вам помогут. В Почта Банке действует «Линия заботы» – услуга бесплатных консультаций по психологическим, медицинским, юридическим и другим вопросам...*

4. Выбор банка лидером мнений.

При формировании положительного образа Почта Банк выбрал рекламным лицом российского актера Сергея Гармаша. Действительно, известные, публичные личности способны оказывать существенное влияние на выбор клиента в том случае, если лицо организации является референтной личностью для целевой аудитории. Сергей Гармаш стал «лицом» Почта Банка с открытия – с 2016 года. Выбор медийной персоны не случаен: Гармаш является узнаваемым артистом театра и кино, а его образ – в том числе и кинематографический – вызывает доверие у широкой аудитории. Рекламные ролики с участием Сергея Гармаша запускаются на телевидении, размещаются на официальных страницах Почта Банка в социальных сетях на регулярной основе. О выходе новых роликов банк уведомляет аудиторию и на официальном сайте: *Почта Банк и Instinct запустили Сергея Гармаша на Луну. В новых рекламных роликах лунный пейзаж помогает «подсветить» выгоду и удобство кредита от Почта Банка. В новой кампании Почта Банк предлагает кредит наличными по выгодной ставке, а главным героем роликов стал амбассадор банка Сергей Гармаш, который силой креативной идеи был отправлен на Луну...*

Работа с возражениями клиента (на примере отзывов на сайте Банки.ру). Важным фактором в формировании имиджа Почта Банка является оценка отзывов на сайте Банки.ру и то, как банк работает с этими отзывами. Банки.ру позиционирует себя как самый большой «финансовый супермаркет» в России. Данный ресурс позволяет пользователям оставить отзывы о любом банке, сообщить о своей проблеме или оставить пожелание. Банки активно работают с отзывами, которые по большей части не являются положительными, что во многом обусловлено спецификой жанра отзыва: негативными эмоциями, как показывают исследования [Терских, 2014; Саулин, 2018; Но-Дас, Carson, Moore, 2013; Otto, Wagner, 2004; Ghose, Ipreiotis, 2006], потребитель делится чаще, активнее и эмоциональнее. Конечно, предпочтительнее всего, чтобы банк не допускал прецедентов, которые вынуждают клиентов оставлять негативные отзывы. Другими словами, первый и самый эффективный способ борьбы с негативными комментариями – **профилактика** их появления. «Многие компании удаляют все негативные комментарии, но подобное сегодня в

бизнес-сообществе считается недопустимым» [Ушанова, 2018, 312]. Таким образом, если отрицательный комментарий оставлен, важно, как банк работает на урегулирование конфликтной ситуации.

Рассмотрим примеры и выделим способы разрешения конфликтной ситуации (орфография и пунктуация отзывов сохранена). Клиенты оставляют отзывы чаще всего по следующим причинам.

1. **Некомпетентность сотрудников**, введение в заблуждение сотрудниками банка:

(1) Сегодня при оформлении кредита, сотрудница под предлогом посмотреть корректно ли отображается ставка и подключения некой акции попросила мой телефон с приложением Почта банка и отправила 10 000 в счет оплаты программы Фитономика «Здоровый жизни на максимум». На мою просьбу вернуть телефон не среагировала. Дополнительно без моего согласия со счета кредитного договора было списано 3499 за какой-то пакет услуг, помимо двух страховок, на которые я была согласна...

2. **Некорректное общение** со стороны банка:

(2) Сегодня поступил звонок с напоминанием о внесении очередного обязательного платежа по кредитной карте, звонила С-ва Вероника А. С таким хамством я еще никогда не сталкивалась. Грубый тон, неуместные вопросы в стиле «а вам нравится, когда вам на работе зарплату задерживают?!»

3. **Навязчивые звонки и смс-оповещения** с целью предложения оформить потребительский кредит, кредитную карту и др.:

(3) На протяжении этих пары лет, я постоянно получаю звонки от почта банка с предложением получить кредит и т.д. Каждый раз им говорю, перестаньте звонить, вычеркните меня и т.д. На что любезно мне говорят, что вычеркнули и больше не будут звонить.

4. **Требования об оплате начисленных комиссий**:

(4) Здравствуйте. 25 января 2022 г. в приложении Тинькофф выбрала пополнение счета с любой карты мгновенно и без комиссии, выбрала с карты Почта Банк. А потом узнаю о списании комиссии 1500 руб. Почему так? При совершении операции не увидела никакой информации о комиссиях от Почта Банк!

5. **Отказ в оформлении кредитных продуктов**:

(5) Здравствуйте! Хотела бы выразить свое недовольство данному банку: дело в том, что несколько раз подавала заявку на потреб и товарный кредит, но почему-то все время отказывают, хотя ки у меня отличная.

6. **Нарушение банком законодательства**, неправомерные, по мнению клиента, действия со стороны банка:

(6) В сентябре 2022 г. у меня образовалась просроченная задолженность по кредиту в связи с тем, что я начал процедуру банкротства, о чем почта банк был уведомлен заказным письмом. Несмотря на это, банк начал

с первого дня просрочки нарушать ФЗ № 230 от 03.07.2016 г., совершая звонки третьим лицам по моей задолженности.

7. Несоблюдение и изменение условий действующего договора между клиентом и банком:

(7) Увеличили лимит без моего согласия на кредитке, заманивая на то, чтоб больше потратила, больше переплатила, просила уменьшить лимит как было, отправили в отделение так и не уменьшив, ни сервис, а черт знает что, не хочу пользоваться услугами больше такого банка!!!

8. Совершение действий без согласия клиента: списание, невыполнение своих обязательств перед клиентом, подключение услуг без оповещения клиента:

*(8) 28.08.2024 года списали по договору 63***5 за платиновый пакет 7000, на который не подписывался. В приложении Юнистрим по возврату не активно. Верните деньги!*

9. Несоответствие информации о кредитных продуктах на ресурсах банка – на официальном сайте, в рекламных сообщениях, в мессенджерах – и предоставляемой сотрудниками банка, в личном кабинете, интернет-банке:

(9) Все мы видим рекламу «Почта Банк» по телевизору, где Гармаш рекламирует кредит по фиксированной ставке 12,9% годовых. Я и моя жена решили оформить кредит на 300 000 р. сроком на 36 месяцев. И, что вы думаете, нам сразу одобрили аж под 24,9% годовых. Причем и мне и жене, бери не хочу. Естественно мы отказались.

10. Игнорирование проблемы клиента в клиентском офисе, на горячей линии и на других дистанционных каналах связи:

(10) Три раза писали жалобы на возврат денежных средств. Ответ один банк правомерно списал деньги и мы сожалеем, что до вас донесли не верно информацию.

11. Технические проблемы в работе банка:

(11) Самый ужасный банк на территории РФ, приложение, сайт и мобильный банк не работают, оплатить что-либо нет возможности...

Рассмотрим коммуникационные инструменты, используемые при работе с негативными отзывами, и способы нейтрализации конфликтной ситуации. Как показывает практика, в случае негативного отзыва, носящего экспрессивный и абстрактный либо не соответствующий действительности характер, необходимо сделать опровержение некорректной информации, описав реальное положение дел:

(12) Проведенная проверка показала, что при оформлении кредита сотрудником Банка были доведены до Вас все условия предоставления кредита, подробно рассказано обо всех включенных услугах и дополнительном продукте.

Если же негативный отзыв справедлив, то целесообразнее всего принести извинения за возникновение сложных моментов, оперативно исправить ошибки.

Так, например, в ходе решения банком вопроса не всегда подтверждается некомпетентность сотрудника. Если же это действительно так, то банк сообщает, что примет меры и проведет дополнительное обучение работника:

(13) В рамках рассмотрения Вашего обращения была прослушана аудиозапись исходящего звонка от 18.08.2022 г. При прослушивании данной аудиозаписи факт хамского и грубого общения со стороны сотрудника не подтвержден. Но в ходе проверки со стороны сотрудника выявлены другие нарушения в связи с чем будут приняты соответствующие меры.

В рамках работы с отзывами подчеркивается, что банк несет **ответственность** за своих сотрудников и прислушивается к мнению клиента.

Целый ряд вопросов, связанных с недовольством клиента по поводу навязчивой рассылки, списания средств, подключения услуг без ведома клиента, совершения каких-либо других противоправных, по мнению потребителя, действий, решается посредством следующего арсенала способов урегулирования конфликта. Если банк неправ и клиенту действительно не была предоставлена необходимая информация, то Почта Банк сообщает, что отменит комиссию и вернет денежные средства, и выполняет свои обязательства, что подтверждают в комментариях сами пользователи. Если банк прав: клиент был уведомлен и за пользование услугой действительно предусмотрена комиссия, то сотрудники банка стараются объяснить клиенту истинную причину сложившейся ситуации и урегулировать вопрос таким образом, чтобы клиент остался доволен. Можно отметить, что цель всех ответов Почта Банка на портале Банки.ру заключается в том, чтобы сохранить доверие, успокоить клиента, вернуть доверие, если оно потеряно, показать, что клиент и его проблемы важны, не оставить без внимания его потребности и продлить сотрудничество:

(14) Мы искренне сожалеем об оставшемся у Вас негативном впечатлении о Банке. Разрешите выразить надежду на то, что в будущем наше с Вами сотрудничество будет лишено каких-либо разочарований и удовлетворит всем Вашим требованиям.

Списание средств за какие-то услуги, о подключении которых клиент не был уведомлен, происходит по целому ряду причин: сотрудники банка не сообщили о подключении, возникла техническая ошибка, клиент не ознакомился с условиями договора или произошло недопонимание. Во всех случаях банк ориентирован на выполнение требований клиентов и, как правило, возмещает списанные денежные средства:

(15) В качестве извинений, а также в качестве благодарности за пользование нашими услугами в ближайшее время на Ваш договор Сберегательного счета будет зачислен небольшой бонус от Банка.

Анализ отзывов на портале Банки.ру позволяет сделать вывод, что при разрешении спорных вопросов Почта Банк не использует нейтральные (*игнорирование, умалчивание, молчание*) и деструктивные (*давление, требования, отказ, возмущение*) стратегии урегулирования конфликтных ситуаций. Можно отметить, что при решении спорных вопросов сотрудники банка прибегают к следующим стратегиям.

1. **Стратегия присоединения.** Нередко банк в работе с обращениями идет на уступки, удовлетворяя интересы клиента, решая вопрос в его пользу. При реализации данной стратегии банк прибегает к следующим тактикам: ***согласие, уступка, привлечение внимания.***

(16) Ваш номер телефона исключен из сервисов по информированию о маркетинговых предложениях Банка по всем каналам.

2. **Стратегия сотрудничества.** При этом используются следующие тактики: ***сочувствие, поддержка, убеждение, предложение, согласие.***

(17) Сожалею, что поводом для обращения послужила описанная Вами ситуация...

(18) Хотелось бы отметить, что Почта России и Почта Банк реализовали совместное предоставление услуг своим Клиентам посредством Единой ПЭП (Простая Электронная Подпись)...

3. **Стратегия компромисса.** Почта Банк часто соглашается на частичное или полное удовлетворение интересов клиента, применяя тактики ***убеждения, согласия, поощрения:***

(19) Банк сожалеет о том, что у Вас сложилось негативное впечатление и поэтому в ближайшее время на Ваш Сберегательный счет будет начислен небольшой бонус.

Анализ ответов сотрудников банка показал, что реакция на негативный отзыв включает в себя следующие **структурные компоненты**: приветствие; благодарность за обратную связь; проявление искренних эмоций (*сопереживание, эмпатия*); извинения за причиненные неудобства, за сложившуюся ситуацию; выражение намерения разобраться в ситуации и решить вопрос / урегулировать конфликт; результат проведенного внутреннего расследования; решение или компромисс; выражение надежды на продолжение сотрудничества.

В целом можно отметить, что в ответах на претензии Почта Банк корректен, клиентоориентирован и оперативен. Действительно, если ознакомиться с отзывами на портале Банки.ру, может сложиться отрицательное мнение о банке: большинство отзывов отражают негативный эмоциональный настрой клиента, свидетельствуют о целом комплексе проблем в деятельности рассматриваемого банка. Анализ коммуникационной стратегии

Почта Банка при работе с возражениями клиентов показал, что в первую очередь банк пытается сгладить конфликтную ситуацию, выражая сожаление и принося извинения: *Приносим извинения за сложившуюся ситуацию, а также за возможные неудобства. Надеемся на понимание, и вышеуказанная ситуация не отразится на нашем сотрудничестве.* Далее банк проводит внутреннее расследование, проверяет информацию, которая отражена в отзыве, на достоверность; если необходимо уточнение, то запрашивает данные у обратившегося: *На основании полученной информации Банком была проведена проверка фактов, и Банк готов предоставить комментарии по данной ситуации; Для снятия ограничений необходимо предоставить в канцелярию Банка оригинал документа об отмене исполнительного производства...*

В ходе рассмотрения ситуации может потребоваться время, о чем банк предупреждает клиента и сообщает, что делает все возможное для скорейшего предоставления ответа. Помимо этого, в диалоге также может участвовать администратор сайта Банки.ру, выступающий независимым экспертом в подтверждении итоговой оценки отзыва и того, решена ли проблема клиента.

ЛИТЕРАТУРА

Саулин В.В. Модели анализа отзывов потребителя // Современные технологии принятия решений в цифровой экономике: сборник трудов Всероссийской научно-практической конференции. Томск, 2018. С. 165–167.

Терских М.В. Жанр интернет-отзыва в туристическом дискурсе (маркетинговый потенциал) // Политическая лингвистика. 2014. № 4(50). С. 274–283.

Ушанова М.В. Работа с негативными отзывами в сети интернет как форма продвижения компании // Гуманитарные технологии в современном мире: материалы VI Международной научно-практической конференции. М., 2018. С. 312–314.

Ho-Dac N.N., Carson S.J., Moore W.L. The Effects of Positive and Negative Online Customer Reviews: Do Brand Strength and Category Maturity Matter? // Journal of Marketing. 2013. Vol. 77, No. 6. P. 37–53.

Otto J.R., Wagner W. Analysis of Online Customer Reviews // Journal of Business & Economics Research. 2004. Vol. 2, No. 10. P. 17–22.

Ghose A., Ipeirots P. Designing Ranking Systems for Consumer Reviews: The Impact of Review Subjectivity on Product Sales and Review Quality // Proceedings of the 16th annual workshop on information technology and systems. 2006. P. 303–310.

M.V. Terskikh

*Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor,
Theoretical and Applied Linguistics Chair,
Dostoevsky Omsk State University
Omsk, Russia*

K.V. Botsoroga

*Master's Student,
Dostoevsky Omsk State University
Omsk, Russia*

The Role of Indirect Communication in Forming the Image of the Bank: Working with Negative Customer Feedback

The article is devoted to the consideration of tools for positioning banking services, analysis of the structure of response to a negative customer review, systematization of ways to resolve a conflict situation and strengthening a positive image of the organization in the minds of the target audience. Particular attention is paid to the typology of strategies and tactics aimed at resolving a conflict that caused a negative feedback from a client. The material of the study was advertising and PR texts initiated by Pochta Bank (2016–2022), as well as texts of customer reviews of Pochta Bank and responses from employees of the bank in question on the Banki.ru portal (more than 500 messages).

When analyzing the material, the following methods were used: descriptive-analytical method; classification method, comparative analysis, content analysis; conceptual analysis. The study showed that through advertising and PR activities Pochta Bank seeks to form the following image-forming (positioning) categories in the minds of the target audience: accessibility, profitability, reliability, stability of financial services provided, social orientation of the bank.

As a result of analyzing the responses of bank employees, the authors came to the conclusion that when resolving conflict situations, Pochta Bank does not use neutral (ignoring, silence, silence) and destructive (pressure, demands, refusal, indignation) strategies. The following communication strategies and tactics are in the arsenal of bank employees: strategy of accession (tactics of consent, concession, attracting attention); cooperation strategy (tactics of sympathy, support, persuasion, suggestions, consent); compromise strategy (tactics of persuasion, consent, encouragement).

Key words: indirect communication; advertising discourse; PR communication; contact points; image; communication strategies and tactics; feedback; internet review.

REFERENCES

Saulin V.V. Consumer Feedback Analysis Models [Modeli analiza otzyvov potrebitelya]. *Modern Decision-making Technologies in the Digital Economy: a Collection of Works of the All-Russian Scientific and Practical Conference [Sovremennye tekhnologii primyatiya reshenij v cifrovoj ekonomike: sbornik trudov Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii]*. Tomsk, 2018, pp. 165–167 (in Russian).

Terskikh M.V. Internet Review Genre in Tourist Discourse (Marketing Potential) [Zhanr internet-otzyva v turisticheskodiskurse (marketingovyjpotencial)]. *Politicheskaya lingvistika*. 2014, no. 4(50), pp. 274–283 (in Russian).

Ushanova M.V. Working with Negative Reviews on the Internet as a Form of Promotion of the Company [Rabota s negativnymi otzyvami v seti internet kak forma prodvizheniya kompanii]. *Humanitarian Technologies in the Modern World: Materials of the VI International Scientific and Practical Conference [Gumanitarnye tekhnologii v sovremennom mire: materialy VI Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii]*. M., 2018, pp. 312–314 (in Russian).

Ho-Dac N.N., Carson S.J., Moore W.L. The Effects of Positive and Negative Online Customer Reviews: Do Brand Strength and Category Maturity Matter? *Journal of Marketing*, 2013, vol. 77, no. 6, pp. 37–53 (in English).

Otto J.R., Wagner W. Analysis of Online Customer Reviews. *Journal of Business & Economics Research*, vol. 2, no.10, 2004, pp. 17–22 (in English).

Ghose A., Ipeirotis P. Designing Ranking Systems for Consumer Reviews: The Impact of Review Subjectivity on Product Sales and Review Quality. *Proceedings of the 16th Annual Workshop on Information Technology and Systems*, 2006, pp. 303-310 (in English).

В.Д. Калиущенко

*Донецкий национальный университет
Донецк, Донецкая Народная Республика, Россия*

УДК 81'44(08)

DOI 10.35785/2072-9464-2023-61-1-69-83

ТИПОЛОГИЯ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ, МОТИВИРУЮЩИХ ГЛАГОЛЫ

Ключевые слова: *межъязыковое обобщение; мотивирующее имя; номинативный признак; отыменной глагол; словообразовательная модель.*

В статье рассматриваются имена существительные, от которых образуются так называемые отыменные глаголы. Актуальность исследования обусловлена интересом лингвистов к словообразованию «имя → глагол», которое интенсивно изучается как в отдельных языках, так и в сопоставительном и типологическом аспектах. Основное внимание в имеющихся работах уделяется структурным и семантическим типам отыменных глаголов. Менее изученным остается характер зависимости значения глаголов от семантики их мотивирующих имен.

Основная задача исследования заключается в формулировании межъязыковых обобщений в отношении характера зависимости значения

отыменного глагола от его мотивирующего имени и в определении возможности предсказать значение глагола на основе семантики его мотивирующего имени.

Обусловленность семантики отыменного глагола значением его мотивирующего имени должна проявляться в предсказании семантики глагола путем анализа лексических признаков имени (конкретное / абстрактное / одушевленное / неодушевленное, наименование по профессии, инструменту, отрезку времени и др.).

Большинство существительных характеризуются сложной, многопризнаковой семантической структурой. На основе различных признаков эквивалентного имени в разных языках могут быть образованы глаголы разной семантики. Попытки установления однозначного соответствия между признаками имени и семантикой отыменного глагола привели к представленным результатам.

В целом можно констатировать, что значение отыменных глаголов находится в отношении вероятностной зависимости от семантики мотивирующего имени. Вероятностный характер этой зависимости обусловлен как экстралингвистическими факторами, влияющими на выбор признака номинации (действие, ассоциирующееся с мотивирующим именем), так и языковыми причинами: набор словообразовательных моделей, их продуктивность, наличие у потенциальных дериватов синонимов и омонимов.

Объектом исследования, представленного в данной статье, являются мотивирующие имена существительные (МИ) и образованные от них отыменные глаголы (ОГ), например: *пила* → *пилить*, *гость* → *гостить*, ср. аналогические пары: болг. *гост* → *гостували*, швед. *gäst* → *gästa*, латыш. *viesis* → *viesoties* и т.д.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью решения ряда проблем, связанных с семантикой ОГ и семантикой МИ. ОГ интенсивно изучались в работах российских и зарубежных ученых, как в отдельных языках, так и в сопоставительном аспекте [Dulewiczowa, 1985; Kaliučenko, 2000; Неद्याлков, 2017 и др.]. В них описаны способы образования ОГ, их семантические типы. Малоизученным остается характер зависимости значения ОГ от семантики МИ.

Данная проблема связана с активной разработкой каталога семантических переходов, осуществляемой в последние годы в рамках когнитивной теории на материале большого количества языков [Зализняк, 2013; Михайлова, 2013 и др.]. Один из типов семантических переходов представляет собой морфологическая деривация, то есть пары слов типа «Значение В представлено морфологическим дериватом слова, имеющего значение А», напр.: нем. *rufen* ‘звать кого-то’ → *anrufen* ‘звонить кому-то’. русск. *уста* → *устье* (реки) [Зализняк, 2013, 34]. Таким образом, речь об отношении мотивации, традиционно исследуемом в словообразовании.

Основные задачи исследования заключаются, во-первых, в получении типологических обобщений в отношении характера зависимости значения ОГ от его МИ, во-вторых, в установлении типов ограничений на образование ОГ, в-третьих, в определении степени возможности предсказать значение ОГ на основе значений его МИ.

Эмпирическую основу представляют данные об ОГ и их МИ в индоевропейских, уральских, алтайских, чукотско-камчатских, австронезийских, андеанских и других языках (всего 50 языков). Описание и примеры ОГ и их МИ получены из словарей, грамматик, специальных работ.

Методологическую основу исследования составили работы российских и зарубежных лингвистов в области лексической семантики и системной лексикографии [Апресян, 1974; 2009; Вежбицкая, 2011 и др.], словообразования [Кубрякова, 1981; Земская, 1985; Улуханов, 1977; Харитончик, 2015; Erben, 2006; Fleischer, Barz, 2007; Henzen, 1965; Heringer, 2014; Marchand, 1960; Kühnhold, 1973; Wellmann, 1973 и др.], лингвистической типологии и сопоставительного словообразования [Недялков, 1985; Успенский, 1969; Comrie, 1985; Dulewiczowa, 1981; Kulak, 1964; Marchand, 1964; Nedjalkov, 2007; Plank, 1981].

Семантическое отношение между МИ и ОГ устанавливалось на первом этапе путем определения семантической роли МИ в толковании ОГ вместе с его актантами. Например, толкование глагола *'пилить'* → *пила* в формульной записи на семантическом языке [Апресян, 1974] выглядит следующим образом: « S_1 совершает действие над S_m » (S_1, S_2 – актантами ОГ, S_m – мотивирующее имя), семантическая роль мотивирующего имени – инструмент. На этом основании выделяются посессивные ОГ (МИ обозначает посессивный объект, например в эвенском: *хутэ* 'ребенок' → *хутэт-* 'иметь ребенка', в якутском *таба* 'олень' → *табалан-* 'иметь оленя'), атрибутивные ОГ (МИ обозначает признак субъекта или объекта ОГ, например: русское *гость* → *гостить* 'быть гостем'). Кроме этих двух типов ОГ отмечены локативные, объектные, предикативные (МИ обозначает в формуле толкования действие, процесс, состояние), темпоральные, событийные (МИ – целостная ситуация). Более дробная классификация МИ позволяет достаточно определенно предсказывать семантику ОГ. Так, МИ, называющее людей по их профессии, занятию, черте характера, мотивирует, как правило, глаголы со значением «быть кем-либо по профессии, вести себя подобно лицу, которое обозначает МИ». Такие же определенные предположения могут быть сделаны о семантике ОГ, мотивируемых наименованиями животных: «вести себя подобно животному, обозначаемому МИ», «охотиться на животное». Соответственно, наименование инструментов, локативов мотивирует инструментальные, локативные ОГ.

Большинство существительных характеризуются сложной многопризнаковой семантической структурой. На основе различных признаков и

лексико-семантических вариантов значения того или иного имени существительного в разных языках могут быть образованы ОГ с различными или эквивалентными значениями. Так, от МИ *дом* 1) ‘здание, строение, предназначенное для жилья, для размещения различных учреждений и предприятий’; 2) ‘жилое помещение, квартира, жилье’; 3) ‘семья’, ‘люди, живущие одним хозяйством’ и т.д. могут быть образованы глаголы с различным значением. На основе ЛСВ имени *house* ‘дом’, ‘жилье’ в английском языке образуются ОГ *to house* ‘предоставлять жилье’, ‘жить в доме’, в немецком: *hausen* ‘проживать’, ‘обитать’, ‘ютиться’ ← *Haus* ‘дом’. На основе этих и других ЛСВ и признаков значения данного имени в разных языках образуются и ОГ с другими значениями, ср.: в эвенкийском *дю* 1) ‘жилище’, ‘юрта’, ‘чум’, ‘дом’; 2) ‘семья’ → *дювчā* 1) ‘заниматься домашним хозяйством’, ‘следить за порядком в доме’; 2) ‘оставлять в доме’; *дюлā-* ‘поселиться (в юрте, чуме, доме)’; *дюмā-* 1) ‘ходить по домам’; 2) ‘уходить домой’; *дюнча-* ‘находиться дома’; *дюң-* ‘ставить юрту, чум’, ‘строить дом’; в индонезийском *rumah* ‘дом’ → *berumah* 1) ‘иметь дом’; 2) ‘жить где-либо’; *menperumahkan* ‘выдавать замуж’, ‘женить’, *menjerumahkan* ‘поселять вместе’; в якутском *дьиэ* ‘дом’ → *дьиэлээ-* 1) ‘выделять дом, давать дом, например, в качестве приданого’; 2) ‘женить’, ‘выдавать замуж’; 3) ‘смотреть за домом’, ‘вести хозяйство’; 4) ‘отправляться домой’, *дьиэлэн-* 1) ‘приобретать дом, квартиру’; 2) ‘квартировать, жить где-либо’ и т.д.

Естественно, на основе не каждого признака значения существительного в определенном языке может быть образован ОГ.

Отсутствие дериватов определенного типа у отдельных слов может быть обусловленным, например, одной из следующих причин:

1) отсутствие деривата связано с экстралингвистическими факторами, создание его «противоречило бы естественной логике событий» [Кубрякова, 1985, 163]. Этим фактором объясняется, например, то, что в немецком языке от ОГ *geigen* ‘играть на скрипке’ ← *Geige* ‘скрипка’, *orgeln* ‘играть на органе’ ← *Orgel* ‘орган’ не образуются глаголы **ausgeigen*, **ausorgeln* с предполагаемым значением «объявлять о чем-либо, предваряя объявление игрой, звуками музыкального инструмента S_m», но ср. *austrompeten* истор. ‘объявлять через глшатая’ ← *trompeten* ‘играть на трубе’ ← *Trompete* ‘труба’; при объявлении глшатаями не использовались инструменты *Geige*, *Orgel* [Hundsnurscher, 1982, 24];

2) ограничением на образование ОГ может служить формальная структура МИ. Так, ограничением на образование ОГ часто выступают существительные с суффиксами женского рода, ср.: русск. *учительница*, нем. *Zehrerin*;

3) отсутствие глагольных дериватов у определенных существительных может быть обусловлено системными ограничениями, возникающими при попытке образования ОГ.

Семантическим ограничением на образование ОГ с данным значением может служить: а) отсутствие продуктивной словообразовательной модели, в которой реализуется данное смысловое отношение между именем и глаголом, ср. непродуктивность модели образования ОГ со значением «охотиться на S_m , ловить S_m » в русском языке; б) наличие омонимов [Земская, 1973; Кубрякова, 1985, 163; Plank, 1981, 165–173], например, отсутствие в немецком языке ОГ **lauten* ← *Laute* ‘лютня’ (по аналогии с *flöten* ‘играть на флейте’ ← *Flöte* ‘флейта’, *geigen* ‘играть на скрипке’ ← *Geige* ‘скрипка’ и др.) можно объяснить наличием неотыменного глагола *lauten* ‘звучать’; в) наличие синонимов [Кубрякова, 1985, 163; Rose, 1973, 521; Plank, 1981, 251; Kastovsky, 1986, 593], ср. продуктивный тип ОГ в немецком языке, образованных от названий животных на основе их ярких характерных признаков. *Storch* ‘аист’ → *storchten* разг. ‘шагать, как на ходулях’, ‘переставлять ноги, как аист’; именно наличием синонимов можно объяснить отсутствие ОГ, мотивированных названиями животных типа *Ente* ‘утка’ → **enten*, но: *quaken* ‘крякать’, *watscheln* ‘ходить, переваливаясь с боку на бок’, *Hahn* ‘петух’ → **hahnen*, но: *krähen* ‘петь (*o nemuxe*)’ [Plank, 1981, 111].

Семантические ограничения, однако, не носят, как правило, абсолютного характера. С одной стороны, наличие их может не препятствовать образованию ОГ – ср. наличие ОГ *hausen* в значении ‘проживать, обитать’ ← *Haus* ‘дом’ наряду с синонимичным ему неотыменным глаголом *wohnen*. С другой стороны, ОГ могут отсутствовать в случаях, когда не имеется семантических запретов, – ср. отсутствие ОГ (и вообще глагола) со значением ‘класть яйца’ в немецком языке. Этот ОГ мог бы быть мотивированным либо существительным *Henne* ‘курица-несушка’, либо существительным *Ei* ‘яйцо’ (ОГ *eiern* имеет другие значения – 1) ‘делать восьмерку (*o колесе*)’, 2) ‘идти пошатываясь’), ср. в вепском: *tuni-* ‘нести’ ← *tupa* ‘яйцо’, ср. эту же пару: тув. *чуургала-* ← *чуурга*. В данном случае причиной отсутствия деривата в немецком языке является, по-видимому, только узус, речевая практика, реализующая системные возможности.

Обусловленность семантики ОГ значением его МИ должна проявляться в возможности предсказывать [Dressler, 1981; Dressler, 1985] значение ОГ путем анализа значения МИ и определения наиболее типичных, «естественных» действий (ассоциирующихся с денотатом МИ), которые могли быть положены в основу значения ОГ. Важным поэтому является наличие / отсутствие у МИ яркого, характерного для него, как правило, прагматического признака типа «инструмент», «место», то есть, поскольку у денотата МИ типа «пила» имеется такой характерный признак, как «инструмент для резания», можно предположить с большой долей вероятности,

что ОГ, образованный от этого МИ, – «пилить» будет иметь значение «разрезать с помощью пилы».

В действительности дело обстоит сложнее. Во-первых, как отмечалось, денотат значения имен существительных, прежде всего конкретных, обладает не одним признаком, ср. выше образование ОГ с различными значениями от существительного «дом». Во-вторых, при создании ОГ в качестве номинативного выбирается не всегда самый существенный, самый характерный признак МИ. Вряд ли для существительного *кыв* 'язык' в коми наиболее характерным является признак, связывающий его с действием *кывйавны* 'вынимать языком, слизывать соринку из глаза'. По-видимому, значение ОГ основано в данном случае на некоторой не самой существенной, потенциальной семе [Гак, 1971, 96] значения МИ «язык».

Существительные, мотивирующие глаголы, были расклассифицированы на основе следующих (частично) иерархически упорядоченных признаков: МИ конкретное – одушевленное / неодушевленное – лицо / животное, МИ абстрактное – событие, действие, чувство (состояние, отношение) и т.д. (см. ниже).

Классификация МИ может быть, естественно, более дробной, и в ряде случаев ниже анализ приводится с опорой на более мелкие семантические группы.

1. Названия лиц мотивируют в индоевропейских языках ОГ атрибутивного типа со значениями (1) « S_1 есть (как) S_m », (2) « S_1 начинает быть (как) S_m », (3) « S_1 каузирует S_2 быть S_m », редко – (4) « S_1 каузирует S_2 не быть S_m », то есть такие ОГ, как русск. *профессорствовать*, *лентяйничать* (1), *омещаниться* (2), *поработить* (3). Но в рамках атрибутивного типа выделяются в ряде языков ОГ с иными значениями. Например, в тагальском, эскимосском, японском языках имеются ОГ со специализированными суффиксами, обозначающие «быть похожим на S_m », ср. в японском: *отона* 'взрослый человек' → *отонабиру* 'казаться взрослым', *хякусе* 'крестьянин' → *хякусе-дзимиру* 'иметь вид крестьянина'. В тунгусо-маньчжурских языках, в тувинском существуют ОГ со значением «считать, принимать, признавать в качестве S_m », ср.: нан. *най* 'человек' → *найси-* 'принять за человека'. В чукотском, корякском, юкагирском, индонезийском и некоторых других неиндоевропейских языках от названий лиц, как и от имен иной семантики, образуются ОГ со значением «иметь S_m » (см. выше первую группу посессивных глаголов), ср. в алеутском: *асхинух* 'дочь' → *асхину-зихух* 'он имеет дочь'. В эвенском же, например, от существительных – названий людей образуются и ОГ локативного типа, ср. *нючи* 'русский' → *нючима* 'пойти к русскому', *бэй* 'человек' → *бэймэ-* 'пойти к человеку'.

2. От существительных – названий животных в индоевропейских, тюркских, угро-финских образуются ОГ атрибутивного типа со значением

«S₁ ведет себя подобно животному S_m», ср. русск. *обезьяна* → *обезьянничать*, аналогично в украинском: *мавна* → *мавнувати*, каз. *маймыл* → *маймылдану*, финском: *arina* → *arinoida* и т.д.

В большинстве языков имеются объектные ОГ со значением «S₁ охотится на S_m, ловит животное S_m», ср. в якутском: *тайах* ‘лось’ → *тайахтаа-* ‘охотиться на лосей’, *балык* ‘рыба’ → *балыктаа-* ‘рыбачить’, в ненецком: *няк* ‘нерпа’ → *няконзь* ‘охотиться на нерп’, *ябто* ‘гусь’ → *ябтунзь* ‘охотиться на гусей’.

В ряде языков существительные, обозначающие людей, животных, выступают в качестве МИ глаголов, образуемых по иным семантическим моделям. Например, в чукотском языке с помощью суффикса *-у-* / *-о-* образуются, в частности, ОГ со значением «S₁ лишает S₂ предмета S_m», где в качестве S_m выступают также названия людей и животных, ср.: *нэвьэн* ‘жена’ → *нэвук* ‘отбивать жену’, *ыттъыт* ‘собаки’ → *ыттъук* ‘отнимать собак’. В эскимосском от названий животных образуются со специализированным суффиксом *-ираҕ* ОГ, обозначающие «имитировать, играть в», ср.: *ама* ‘волк’ → *амаңираҕ-* ‘играть в волков’, *айвык* ‘морж’ → *айвыҕираҕ-* ‘играть в моржей’.

3. Разброс значений особенно широк у ОГ, мотивированных конкретными неодушевленными предметами (существительными).

Так, например, от существительных, обозначающих инструменты, образуются ОГ со значением «S₁ совершает типичное действие при помощи S_m», ср. *пила* → *пилить*, ср. также аналогичные пары в чешском: *pila* → *pilovati*, английском: *saw* → *to saw* и т.д., ср. также в азербайджанском: *бычаг* ‘нож’ → *бычагламаг* ‘ранить ножом’, *топ* ‘пушка’ → *топламаг* ‘бомбардировать’, в коми: *пань* ‘ложка’ → *панявны* ‘хлебать ложкой’, *гогын* ‘скобелъ’ → *гогнавны* ‘скоблить скобелем’. Тем не менее и от имен – названий инструментов в определенных языках образуются глаголы различной семантики. Так, в чукотском языке от названий инструментов образуются ОГ, обозначающие, с одной стороны, именно «действие, выполняемое данным инструментом (орудием, оружием)», ср.: *рыпэңы* ‘молоток’ (основа – *рыпэ*) → *рыпэткук* ‘действовать молотком’, *валы* ‘нож’ → *валяткок* ‘действовать ножом’. С другой стороны, названия инструментов входят в качестве МИ в продуктивную модель, по которой с конфиксом *т(э)- / -т(а)-...ң* образуются ОГ, имеющие значение «изготовление данного предмета» (см. выше первую группу объектных ОГ), ср.: *купрэт* ‘сети’ → *тэкупрэңык* ‘вязать (делать) сети’, *мъэмит* ‘стрелы’ → *тэмъэмиңык* ‘делать стрелы’, ср. также в эскимосском: *пана* ‘копье’ → *панаң-* ‘приобретать копье’ – посессивный ОГ.

4. От существительных, обозначающих целостные ситуации (атмосферные явления, время дня, года), в языках набора отмечено образование ОГ трех типологически продуктивных групп глаголов. От названий атмосферных

явлений, времени года, дня в большинстве языков образуются ОГ со значениями «Есть (имеет место) S_m » и «Начинается S_m », ср.: русск. *снег* → *снежить*, аналогично в немецком: *Schnee* → *schneien*, шведском: *snö* → *snöa* и т.д. От названий времени дня, года образуются глаголы со значением « S_1 проводит время S_m » (в S_2), ср. русск.: *ночь* → *ночевать*, аналогично в итальянском *notte* → *pernottare*, шведском: *vinter* ‘зима’ → *övervintra* ‘зимовать’, ср. аналогичную пару в латышском: *ziema* → *pārziemot*, в чукотском: *льэлең* → *льэлэңитык*.

Но в отдельных языках от имен, обозначающих ситуации, образуются и ОГ иной семантики, например: «Прекращается (начинает не быть) S_m », « S_1 оказывается застигнутым (явлением природы) S_m » и др., ср. в тагальском: *ulan* ‘дождь’ → *ulanin* ‘быть застигнутым дождем», *gabi* ‘ночь’ → *gabihin* ‘быть застигнутым ночью’.

5. Наиболее единообразным типологически является семантическое отношение в парах «МИ – предикативный ОГ», где МИ обозначает действие. В этом случае ОГ имеет значение « S_1 осуществляет действие S_m », то есть ОГ и МИ различаются только категориальной (частеречной) семантикой, ср. в русском: *вражда* → *враждовать*, аналогично в мансийском: *nur* → *nurt(u)-*, в финском: *sota* ‘война’ → *soti-* ‘воевать’, *toime* ‘дело’ → *toimi-* ‘действовать’, осетинском: *сомп* ‘клятва’ → *сомп каенын* ‘клясться’, *операци каенын* ‘делать операцию’.

Но имена этой семантики могут входить в качестве МИ в продуктивные модели образования ОГ с другими значениями. Так, в эвенкийском с суффиксом *-та̄-* образуются ОГ, имеющие значение «пользоваться S_m », «использовать S_m »: *дю̄* ‘чум’ → *дю̄та̄* ‘жить в чуме’, *илкэ̄н* ‘кукла’ → *илкэ̄нтэ̄-* ‘играть в куклы’, поэтому от МИ *бэлэгэ̄* ‘помощь’ образуется с суффиксом *-та̄-* (*-тэ̄-*) ОГ *бэлэгэ̄тэ̄-*, обозначающий ‘пользоваться помощью’, вместо с наибольшей вероятностью предполагаемого ‘помогать’, которое выражает безаффиксный глагол *бэлэгэ̄-* ‘помогать’, ‘содействовать’.

6. От существительных, обозначающих чувства, состояния, отношения, в большинстве языков образуются ОГ со значением « S_1 находится в состоянии S_m » (в отношении S_m с S_2 испытывает чувство S_m) или « S_1 каузирует S_2 находится в состоянии S_m , в отношении S_m (с S_2), испытывать чувство S_m (к S_2)», ср. русск. *голод* → *голодать*, *забота* → *заботиться*, ср. аналогичные пары в польском: *głód* → *głodować*, *troska* → *troszczyć się*, английском *hunger* → *to hunger*, *trouble* → *to trouble*, ср. также в юкагирском: *жуод’эң* ‘болезнь’ → *жуод’эрул* ‘болеть’, *эд’ул* ‘жизнь’ → *эд’умэл* ‘оживать’.

Вместе с тем в отдельных языках МИ с этим значением входят в другие семантические модели образования ОГ, ср. в якутском *дьол* ‘счастье’ → *дьолурбаа* ‘хвастаться своим счастьем’, *куус* ‘сила’ → *кууһу* ‘выказывать свою силу’, ‘считать себя сильным’.

Таким образом, можно констатировать, что наиболее жесткая зависимость семантики ОГ от значения его мотивирующего имени наблюдается в случаях, когда МИ являются абстрактными существительными, обозначающими целостные ситуации, отрезки времени, действия, состояния. Для большинства пар этого типа может быть сформулирована импликация «Если МИ имеет значение *X*, то ОГ имеет значение *Y*».

У глаголов с конкретными МИ может быть отмечено наличие лишь вероятностной зависимости семантики ОГ от значения МИ. Эта зависимость выше в парах, где МИ обозначают артефакты и характеризуются наличием «прагматического» компонента значения (ср. названия инструментов, предметов одежды и т.д.). Большой вариантностью отличаются связи между МИ и ОГ в парах, в которых МИ обозначают конкретные предметы естественного происхождения.

Несовпадение значений ОГ, образованных в разных языках от эквивалентного имени, может объясняться: 1) тем, что у носителей разных языков с данным именем ассоциируются разные действия; 2) наличием в одних языках определенной семантической словообразовательной модели и, как правило, специализированного аффикса, закрепленного за данной моделью, по которой образован ОГ от данного МИ, и отсутствием этой модели, а следовательно, и глагола с этим значением в других языках.

Набор действий, ассоциирующихся у носителей разных языков с определенными МИ, очевидно, в значительной мере универсален, хотя здесь имеются различия, см. выше глаголы с МИ «дом». Менее универсален в разных языках набор семантических словообразовательных моделей, поэтому большая часть примеров ОГ, демонстрировавших выше «отклонение» от основного типа, обусловлена образованием их при помощи специализированных аффиксов, ср. приведенный выше эвенкийский ОГ *длю̄ң-* ‘ставить юрту, чум’, ‘строить дом’ (← *длю̄* ‘юрта’, ‘чум’, ‘дом’), образованный со специализированным суффиксом *-ң-*, ср. также *мас̄ло* → *мас̄лэң-* ‘сбивать масло’, *двя* ‘лодка’ → *двяиң-* ‘делать лодку’ и т. д. Ср. также индонезийский ОГ *beristeri* ‘иметь жену’ ← *isteri* ‘жена’ – значение, возникшее вследствие наличия продуктивной словообразовательной модели: *ber+* МИ → ОГ с толкованием «S₁ имеет S_m» (ср. также: *laki* ‘муж’ → *berlaki* ‘иметь мужа’, ‘быть замужем’; *atap* ‘крыша’ → *beratap* ‘иметь крышу’ и т.д.), отсутствующей в индоевропейских языках, ср. русск. *жена* → *женить*; нем. *Weib* уст. ‘жена’, уст. разг. ‘женщина’ → *sichbeweiben* разг. шутол. ‘жениться’; ср. также нем. *knien*, венг. *terdelni*, англ. *to kneel* ‘стоять на коленях’, с одной стороны, и эвенк. *хэнңэдэн-* ‘давить коленом’ – именно это значение эвенкийского ОГ возникло, по-видимому, вследствие того, что он образован с помощью специализированного инструментального суффикса *-да̄-* / *-дэ̄-*; языковой практикой. На основе одних и тех же ассоциаций, связанных у носителей языков с эквивалентными именами, в одних языках возникают ОГ, в других они отсутствуют. Или от одного имени

на основе различных признаков его денотата в разных языках образуются ОГ с различными значениями.

Используя выделенные факторы разброса значений в разных языках и факторы, обуславливающие отсутствие дериватов определенного типа, можно представить схему образования глагола от имени определенной семантики.

Отдельно следует рассматривать окказиональные ОГ, значение которых не выводимо из семантики МИ, а полностью «привязано» к контексту, в котором употреблен данный ОГ, ср. англ. *We were stoned and bottled by the spectators as we marched down the street* [Clark, 1979, 785]. Здесь ОГ *to bottle* ← *bottle* ‘бутылка’ по аналогии с *to stone* ‘побивать камнями’ употреблен в значении ‘побивать, забрасывать бутылками’, и он может быть правильно понят в этом контексте именно рядом с ОГ *to stone* [ср. Naumann, 1986, 47]. Данное значение глагола *to bottle* не отвечает схеме построения ОГ: факторы, обуславливающие значение глагола, являются своего рода «фильтрами». Значение «забрасывать бутылками» должно быть «отфильтровано», исключено уже на первом или втором этапе. Так, именно на I этапе (лексические значения имен) в качестве номинативного признака ОГ избирается наиболее характерный признак, типичный для данного предмета, или один из таких признаков. По-видимому, для имени «бутылка» к таким признакам относится прежде всего «сосуд для жидкости», а не «орудие нападения». Поэтому закономерным является и ассоциирующееся с ним действие (II этап) ‘наливать в бутылку’ (ср. узуальное значение ОГ *to bottle* ‘разливать в бутылки’), возможно «пить из бутылки», но не «забрасывать бутылками». Мысль о том, что данное действие представляется носителям английского языка в качестве типичного, ассоциирующегося с предметом *bottle*, должна быть отброшена, как следует из работы [Clark, 1979, 785].

Сформулируем выводы.

1. В семантическом аспекте анализа связи между МИ и ОГ установлено, что более жесткая зависимость семантики ОГ от значения МИ существует в парах, где МИ – абстрактное существительное. Для многих пар этого типа в определенном языке можно сформулировать импликацию вида «Если МИ имеет значение X, то можно с большой степенью вероятности предположить, что образованный от него ОГ имеет значение Y». У глаголов, мотивированных конкретными существительными, эта зависимость носит лишь вероятностный характер.

2. Несовпадение значений ОГ, образованных в разных языках от эквивалентных имен, может объясняться: а) тем, что у носителей разных языков со значением данного имени ассоциируются разные действия; б) наличием в одних языках определенной семантической словообразовательной модели, по которой образован ОГ от данного МИ, и отсутствием этой модели, а следовательно, и глагола с этим значением в других языках. Набор действий,

ассоциирующихся у носителей разных языков с денотатом определенного МИ, очевидно, в значительной мере универсален. Менее универсален в разных языках набор семантических словообразовательных моделей.

3. В целом можно отметить, что значение ОГ находится в отношении вероятностной зависимости от семантики МИ. Вероятностный характер этой зависимости обусловлен как экстралингвистическими факторами, влияющими на выбор признака номинации (действие, ассоциирующееся с МИ), так и внутрисистемными языковыми факторами: набором семантических словообразовательных моделей, их продуктивностью, наличием у потенциальных дериватов синонимов и омонимов.

4. Формальная структура слова накладывает более строгие ограничения на словообразовательные возможности имени по сравнению с его семантикой. В большинстве случаев здесь могут быть установлены четкие (жесткие) ограничения и построены импликации типа следующих, ср. в немецком языке: «Если имя существительное содержит в своей структуре суффикс *-tion*, то от него не может быть образован безаффиксный ОГ». Но и структурные ограничения в ряде случаев носят вероятностный характер, ср. импликацию для немецких ОГ: «Если существительное содержит в своей структуре суффиксы *-ling* или *-schaft*, то существует большая вероятность того, что от него не образуются глаголы».

5. К факторам, обуславливающим наличие / отсутствие определенного ОГ и его значения в разных языках, относятся следующие: 1) значение МИ; 2) семантические ассоциации, связанные с МИ; 3) набор семантических моделей, по которым образуются ОГ и в данном языке; 4) фонеморфологические и семантические ограничения на образование ОГ; 5) речевая практика; 6) узус (см. выше схему).

ЛИТЕРАТУРА

- Апресян Ю.Д. Лексическая семантика: Синонимические средства языка. М.: Наука, 1974. 367 с.
- Апресян Ю.Д. Исследования по семантике и лексикографии. Т. 1: Парадигматика. М.: Языки славянских культур, 2009. 568 с. (Studia philologica).
- Вежицкая А. Семантические универсалии и базисные концепты. М.: Языки славянских культур, 2011. 586 с. (Язык. Семиотика. Культура).
- Гак В.Г. К проблеме гносеологических аспектов семантики слова // Вопросы описания лексико-семантической системы языка: тез. докл. науч. конф. М., 1971. Ч. 1. С. 5–98.
- Зализняк А.А. Семантический переход как объект типологии // Вопросы языкознания. 2013. № 2. С. 32–51.
- Земская Е.А. Современный русский язык. Словообразование. М.: Просвещение, 1973. 304 с.
- Кубрякова Е.С. Типы языковых значений. Семантика производного слова. М.: Наука, 1981. 200 с.
- Кубрякова Е.С. Специфика словообразовательных правил и проблема их регулярности // Проблемы соотношения словообразования с другими языковыми уровнями в германских языках: межвуз. сб. науч. тр. Смоленск: Смоленский гос. пед. ин-т, 1985. С. 155–164.
- Михайлова Т.А. Теория универсальных семантических переходов как один из методов

сравнительно-исторического языкознания // Современные методы сравнительно-исторических исследований: материалы VIII Международной научной конференции по сравнительно-историческому языкознанию. М.: Макс Пресс, 2013. С. 221–226.

Недялков И.В. Отыменное глагольное словообразование в языках различных типов (Типологический подход) // Проблемы соотношения словообразования с другими языковыми уровнями в германских языках: межвуз. сб. науч. тр. Смоленск: Смоленский гос. пед. ин-т, 1985. С. 186–192.

Недялков И.В. Результативные конструкции в немецком языке и типология результатов. Избранные труды / отв. ред. Э. Генюшене. СПб.: Нестор-История, 2017. 328 с.

Улуханов И.С. Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания. М.: Наука, 1977. 256 с.

Успенский Б.А. Языковые универсалии и актуальные проблемы типологического описания языков // Языковые универсалии и лингвистическая типология. М.: Наука, 1969. С. 5–18.

Харитончик З.А. В поисках сущности имен. Избранное: сб. науч. ст. Минск: МГЛУ, 2015. 252 с.

Clark E.V., Clark H.H. When nouns surface as verbs // *Languages*. 1979. Vol. 55, No. 4. P. 767–811.

Comrie B. Causative verb formation and other verb-deriving morphology // *Language typology and syntactic description*. Vol. VIII. Grammatical categories and the lexicon. Cambridge etc.: Cambridge University Press, 1985. P. 309–348.

Dressler W. On Word Formation in Natural Morphology // *Wiener Linguistische Gazette*. 1981. No. 26. P. 3–13.

Dressler W. On the Predictiveness of Natural Morphology // *Journal of Linguistics*. 1985. No. 21. P. 321–327.

Dulewiczowa I. Czasowniki denominalne w języku polskim i rosyjskim. *Prace slawistyczne*, 15. Wrocław etc.: Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 1981. 156 s.

Erben J. Einführung in die deutsche Wortbildungslehre. 5. Durchgearbeitete und ergänzte Auflage. Berlin: Erich Schmidt Verlag, 2006. 253 S.

Fleischer W., Barz I. Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache / Unter Mitarbeit von Marianne Schröder. 3., unveränd. Aufl. Tübingen: Niemeyer, 2007. 382 S.

Henzen W. Deutsche Wortbildung. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1965. 314 S.

Heringer H.J. Deutsche Grammatik und Wortbildung in 125 Fragen und Antworten. UTB GmbH, 2014. 218 S.

Hundsnurscher F. Das System der Partikelverben mit *aus-* // Tendenzen verbaler Wortbildung in der deutschen Gegenwartssprache: Bayreuther Beiträge zur Sprachwissenschaft. Hrsg. Von L. M. Eichinger. Hamburg: Buske, 1982. Bd. 4. S. 1–32.

Kaliuščenko Vladimir D. Typologie denominaler Verben: *Linguistische Arbeiten*. Bd. 419. Tübingen: Niemeyer, 2000. 253 S.

Kastovsky D. The problem of productivity in word formation // *Linguistics*. 1986. Vol. 24, No. 3. P. 585–600.

Kühnhold I. Präfixverben // *Deutsche Wortbildung*. Erster Hauptteil: Das Verb. Sprache der Gegenwart. Düsseldorf: Schwann, 1973. Bd. XXIX. S. 341–375.

Kulak M. Die semantischen Katagorein der mit Nullmorphem abgeleiteten desubstantivischen Verben des heutigen Englischen und Deutschen. Diss. Tübingen, 1964. 253 S.

Marchand H. The categories and types of present-day English word formation. Wiesbaden: O. Harrassowitz, 1960. Vol. XX. 379 p.

Marchand H. Die Ableitung desubstantivischer Verben mit Nullmorphemen um Englischen, Französischen und Deutschen // *Die neueren Sprachen*. 1964. No. 3. S. 105–118.

Naumann B. Einführung in die Wortbildungslehre des Deutschen: *Germanistische Arbeitshefte*, 4. Tübingen: Niemeyer, 1986. 120 S.

Nedjalkov V.P. Reciprocal Constructions. John Benjamins Publishing Company, 2007. 2219 p.

Plank F. Morphologische (Ir-) regularitäten: Aspekte der Wortstrukturtheorie. Studien zur deutschen Grammatik. Bd. 13. Tübingen: Günter Narr Verlag, 1981. 298 S.

Rose J.H. Principled limitations on productivity in denominal verbs // Foundations of language. 1973. Vol. 10, No. 4. P. 509–526.

Wellmann H. Verbbildung durch Suffixe // Deutsche Wortbildung. Erster Hauptteil: Das Verb. Sprache der Gegenwart. Düsseldorf: Schwann, 1973. Bd. XXIX. S. 17–140.

V.D. Kaliuščenko

Doctor of Philological Sciences,

Professor,

Head of the Germanic Philology Chair,

Donetsk National University

Donetsk, DPR, Russia

Typology of Substantives Motivating Denominal Verbs

The article addresses substantives, from which denominal verbs are derived. The research focuses on derivational patterns of denominal verbs. The phenomenon under analysis has been approached in a variety of comparative, contrastive, and typological studies. While most of the works deal with denominal verbs structure and semantics, the dependence of the verbs meaning on their motivating substantives' semantics remains understudied, which makes the present research relevant.

The research objective is to identify correlations between the denominal verb meaning and its motivating substantive, and to infer the verb meaning on the basis of the motivating substantive semantics.

The analysis of a number of substantive lexical features such as concrete / abstract / animate / inanimate, nomination by profession, instrument, time interval, etc., enables to suggest the nature of denominal verb and the motivating substantive meaning dependence.

The conclusion can be made that the meaning of denominal verbs is likely to depend on the semantics of the motivating substantives. The probabilistic nature of this dependence is due to both extralinguistic factors, which influence the choice of a nomination feature (i.e. an action associated with a motivating substantive), and linguistic causes, among which are a set of word-formation patterns, their productivity, availability of potential derivatives' synonyms and homonyms.

Key words: interlingual generalization; motivating substantive; nominative attribute; denominal verb; word-formation pattern.

REFERENCES

Apresyan Yu. D. Lexical Semantics: Synonymous Means of Language [Leksicheskaya semantika: Sinonimicheskie sredstva yazyka]. M.: Nauka, 1974. 367 p. (in Russian).

Apresyan Yu. D. Studies in Semantics and Lexicography [Issledovaniya po semantike i leksikografii]. Vol. 1: Paradigmatics. M.: Languages of Slavic Cultures, 2009. 568 p. (Studia philological) (in Russian).

Wierzbicka A. Semantics Universals and Basic Concepts [Semanticheskie universalii i bazychnye kontsepty]. M.: Languages of Slavic Cultures, 2011. 586 p. (Language. Semiotics. Culture) (in Russian).

Gak V.G. On the Problem of Gnoseological Aspects of Word Semantics [K probleme gnoseologicheskikh aspektov semantiki slova]. *Issues of Description of Lexico-semantics Language System: Abstracts of Reports of Scientific Conferences*. Part 1. M.: 1971, pp. 5–98 (in Russian).

Zaliznyak A.A. Semantic Transition as an Object of Typology [Semanticheskiy perekhod kak obekt tipologii]. *Linguistics Issues*. 2013, no.2, pp. 32–51 (in Russian).

Zemskaya E.A. Modern Russian. Word-formation [Sovremennyy russkiy yazyk. Slovoobrazovanie]. M.: Prosveshchenie, 1973. 304 p. (in Russian).

Kubryakova E.S. Types of Meanings. Semantics of Derivative Word [Tipy yazykovykh znacheniy. Semantika proizvodnogo slova]. M.: Nauka, 1981. 200 p. (in Russian).

Kubryakova E. S. Specificity of Word-building Rules and the Problem of their Regularity [Specifika slovoobrazovatelnykh pravil i problema ikh regulyarnosti]. *Problems of Correlation of Word Formation with Other Language Levels in the Germanic Languages: Abstracts of Reports of Scientific Conferences [Problemy sootnosheniya slovoobrazovaniya s drugimi jazykovymi urovnjami v germanskih jazykah: mezhvuz. sb. nauch. tr.]*. Smolensk: Smolenskiy State Pedagogical Institute, 1985, pp. 155–164 (in Russian).

Mikhailova T.A. The Theory of Universal Semantic Transitions as One of the Methods of Comparative Historical Linguistics [Teoriya universalnykh semanticheskikh perekhodov kak odin iz metodov sravnitelno-istoricheskogo yazykoznanija]. *Modern Methods of Comparative Historical Linguistics. Proceedings of VII International Scientific Conference on Comparative Historical Linguistics [Sovremennyye metody sravnitel'no-istoricheskikh issledovaniy: materialy VIII Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii po sravnitel'no-istoricheskomu jazykoznaniju]*. M.: Max Press, 2013, pp. 221–226 (in Russian).

Nedjalkov I.V. Denominative Verbal Word-formation in the Languages of Different Types (Typological approach) [Otyemnoe glagolnoe slovoobrazovanie v yazykakh razlichnykh tipov (Tipologicheskij podkhod)]. *Problems of Correlation of Word Formation with other Language Levels in the Germanic Languages: Abstracts of Reports of Scientific Conferences [Problemy sootnosheniya slovoobrazovaniya s drugimi jazykovymi urovnjami v germanskih jazykah: mezhvuz. sb. nauch. tr.]*. Smolensk: Smolenskiy State Pedagogical Institute, 1985, pp. 186–192 (in Russian).

Nedjalkov I.V. Resultative Constructions in German and the Typology of Resultatives [Resultativnye konstruksii v nemetskom yazyke i tipologiya resultativov]. Selected, ed. by E. Genyushene. SPB.: Nestor-History, 2017. 328 p. (in Russian).

Ulukhanov I.S. Word-formating Semantics in the Russian Language and Principles of its Description [Slovoobrazovatel'naya semantika v russkom yazyke i printsipy ee opisaniya]. M.: Nauka, 1977. 256 p. (in Russian).

Uspenskiy B.A. Language Universals and Current Problems of Typological Language Description [Yazykovye universalii i aktualnye problemy tipologicheskogo opisaniya yazykov]. *Language Universals and Linguistics Typology [Jazykovye universalii i lingvisticheskaja tipologija]*. M.: Nauka, 1969, pp. 5–18 (in Russian).

Kharitonchik Z.A. Looking for Names Essence [V poiskakh sushchnosti imen]. Selected: collection of scientific articles of Z.A. Kharitonchik. Minsk: MSLU, 2015. 252 p. (in Russian).

Clark E.V. and Clark H.H. When Nouns Surface as Verbs. *Languages*, 1979, vol. 55, no. 4, pp. 767–811 (in English).

Comrie B. Causative Verb Formation and Other Verb-deriving Morphology. *Language Typology and Syntactic Description, vol. VIII. Grammatical Categories and the Lexicon*. Cambridge etc.: Cambridge University Press, 1985, pp. 309–348 (in English).

Dressler W. On Word Formation in Natural Morphology. *Wiener Linguistische Gazette*, 1981, no. 26, pp. 3–13 (in English).

Dressler W. On the Predictiveness of Natural Morphology. *Journal of Linguistics*, 1985, no. 21, pp. 321–327 (in English).

Dulewiczowa I. Denominal Verbs in Polish and Russian [Czasowniki denominalne w języku polskim i rosyjskim]. *Prace slawistyczne*, 15. Wrocław etc.: Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 1981. 156 p. (in Polish).

Erben J. Introduction to German Word Formation Theory [Einführung in die deutsche Wortbildungslehre]. 5. *Durchgearbeitete und ergänzte Auflage*. Berlin: Erich Schmidt Verlag, 2006. 253 p. (in German).

Fleischer W., Barz I. Word Formation in Contemporary German [Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache]. *Unter Mitarbeit von Marianne Schröder*. 3., unveränd. Aufl. Tübingen: Niemeyer, 2007. 382 p. (in German).

Henzen W. German Word-formation [Deutsche Wortbildung]. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1965. 314 p. (in German).

Heringer H.J. German Grammar and Word Formation in 125 Questions and Answers [Deutsche Grammatik und Wortbildung in 125 Fragen und Antworten]. UTB GmbH, 2014. 218 p. (in German).

Hundsnuerscher F. The System of Particle Verbs with *aus-* [Das System der Partikelverben mit *aus-*]. *Tendencies of verbal word formation in contemporary German: Bayreuth contributions to linguistics*. Hrsg. Von L. M. Eichinger. Hamburg: Buske, 1982, Bd. 4, pp. 1–32 (in German).

Kaliuščenko V.D. Typology of Denominal Verbs: Linguistic Works [Типология denominaler Verben: Linguistische Arbeiten]. Bd. 419. Tübingen: Niemeyer, 2000. 253 p. (in German).

Kastovsky D. The Problem of Productivity in Word Formation. *Linguistics*, 1986, vol. 24, no. 3, pp. 585–600 (in English).

Kühnhold I. Prefix Verbs [Präfixverben]. *German Word Formation. First Main Part: The Verb. Language of the Present*. Düsseldorf: Schwann, 1973, Bd. XXIX, pp. 341–375 (in German).

Kulak M. The Semantic Categories of Null Morpheme-derived Desubstantive Verbs in Contemporary English and German [Die semantischen Kategorien der mit Nullmorphem abgeleiteten desubstantivischen Verben des heutigen Englischen und Deutschen]. Diss. Tübingen, 1964. 253 p. (in German).

Marchand H. The Categories and Types of Present-day English Word Formation. Wiesbaden: O. Harrassowitz, 1960. Vol. XX. 379 p. (in English).

Marchand H. The Derivation of Desubstantive Verbs with Null Morphemes around English, French and German [Die Ableitung desubstantivischer Verben mit Nullmorphemen um Englischen, Französischen und Deutschen]. *The Modern Languages*, 1964, no. 3, pp. 105–118 (in German).

Naumann B. Introduction to the Theory of Word Formation in German: German Workbooks, 4th [Einführung in die Wortbildungslehre des Deutschen: Germanistische Arbeitshefte, 4]. Tübingen: Niemeyer, 1986. 120 p. (in German).

Nedjalkov V.P. Reciprocal Constructions. John Benjamins Publishing Company, 2007. 2219 p. (in English).

Plank F. Morphological (Ir-)regularities: Aspects of Word Structure Theory [Morphologische (Ir-)regularitäten: Aspekte der Wortstrukturtheorie]. *Studies in German grammar*. Bd. 13. Tübingen: Günter Narr Verlag, 1981. 298 p. (in German).

Rose J.H. Principled Limitations on Productivity in Denominal Verbs. *Foundations of Language*, 1973, vol. 10, no. 4, pp. 509–526 (in English).

Wellmann H. Verb Formation through Suffixes [Verbbildung durch Suffixe]. *German Word-formation. First Main Part: The Verb. Language of the Present*. Düsseldorf: Schwann, 1973, Bd. XXIX, pp. 17–140 (in German).

Я.И. Войгальянова, С.В. Шелихова

Сибирский государственный университет науки и технологий
им. М.Ф. Решетнева
Красноярск, Россия

УДК 811.111-26

DOI 10.35785/2072-9464-2023-61-1-84-97

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ МЕТАФОРА ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ КАК ОТРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Ключевые слова: *этнокультурная метафора; метафора; национальная языковая картина мира; концепт; язык и культура.*

В данной работе рассматривается этнокультурная метафора как феномен культурологической направленности, отражающий процесс восприятия окружающей действительности определенным этносом. Реальная действительность воспринимается этносом через призму мышления, осмысливается и реализуется в речи посредством языка. Функциональная способность языка транслировать ценности национальной культуры позволяет получить представление о специфических и общих механизмах и способах реализации концептов повседневной жизни конкретной этнической группой. Взаимосвязь языка и культуры обуславливает актуальность изучения механизмов и способов передачи национальной языковой картины мира. В статье предлагается исследовать этнокультурные метафоры, часто встречающиеся в повседневной жизни. Материалом исследования послужило американское издание журнала «Cosmopolitan», публицистический стиль изложения которого близок к стилю общения людей в повседневной жизни. Было выявлено, что в обыденной жизни люди наделяют метафорическим значением самые обычные слова, передающие цветообозначение, отношения человека с пищей, с природными явлениями, всем, что окружает человека повсеместно изо дня в день. В исследовании предпринята попытка структурировать отобранный материал в русле повседневного общения и выделить некоторые концепты, связанные с цветообозначением (colours), природными явлениями «ночь – день», «утро – вечер» (соотв. night – day, morning – evening), пищей (здесь можно выделить как концепты приема пищи breakfast – lunch – dinner – supper, так и вкусовые качества пищи), а также другие концепты, передающие отношения человека с окружающей его средой.

В результате анализа этнокультурной метафоры повседневной жизни мы получили подтверждение того, что этнокультурные метафоры

являются значимым элементом национальной языковой картины мира, передают ценностные ориентации этноса и отражают ментальное осмысление окружающей действительности.

Глобальные процессы, происходящие в мире, охватывают все сферы жизнедеятельности человека, который стремится к осмыслению, принятию и интеграции данных процессов в своей культуре. Необходимость в понимании и принятии ценностей как общемировых, так и национальных требует поиска эффективных методов взаимодействия культур и, следовательно, изучения способов выражения данного взаимодействия. Основным средством, позволяющим общаться и выражать мысли, является язык, как самый официальный и социально признанный из всех видов коммуникативного поведения [Тер-Минасова, 2008]. Именно возможность языка, а точнее его специфических механизмов, сохранять целостность национальной культуры и в то же время обеспечивать ее преэминентность способствует эффективному взаимодействию различных культур.

Рассмотрение языковых механизмов через призму культуры любого этноса позволяет нам увидеть широчайший спектр образных ассоциаций, которые являются обязательным элементом умственной деятельности человека и реализуются в общественной и профессиональной сфере, позволяя разложить любую информацию на наглядно-образные ассоциации [Дебердеева, 2008].

Процесс отражения коллективным сознанием этноса внешнего мира в ходе своего развития получил название «национальная языковая картина» мира [Корнилов, 2003, 144].

Исследования в лингвистической науке на современном этапе ведутся с учетом принципов интегративности, антропоцентричности, коммуникативности, диалогичности, дискурсивности, культуроцентричности, интереса к глубинным знаниям в языке, что позволяет значительно расширить сферу интересов науки и исследовать лингвистические явления, увидеть глубинные семантические основы языка, человеческой ментальности и культуры [Маслова, 2018].

Изучение этнокультурной метафоры в культурологическом аспекте соответствует современным тенденциям в лингвистической науке, определяет актуальность и новизну нашего исследования и позволяет рассматривать лингвистическое явление в неразрывной связи языка и культуры.

Целью нашего исследования является культурологическое осмысление этнокультурной метафоры повседневной жизни как отражения национальной языковой картины мира в английском языке.

Основу методологической концепции нашего исследования составляют лингвистическое наблюдение, интерпретация, метафорический и концептуальный анализ, сравнительно-сопоставительный метод, метод сплошной выборки, индукция и обобщение. В качестве материала для нашего исследования было выбрано американское издание журнала «Cosmopolitan»

за последние несколько лет. Журнал, адресованный в большей мере женской аудитории, руководствуется одинаковыми для гендерно ориентированных журналов принципами написания, передает диалогичный характер речи [Кузьмина, 2016], свойственный повседневной коммуникации. Публицистический стиль и популярная тематика журнала позволили представить специфику этнокультурной метафоры повседневной жизни в современном английском языке.

Феномен метафоры представляет интерес для различных наук: лингвистики (Н.Д. Аругюнова, А. Вежбицкая, М. Джонсон, Дж. Лакофф, С. Левин, В.П. Москвин, А.А. Потебня, Г.Н. Складарская, В.Н. Телия, Р.О. Якобсон и др.), философии (Аристотель, М. Блэк, Дж. Вико, Д. Дэвидсон, Ф. Ницше, П. Рикер, О.А. Свирепо, Дж.Р. Серль и др.), литературоведения (А. Ричардс, Ф. Уилрайт и др.), психологии (Э. Берн, И.В. Вачков, Дж. Миллс, Т.А. Липская, Р. Кроули, З. Фрейд, М. Эриксон, К. Юнг и др.). Связано это, прежде всего, с широкой распространенностью данного явления, поскольку оно присутствует практически во всех сферах деятельности и жизни человека, а изучение метафоры в лингвистике имеет многоаспектный характер [Смирнов, 2016]. Ученые отмечают смещение акцента в понимании метафоры как чисто филологического феномена в область изучения практической речи, обращаясь к мышлению и познанию [Аругюнова, 1990, 5].

Люди мыслят понятиями, содержание которых метафорично по своей сути и находит свое выражение в языковой системе определенной культуры. Понятия передают взаимодействие людей с объектами и субъектами реальности, упорядочивают восприятие окружающей людей действительности, таким образом, понятийная система отражает отношение к реалиям повседневной жизни и играет важную роль в создании национальной языковой картины мира, поскольку концептуализация и интерпретация мира, согласно Л.А. Козловой, происходят в контексте определенной культуры и языка и придают когниции культурно-детерминированный характер [Козлова, 2020, 902].

Следует отметить, что понятийная система не относится к числу того, что мы обычно осознаем [Лакофф, Джонсон, 2004]. В повседневной жизни, занимаясь обыденными делами, люди думают машинально, следуя привычным моделям и схемам поведения. Причем, что представляют собой эти модели, в полной мере не ясно. Но поскольку в основе коммуникации лежит та же концептуальная система, которую люди применяют в процессе мышления и деятельности, язык выступает основным источником данных для выяснения того, что представляют собой эти модель или схема поведения. Поэтому с помощью наблюдения за особенностями функционирования языка можно приблизиться к пониманию нашей понятийной системы. Понятийную систему человека определяют и структурируют метафоры, которые, в свою очередь, как лингвистические выражения существуют именно потому, что они имеются в концептуальной системе человека.

В соответствии с целью исследования обратимся к понятию «этнокультурная метафора», которое мы рассматриваем в культурологическом аспекте и вслед за О.А. Свирепо трактуем как метафору, структурирующую мышление и действия определенного этноса [Свирепо, 2002]. Этнокультурные метафоры отображают способ членения и классификации реальности, принятый в рамках данного языкового сообщества, являются отражением системы ценностей, национальной языковой картины мира.

Этнокультурные метафоры тяготеют к сердцевине культуры. Так, например, наибольшее число фразеологизмов в языке (а источником формирования фразеологических единиц, как известно, служит метафора) группируется вокруг таких понятий, как любовь, смерть, страх, душа, сердце, личностные характеристики человека (глупость, храбрость), также часто встречаются метафорические сравнения человека с животными и отношения его с пищей. В повседневной жизни метафоричными концептами наделяются самые обыденные слова, используемые для передачи цветообозначения, времени суток, а следовательно, и любые сочетания с ними.

Обратимся к исследованиям Дж. Лакоффа и М. Джонсона, которые отмечают связь метафоры как языкового явления с мировосприятием его конкретным этносом. Развивая теории о структурных и творческих метафорах, Дж. Лакофф и М. Джонсон утверждают, что истоки структурных метафор лежат в систематических корреляциях между явлениями, фиксированными в нашем опыте. Структурные метафоры позволяют значительно больше, чем просто ориентировать понятия, обращаться к ним, квалифицировать; они дают нам возможность переживать сущность одного вида в терминах другого вида [Лакофф, Джонсон, 2004].

Метафора формируется как раз при переносе понятийных структур из одной сферы в другую, причем метафорический перенос осуществляется «вдоль определенных линий», которые задаются целями коммуникантов.

В нашей работе мы рассматриваем этнокультурную метафору как один из механизмов, участвующий в формировании и передаче системы условных связей, и как один из факторов отражения этнокультурной специфики.

Важными свойствами структурирования понятий, осуществляемого путем концептуальных переносов, по мнению Дж. Лакоффа и М. Джонсона, являются частичность и систематичность.

Частичность структурирования – это свойство, в соответствии с которым лишь часть результирующего понятия совпадает с исходным.

Систематичность структурирования порождается нормативно-оценочной функцией сознания, регулирующей возникновение аналогий между сходными коммуникативными актами [Лакофф, Джонсон, 2004].

В своем исследовании мы попытаемся структурировать практический материал, подобранный нами на базе женского журнала «Cosmopolitan» в американском издании, и выделить некоторые опорные

концепты повседневной жизни, формирующие национальную языковую картину мира.

По теории Дж. Лакоффа, метафорические выражения порождает сознание, а не язык [Лакофф, Джонсон, 2004]. Но выражает их в первую очередь язык, и очень сложной оказывается ситуация, когда одно и то же понятие по-разному – избыточно или недостаточно – словесно выражается в разных языках. По нашему мнению, явление избыточности – недостаточности наиболее ярко обнаруживает себя в этнокультурных метафорах. Языковое выражение данного явления ярко иллюстрирует множественность этнокультурных метафор и их роль в формировании национальной языковой картины мира.

Для подтверждения нашего предположения о важной роли явления избыточности – недостаточности в формировании этнокультурных метафор приведем несколько наглядных примеров, основанных на принципах цветообозначения, часто встречающихся в обыденной жизни.

Так, синий и голубой цвета в русском языке имеют один эквивалент в английском – blue. При необходимости носители английского языка могут, конечно, передать нужные оттенки цвета и обозначить их описательно: light blue (голубой); dark blue, navy blue, cobalt-blue (темно-синий, глубокий синий). Например:

Is the 6-foot-3-inch, cobalt blue-eyed actor an adrenaline junkie like his character, Brian O'Conner, who sped into your heart in 2001 's The Fast and the Furious and last summer's blockbuster sequel 2Fast 2Furious?

То же самое наблюдается и в любом другом случае цветообозначения:
Make the room pitch-black so you're focused on the sensations.

Социокультурный аспект цветообозначения часто передает коннотации, заложенные в той или иной культуре. В английском языке особое значение имеют белый и черный цвета. Эти два цвета являются абсолютными антиподами как в реальной жизни, так и в культурной языковой картине англичан. В культурной традиции англичан белый цвет ассоциируется с чем-то добрым, светлым; черный – несет отрицательную коннотацию со значением «плохой, темный».

Поэтому этнокультурные метафоры, содержащие прилагательное *white*, имеют оттенки положительного значения, а с прилагательным *black* – отрицательное.

Например:

«He had a one-night stand, and now the woman is blackmailing him», the lawyer told me.

«He keeps blackballing me!»

«The white lie that grows».

Отметим, что *white* может сочетаться с существительными, обозначающими что-то не очень хорошее, но даже в таком случае коннотация *white*

накладывает свой отпечаток на существительное, и последнее приобретает более мягкое значение, например *white lie* – ложь во спасение.

Слово *black* ассоциируется с темнотой, и многие его переносные значения схожи с метафорическими значениями слова *dark*.

I just found out that the guy I'm dating is anti-abortion. He knows I'm pro-choice – what he doesn't know is that I've had an abortion. Should I tell him and risk losing the relationship, or leave him in the dark?

To leave somebody in dark – оставить кого-либо в темноте, в неведении.

Так же коричневый цвет в английском языке приближен по своей оценочности к черному.

«Behold the power of *brownosing*». «*Sucking up is just another way to flatter someone*», says Buifington. «Even the most modest person is susceptible; it inflates the ego and makes you feel appreciated».

Примеры из журнала, приведенные выше, позволяют нам наблюдать интересную ситуацию, когда в очень коротком отрезке текста дается целый метафорический ряд: *brownosing – sucking up – to flatter someone*. Все эти выражения объединены одним понятием, но за счет использования разных метафор придается, во-первых, большая экспрессивность, а во-вторых, таким образом удается избежать повторов.

Красный цвет в английском языке, так же как и в русском, ассоциируется с опасностью, тревогой и напряжением, что можно доказать, приведя следующий пример:

If he doesn't admit that it was him in the photo but you still think it could have been, you might want to be on red alert for any other signs of a secret life?

Отдельным пунктом нам представляется целесообразным рассмотреть такие простые, в прямом смысле обыденные, каждодневные природные явления, как ночь – день, утро – вечер (соотв. *night – day, morning – evening*). На первый взгляд они представляются очевидными межъязыковыми эквивалентами, что является верным, если мы рассматриваем их только с точки зрения языкового уровня – здесь в самой яркой степени проявляется теория избыточности – недостаточности.

По теории Дж. Лакоффа и М. Джонсона, метафорические выражения порождает в первую очередь сознание, а не язык, и при сравнении понятийного материала, абстрагируясь ненадолго от языкового выражения, становится явным несоответствие культурных представлений о времени суток у разных этносов (в нашем конкретном случае мы ищем несоответствия между культурой англоговорящих народов и русской культурой).

Так, *morning* начинается в полночь, поэтому говорится «at 2 or 3 in the morning», в сознании же русского человека это время соответствует глубокой ночи.

She and her boyfriend were having issues, and the next-door neighbors were so noisy, they continually woke her up at 3 in the morning.

Noon – соответствует русскому «полдень»; получается, что английское «morning» – деятельное и активное время – продолжается 12 часов.

Afternoon – «после полудня», одним словом это выразить в русском языке нельзя, поскольку «день» соответствует английскому «day». И русское «день», и английское «day» охватывают время большее, чем «afternoon».

She would even schedule as for all the same shifts. I couldn't understand why she kept talking him up to me until she took me aside one afternoon and asked me to marry him so he wouldn't be deported. I walked out.

Как и в примере с «at 3 in the morning», так и с «one afternoon» наблюдается этнокультурное несоответствие, следовательно, и потребность переосмысления – метафоричность.

Evening – начинается ориентировочно в 16:00–17:00, то есть несколько раньше, чем русское «вечер»; и уже примерно через четыре часа наступает «ночь» – night.

Night – начинается ориентировочно в 21:00–22:00, то есть значительно раньше, чем «ночь» в русском сознании.

When I'm going on a date, I'll plan a really casual evening and a more formal one. Then I'll ask my date, «Which do you want to do?»

I love activities, but honestly, it doesn't matter what we're doing. I like just being with someone and having everything click. A great evening is when you look at a woman and think, Oh God, I love her more than anything.

Чаще evening используется даже не как показатель времени суток, а как какое-то событие, происходящее с 17:00 до 21:00.

Теперь приведем примеры, в которых используется понятие «night», и посмотрим, насколько его употребление будет метафоричным.

Anne and I went out to dinner last night and stay for about four hours – we couldn't stop talking.

Monday – Night Football plants him in a recliner in front of the TV with a can of low-carb beer in one hand and a slice of veggie-lover's pizza in the other.

Данные примеры дают нам понять, что английские утро, вечер и ночь начинаются раньше, чем русские, что в какой-то степени задает определенный стиль и ритм жизни, а соответственно, формирует и национальную языковую картину мира.

Точно так же, на первый взгляд, представляются очевидными языковыми эквивалентами такие общезыковые межнациональные понятия, как завтрак, обед, ужин, но при изучении способов употребления каждого из этих слов становится ясно, что понятийная база английского языка (касательно непосредственно этих понятий) не совпадает с понятийной базой русского языка.

Breakfast – не совпадает с «завтраком» гастрономически (по набору блюд), но совпадает по времени.

People do Matrix costume parties and get tattoos and that sort of thing. But there was a breakfast cereal called Bill and Ted's Excellent Cereal named after that movie, so nothing seems all that strange anymore.

When we woke up at about 11 A.M., we had breakfast delivered.

Если с завтраком (*breakfast*) все достаточно просто, то понятия *lunch*, *dinner* и *supper* требуют переосмысления в процессе восприятия и выстраивания национальной языковой картины мира.

Ни *lunch*, ни *dinner* не соответствует «обеду» ни гастрономически, ни по времени. *Lunch* – в 12:00, *dinner* – в 20:00, русский обед – в 14:00.

Now, although she still breaks out occasionally, Andrea says that she takes it as a sign to slow down: «I practice yoga, go out during lunchtime, turn off the phone and television, and the rash usually goes away in a couple of hours».

When we are having dinner out, he requests his salad dressing on the side.

At dinner, if he always pours his glass before yours, try pouring his first a few times while commenting how much you love that old custom.

Supper – практически повсеместно заменяется «*dinner*», соответствует русскому «ужин».

Anne and I went out to dinner last night and stayed for about four hours – we couldn't stop talking. Our conversation topics ranged from how neither of us really let ourselves fall in love in past relationships to the morality of making out with someone who is married. We laughed a lot, but much of the conversation was about serious stuff as well. After dinner, we drove back to her place.

Многие слова, обозначающие вкусовые качества продуктов питания, используются в метафорическом значении.

Вкусовые и внешние качества продуктов и блюд переносятся на человеческие качества и поведение.

I can't stand when a woman is trying so hard to be nice during the initial encounter that she came across as bland as tofu. Слова *bland* и *tofu* образуют метафорическое по своей сути сравнение: *as bland as tofu* – мягкий как тофу.

The bottom line: Letting a guy know that you aren't as delicate as a chocolate souffle is an absolute must. It shows confidence, and that's one of the sexiest qualities of all time.

As delicate as a chocolate souffle – нежная, как шоколадное суфле.

The entire conversation lasted about three minutes. I was happy for her that she was dating a seemingly nice cheese-ball guy. Словосочетание *cheese-ball person* в буквальном переводе – «человек как головка сыра». Здесь ключевым является слово *ball* – круглый, то есть без острых углов – неконфликтный, милый, хороший человек.

But if he fails or refuses to pull his financial weight after your discussion, tell the stingy tightwad to get the hell out and find some other sugar mama to support him.

Sugar mama – в буквальной трактовке «сахарная мама», а в метафорическом смысле – благодетельница.

Вкусовые качества продуктов питания часто переносятся на действия человека, целью которого является улучшение сложившейся ситуации.

Use it to butter up your landlord so you get an extension on your rent.

To butter up your landlord – умаслить вашего хозяина.

Let me sweeten up the situation.

Sweeten up the situation – подсластить ситуацию, в русской языковой действительности существует также метафорическое выражение «подсластить пилюлю».

В материале, отобранном нами для исследования, встречаются слова *heat* (жара), *hot* (жаркий), *cold* (холод), *cool* (прохладный), значения которых первоначально связаны с описанием температуры, однако приобретают метафорическое значение в сочетании со словами, характеризующими личность человека, его чувства и эмоции. Метафорическое значение сильных эмоций передается при помощи *heat* и *hot*, которые сохраняют свое концептуальное значение высокого градуса. Например, *heat up* применительно к ситуации повседневной жизни будет иметь значение «быстрого развития событий»:

Things were heating up, and Emily got up to take off her dress.

Слово *hot* в ситуациях обыденной жизни сохраняет свою коннотацию и обычно используется для характеристики чего-то важного, хорошего, удачного, что занимает центральное место в жизни человека:

As long as you two have a good, hot love life together, that's not such a crime, is it? Hot love life – в буквальном значении «горячая личная жизнь», то есть удачная личная жизнь.

Не только слова, используемые для описания температуры, но и слова, описывающие любые другие нагревательные процессы, часто используются в этнокультурных метафорах для описания чувств и эмоций человека.

Now I admit to myself when I'm taking on way too much and force myself to take a break to read or watch television for a few hours – before I get to such a boiling point that I actually need to take time off from work.

Boiling point – точка кипения; *to get to a boiling point* – дойти до кипения, вспылить.

Большое количество слов, ассоциирующихся с огнем, употребляются как метафоры, особенно для обозначения сильных эмоций, таких, как злость и любовь.

He hopes to light a fire again.

To light a fire again – буквально «снова разжечь костер». Имеется в виду разжечь костер отношений между двумя людьми, то есть возобновить отношения с новой силой.

Выражение *to play with the fire* – означает «играть с огнем», то есть иметь дело с чем-то очень опасным. Таким образом, можно сделать вывод, что огонь как таковой в некоторых случаях ассоциируется с опасностью. *When she plays with the fire, she 'd better be prepared to set burned.*

Также об огне или пламени можно сказать, что они *burn*. Глагол «гореть» используется, так же как и *fire*, для обозначения очень сильных эмоций. *To get burned* – обжечься, то есть получить неприятный опыт.

Flame (пламя) используется в метафорическом значении, так же как и *fire*, для обозначения сильных эмоций человека, как правило, связанных с чувством любви.

However, if the declaration of undying love came directly from your former flame, then you are playing a dangerous game.

Former flame – бывшее пламя, то есть острота и сила былых отношений.

Слова *cool* и *cold* используются для обозначения чувств человека, которые сильно отличаются от *warm* и *hot*.

Cool в описании характера человека имеет значение «хладнокровный», тот, кто тщательно обдумывает каждое свое слово и действие. *Cool* в сочетании со словами, характеризующими поведение человека, описывает спокойного, хорошо все продумавшего, уверенного в себе человека.

Try to stay cool; trust has been damaged on both sides.

Slow down. Stay cool.

What you want is information, and you will get that only if you stay cool.

To stay cool – оставаться спокойным, уравновешенным.

Глагол *to cool* используется как метафора в значениях, которые ассоциируются с уменьшением интенсивности и силы.

Just to be safe, prepare for rejection. And if it happens, back off and see him as little as possible until your emotions have cooled.

Emotions have cooled – эмоции, чувства остыли, перестали быть сильными.

Слово *cold* в сочетании с названиями частей человеческого тела также образует этнокультурные метафоры, влияющие в той или иной степени на формирование национальной языковой картины мира.

I'm engaged, but I just found out that my ex-boyfriend is still in love with me. He even threatened to stop the wedding. I still have feelings for him and dream about him every night, even when I'm with my fiancé. I hope I just have cold feet. What do you think?

To have cold feet = to get cold feet – испугаться.

Исходя из результатов анализа отобранного практического материала, можно судить о том, что в английском языке существует большое количество этнокультурных метафор, базирующихся на концепте *water* и производном от него *ice*.

Большое количество фразеологизмов со словом «вода» несут в себе отрицательную коннотацию, означая какие-либо неприятности, например *to be under water* – «быть в долгах», если же получается наоборот *to keep one's head above the water*, то это означает умение избежать неприятностей.

Listen to his explanations and judge for yourself if they hold water.

If something holds water – буквально «если выдерживает воду», в переводе – «выслушай его объяснения и для себя реши, выдерживают ли они хоть какую-то критику».

Помимо так называемой «водобоязни» в понятийной системе англоговорящего человека много метафорических выражений, связанных с водой, которые несут иную коннотацию. Такие этнокультурные метафоры, безусловно, формируют национальную языковую картину мира.

Ask the stud sitting beside you at a restaurant about the mouthwatering dish he ordered.

В русской системе понятий существует такое же гиперболизированное метафорическое выражение, которое звучит как «слюнки текут». При чем употребляется оно не только по отношению к еде как в английском, так и в русском языках.

Mouthwatering bachelors – буквально «распустившие слюни холостяки» (пораженные, удивленные).

И даже слезы очень часто называют не *tears*, а *waterworks*, специально подчеркивая принадлежность их к воде.

To summon your sobs, think about how screwed you'll be if things don't turn out your way. Once the tears start, tell your target that you're in dire straits. Don't go Oscar-level overboard; a sentence or two about how you'll suffer should elicit the sympathy you're after. The more genuine your waterworks are, the more people will be willing to accommodate.

Здесь же стоит упомянуть и об определенной общности тем «вода» – «лед». Сама лексическая единица «лед» и также большая часть метафорических выражений, базирующихся на этой реалии, носят отрицательный характер: и само слово «лед», встречающееся в метафорах, и все его производные вплоть до «остудить» и «заморозить» рассматриваются в негативном контексте. Следующие примеры могут послужить иллюстрациями к данной теории.

The next time she flirts with your guy, get her alone and ask her if she has a thing for him. No doubt, she'll deny it, in which case you should tell her to back off. After that, she should consider her ass warned. Is she does it again, it's time to ice her out of your life.

Дословно русский вариант перевода фразы *to ice her out of your life* звучал бы как «выморозить из жизни», что равносильно устойчивому выражению «выкинуть из жизни, забыть».

Приведем как раз тот случай, когда само слово «лед» не употребляется, а определяются его качественные возможности – заморозить.

She said: «My heart is frozen!»

Таким образом, проведенное нами исследование этнокультурной метафоры повседневной жизни позволяет сделать некоторые обобщения.

Этнокультурные метафоры повседневной жизни являются важнейшим элементом национальной языковой картины мира, они передают ценностные ориентации определенного этноса, представлены различными концептами, классифицирующими реальность конкретного языкового сообщества. Метафоричное значение концептов обыденной жизни в русле культурологического подхода позволяет нам увидеть способ ментального осмысления понятий, явлений, символов и образов повседневной жизни определенного этноса, выявить поведенческие стереотипы и определить общепринятый стандарт жизнедеятельности людей конкретной национальной культуры. Этнокультурные метафоры повседневной жизни возникают из реалий жизни, которые значимы для определенной культуры и часто реализуются в языковом формате общения.

Данное исследование не исчерпывает всей проблематики феномена этнокультурной метафоры и позволяет наметить перспективы дальнейшего ее изучения. Результаты работы дают возможность определить значимые концепты на основе частотности употребления в языковой форме определенной культуры, провести сравнительно-сопоставительный анализ этнокультурной метафоры в английском и русском языках.

ЛИТЕРАТУРА

- Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С. 5–32.
- Дебердеева Е.Е. Метафора в контексте лингвистических исследований // Вестник ТГПИ. 2008. № 1. С. 23–27.
- Козлова Л.А. Метафора как отражение этнокультурной детерминированности когниции // Russian Journal of Linguistics. 2020. Т. 24, № 4. С. 899–925.
- Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М.: ЧеРо, 2003. 349 с.
- Кузьмина В.М. Диалогизация публицистического текста в глянцево-журнальном дискурсе // Научный диалог. 2016. № 12(60). С. 120–133.
- Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
- Маслова В.А. Основные тенденции и принципы современной лингвистики // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их исследования. 2018. Т. 16, № 2. С. 172–190.
- Свиридо О.А. Метафора как код культуры: дис. ... канд. филос. наук. Ростов н/Д, 2002. 162 с.
- Смирнов И. Метафора как объект научных исследований // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2016. № 2. С. 80–83.
- Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово, 2008. 262 с.

Ya.I. Voytalyanova

*Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor,
Technical Foreign Language Chair,
Reshetnev Siberian State University of Science and Technology
Krasnoyarsk, Russia*

S.V. Shelikhova

*Senior Lecturer,
Technical Foreign Language Chair,
Reshetnev Siberian State University of Science and Technology
Krasnoyarsk, Russia*

Ethno-Cultural Metaphor of Daily Life as a Reflection of the National Language Picture of the World in the English Language

The article examines the ethno-cultural metaphor as a phenomenon of cultural studies, reflecting the process of perception of the surrounding reality by a certain ethnos. The real world is perceived by the ethnos through the prism of thinking, comprehended and realized in speech through language. The functional ability of the language to transmit the values of the national culture allows getting an idea of the specific and general mechanisms and ways of implementing the concepts of everyday life by a specific ethnic group. The relationship between language and culture determines the relevance of studying the mechanisms and methods of transmitting the national language picture of the world. The article proposes to explore ethno-cultural metaphors that are often encountered in everyday life. The research material was the American edition of the magazine «Cosmopolitan», the journalistic style of presentation of the magazine is close to the style of communication between people in everyday life. It was revealed that in everyday life, people endow the most common words with metaphorical meaning that convey color designation, a person's relationship with food, with natural phenomena, with everything that surrounds a person everywhere from day to day. The study made an attempt to structure the selected material according to everyday communication and highlight some concepts related to colour designation (colours), natural phenomena night – day, morning – evening, food (here eating periods like breakfast – lunch – dinner – supper can be distinguished as well as concepts food tastes), and other concepts that convey the relationship of a person with his environment.

As a result of the analysis of the ethno-cultural metaphor of everyday life, we received confirmation that ethno-cultural metaphors are a significant element of the national language picture of the world, as they convey the value orientations of the ethnos and reflect the mental comprehension of the surrounding reality.

Key words: ethno-cultural metaphor; metaphor; national language picture of the world; concept; language and culture.

REFERENCES

- Arutyunova N.D. Metaphor and Discourse [Metafora i diskurs]. *Theory of Metaphor [Teoriya metafory]*. M.: Progress, 1990, pp. 5–32 (in Russian).
- Deberdeyeva Ye.Ye. Metaphor in the Context of Linguistic Research [Metafora v kontekste lingvisticheskikh issledovaniy]. *Vestnik TGPI*, 2008, no. 1, pp. 23–27 (in Russian).
- Kozlova L.A. Metaphor as a Reflection of Ethnocultural Determinism of Cognition [Metafora kak otrazheniye etnokul'turnoy determinirovannosti kognitsii]. *Russian Journal of Linguistics*, 2020, vol. 24, no. 4, pp. 899–925 (in Russian).
- Kornilov O.A. Language Pictures of the World as Derivatives of National Mentality [Yazykovyye kartiny mira kak proizvodnyye natsional'nykh mentalitetov]. M.: CheRo, 2003. 349 p. (in Russian).
- Kuzmina V.M. Dialogization of Publicistic Text in Glossy Magazine for Women (on Material of Articles of Russian-Language Magazine «Cosmopolitan») [Dialogizatsiya publitsisticheskogo teksta v glyantsevom zhurnale dlya zhenshchin (na materiale statey russkoyazychnogo zhurnala «Cosmopolitan»)]. *Nauchnyy dialog*, 2016, no 12(60), pp. 120–133 (in Russian).
- Lakoff J., Johnson M. *Metaphors We Live by* [Metafory, kotorymi my zhivem]. Moscow, Editorial URSS, 2004. 256 p. (in Russian).
- Maslova V.A. The Main Tendencies and Principles of Modern Linguistics [Osnovnyye tendentsii i printsipy sovremennoy lingvistiki]. *The Bulletin of Russian University of Nations' Firendship. Series: Russian and foreign languages and methods of studying them*, 2018, vol. 16, no 2, pp. 172–190 (in Russian).
- Svirepo O.A. Metaphor as a Code of Culture [Metafora kak kod kul'tury]. Thesis ... candidate of philological sciences. Rostov n/D, 2002. 162 p. (in Russian).
- Smimov I. Metaphor as an Object of Scientific Research [Metafora kak ob'yekt nauchnykh issledovaniy]. *International Journal of Humanities and Sciences*, 2016, no 2, pp. 80–83 (in Russian).
- Ter-Minasova S.G. Language and Intercultural Communication [Yazyk i mezhkul'turnaya kommunikatsiya]. M.: Slovo, 2008. 262 p. (in Russian).

Р.Н. Сиразетдинова

*Уфимский университет науки и технологии
(Стерлитамакский филиал)*

Стерлитамак, Республика Башкортостан, Россия

УДК 811.111-26

DOI 10.35785/2072-9464-2023-61-1-97-109

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ ЛЕКСЕМЫ «LOVE» В СОВРЕМЕННЫХ МУЛЬТИПЛИКАЦИОННЫХ ФИЛЬМАХ

Ключевые слова: мультипликационные фильмы; вербализация; любовь; монологическая речь; диалогическая речь; персонажи.

В статье рассматривается вербализация лексемы «LOVE» в американских мультипликационных фильмах семейного и приключенческого жанра, произведенных в начале XXI века. В теоретической части были даны лексико-

графические толкования любви, представленные в русскоязычных и англоязычных словарях, рассмотрено исследование указанного понятия в работах С.Г. Воркачева, а также приведено рабочее определение любви как чувства глубокой симпатии или привязанности к одушевленным и неодушевленным предметам. В практической части исследования был выявлен и проанализирован 121 пример, максимально вербализующий лексему «LOVE» в монологической и диалогической речи персонажей мультипликационных фильмов. В результате исследования было выявлено, что чувство глубокой привязанности проявляется в субъект-субъектных отношениях (в семье, между партнерами, друзьями, коллегами, фанатами, а также к самому себе) и субъект-объектных отношениях (к питомцам, действиям, состояниям, месту пребывания). Отдельные случаи любви были выявлены в качестве разрушительной. Процентный анализ частотности употребления лексической единицы «LOVE» установил лидирующее положение проявления чувства глубокой привязанности в семейных отношениях. Далее следуют партнерская любовь, любовь к питомцам, предметам, дружеская любовь, любовь к состояниям, к месту пребывания, к действиям, разрушающая любовь. Наименьшее количество примеров пришлось на фанатическую и эгоистическую любовь. Таким образом, проявление чувства глубокой привязанности и симпатии между всеми членами семьи – основной показатель сильных и позитивных эмоциональных и психических состояний американской нации.

Одним из ключевых концептов общеязыковой картины мира и важнейших компонентов духовной культуры является понятие любви. Однако, несмотря на многочисленные исследования и большое количество философско-этических трудов, не существует единого общепринятого определения данного явления.

Обращаясь к лексикографическому толкованию любви, можно определить его как:

– «сильное влечение к кому-либо, чему-либо» [Этимологический словарь русского языка, 2004, 202];

– «чувство привязанности, основанное на общности интересов, идеалов, на готовности отдать свои силы общему делу (любовь к Родине) / Такое же чувство, основанное на половом влечении; отношения двух лиц, взаимосвязанных этим чувством» [Ушаков, 2008, 425];

– «глубокое эмоциональное влечение, сильное сердечное чувство / Чувство глубокого расположения, самоотверженной и искренней привязанности (любовь к родине, родителям, к детям) / Постоянная, сильная склонность, увлеченность чем-либо (любовь к правде / истине, к балету, к чтению, к театру, к животным)» [Ожегов, 2012, 708].

В толковом словаре Macmillan English Dictionary [Macmillan, 2005, 851] приводятся следующие определения любви:

– «a very strong emotional and sexual feeling for someone»;

- «the feeling of liking and caring for someone such as a member of your family or a close friend»;
- «someone you have a romantic or sexual relationship with»;
- «someone you like very much because they are kind»;
- «used at the end of the letter to someone you know very well»;
- «used for talking to your husband, wife, girlfriend».

А.А. Гетман полагает, что основными категориями номинативного поля концепта «LOVE» являются чувства симпатии и заботы по отношению к родственникам и друзьям, романтическая или сексуальная привязанность, сам объект симпатии, забота о благе других, симпатия к чему-либо [Гетман, 2021, 1142].

Согласно лексикографическим определениям любовь может проявляться как романтическое / сексуальное влечение, чувство заботы / привязанности, эмоциональное / сердечное чувство к одушевленным и неодушевленным предметам.

С.Г. Воркачев выделяет следующие признаки концепта любви в научной парадигме: 1) двойственный характер желания (блага себе и блага другому); 2) абсолютный, ненормативный характер оценки и выбора предмета; 3) эмоциональные переживания и их соматические проявления; 4) абберация оптики в отношении предмета любви; 5) смыслосозидающая функция; 6) стрессовый характер ситуаций возникновения; 7) необходимость наличия понятия любви в «алфавите чувств» субъекта; 8) антиномия свободы выбора предмета и зависимости от него; 9) гедонизм, связь с наслаждением; 10) амбивалентность; 11) связь с красотой; 13) динамизм и неустойчивость [Воркачев, 2003, 89].

Д.О. Курцева выявляет в произведениях У.С. Моэма «Up at the Villa» и «Theatre» концепт «LOVE»: «Мы можем отметить, что он встречается чаще в прямых или производных номинациях Happy, Happiness. Центральное место, помимо понятия “любовь”, занимают “доверие” и “милосердие”, выражающиеся при помощи свободных словосочетаний» [Курцева, 2018, 9].

Таким образом, опираясь на вышеприведенные толкования понятия, мы дали рабочее определение любви: чувство глубокой симпатии или привязанности, выражающееся в субъект-субъектных и в субъект-объектных отношениях.

Корпусом исследования послужили 58 мультипликационных фильмов американского производства, семейного и приключенческого жанра, вышедшие на широкие экраны с 2001 по 2019 год. В результате анализа был выявлен 121 пример, содержащий вербализацию лексемы «LOVE» в монологических и диалогических речах героев мультипликаций.

Цель исследования – выявление и описание средств вербализации лексемы «LOVE» в анимационных фильмах американского производства начала XXI века.

В ходе исследования было установлено, что чувство глубокой привязанности может проявляться к одушевленным и неодушевленным предметам. Следовательно, были выделены субъект-субъектные и субъект-объектные отношения.

Разновидностями первых отношений явились партнерская любовь, семейная, дружеская, фанатическая, а также любовь к самому себе: эгоистическая.

Вторая категория отношений включала любовь к питомцам, месту пребывания, предметам, состояниям и действиям.

Были выявлены отдельные случаи разрушительной любви. Данные действия наблюдались в основном со стороны антагонистов, желающих причинить боль и страдания кому-либо, делая это с любовью.

Для более полного формирования представления о вербализации лексемы «LOVE» в современных мультипликационных фильмах необходимо подробно рассмотреть данные разновидности любви.

Субъект-субъектные отношения:

1) *партнерская любовь.*

Партнерская любовь была выявлена между персонажами мультипликационных фильмов, которые не состоят в брачном союзе. Яркими примерами могут послужить монологические и диалогические высказывания героев: *Oscar: I can't talk. I go to find Angie. I need to tell her... I love her!* [Shark Tale, 2004]; *Prince Naveen: No, Ray! I am not in love with Evangeline. I am in love with Tiana!* [The Princess and the Frog, 2009]; *Tiana: I love you, Naveen* [The Princess and the Frog, 2009]; *McQueen: I love you. / Sally: I love you more* [Cars 3, 2017]; *Gloria: It's crazy to think I had to go half way around the world to find the perfect guy for me lived right next door. / Mehlman: Love has no boundaries!* [Madagascar: Escape 2 Africa, 2008]; *Puffnut: Okay, I love you again* [How to Train Your Dragon 2, 2014].

Далее были выявлены примеры, описывающие партнерскую любовь между персонажами, состоящими в брачном союзе: *Princess Fiona: You're going to be a father! / Shrek: That great! / Princess Fiona: Really? I'm glad you think so! I love you. / Shrek: Yeah! Me, too! You!* [Shrek the Third, 2007]; *Shrek: Donkey, you did it! Look at you! If Fiona and I share true love's kiss, I will get my life back!* [Shrek Forever After, 2010]; *Hiccup: Dad? Are you gonna get us a new Mom? / Stoic: I don't want another. Your Mom was the only woman for me. She was the love of my life. But with love comes loss, son. It's part of the deal. Sometimes it hurts but in the end, it's all worth it. There's no greater gift than love* [How to Train Your Dragon: The Hidden World, 2019]; *Bob and Helen together: I love you* [The Incredible, 2004]; *Shrek: I love you. / Princess Fiona: I love you, too, honey* [Shrek the Third, 2007]; *Shrek: You know what the best part of today was. I got the chance to fallen love with you all over again* [Shrek Forever After, 2010]; *Shrek: I... I love you. / Princess Fiona: Really? / Shrek: Really,*

really. / Princess Fiona: I love you, too [Shrek, 2001]; Mary: Right now, I'm so overwhelmed with passionate feelings for you. / Mel: Mary, my love for you burns with the intensity of a red-hot flame [Emoji film, 2017]; Princess Fiona: Shrek loves me for who I am [Shrek 2, 2004].

Свидетелями чувств глубокой симпатии в партнерских отношениях бывают третьи лица, констатирующие факт любви между протагонистами мультипликационных фильмов: *Other animals: Ooh! Ah! He didn't forget. That's have big Manny's love is for her [Ice Age 5: Collision Course, 2016]; Murray: Ericka loves the Drack. She can't get enough of that Drack. Yeah. / Frankie: She can't live without you, buddy. It's serious! [Hotel Transylvania 3, 2018]; Poppy: She's in love with the king [Trolls, 2016]; Puss in Boots: It was as if for one moment, Fiona had actually found her true love. / Shrek: I am her true love. I ended her curse [Shrek Forever After, 2010]; Meter: You're in love with Miss Sally. / McQueen: No, I'm not. / Meter: You're in love with Miss Sally! / McQueen: Real nature. / Meter: You're in love! You love her. You love her [Cars, 2006]; Hiccup: Bud, what's gotten into you? What is all this slobbering and panting? / Astrid: Isn't obvious? He's in love [How to Train Your Dragon: the Hidden World, 2019];*

2) семейная любовь.

Чувство глубокой симпатии в семейных отношениях может проявляться между родителями и детьми. Примерами служат высказывания персонажей, адресованные как от родителя(ей) к чаду(ам), так и наоборот: *Mavis: You're the best. I love you, Dad. / Johnny: Gonna miss all you guys. You're my family. Love you, Drack. / Drack: Yes, I love you, too [Hotel Transylvania 2, 2015]; Don Lino: I love you, son. No meter what you eat or how you dress [Shark Tale, 2004]; Mavis: I love you, Dennis. / Dennis: I love you, Mommy [Hotel Transylvania 2, 2015]; Princess Fiona: But they are my parents, Shrek. They love me. And don't worry. They'll love you, too. / Shrek: Yeah, right [Shrek 2, 2004]; Migo: Love you, Dad. / Dad: I love you, too, son [Small foot, 2018]; King Peppy: I love you, Poppy. / Princess Poppy: I love you too, Dad [Trolls, 2016]; Mom: We (parents) love you both (sons) so much... with all our heart [The Boss-Baby, 2017]; Dad: I love you son. / Flint: I love you too, Dad [Cloudy with a Chance of Meatballs, 2009]; Earl: I love you, son. / Cal: I know, Dad. You tell me every day [Cloudy with a Chance of Meatballs, 2009]; Cal: I love you, guys. You're awesome. / Earl: I love you, too, son. / Mom: Have a good time, baby [Cloudy with a Chance of Meatballs, 2009]; Mom: Now, give me a non-inflatable hug. Love you, partner (son). I promise I'll always have you back [Spies in Disguise, 2019]; Peaches: I love you, Dad [Ice Age: Continental Drift, 2012]; Roger: Lucky Pumpkin! It must be nice to have a loving father [Ice Age 5: Collision Course, 2016]; Po: I love you, Dad. / Dad: I love you, too, son [Kung Fu Panda 2, 2011]; Mom (Sara Hawkins): I love you. / Son (Jim): Love you, too [Treasure Planet, 2002]; Son: I love you, Dad [Shrek Forever After, 2010]; Judy: Mmm, I love you, guys. /*

Mom: Love you, too. / Other children: Buy, Judy. I love you [Zootopia, 2016]; *Coco: My papa used to sing me that song. / Miguel: He loved you, Mama Coco. Your papa loved you so much* [Coco, 2017]; *Mom: I love you very much, dear. / Rapunzel: I love you more. / Mom: I love you most* [Tangled, 2010]; *Tim: They (parents) love me!* [The Boss-Baby, 2017]; *Sid: Not in front of the k-i-d-z. These little guys love me. Right, Billy?* [Ice Age 2: the Meltdown, 2006].

Иногда семейная любовь проявляется между братьями и сестрами в субъект-субъектных отношениях: *Little brother: I love you, brother. It's like we're best friends that live together!* [The Storks, 2016]; *Elsa: You sacrificed yourself for me? / Anna: I love you. / Olaf: An act of true love will throw a frozen heart. / Elsa: Love will throw. Love. Of course. Love!* [Frozen, 2013] или между племянниками и их тетей: *Tadashi: We love you, aunt Cass. / Aunt Cass: Well, I love you, too* [Big Hero 6, 2014].

Любовь в семейных отношениях может расцениваться как неотъемлемая часть. Часто данное чувство глубокой привязанности воспринимается членами ячейки общества как факт / догма: *Princess Fiona: Shrek, you have three beautiful children, a wife who loves you, friends who adore you. You have everything* [Shrek Forever After, 2010]; *Manny: She's perfect. I think we should call her Ellie, Little Ellie. / Ellie: I've got a better name... Peaches. / Manny: Peaches? / Ellie: Why not? She's sweet, and round and covered with furs. / Manny: I love it* [Ice Age: Dawn of the Dinosaurs, 2009]; *Boss-Baby: There's plenty of love for everyone* [The Boss-Baby, 2017]; *Boss-Baby: There's only so much love to go around. It's like these beads. You used to have all your parents' love. All their time. All their attention. You have all the beads. But then I came along. Babies take up a lot of time. They need a lot of attention. They get all the love* [The Boss-Baby, 2017]; *Boss-Baby: Throughout history... people have loved babies more than anything in the world* [The Boss-Baby, 2017].

Иллюзорность любви между родителями и детьми также прослеживается в субъект-субъектных отношениях в анимационных фильмах: *Mom: Tell him you love him, dear. / Dad: He knows that. / Mom: Tell your son you love him. / Dad: I don't wanna tell him. He knows I love him. / Mom: He's your son. We both love you. That includes your dad. / Dad: That's right* [Monster House, 2006]; *Tim: You missed out on your whole childhood? You never had someone to love you?* [The Boss-Baby, 2017];

3) дружеская любовь.

Чувство глубокой привязанности между товарищами проявляется по отношению к персонажам мультфильмов как женского, так и мужского пола: *Drack: Hello, Murray! / Murray: Drack, what's up, buddy? / Drack: The sand, Murray, the sand! Always with the sand. / Murray: Wolfie! Wanda! Frank! I love this guys* [Hotel Transylvania, 2012]; *Po: I love you, guys* [Kung Fu Panda 2, 2011]; *Remy: I love you, guys!* [Ratatouille, 2006]; *Vanellope: I love you so much. I'm really gonna miss you. / Ralph: I'm gonna miss you too, kid* [Ralph

Breaks the Internet, 2018]; *Winnie: Dennis! I love you! Zing! / Dennis: Hi, Winnie. / Dennis: I just love you yummy strawberry locks! Zing! Zing!* [Hotel Transylvania 2, 2015]; *Friends: I love that little guy. / Migo: I love you guys, too* [Small foot, 2018]; *Olaf: Hi, I'm Olaf and I like warm hugs. / Anna: I love you, Olaf* [Frozen, 2013].

Также дружеская любовь была выявлена между коллегами: *Junior: I love you, my little baby. / Orphan Tilip: And we will always will* [The Storks, 2016]; *Joy: And that's it. We love our girl / But we still love our girl* [Inside Out, 2015].

В большинстве случаев героями анимационных фильмов являются не только люди, но и представители фауны, например, в мультипликационном фильме «Шрек» («Shrek») наблюдаются теплые дружеские отношения между лесным огром и ослом: *Shrek: You're coming with me. / Donkey: All right, that's what I like to hear, man. Shrek and Donkey, two stalwart friends, off on a whirlwind big-city adventure. I love it!* [Shrek, 2001];

4) всеобщая любовь.

Данный вид любви был выявлен в монологических и диалогических речах героев мультипликационных фильмов, обращенных к большому количеству людей. Примеры отбирались и анализировались при наличии в высказываниях лексических единиц *we, people* и *everybody*: *Miguel: But when he (Ernesto de La Cruz) played music, he made people fall in love with him* [Coco, 2017]; *Alex: Here come the people, Marty. I love the people. It's fun people fun time!* [Madagascar, 2005]; *Flint: Thank you. Thank you, everybody. / Crowd: We love you, Flint. / Flint: Thank you. Yeah. Yeah* [Cloudy with a Chance of Meatballs, 2009]; *Random Citizen: I love you, Metro Man! / Metro Man: And I love you? Random citizen* [Mega mind, 2010]; *Major: Everybody loves you, Flint* [Cloudy with a Chance of Meatballs, 2009]; *Forest Inhabitant 1: We love you, Queen Tara! / Forest Inhabitant 2: Thank you, Your Highness! / Forest Inhabitant 3: Hail, Queen Tara! / Queen Tara: Parade! Fun! Smiling!* [Epic, 2013]; *Maui: You did everything for them. So they'd love you* [Moana, 2016]; *Frankie: I'm trying to scare you! The real Frankenstein! / Crowd: We know! We love you!* [Hotel Transylvania, 2012]; *Flint: Everybody is going to love it* [Cloudy with a Chance of Meatballs, 2009]; *Maui: The people you love will change you* [Moana, 2016]; *Sponsors: We love ya. And we're looking forward to another great year. Just like this year!* [Cars, 2006];

5) фанатическая любовь.

Любовь поклонников проявлялась по отношению к супергероям, к собаке-спасателю и к главнокомандующему: *Wiston Devour: I love superheroes! The powers, the costumes, the mythic struggles* [The Incredible 2, 2018]; *Cat: By the way, huge fun, love it, love you, gotta go. Thank you* [Bolt, 2008]; *Grub: Ronin, right? Head of the Leaf men? Big fan. I just love what you do with your jaw* [Epic, 2013];

6) эгоистическая любовь.

Чувство глубокой привязанности к самому себе было выявлено как непосредственно эгоистическая любовь протагониста: *McQueen: I love being me* [Cars, 2006], так и заключение третьего лица по отношению к антагонисту: *Moana: He loves bragging about how great he is* [Moana, 2016].

Субъект-объектная любовь:

1) любовь к питомцам.

В данную категорию были включены речевые высказывания персонажей анимаций, в которых осуществлялась вербализация чувства глубокой привязанности хозяина к своему любимцу: *Arlo: My friend! Spot! He helped me and now he's in trouble... So I got to got help him. Because I love him* [The Good Dinosaur, 2015]; *Diego: Guys, that's not necessary, really. I love you, too, yeah!* [Ice Age: Continental Drift, 2012]; *Granny: Momma love you, too, Precious* [Ice Age: Continental Drift, 2012]; *Penny: You are my good boy. I love you* [Bolt, 2008]; *Fishlegs: God, I love that dragon* [How to Train Your Dragon: The Hidden World, 2019]; *Hiccup: It's okay. I love you, too. And I want you to be free. Go, Toothless, go* [How to Train Your Dragon: The Hidden World, 2019]; *Fawn: I love you, Gruff* [Legend of the Neverbeast, 2014]; *Lizzy: I really won't hurt you. I just love fairies* [Tinker Bell and the Great Fairy Rescue, 2010].

Также вербализация лексемы «LOVE» была выявлена в монологических высказываниях питомцев, обращенных к их владельцам: *Boog: My fishy crackers. Oh, she still loves me. Thank you, Beth* [Open Season, 2006]; *Dug: My name is Dug. I have just met you and I love you!* [Up!, 2009]; *Dug: I was hiding under your porch because I love you* [Up!, 2009];

2) любовь к месту пребывания.

Родной дом, остров, море, определенная местность вызывают у персонажей мультфильмов чувство глубокой привязанности, являются неотъемлемой частью их существования, местом, где герои реализовывают свое главное предназначение: *Mau: It's a beautiful cave she's gonna love it. Enjoy the island* [Moana, 2016]; *Moana: I am a girl who loves my island. And the girl who loves the sea* [Moana, 2016]; *Migo: They've all got a smile on their face. Another reason I love this place. Cause it's always full of life* [Small foot, 2018]; *Moana: She loves the sea and her people* [Moana, 2016]; *Migo: They've all got a smile on their face. Another reason I love this place. Cause it's always full of life* [Small foot, 2018]; *Sally: I fell in love. Yep. / McQueen: Corvette? / Sally: No, I fell in love with this* [Cars, 2006];

3) любовь к предметам.

Любовь, как и все эмоции, включает в себя аксиологическую составляющую, которая может быть проявлена по отношению как к абстрактным, так и к материальным вещам, которыми обладает индивид. В качестве вещественных ценностей, выявленных в анализируемых примерах, были определены роботы, лампы, моторы, термометры, платья, а также засаленные стены и шаткая кровать: *Hiro: I love that robot* [Big Hero 6, 2014]; *Oscar:*

Angie, you made it! / Angel: Wait, wait! You're gonna break my gift. / Oscar: Oh, come on. You didn't have to get me anything. What'd you get me? / Angel: Well, what does every bachelor pad need, huh? / Oscar: A lava lamp? How did you know I love lava lamps? [Shark Tale, 2004]; Vane lope: I love it. / Ralph: You do? / Vane lope: I love it! I love it! I love it! Look, it's got a real engine! And look at these wheels. I love it! I finally have a real cart! [Wreck-in-Ralph, 2012]; Judy: Greasy walls. Rickety bed. Crazy neighbors. I love it! [Zootopia, 2016]; Gloria: Ooh, it's Marty's birthday. / Mehlman: Just rip it open. / Martyn: What is it? / Alex: Come on. Open it up. What you got? / Martyn: A thermometer. Thanks. I love it, Mehlman. I love it [Madagascar, 2005]; Judy: Hi, I love your dress. / Mister Big's daughter: Oh, thank you [Zootopia, 2016].

Любовь к употреблению пищи является иной аксиологической составляющей чувства глубокой симпатии протагонистов современных мультипликационных фильмов: *Sam: There's a problem. The food's getting bigger. / Flint: I know. It's great. Bigger portion sizes. Everyone loves it [Cloudy with a Chance of Meatballs, 2009]; Hurley: Cake! Did I tell, you I love cake? Oh! Oh, I've heard of places like this! They sell something called «layer cake»! It's not one cake, it's many. In layers! Often up to six! Oh, it is the Holy Grail of human food. / Darwin: I can't believe you're getting so excited about cake [G-Force, 2009]; Alex: This is better than steak. I love it. I love it! / Skipper: The kitty loves the fishy [Madagascar, 2005];*

4) любовь к действиям.

Проявление субъектом своей воли и энергии по отношению к совершаемой работе было определено как выражение чувства любви персонажей в отношении к играм (детским, спортивным), танцам, пению и объятиям: *Mavis: Holy rabies! Limbo? I used to love that game. / Drack: Get in here, Mavey [Hotel Transylvania 2, 2015]; Author: They loved nothing more than you sing, and dance, and hug [Trolls, 2016]; Sid: U-u-u. I love this game! I love this game! Okay. Okay. Three words [Ice Age, 2002]; Po: I love Kung Fu! [Kung Fu Panda, 2008];*

5) любовь к состояниям.

Чувство глубокой симпатии по отношению к теплу, боевому духу, аромату, энергии, а также к состоянию победы и самому чувству любви было выявлено в монологической и диалогической речи персонажей. Яркими примерами выступают следующие высказывания: *Olaf: Summer? Oh, I don't know why but I always loved the idea of summer. And sun, and all things hot [Frozen, 2013]; Olaf: Wow! So this is heat. I love it [Frozen, 2013]; Grimmel the Gristly: A fighting spirit, I love it [How to Train Your Dragon: The Hidden World, 2019]; Horton: I love the smell of bananas in the morning [Horton Hears a Who, 2008]; Lead bottom: The finest-smelling compost this side of the Mississippi. Original, creamy and chunky style. Yeah. Smell That? It's like daffodils and like Sunday dinner. I just love it. I love it. I got some mina mulch, yeah! I got some mina mulch, yeah! [Planes, 2013]; Host of the Scare Games: Yes! Yes, I love it!*

I love this energy. Okay. Okay, everybody [Monsters University, 2013]; *King Gristle: I feel love. I feel love. I feel good. I feel good* [Trolls, 2016]; *Commander Rourke: I love when I win* [Atlantis: The Lost Empire, 2001]; *Creek: No bad vibes just love, you'll see* [Trolls, 2016].

Разрушающая любовь

Стрессовые состояния, причинами которых является неудовлетворение индивидуума по отношению к сложившимся обстоятельствам, вызывают противоречивые чувства у окружающих. Неприятие к человеку или предмету может проявиться в поступках личности. Однако намеренное справедливое воздействие, с точки зрения антагониста, по отношению к иным персонажам анимации может выразиться в чувстве любви к данным действиям как удовлетворения от достижения поставленной цели. Следовательно, чувство глубокой привязанности может носить разрушающий характер, пагубно влияя не только на протагонистов, но и на антагонистов. В качестве примеров были проанализированы речевые высказывания антагонистов, в которых чувство глубокой симпатии носит губительный характер: *Francis Francis: Baby Corp. stole all the love from me... and now I'm going to take it back from them* [The Boss-Baby, 2017]; *Captain Gutt: That mammoth has taken my ship... my bounty... and now the loyalty of my crew. I will destroy him... and everything he loves* [Ice Age: Continental Drift, 2012]; *Francis Francis: Everyone loved me... I thought they loved me. But they replaced me with someone new... All of a sudden, she got all the love... all the attention* [The Boss-Baby, 2017]; *Captain Gut: I love a terrible turn of event* [Ice Age: Continental Drift, 2012].

Таким образом, согласно статистическим данным (см. рис. 1), наибольшее количество примеров пришлось на семейную любовь – 32 единицы, или 27% от общего количества примеров.

На ступень ниже расположилась партнерская любовь – 20 примеров, или 17%.

Одинаковое количество примеров пришлось на всеобщую любовь и любовь к питомцам – по 11 единиц, или по 9% от общего количества примеров.

10 примеров, или 8%, были отнесены к разновидности субъект-объектных отношений: любовь к предметам.

Одинаковое количество примеров пришлось на дружескую любовь и любовь к состояниям – по 9 единиц, или 7%.

6 единиц, или 5%, – любовь к месту пребывания.

По 4 примера, или по 3%, пришлось на любовь к действиям и разрушающую любовь.

Наименьшее количество примеров пришлось на фанатическую любовь – 3 единицы, или 3%, и эгоистическую любовь – 2 единицы, или 2% от общего количества примеров.

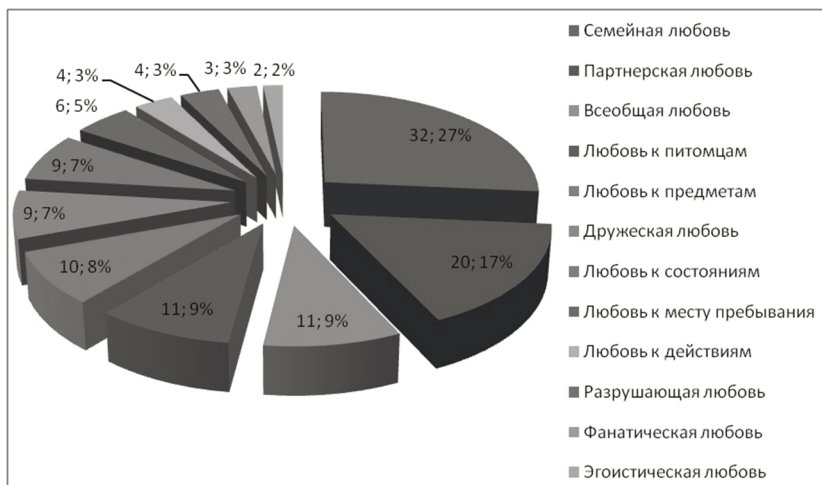

Рис. 1. Вербализация лексемы «LOVE» в современных мультипликационных фильмах

Следовательно, можно сделать вывод, что вербализация лексемы «LOVE» в современных мультипликационных фильмах проявляется в следующих случаях:

– в субъект-субъектных отношениях как партнерская любовь между персонажами, состоящими и не состоящими в брачном союзе, семейная любовь между родителями и их детьми, между братьями и сестрами, дружеская любовь между товарищами и коллегами женского и мужского пола, всеобщая любовь по отношению к большому количеству людей, фанатическая любовь, или любовь поклонников к своему кумиру, эгоистическая любовь, или любовь к самому себе;

– в субъект-объектных отношениях как любовь к питомцам, месту пребывания, предметам, действиям, состояниям.

Были выявлены отдельные примеры разрушительной любви, связанной с неудовлетворенностью персонажа сложившимися обстоятельствами, следствием чего становится его намеренное справедливое воздействие и чувство удовлетворения от достижения поставленных целей.

ЛИТЕРАТУРА

Воркачев С.Г. Сопоставительная этносемантика телеономных концептов «любовь» и «счастье» (русско-английские параллели): монография. Волгоград: Перемена, 2003. 164 с.

Гетман А.А. Дефиниционный анализ лексической единицы love как слова-репрезентанта концепта Love (на материале толковых словарей английского языка) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14, вып. 4. С. 1138–1142. URL: <https://www.gramota.net/articles/phil210176.pdf> (дата обращения: 24.11.2022).

Курцева Д.О. Концепт Love в художественной литературе (на материале произведений У.С. Моэма) // Филология и лингвистика. 2018. № 1(7). С. 8–11. URL: <https://moluch.ru/th/6/archive/75/2671/> (дата обращения: 24.11.2022).

Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / под общ. ред. Л.И. Скворцова. 28-е изд., перераб. М.: Мир и Образование: ОНИКС, 2012. 1375, [1] с.

Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь русского языка: современная редакция. М.: Дом славянской книги, 2008. 959 с.

Этимологический словарь русского языка / сост. Г.А. Крылов. СПб.: Victory, 2004. 428 с.
English Dictionary for Advanced Learners: словарь. Macmillan Publisher Limited, 2005. 1692 p.

R.N. Sirazetdinova

*Assistant,
Germanic Languages Chair,
Bashkir State University (Sterlitamak branch)
Sterlitamak, Republic of Bashkortostan, Russia*

Verbalization of the Lexeme «LOVE» in Modern Animated Films

The article discusses the verbalization of the lexeme «LOVE» in modern animated films of American production at the beginning of the XXI century (family and adventure genre).

In the theoretical part, lexicographic interpretations of love given in Russian and English dictionaries were presented, the study of this concept in the works of S.G. Vorkachev was considered, and a working definition of love as a feeling of deep sympathy or attachment to animate and inanimate objects was formulated.

In the practical part of the study, 121 examples were identified and analyzed that maximally verbalize the lexeme «LOVE» in the monologue and cartoon characters' dialogical speech.

As a result of the study, it was revealed that the feeling of deep attachment manifests itself in subject-subject relationships (in the family, between partners, friends, colleagues, fans, as well as to oneself) and subject-object relationships (to pets, actions, states, place of stay). Individual cases of love have been identified as destructive.

A percentage analysis of the frequency of use of the lexical unit «LOVE» has established the leading position of the manifestation of a sense of deep affection in family relationships. This is followed by partner love, love for pets, objects, friendly love, love for states, for the place of stay, for actions, destructive love. The least number of examples fell on fanatical and selfish love.

Thus, the manifestation of a sense of deep affection and sympathy between all family members is the main indicator of the strong and positive emotional and mental states of the American nation.

Key words: animated films; verbalization; love; monologue speech; dialogic speech; characters.

REFERENCES

Vorkachev S.G. Comparative Ethnosemantics of the Teleonomic Concepts "Love" and «Happiness» (Russian-English parallels): monograph [*Sopostavitel'naya etnosemantika teleonomnykh konceptov «lyubov'» i schast'e» (russko-anglijskie paralleli): monografiya*]. Volgograd: Peremena. 2003. 164 p. (in Russian).

Getman A.A. Definitional Analysis of the Lexical Unit 'Love' as a Word-representative of the Concept Love (Based on Explanatory Dictionaries of the English Language) [Definicionnyj analiz leksicheskoi edinicy love kak slova-reprezentata koncepta Dshhmu (na materiale tolkovyh slovarej anglijskogo jazyka)]. *Philological sciences. Theory and Practice*. 2021, vol. 14, issue 4, pp. 1138–1142. Available at: <https://www.gramota.net/articles/phil210176.pdf> (in Russian).

Kurceva D.O. The Concept of Love in Fiction (Based on the Works of W.S. Maugham) [Koncept Love v hudozhestvennoj literature (na materiale proizvedenij U.S. Mojema)]. *Philology and Linguistics*. 2018, no. 1(7), pp 8–11. Available at: <https://moluch.ru/th/6/archive/75/2671/> (in Russian).

Ozhegov S.I. Explanatory Dictionary of the Russian language: about 100,000 Words, Terms and Phraseological Expressions [Tolkovyj slovar' russkogo yazyka: okolo 100 000 slov, terminov i frazeologicheskikh vyrazhenij] S.I. Ozhegov; general. ed. L.I. Skvorcova. 28-printing, M.: Mir i Obrazovanie: ONIKS. 2012. 1375 p. (in Russian).

Ushakov D.N. Big Explanatory Dictionary of the Russian Language: Modern Edition [Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo yazyka: sovremennaya redakciya]. M.: Dom Slavyanskoj kn., 2008. 959 p. (in Russian).

Etymology Dictionary of the Russian language [Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka]. Ed. by G.A. Krylov. Saint Petersburg: Victory. 2004. 428 p. (in Russian).

English Dictionary for Advanced Learners: slovar'. Macmillan Publisher Limited, 2005. 1692 p. (in English).

Ш.Р. Басыров

*Донецкий национальный университет
Донецк, Донецкая Народная Республика, Россия*

УДК 811.112.2

DOI 10.35785/2072-9464-2023-61-1-109-124

СТИЛИСТИЧЕСКИ МАРКИРОВАННЫЕ НАИМЕНОВАНИЯ ОФИСНЫХ РАБОТНИКОВ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Ключевые слова: офис; офисный работник; стилистически маркированное наименование; оценка; структура; семантика; метафора.

Языковой образ сотрудника офиса, его поведение и характер являются недостаточно изученной областью лингвистической науки. В связи с процессами глобализации мировой экономики и увеличением количества совместных предприятий с иностранными компаниями, а также важностью оптимизации межкультурного общения в сфере бизнеса возрастает значимость корпоративной, деловой и профессиональной культуры сотрудников предприятия.

В лексике каждого языка закрепляются нормы поведения, этические установки, приоритеты и идеи национального и социального опыта носителей данного языка. Знание норм и ценностей другой культуры играет важную роль для адекватного поведения и успешного общения в условиях иноязычной коммуникации. Данные культурные ценности, нормы и правила выявляются часто посредством анализа их нарушений, в том числе в процессе коллектив-

ной трудовой деятельности. Работник, сталкиваясь с различного рода нарушениями, выражает свое отношение к этим негативным явлениям. Таким образом, сквозь призму окружающих сотрудника нарушений норм и правил этикета на рабочем месте реально воссоздается антропологическая картина мира, отражающая приоритеты.

В статье исследуются семантика и структура стилистически маркированных лексем, негативно номинирующих различных офисных работников (начальника, секретаря, сотрудников) и их взаимоотношения. Большинство анализируемых лексем возникают в результате метафорического переосмысления, носят негативную оценку и являются композитами.

В качестве перспективы дальнейшего исследования предлагается рассмотрение данной проблематики в сопоставительном аспекте.

Статья посвящена исследованию семантики и структуры стилистически маркированных лексем, номинирующих офисных работников (начальника, секретаря, рядовых сотрудников).

Под офисом здесь понимается здание или помещение, в котором работники исполняют свои профессиональные обязанности, сидя за столом; характерная особенность интерьера офиса – наличие компьютеров и телефонов [Савинова, 2012, 7].

Актуальность избранной темы обусловлена важностью изучения языкового образа сотрудников офиса, их поведения, свойств и качеств. Исследование стилистически маркированных наименований офисных работников (далее – НОР) является недостаточно изученной областью лингвистической науки. Обращение к данной теме продиктовано также необходимостью исследования особенностей структурной и семантической организации НОР, значимостью корпоративной, деловой и профессиональной культуры, офисных норм поведения сотрудников в связи с процессами глобализации мировой экономики и увеличением количества совместных предприятий с иностранными компаниями, а также важностью оптимизации межкультурного общения в сфере бизнеса.

Как известно, в лексике каждого языка выражаются релевантные для данной лингвокультурной общности нормы и ценности, которые обусловлены совместным существованием людей, исторически сложившимися национальными традициями, а также определенной социально-политической обстановкой [Вежбицкая, 2001; Иная ментальность, 2005]. Эти культурные ценности, нормы и правила выявляются часто посредством анализа их нарушений, в том числе в процессе коллективной трудовой деятельности людей [Буренкова, 2009; Чернец, 2011]. Сотрудники, сталкиваясь с различного рода нарушениями трудового процесса, выражают свое отношение к этим негативным явлениям. Таким образом, сквозь призму окружающих работника нарушений норм и правил этикета на рабочем месте реально воссоздается антропологическая картина мира, в которой отражаются приоритеты [Буренкова 2009, 3, 4]. В лексике как

наиболее динамичной системе языка фиксируются и передаются нормы поведения, этические установки, приоритеты и идеи национального и социального опыта носителей того или иного языка. Знание этих норм и ценностей другой культуры играет важную роль для адекватного поведения и успешного общения в условиях иноязычной коммуникации [Романова, 2007; Красавский, 2001]. Каждый социум обладает определенным набором канонов, норм, стереотипов, традиций, установок, содержащих социальную, моральную, эмоциональную оценку фактов и явлений и влияющих на потенциальные формы поведения [Комалова, 2009; Медведева, 2007].

Эмпирической базой настоящего исследования послужил словник «Bürogezeter. Das kleine Schimpfwort – ABC», составленный немецким журналистом Й. Лефферсом на базе читательских писем [Bürogezeter / www.spiegel.de]. В него вошли стилистически сниженные оскорбительные слова (Bürofrotzeleien, Bürohänseleien, Verbalinjurien), распространенные в речи сотрудников немецких офисов. Отсутствие примеров употребления приведенных в нем слов компенсируется в настоящей статье привлечением разговорных словарей немецкого языка [Küpper, 1987; Девкин, 1996], лингвистических ресурсов сети Интернет [www.mundmische.de], а также описанием значения данных слов [Bürogezeter / www.spiegel.de]. Общий объем проанализированного эмпирического материала составляет 280 НОР.

Семантика немецких НОР. В семантическом плане анализируемые НОР распадутся на несколько семантических групп.

Шеф, начальник, руководитель и т.п. В немецкой лингвокультуре негативный образ начальника характеризуется разнообразным набором отрицательных черт, свойств характера и поведения. Среди них выделяются прежде всего некомпетентность и глупость руководителя, например:

(1) *Ich habe immer in Firmen gearbeitet, wo es **führende Nullen** gab* [www.mundmische.de];

(2) *Herr Mustermann ist ein **Nilpferd-Chef**. Er taucht immer nur kurz in der Firma auf, reißt sein Maul zum Meckern auf und taucht dann wieder ab* [www.mundmische.de];

(3) *Herr Bernd Stromberg ist ein Paradebeispiel für einen **Chonk** (← **Chef ohne nennenswerte Kenntnisse**)* [www.mundmische.de].

Ироничную окраску обретает в этой связи употребление в немецком разговорном языке русской кальки *Natschalnik*, с помощью которой говорящий подвергает сомнению компетенцию своего руководителя:

(4) *Peter: «Der Chef meint, wir sollen die Pfähle nur einsetzen und kein Metall beim Einbetonieren nehmen».* Heinz: «Mein Gott, dann hält das doch überhaupt nicht! Das ist mir so ein **Natschalnik!**» [www.mundmische.de].

Негативную реакцию у сотрудников вызывают сверхурочные работы, плохое настроение начальника, его чрезмерная строгость и повышенный тон в разговоре с подчиненными:

(5) В.: «*Der Sklaventreiber hat Überstunden angeordnet!*» [www.mundmische.de];

(6) А.: «*Chef hat schlechte Laune...*». В: «*Verdammt... unsere **muftige-Großmogulität** geht mir auch ganz schön auf die Nüsse...*» [www.mundmische.de].

Добавим, что пейоративная оценка начальника возникает часто путем трансформации лексического значения, основанной на различных типах метафоры, в том числе зооморфной (см. (7)), механистической (см. (8)), а также с использованием оронимов (см. (9)):

(7) *Brüllaffe / Brüllochse* [Küpper, 1987, 135, 136];

(8) *Zitronenpresse / Entsafter* [Bürogezeter / www.spiegel.de];

(9) *Gummifelsen* [Bürogezeter / www.spiegel.de].

Интересной в этой связи представляется номинация начальника лексемой *Quälix*, которая образовалась путем контаминации усеченных форм глагола *quäl(en)* 'мучить' и имени собственного (Fel)*ix* (Magath). Немецкий тренер Феликс Магат получил известность в футбольной среде благодаря специально разработанной им жесткой методике физической подготовки футболистов, связанной с длительным восхождением на «Гору Магат» («langes Treppensteigen auf den «Mount Magath»), отработкой футболистами своего штрафного списка («Motivationsdurcheinenausgefeilten Strafenkatalog») [Bürogezeter / www.spiegel.de]. Отрицательная оценочная коннотация производной лексемы *Quälix* наследуется, таким образом, референтными свойствами производящего антропонима.

Неприятие у работников вызывает чванство и хвастовство руководителя любого ранга, будь то начальник отдела или стройки, директор школы или глава государства, например:

(10) Lisa: «*Ist Cameron nun Präsident oder Premierminister?*» Anne: «*Der oberste Wichtigtuer? Premierminister*» [www.mundmische.de];

(11) *Gonzo*: «*Wer ist denn der oberste Wichtigtuer hier in der Firma?*» Herr Wurstloschek: «*Junger Mann, wenn Sie in dem Tonfall hier reden, können Sie sich gleich die Papiere abholen!*» [www.mundmische.de].

На базе анималистической метафоры построены также стилистически сниженные лексемы, негативно оценивающие руководителя из-за его постоянных жалоб («завывает, подобно волку») на высокую ответственность и трудности в работе (см. (12)), обозначающие отсутствие у него ума (см. (13)), неспособность противостоять трудностям и желание плыть по течению, подобно медузе (см. (14)):

(12) *Leidwolf* [Bürogezeter / www.spiegel.de];

(13) *Das Durcheinander in eurem Betrieb liegt am Leithammel. In dieser Stellung ist er ungeeignet* [Девкин, 1996, 458];

(14) *Qualle* [Bürogezeter / www.spiegel.de].

Наряду с негативно маркированными лексемами отмечены также слова с положительной оценкой начальника. Среди них встречаются технические метафоры, с помощью которых устанавливается онтологическое подобие между машинами и людьми [Белютин, 2019, 94] и подчеркивается, таким образом, креативность (см. (15)), высокая степень эрудиции и компетентность руководителя. Показательным в этой связи является образное сравнение немецкого президента Олафа Шольца с «говорящим автоматом», способным ответить на любой вопрос (Scholz + [Aut]omat → *Scholzomat*):

(15) *CD-Player* für Creative Directors, gültig in Werbung, Medien, Mode usw. [Bürogezeter / www.spiegel.de];

(16) Man kannte ihn (Olaf Scholz) seit 2003 als «**Scholzomat**», als Sprechautomat zur Agenda-Politik der SPD [www.morgenpost.de/politik/article233200757/olaf-scholz-spd-kanzlerkandidat-erfolge-pl].

Достойный уважения начальник метафорически сравнивается с животным, который в иерархии животного мира занимает высшую ступень (см. (17)), а также с главным духовным наставником и учителем в индуизме и буддизме (см. (18)):

(17) «*Das hohe Tier* bei mir auf *Arbeit* muss nur den ganzen Tag im Sessel sitzen und nichts dafür tun» [www.mundmische.de];

(18) «Muss mal mit dem *Oberguru* sprechen. Brauch ne Gehaltserhöhung» [www.mundmische.de].

Секретарша. Сегодня ни одно учреждение, ни одно предприятие или фирма не могут существовать без секретаря (обычно секретарши), выполняющего организационно-распорядительную работу. Секретарша является правой рукой начальника, его органическим продолжением, без нее невозможно эффективное управление рабочим процессом на предприятии. Она служит связующим звеном между начальником и его подчиненными, а также выполняет охранительную функцию, не пуская непрошеного или назойливого посетителя на прием. В таких ситуациях неприступная и нелюбезная секретарша уподобляется воинствующему талибу (см. (19)), хищному животному (см. (20)), мифическому существу (см. (21), огненной стене (см. (22)) либо истребителю-перехватчику (см. (23)):

(19) «...früher war 'ne Sekretärin 'ne Schreibkraft... aber unser *Vorzimmertalib* bewegt sich da mehr im Bereich von «ein Anschlag pro Minute...» [www.mundmische.de];

(20) *Ich flirtete mit dem Vorzimmerlöwen, um dem Vorsitzenden näher zu kommen* [Девкин, 1996, 728];

(21) *VoZiDra*. Kürzel für den guten alten Vorzimmerdrachen – wirft sich furchtlos jedem in den Weg, der zum Chef möchte [Bürogezeter / www.spiegel.de];

(22) *Human Firewall* [Bürogezeter / www.spiegel.de];

(23) *Abfangjäger* [Bürogezeter / www.spiegel.de].

Добавим, что в немецком разговорном языке для шутливой номинации неприступной и нелюбезной секретарши употребляются также зоонимные метафоры:

(24) *Vorzimmerhyäne / Vorzimmerlöwe / Vorzimmerschlange* [Küpper, 1987, 898; Девкин, 1996, 728].

Невнимательное отношение секретарши к посетителям часто проявляется в повышении голоса, напоминающего звук сирены:

(25) *Abteilungssirene* [Bürogezeter / www.spiegel.de].

Показательной в этом отношении является также лексема *Xantippse*, возникшая путем «склеивания» (контаминации) антропонима *Xanthippe* (жена Сократа, известная своим ворчливым и скандальным характером) и коллоквиализма *Tippe* 'стенографистка' [Bürogezeter / www.spiegel.de].

Негативно оцениваются в немецкой социокультурной сфере некоторые внешние данные секретарши, в частности ее фигура (см. (26)), преклонный возраст (см. (27)), а также интимная связь с начальником (см. (28)):

(26) *Drehstuhlprinzessin*. Eine Frau mit dünnem Oberkörper und dickerem Unterkörper. Kommt daher, dass sie sich nur obenrum bewegt und deshalb der Hintern unverhältnismäßig dick wird (z.B. bei Sekretärinnen) [www.mundmische.de];

(27) *Büropalme, Büromaschine, Bürotrine* [Küpper, 1987, 145];

(28) «Und warste beim Chef wegen deiner Kohle?» «Ne, ich hatte keinen Termin und bin direkt an der *Vorstandslutsche* hängengeblieben!» [www.mundmische.de].

Напротив, молодость и внешняя привлекательность секретарши получают позитивную оценку:

(29) *Büro-Mieze, Bürozahl, Büromaus* [Küpper, 1983, 145].

Приведем другие лексемы с отрицательной оценочной коннотацией:

Sekreteuse – сниженная коннотация данной лексемы возникает благодаря окончанию *-teuse*, которое ассоциируется с лексемой *Fritteuse*, создавая эффект сравнения работы секретарши с работой агломератчика, отвечающего на металлургическом предприятии за работу агломерационных машин, например:

(30) «Bei der *Sekreteuse* dauert es noch...» [www.mundmische.de].

Schreibtischlampe – негативная коннотация представлена в структуре данного композита в завуалированной форме благодаря контаминации, то есть сложению первого компонента в неизменной форме и усечению начального согласного второго компонента (*Schreibtisch* + [Sch]lampe) [www.mundmische.de].

Пренебрежительно звучит также производный коллоквиализм *Tip(p)se*, мотивированный глаголом *tippen*:

(31) *Sie war Tip(p)se unseres Chefs* [Девкин, 1996, 676].

Сотрудники. Эффективность каждого предприятия определяется прежде всего слаженной и организованной работой его коллектива, взаимопониманием сотрудников, объединенных общими целями и задачами. Однако для успешной работы предприятия мало наличия у его сотрудников профессиональных и деловых качеств. Важное значение имеют также «мягкие навыки» сотрудников, позволяющие им эффективно взаимодействовать с окружающими и находить общий язык друг с другом. Напротив, их отсутствие вызывает негативную реакцию и оценку у других коллег. Добавим, что номинация отрицательных свойств сотрудников часто происходит с использованием различных типов метафорического и метонимического переносов [Андреев, 2016, 2017; Абрамова, 2018; Белютин, 2019; Лакофф, 1990 и др.].

Некомпетентный / неспособный / глупый сотрудник. Наиболее многочисленной является группа лексем, негативно характеризующих и оценивающих сотрудника с точки зрения его деловой компетентности, уровня профессиональных знаний и умений. Ниже приводятся контексты лексем с пейоративной оценкой сотрудника, не обладающего необходимыми профессиональными знаниями и умениями:

(32) Kessy im Büro: «Ist unser **Halbleiter** heute schon mal in *Erscheinung* getreten?» [www.mundmische.de];

(33) Dani: «Was hat der schon wieder von sich gegeben?» Elke: «Ach vergiss es, der ist doch voll der **Intelligenz-Allergiker!**» [www.mundmische.de].

Умения некоторых некомпетентных сотрудников ограничиваются лишь примитивным знанием компьютера (см. (34)) или других офисных средств и приспособлений (см. (35), (36)). Такие работники не способны самостоятельно принимать решения (см. (37)), являются лишь теоретиками, а на практике – дилетантами (см. (38)):

(34) **Windowsversteher** für «Sysads» oder ähnliche Nerds, die außer Computernixkönnen [Bürogezeter / www.spiegel.de];

(35) **Diplomperforator**. Kollege, der nix kann, außer den Löcher zu bedienen [Bürogezeter / www.spiegel.de];

(36) **Queen of Copy Machine**. Gesprächsvermerke, Akten, Sitzungsprotokolle, Projektskizzen – Kopierköniginnen und -könige vervielfältigen alles. Zu mehr reicht entweder ihre Qualifikation oder ihr Talent nicht. Oder jedenfalls das Vertrauen der Vorgesetzten [Bürogezeter / www.spiegel.de];

(37) **Schoßsitzer** treten immer in der Mehrzahl auf, können nichts allein denken oder entscheiden [Bürogezeter / www.spiegel.de];

(38) **Diplomstümper**. Dieser Kollege, gern auch mit Dokortitel, ist ein Theoriegigant und Praxiswinzling, mithin latent überfordert durch Alltagsaufgaben – trotz oder wegen seiner eindrucksvollen universitären Ausbildung [Bürogezeter / www.spiegel.de].

Профессиональные недостатки и негативные качества сотрудника кодируются в анализируемых лексемах часто метафорически, в частности

путем переноса на человека названий технических устройств (см. (32), (35)), млекопитающих (см. (39)) либо посредством ироничного сравнения сотрудника с известным музыкантом (см. (40)), титулованной особой (см. (36)), высококвалифицированным специалистом с высшим техническим образованием (см. (41)):

(39) *Flatrat-User* [Bürogezeter / www.spiegel.de];

(40) *Rockstar* [Bürogezeter / www.spiegel.de];

(41) *V3-Ingenieur* [Bürogezeter / www.spiegel.de].

Склочник / спорщик / крикливый сотрудник. Негативно оцениваются конфликтные сотрудники, которые демонстрируют постоянное недовольство, чрезмерно громко говорят, неуважительно относятся к коллегам, бесцеремонно вмешиваясь в их разговоры и дела с ненужными советами и замечаниями. Такие сотрудники часто не контролируют свои чувства и эмоции. Названные негативные свойства работников метафорически вербализуются различными способами, в том числе:

1) через образы хищных животных, обладающих большой пастью:

(42) *Mister Crocodile* [Bürogezeter / www.spiegel.de];

2) через наименования бытовых приборов и огнестрельного оружия:

(43) *Tauchsieder* [www.mundmische.de];

(44) *Büro-Flak* [Bürogezeter / www.spiegel.de];

3) путем сравнения с представителями еретической или фашистской идеологии:

(45) *Büroketzer* [Bürogezeter / www.spiegel.de];

(46) *Modenazi* [Bürogezeter / www.spiegel.de];

4) посредством сравнения с эгоцентричным и скандальным тренером по футболу Ф. Беккенбауэром:

(47) *Beckenbauer*. Kollegen, die sich innerhalb zweier Sätze dreimal widersprechen [Bürogezeter / www.spiegel.de];

5) путем сравнения с астральным духом (барабашкой), который часто создает в квартире шум:

(48) *Poltergeist* [Bürogezeter / www.spiegel.de].

Сплетник / болтливый сотрудник. К данной семантической группе относятся лексемы со значением осуждения болтливого и навязчивого сотрудника, который воспринимает офис как место для веселого времяпрепровождения. Такие сотрудники мешают всему коллективу, отвлекая его от работы своими бесконечными анекдотами и шутками, личными проблемами (см. (49)), используя для этого также Интернет (см. (50)):

(49) *Bürotourist* [Bürogezeter / www.spiegel.de];

(50) *Mailbomber* [Bürogezeter / www.spiegel.de].

Они распространяют слухи и сплетни либо назойливо расспрашивают коллег об их делах, жалуясь одновременно на свою сильную загруженность работой:

(51) *Mittagsschmeißfliege*. Kollege, der sich – gern auch ungefragt – in der Kantine zu Kollegen setzt und die Gruppe mit Fragen nach dem Status des Projektes oder mit Gejammer über seine viele Arbeit unterhält [Bürogezeter / www.spiegel.de].

Чрезмерная болтливость такого сотрудника связывается во внутренней форме лексем с его болезнью (см. (52)) или «инфицированием» собеседников (см. (53)):

(52) *Logorrhötiker*. Ihren Redefluss kann niemand stoppen. Manche Kollegen quatschen sich schon frühmorgens warm, verquasseln den Tag, laufen am Abend zur Spätform auf. Medizinisch bezeichnet Logorrhöe eine krankhafte Geschwätzigkeit [Bürogezeter / www.spiegel.de];

(53) *Laberlaminator*. Kollege, der alle vollquatscht, bis sich Lähmungserscheinungen einstellen [Bürogezeter / www.spiegel.de].

Среди номинатом рассматриваемой группы отмечены также гендерно маркированные слова, номинирующие сотрудниц, которые, на первый взгляд, всегда очень приветливые, открытые и доброжелательные, но во время доверительной беседы, застолья или праздника негативно отзываются о других сотрудниках и ведут себя подобно коварной змее. Такие метафорически переосмысленные лексемы возникли по аналогии с лексемой *Klapperschlange*, называющей сварливую женщину:

(54) Fritz-Kevin: «Komm, Ole-Lakshmi, geh mal an die Funke, da ist bestimmt wieder die Brunhilda dran». Ole-Lakshmi: «Wieso? Mach doch selber!» Fritz-Kevin: «Oh Mann, wenn ich ran gehe, dann belegt mich die olle Plapperschlange wieder Stunden – und da habe ich jetzt echt keine Böcke darauf!» [www.mundmische.de].

Для обозначения болтливого сотрудника используются технические и анималистические метафоры:

(55) *Heißluftgebläse* / *Flatrate-Lutscher* [Bürogezeter / www.spiegel.de].

Ленивый сотрудник. К рассмотренной выше группе семантически примыкают лексемы, обозначающие ленивого сотрудника, который лишь отсиживает в офисе свое рабочее время (см. (56)), занимается личными делами (см. (57)), уклоняется под любым предлогом от выполнения служебных обязанностей (см. (58)) и при случае старается уйти в отпуск (см. (59)):

(56) *Postleitzahlenaddierer* hat nichts zu tun oder will nichts zu tun haben und sitzt nur seine Zeit ab [Bürogezeter / www.spiegel.de];

(57) *Lustknabe* für einen faulen Mitarbeiter, der nur tut, worauf er Lust hat [Bürogezeter / www.spiegel.de];

(58) *08/15 Amtsleiter*. Sein Job in Zahlen: null Ahnung, acht Stunden Anwesenheit, A 15 Besoldung [Bürogezeter / www.spiegel.de];

(59) *Brückenschlampe / Brückenschwein* nimmt immer an den Brückentagen zwischen Feiertag und Wochenende Urlaub, und das häufig für ein ganzes Jahr im voraus [Bürogezeter / www.spiegel.de].

Ленивый сотрудник метафорически сравнивается:

1) с человеком, пребывающим в состоянии летаргического сна:

(60) *Lethargiestrategie* [Bürogezeter / www.spiegel.de];

2) с тяжелым рюкзаком, который вынуждены нести вместо него другие коллеги:

(61) *Rucksack* [Bürogezeter / www.spiegel.de];

3) с артистом цирка, который выполняет трюк «прядение тарелок», вращая с помощью ручных палочек одновременно несколько тарелок, не давая им упасть; аналогично и ленивый сотрудник длительное время безрезультатно работает над несколькими проектами:

(62) *Tellerdreher* [Bürogezeter / www.spiegel.de];

4) с сумчатой крысой (опоссумом), которая при возникновении опасности притворяется мертвой, аналогично и ленивый сотрудник уклоняется от работы:

(63) *Opposum* [Bürogezeter / www.spiegel.de].

Трудоголик, педантичный сотрудник. Здоровым отношениям в коллективе может угрожать трудоголизм одного из сотрудников. Сверхтрудолюбие такого сотрудника негативно оценивается другими коллегами как желание выслужиться перед руководством и/или выделиться из общей массы. В немецкой лингвокультуре осуждению подвергаются такие свойства трудолюбца, как неутомимость в работе и неиссякаемая энергия (см. (64), (65)), чрезмерная усидчивость и терпение (см. (66)), сверхмерное усердие и точность в работе (см. (67)). Данные свойства и черты характера трудоголика и педанта вербализуются обычно в сложных словах через метафорическое употребление наименований технических устройств и приспособлений (см. (64), (65)) и ассоциируются с неестественными действиями человека (см. (68)–(70)):

(64) *Aktenfräse*. Nimmermüder Kollege, der nach der Arbeit einen Nachschlag braucht: Jeden Tag, jedes Wochenende, selbst im Urlaub schleppt er Unterlagen mit nach Hause und arbeitet in Nullkommanix alle Vorgänge ab [Bürogezeter / www.spiegel.de];

(65) *Duracell-Hase*. In Unternehmen werden Mitarbeiter (häufiger: Mitarbeiterinnen) «Duracell-Hase» oder kürzer «Duracell» genannt, deren Energie nie versiegt, die vom frühen Morgen bis zum Feierabend schier platzen vor Mitteilungsdrang und Aktionismus [Bürogezeter / www.spiegel.de];

(66) *Aussitzer*. Angestellter mit viel Sitzfleisch und Geduld [Bürogezeter / www.spiegel.de];

(67) *Penibillator* für besonders pingelige Kollegen [Bürogezeter / www.spiegel.de];

(68) *Schnürsenkelbügler* (← *Schnürsenkel bügeln* букв. гладить шнурки). Ein Pedant, der auch noch den Inhalt seines Papierkorbs faltet – oder erledigte Notizzettel durchstreicht, bevor er sie zusammenknüllt und wegwirft [Bürogezeter / www.spiegel.de];

(69) *Ameisentätowierer* (← *Ameisen tätowieren* букв. делать татуировку муравьям). Ein Ameisentätowierer ist ein Kollege, der Kleinigkeiten – seien sie noch so unwichtig und beinahe unsichtbar – akribisch aufarbeitet. Ihm kann es nicht detailliert genug sein, stets hat er das letzte Wort [Bürogezeter / www.spiegel.de];

(70) *Moskito-Sezierer* (← *Moskito sezieren* букв. препарировать москитов) besonders kleinlicher Kollege [Bürogezeter / www.spiegel.de].

Подхалим. В данную группу входят лексемы, обозначающие сотрудника, который заискивает перед кем-либо, часто перед начальником. В структуре некоторых лексем содержатся соматизмы, называющие неотъемлемую часть посессора (руководителя) (*Zäpfchen, Stimme, Fuß*) и метонимически идентифицирующие самого подхалима:

(71) «*Oh nein, da kommt Schmidt das Chef-Zäpfchen, der fragt den Boss bestimmt wieder, ob er heute länger arbeiten soll!*» [www.mundmische.de];

(72) *His mastersvoice* redet, wie der Chef denkt [Bürogezeter / www.spiegel.de];

(73) *Fußatmer*. Er widerspricht niemals, denn der Chef hat immer recht – und das sagt der Fußatmer dem Chef auch ausdrücklich [Bürogezeter / www.spiegel.de].

Семантику, сходную со значением лексемы (73), имеет сращение *Zehenatmer* [www.mundmische.de], образованное путем одновременного словосложения (*Zehen + atmen*) и суффиксации (-er).

Отмечены также метафорически и метонимически переосмысленные лексемы, у которых семантика подхалимства ассоциируется:

1) с гибкостью позвоночника:

(74) *Gummirücken* [Bürogezeter / www.spiegel.de];

2) с неестественной речью, напоминающей звуки флейты:

(75) *Fleischflötenspieler* [www.munmische.de];

3) с психическим заболеванием:

(76) *Zweckautist* [Bürogezeter / www.spiegel.de];

4) с услужливым откусыванием кончика сигары для кого-либо:

(77) *persönlicher Zigarrenabbeißer* [Bürogezeter / www.spiegel.de].

Неповоротливый / медлительный сотрудник. Данная группа охватывает лексемы, называющие медленно работающего и/или соображающего сотрудника (см. (78)), который неохотно отвечает на телефонные звонки и электронные сообщения (см. (79)). Действия такого инертного сотрудника иронично сравнивают с медленно работающим бойлером (см. (80)) или, наоборот, со сверхзвуковым самолетом (см. (81)):

(78) «Passdochbesserauf, du alte Torfnase» [www.mundmische.de];

(79) **Impulsarbeiter** [Bürogezeter / www.spiegel.de];

(80) **Lahmsieder** [Bürogezeter / www.spiegel.de];

(81) **Mach 3** [Bürogezeter / www.spiegel.de].

Неприветливый, некоммуникабельный сотрудник. Сюда входят в основном бранные и фамильярные слова:

(82) Heiner zu Klaus: «*Der Josef, das ist so eine **Kollegensau!** Hier stehen 400 Arbeitsplätze auf dem Spiegel, und er streikt nicht mit, sondern kriecht dem Chef in den Arsch» [www.mundmische.de];*

(83) Walter: «*Die Gisela aus der Buchhaltung kriegt man irgendwie auch den ganzen Tag nicht von ihren Akten weg*». Heinz: «*Ja, voll das **Leitzluder!***» [www.mundmische.de].

Ср. (83) с синонимичной инициальной аббревиатурой **AAE** (← **Automagierende Einheit**), называющей некоммуникабельного сотрудника, который все рабочее время занят лишь чтением документов, их оформлением и сверкой [Bürogezeter / www.spiegel.de].

Офисного аутиста именуют также русским антропонимом **Aleinikow** [Bürogezeter / www.spiegel.de], сравнивая с известным футболистом Сергеем Алейниковым, выступавшим с 1982 по 1992 год за национальную сборную СССР по футболу. Его манера игры на футбольном поле носила ярко выраженный индивидуалистический характер, он игнорировал товарищей по игре.

Неприветливость и асоциальность сотрудника вызывают у остальных членов коллектива неприятное эмоциональное состояние и воспринимаются как заболевание:

(84) **Grüßwunder / Kontaktallergiker** [Bürogezeter / www.spiegel.de].

Внешний вид сотрудника. В данную группу входят лексемы чаще с негативной оценкой внешних данных сотрудника или сотрудницы (возраста, одежды, голоса и т.п.), реже – с позитивной. Эмоционально-оценочная окраска слов формируется метафорическим способом, негативная – с привлечением мистических персонажей (см. (85)), имен собственных (см. (86)), технических средств (см. (87)), положительная – с использованием зоонимов (см. (88)), соматизмов (см. (89)), наименований взрывного боеприпаса (см. (90)):

(85) Zombie → **Kantinenzombie** [Bürogezeter / www.spiegel.de];

(86) Christine → Trine → **Bürotrine** [Küpper, 1983, 145]; Antonius → Tünnes → **Stempeltünnes** [Bürogezeter / www.spiegel.de];

(87) **Copydresser** [Bürogezeter / www.spiegel.de];

(88) Maus → **Büromaus** [Küpper, 1983, 145];

(89) Zahn → **Bürozahn** [Küpper, 1983, 145];

(90) Bombe → **Bürobombe** [Küpper, 1983, 145].

Пейоративную оценку имеют также метафорически переосмысленные слова, обозначающие сотрудницу, которая выделяется в коллективе

лишь сильно пахнущими духами. Такую сотрудницу иронично сравнивают с пахнущим деревом или облаком:

(91) *Duftbaum* / *Primärduftwolke* [Bürogezeter / www.spiegel.de].

Обобщая вышесказанное, можно сделать следующие выводы:

1) в разговорной лексике немецкого языка важную роль играют стилистически маркированные лексемы, оценивающие различного рода отклонения от принятых в данном социуме норм корпоративного, делового и профессионального поведения и стандартов трудовой деятельности, общения, говорения, внешнего вида и др. При этом ключевыми понятиями для немецких сотрудников офиса выступают компетентность (*Sachkompetenz*), порядок (*Ordnung*), ответственность (*Verantwortlichkeit*), вежливость (*Höflichkeit*), радость социального общения (*Sozialkontaktfreude*);

2) стилистически маркированные наименования офисных работников затрагивают в немецком языке начальника, его сотрудников, секретаршу, а также их взаимоотношения;

3) данные лексемы имеют обычно негативную окраску (презрительно, пренебрежительно, вульгарно, иронично и др.);

4) большинство стилистически маркированных лексем номинируют сотрудников, которые постоянно контактируют друг с другом в процессе работы, подмечая чаще отрицательные, реже – положительные свойства и черты в характере и поведении своих коллег;

5) отрицательными характеристиками образа сотрудника являются некомпетентность, низкий уровень профессиональных знаний и умений, лень и уклонение от служебных обязанностей, болтливость и любовь к сплетням, неуживчивость и конфликтность, медлительность и неорганизованность в работе, подхалимство и лицемерие, некоммуникабельность, повышенное внимание или, наоборот, пренебрежительное отношение к своей внешности и одежде;

6) позитивную оценку получают такие черты и свойства характера сотрудника, как неутомимость в работе и энергичность; терпение и усидчивость. Вместе с тем повышенная степень выраженности этих положительных свойств, включая чрезмерную точность и аккуратность, становятся объектом критики со стороны коллег;

7) отрицательная оценка руководителя вызвана такими чертами и свойствами его характера и поведения, как некомпетентность, невнимательное отношение к своим подчиненным и стремление загрузить их работой сверх сил, чрезмерный педантизм и строгость, многословие, чванство и хвастовство, постоянные жалобы на высокую загруженность работой и ответственность;

8) позитивная оценка руководителя обусловлена высоким уровнем компетентности и профессиональных знаний, креативностью в работе;

9) негативная характеристика образа секретарши вербально связывается с ее невнимательным отношением к посетителям, неприятным голосом, сварливостью, а положительные черты определяются ее высоким чувством

ответственности, прилежным выполнением своих обязанностей, защитой интересов начальника, внешними данными (молодость, красота);

10) выявленные черты и свойства характера руководителя, секретарши и сотрудников кодируются в структуре немецких НОР обычно метафорами различного вида (зоонимного, технического, артефактного, фитонимного, демонического и др.), реже – метонимиями;

11) в структурном плане большинство НОР являются композитами, реже – словосочетаниями, аффиксальными образованиями, заимствованными и сокращенными словами, контаминантами.

ЛИТЕРАТУРА

Абрамова А.А. Обратимость метафорических моделей «человек – это механизм» и «механизм – это человек» в русской языковой картине мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2018. 21 с.

Андреев В.С. Квантитативный анализ метафоры: корреляция единиц концептосферы // Когнитивные исследования языка. 2017. № 30. С. 90–92.

Андреев В.С. Метафора и синтаксический перенос: квантитативный анализ // Когнитивные исследования языка. 2016. № 26. С. 103–106.

Белютин Р.В. Немецкий спортивный дискурс: опыт прагматического и лингвокогнитивного исследования: дис. ... д-ра филол. наук. Смоленск, 2019. 485 с.

Буренкова С.В. Концептосфера нарушения (на материале немецкого языка): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2009. 37 с.

Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов / пер. с англ. А.Д. Шмелева. М.: Языки славянской культуры, 2001. 287 с.

Иная ментальность / В.И. Карасик [и др.]. М.: Гнозис, 2005. 352 с.

Комалова Л.Р. Лингвистический аспект конфликтологической компетенции: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. 25 с.

Красавский Н.А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах: монография. Волгоград: Перемена, 2001. 495 с.

Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры: сборник: пер. с англ., фр., исп., польск. яз. / вступ. ст. и сост. Н.Д. Арутюновой; общ. ред. Н.Д. Арутюновой и М. Журиной. М.: Прогресс, 1990. С. 387–415.

Медведева Т.С. Репрезентация концепта ORDNUNG в немецкой языковой картине мира // Вестник Удмуртского университета. Филологические науки. 2007. № 5(2). С. 105–114.

Романова Е.В. Этический аспект немецкого обиходного языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2007. 21 с.

Савинова А.В. Семантика и прагматика офисных норм поведения (на материале русской, английской и японской лингвокультуры): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2012. 18 с.

Чернец Е.В. Корпоративная культура государственной службы: социолингвистический и лингвокультурный подходы: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2011. 23 с.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ПРИМЕРОВ

Девкин В.Д. Немецко-русский словарь разговорной лексики: Свыше 12 000 слов. 2-е изд., стереотип. М.: РУССО, 1996. 768 с.

Bürogezetzer. Das kleine Schimpfwort-Abc. Von Jochen Leffers. URL: www.spiegel.de (дата обращения: 15.09.2022).

Küpper Dr. Heinz. Wörterbuch der deutschen Umgangssprache. Stuttgart: Ernst Klett Verlag für Wissen und Bildung GmbH., 1987. 959 S.

<https://www.morgenpost.de/politik/article233200757/olaf-scholz-spd-kanzlerkandidat-erfolge-pl> (дата обращения: 10.09.2022).

<https://www.mundmische.de> (дата обращения: 12.09.2022).

Sh.R. Basyrov

Doctor of Philological Sciences,

Professor,

Germanic Philology Chair,

Donetsk National University

Donetsk, DPR, Russia

Stylistically Marked Names of Office Workers in German Language

The research of the linguistic image of an office worker, their behavior and character is an understudied area of linguistic science. The importance of the corporate, business and professional culture of corporate employees is increasing due to the ongoing processes of globalization in world economy and the increase in the number of joint ventures with foreign companies, as well as the importance of optimizing intercultural communication in the business sphere.

The norms of behavior, ethical code, priorities and ideas of the national and social experience of native speakers of certain languages are recorded in the vocabulary of the language under study. Knowledge of the norms and values of another culture plays an important role in demonstrating adequate behavior and achieving successful communication when speaking a foreign language. Such cultural values, norms and rules are often identified through the analysis of their violation, including the process of collective labour activity. When faced with various kinds of violations, the employee expresses their attitude towards these negative occurrences. Thus, the anthropological picture of the world and its priorities are actually reflected through the prism of violations of norms and rules of etiquette surrounding the employee at their workplace.

The article deals with the semantics and structure of stylistically marked lexemes that negatively nominate various office workers (a boss, a secretary, an employee) and their intercommunication. Most of the analyzed lexemes occur as a result of metaphorical reinterpretation, have a negative assessment and are composites.

The research of the problem under study in a comparative aspect is proposed as a direction for future research.

Key words: *office; office worker; stylistically marked name; evaluation; structure; semantics; metaphor.*

REFERENCES

Abramova A.A. The Reversibility of the Metaphorical Models 'a Man is a Mechanism' and 'a Mechanism is a Man' in the Russian Linguistic World-image [Obratimost' metaforicheskikh modelej «chelovek – eto mekhanizm» i «mekhanizm – eto chelovek» v russkojazykovoj kartine mira:]. Thesis ... candidate of philological sciences. Tomsk, 2018. 21 p. (in Russian).

Andreev V.S. The Metaphor and Syntactic Transfer: Quantitative Analysis [Kvantitativnyj analiz metafory: korrelyaciya edinic konceptosfery]. *Cognitive Language Studies*. 2016, no. 26, pp. 103–106 (in Russian)

Andreev V.S. The Quantitative Analysis of a Metaphor: Correlation of Units within the Conceptual Framework [Kvantitativnyj analiz metafory: korrelyaciya edinic konceptosfery]. *Cognitive Studies of Language*. 2017, no. 30, pp. 90–92 (in Russian).

Belyutin R.V. German Sports Discourse: the Experience of Pragmasemantic and Linguocognitive Research [Nemeckij sportivnyj diskurs: opyt pragmasemanticheskogo i lingvokognitivnogo issledovaniya]. Thesis ... doctor of philological sciences. Smolensk, 2019. 485 p. (in Russian).

Burkenkova S.V. The Conceptual Framework of Displacement (on the Material of the German Language) [Konceptosfera narushennosti (na materiale nemeckogo yazyka)]. Thesis. ... doctor of philological sciences. M., 2009. 37 p. (in Russian).

Vezhbitskaya A. Understanding Cultures through Keywords [Ponimanie kul'tur cherez posredstvo klyuchevyh slov]. Translated from English by A.D. Shmeleva. M.: Languages of Slavic Culture, 2001. 287 p. (in Russian).

Different Mentality [Inaya mental'nost']. V.I. Karasik et al. M.: Gnosis, 2005. 352 p. (in Russian).

Komalova L.R. The Linguistic Aspect of Conflictological Competence [Lingvisticheskij aspekt konfliktologicheskoy kompetencii]. Thesis ... candidate of philological sciences. M., 2009. 25 p. (in Russian).

Krasavsky N.A. Emotional Concepts in German and Russian Linguistic Cultures: Monograph [Emocional'nye koncepty v nemeckoj i russoj lingvokul'turah: monografiya]. Volgograd: Change, 2001. 495 p. (in Russian).

Lakoff J. Metaphors We Live by [Metafory, kotorymi my zhivem]. *Theory of Metaphor: Collection [Teoriya metafory]*. Translated from English, French, Spanish, Polish; entrance by N.D. Arutyunova; general ed. N.D. Arutyunova and M. Zhurinskaya. M.: Progress, 1990, pp. 387–415 (in Russian).

Medvedeva T.S. The Representation of the ORDNUNG Concept in the German Linguistic World-image [Reprezentaciya koncepta ORDNUNG v nemeckoj yazykovoj kartine mira]. *Bulletin of the Udmurt University. Philological Sciences*. 2007. no. 5(2). pp.105–114 (in Russian).

Romanova E.V. The ethical Aspect of the German Colloquial Language [Eticheskij aspekt nemeckogo obihodnogo yazyka]. Thesis ... candidate of philological sciences. M., 2007. 21 p. (in Russian).

Savinova A.V. Semantics and Pragmatics of Office Norms of Behavior (Based on Russian, English and Japanese Linguistic Cultures) [Semantika i pragmatika ofisnyh norm povedeniya (na materiale russoj, anglijskoj i yaponskoj lingvokul'tur)]. Thesis. ... candidate of philological sciences. Volgograd, 2012. 18 p. (in Russian).

Chernets E.V. The Corporate Culture of Public Service: Sociolinguistic and Linguocultural Approaches [Korporativnaya kul'tura gosudarstvennoj sluzhby: sociolingvisticheskij i lingvokul'turnyj podhody]. Thesis ... candidate of philological sciences. Chelyabinsk, 2011. 23 p. (in Russian).

LIST OF SOURCES OF EXAMPLES

Devkin V.D. German-Russian Colloquial Dictionary: Over 12,000 words. 2nd ed., stereotype. M.: RUSSO, 1996. 768 p.

Bürogezeter. Das Kleine Schimpfwort-Abc. Spiegel Online und Manager Magazin Online Karriere Spiegel. *Available at*: <https://web.archive.org> (accessed: 15.09.2022) (in German).

Küpper Dr. Heinz. Wörterbuch der deutschen Umgangssprache. Stuttgart : Ernst Klett Verlag für Wissen und Bildung GmbH., 1987. 959 S. (in German).

Available at: <https://www.morgenpost.de/politik/article233200757/olaf-scholz-spd-kanzlerkandidat-erfolge-pl> (accessed: 10.09.2022) (in German).

Available at: <https://www.mundmische.de> (accessed: 12.09.2022). (in German).

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

А.А. Майоров

*Орловский государственный аграрный университет
им. Н.В. Парахина
Орел, Россия*

Е.А. Шинаков

*Брянский государственный университет
им. академика И.Г. Петровского
Брянск, Россия*

УДК 94(47).02

DOI 10.35785/2072-9464-2023-61-1-125-139

ДНЕПРО-ОКСКИЙ ПУТЬ («УГРОВСКИЙ ПЕРЕХОД») КОНЦА IX – НАЧАЛА XI ВЕКА

Ключевые слова: Окский торговый путь; р. Угра; р. Днепр; маршрут прохождения; археологические находки; данные нумизматики.

Предметом рассмотрения настоящей статьи является трасса прохождения маршрута Окского торгового пути IX–X веков н.э. Путь по р. Оке, являясь органичным продолжением широко известных Волжского и Донского торговых путей, в большинстве работ отечественных исследователей по ряду причин не рассматривался как путь, напрямую выходящий на верховья р. Днепра, способный выступать в качестве прямого транспортного маршрута между югом и юго-востоком Русской равнины, с одной стороны, и археологическим комплексом Гнездова и окрестностями Смоленска – с другой. Проведенный авторами статьи анализ показывает, что к настоящему моменту в распоряжении исследователей имеются данные, полученные археологией и нумизматикой, позволяющие говорить о нахождении весомых аргументов в пользу указанной гипотезы. Наличие и функционирование такого маршрута в последние столетия первого тысячелетия отнюдь не отрицает значимость широко известных торговых путей – Волжско-Балтийского, а также «из варяг в греки». Данный маршрут является, по всей видимости, дополнением и продолжением первого из них.

Появление этой статьи обусловлено тем обстоятельством, что отдельные хорошо известные детали функционирования существовавших в IX–X веках транспортных маршрутов, составлявших части единой восточноевропейской транспортной системы, наводят на мысль о явной неполноте наших

представлений о некоторых ее участках. Речь в данном случае идет о северо-западном продолжении волго-окского и окско-донского путей, которые, по всей видимости, объединялись на территории ранних вятичей руслом Оки.

В статье «Волжско-Балтийский торговый путь в IX в.», вышедшей в 1986 году, А.Е. Леонтьев обозначил основные транспортные маршруты той эпохи в виде графической схемы-карты, часть которой приведена ниже [Леонтьев, 1986, 4].

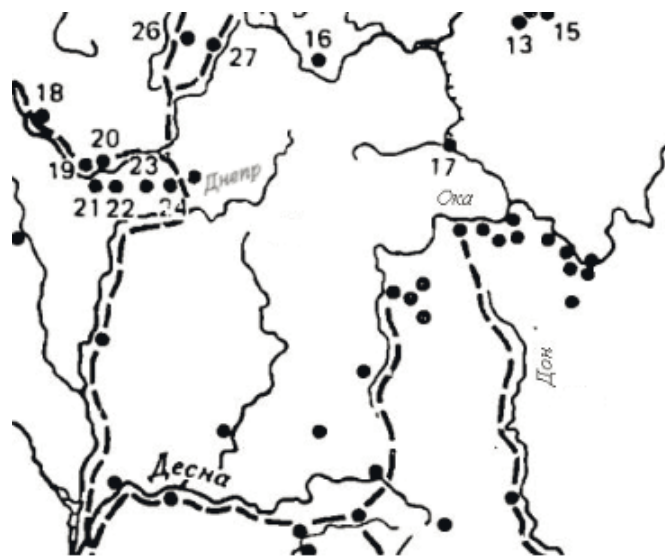

Рис. 1. Транспортные пути IX–X веков (по А.Е. Леонтьеву)

Другую, более современную карту можно увидеть в коллективной монографии «Русь в IX–X веках: археологическая панорама» [Леонтьев, Носов, 2012, 397]. Здесь приведен фрагмент изображения.

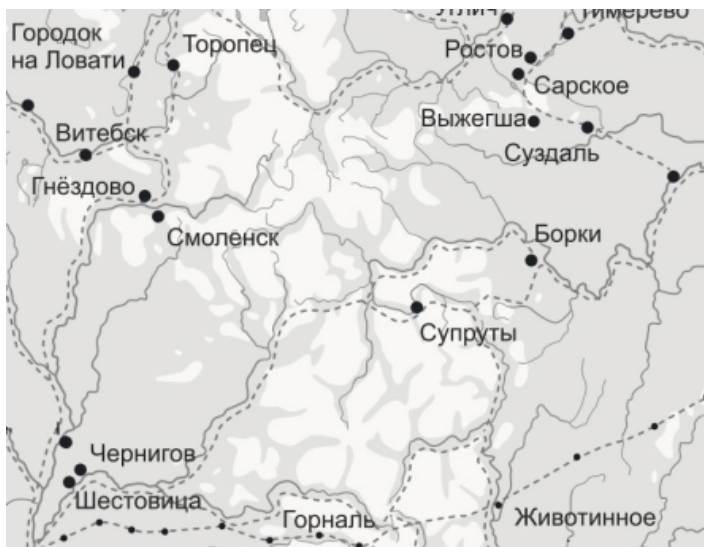

Рис. 2. Транспортные пути IX–X веков (по А.Е. Леонтьеву и Е.Н. Носову)

В обоих случаях отображено прохождение торгово-транспортных путей в конце I тысячелетия н.э., а характерной особенностью обеих карт является явно прорисованный разрыв между р. Окой и ее притоками на северо-западе бассейна и водными объектами верховьев Днепра, выступавшими (по мнению составителей обеих карт) физическими носителями транспортных маршрутов. Судя по всему, наиболее важными параметрами составления этих карт стало наличие поселений и выпадение кладов вдоль торгового пути. Значение такого рода материальных маркеров, действительно, чрезвычайно велико. Вместе с тем, как представляется, делать эти параметры единственно значимыми было бы чересчур поспешным, а потому транспортная схема, по всей видимости, может быть немного дополнена.

Для начала следует рассмотреть общий ход движения потоков на землях Верхней Оки, находящихся в центре обеих изображений. Поступление восточного монетного серебра на верхнеокские земли в последние столетия I тысячелетия н.э. шло по меньшей мере по двум направлениям – по Дону и по Оке [Гомзин, 2013, 20–21]. Центром этой активности с IX до первого десятилетия X века выступало поликультурное укрепленное поселение Супруты, размещавшееся на окском притоке р. Упы и павшее в результате осады, захвата и разрушения [Григорьев, 2005, 162–165]. Данные трагические события были частью значительных восточноевропейских военных пертурбаций, которые хотя и не смогли остановить функционирование прежних торговых путей, но привели к ряду ощутимых изменений маршрута перемещения восточной монеты. Ранее серебро, по всей видимости, поступало по Дону, а «с начала 920-х гг. дирхамы из Волжской Булгарии по Оке через земли вятичей стали проходить к северянам... в 930-е – 940-е гг. окончательно формируется замкнутая система обращения и использования дирхамов. Установились торговые отношения между волжскими булгарами и финскими племенами Нижнего Поочья, вятичами на Средней и Верхней Оке и северянами в Курском Посемье» [Гомзин, 2013, 23]. Эти выводы известного современного специалиста по мусульманской нумизматике логично дополняют ранее возникшую и на современном этапе получившую новые (прежде всего – нумизматические) подтверждения идею о существовании в середине – второй половине X века независимого от Киева северянско-вятичско-радимичского предгосударственного образования уровня «сложного вожества» с особой денежно-весовой системой [Шинаков, Григорьев, 1990; Зайцев, 1991; 1992; Шинаков, Зайцев, 1993; Шинаков, 2000, 326–330; 2002; 126–132; Колода, Лебедев, Енуков, 2014, 23, *карта 1*; Грачев, Лебедев, 2012; Шинаков, 2016; Шинаков, Григорьев, 2017; Гоглов, Лебедев, Шинаков, 2020; Шинаков, Чубур, 2022].

Сложившаяся система относительно стабильно продолжала работу, по мнению А.А. Гомзина, приблизительно до 60-х годов X века [Гомзин, 2013, 23]. Важным рубежом для очередного изменения стандартного режима функционирования, по его мнению, стал период активности в окском бассейне киевского

князя Святослава, после знаменитых походов которого прекратилось выпадение новых кладов восточного серебра к западу от р. Осетра, хотя «...прохождение куфических монет по данному участку Окского пути в Посемье продолжилось» [Гомзин, 2013, 23]. Значимым для нашего рассмотрения выглядит также известный хронологический перерыв в поставках монетного серебра на Запад, который наступил в начале 96-х годов и прекрасно коррелирует с легендарным походом Святослава против вятичей. Такого рода последствия подкрепляют имеющиеся подозрения в адрес князя Святослава в целенаправленном разгроме неподконтрольной ему «торгово-транспортной инфраструктуры» [Пашинский, 2019, 65]. Однако в Поочье такой перерыв если и был, то, как показывают новейшие нумизматические исследования и находки, весьма недолгий. Уже к концу X века (70–80-м его годам) относится 14 кладов восточного серебра в среднем и верхнем Поочье – от Рязани до устья Зуши. Но при этом во всех кладах определенный процент составляют «варварские подражания» дирхемам либо монеты чеканки волжско-булгарских эльтиберов (по данным и определениям С.А. Гоглова, за что авторы выражают ему искреннюю благодарность). При этом характерные для юго-восточной (северянско-радимичской) денежно-весовой системы обрезанные в кружок дирхемы (по определению А.А. Гомзина) встречены только в самом южном для Поочья Полтевском кладе в бассейне Зуши [Шинаков, 2016, *рис. 2:4*; 2021, *рис. 1:19*]. Хотя это и не относится к основной проблематике данной статьи, но нельзя не отметить предварительные возможные различия внутри юго-восточной системы. У восточных радимичей, в бассейне Ипути, присутствуют только куфические дирхемы, обрезанные в кружок, и «варварские подражания». У вятичей в Поочье – монеты волжско-булгарского чекана и подражания в сочетании с необрезанными дирхемами. В северянском Посемье есть как обрезанные в кружок дирхемы, так и волжско-булгарские монеты, варварские подражания, но отсутствуют «необрезанные» дирхемы. Возможно, это лишний раз свидетельствует в пользу более тесной зависимости именно вятичей от Волжской Булгарии, даже ее кратковременном протекторате над ними [Шинаков, 2018, 139]. Через нее саманидские дирхемы продолжали поступать к вятичам бесперебойно, а через них более ограниченно – к северянам и радимичам вплоть до 80-х годов X века (именно этим временем датируется выпадение большинства кладов Поочья).

Благодаря работе археологов в нашем распоряжении имеется информация о ходе поступления монетного серебра в верховья Днепра, где на тот момент наиболее значимым экономико-политическим объектом, по всей видимости, являлось то, что мы знаем под названием Гнездовский археологический комплекс (Гнездово). Здесь можно выделить два основных (наряду с несколькими более мелкими) периода выпадения восточных монетарных кладов: 20-е – начало 40-х годов X века, а затем конец 40-х – начало 60-х годов того же столетия [Нефедов, 2012, 103–104; Ениосова, Пушкина, 2016, 278–279; Зозуля, Каинов, Гомзин, 2014, 54 и др.]. Имеющаяся информация

о функционировании Гнездовского комплекса, помимо тесных контактов с Балтийским регионом и Скандинавией, подтверждает наличие у него тесных связей с Востоком. В частности, здесь обнаружено значительное количество кладов, а также находят отдельные образцы восточной нумизматики, торевтики, художественного литья и т.д. [Пушкина, 1999, 405–417; Пушкина, 2007, 325–333 и др.]. Выразительным представляется то обстоятельство, что в материалах Гнездова обнаружен «...огромный массив ременной гарнитуры из Волжской Булгарии и Прикамья. Такой тип поясных и уздечных накладок доминирует... со второй половины X в.» [Ениосова, Пушкина, 2016, 294–295]. Наличие материала органического происхождения из среднего Поволжья свидетельствует как минимум о близких, постоянных и рутинных контактах верхнеднепровского центра со средним Поволжьем. Таким образом, даже весьма приблизительное и неточное рассмотрение проблематики позволяет вполне определенно подтвердить наличие целого ряда постоянных связей между Волжской Булгарией и верхним Поднепровьем. Кроме материалов Гнездова, единичным, но очень важным свидетельством этих связей являются накладки в форме крылатого антропоморфного маскарона, имеющие как иконографические, так и семантические аналоги в пермском зверином стиле VII–X веков. Данный сюжет отражает переход души человека из этого мира в потусторонний путем превращения ее в птицу. Они обнаружены в длинном кургане у с. Городок выше по течению Днепра от Гнездова [Императорский Российский исторический музей, 1893, 118, 119; Седов, 1974, 58, табл. 23:18,19].

Традиционно предполагается, что восточные товары и серебро шли на верхнеднепровские земли с севера или с юга по маршрутам, отмеченным на приведенных выше картах-схемах [Фомин, 1988, 76; Пушкина, 1999, 414; Зоценко, 2001, 121–125; Щавелев, 2001, 145–158]. При этом многие исследователи в своих работах указывают на возможность и вероятность прямых контактов Гнездова с Волжской Булгарией по Оке [Янин, 2009, 122–168; Нефедов, 2012, 90; Ениосова, Пушкина, 2016, 266; Щавелев, 2014, 371 и др.]. Существование транспортного перехода с Оки на Верхний Днепр через р. Угру допускал А.Л. Монгайт, который, скептически оценивая преувеличенную А.А. Шахматовым дикость вятичей, тем не менее относил освоение этого пути лишь к XII веку [Монгайт, 1961, 305–310]. Даже А.Е. Леонтьев, сосредоточившись на анализе легендарного пути «из варяг в греки», указывал на наличие возможности использования верхнеокских притоков для перехода с верховьев Днепра в течение р. Десны [Леонтьев, 1986, 8]. Один из авторов данной статьи, неоднократно, по разным поводам и для разных периодов также описывавший деснинский вариант «перехода», в то же время на общей карте Руси IX–X веков, приложенной к монографии, написанной на основе докторской диссертации, обозначил, хотя и весьма схематично,

«угровский» вариант [Шинаков, 2002, *рис. 2*]. Подобное единодушие обусловлено разумностью и явной обоснованностью днепровско-окской речной логистики в перемещении восточных товаров на запад.

Любопытным и красноречивым в этой связи выглядит фактическое отсутствие в гнездовских находках восточного монетного серебра в период с начала 960-х годов и до начала следующего века, отмеченное в работах В.Л. Янина и Т.А. Пушкиной [Янин, 2009, 149; Пушкина, 1999, 411]. В то же время восточные монеты этого периода вполне отчетливо (хоть и не очень щедро) прослеживаются в скандинавских, балтийских, новгородских кладах и находках [Янин, 2009, 69–73; Гайдуков, Молчанов, Носов, 2007, 87; Гомзин, 2018, 48, 52 и др.]. Безусловно, хронологически синхронное прекращение сквозного прохождения восточной монеты по окскому пути и исчезновение ее в Гнездове может быть обычным совпадением. Но ее, пусть и сокращенный, оборот на других маршрутах пути Волжского заставляет задуматься о высокой вероятности наличия прямой связи между двумя событиями.

Рассмотрение физико-географических особенностей места смыкания окского и днепровского речных бассейнов однозначно подтверждает реальную физическую возможность относительно короткого межбассейнового перехода. В частности, Угра, являющаяся левым притоком Оки, на земле современной Смоленской области на протяжении нескольких десятков километров течет параллельно днепровскому притоку р. Осьме, в некоторых местах сближаясь с ней на расстояние порядка двух десятков километров (и это без учета малых притоков самой Угры, еще более сближающихся с упомянутым гидрографическим объектом). Иной вариант – другой днепровский приток, р. Вязьма, также крайне близко протекающая от уже более полноводной Угры.

Рис. 3. Физическая карта верховьев р. Угры (по материалам туристических карт)

Поугорье той эпохи отнюдь не было безлюдным «медвежьим углом»: на вероятном окском транспортном маршруте (продолжении волжского) недалеко от впадения р. Угры в р. Оку изучено погибшее в X веке в результате нападения неких «дружинников» (но не «кочевников степей») Чертово городище [Прошкин, 2016, 65–77, 79]. Место расположения и характер поселения говорят о возможности его включенности в состав местной «сервисно-оборонительной» системы [Прошкин, 2011, 24–64, 113–124]. Помимо указанного выше, Мещовское ополье, ограниченное на севере, востоке и юге реками Угрой, Окой и Жиздрой, судя по всему, представляло собой одну из важнейших зон экспансии вятичского населения, достаточно надежно маркируемого здесь роменской археологической культурой (и отмеченного выпадением куфических монет с 930-х годов до конца века) [Янин, 2009, 146–159; Прошкин, 2017, 70–72].

Долина Угры в ее верховьях, приближенных к притокам Днепра, а также прилегающие к ней территории, которые в то время уже находились под военно-административным контролем Гнездова либо Смоленска, обоснованно полагаются частью мощинского, а позднее – частично наследовавшего ему вятичского этнического и культурного пространства [АКР: Смоленская область, 1997, 157–172; Майоров, 2015; 2016, 55–62]. Что подразумевает по меньшей мере невраждебные (а скорее, тесные) контакты с прочими вятичами (верхне- и среднеокскими), одним из важнейших источников дохода которых являлись охрана и обслуживание транспортных маршрутов по Оке и Дону [Майоров, 2017]. Такое позиционирование должно было обеспечить поддержание прочных бесперебойных взаимовыгодных связей между населением приокских и приугранских территорий.

В ряде более ранних работ один из авторов настоящей статьи уже приводил (без деталей и подробностей) карты, указывающие на высокую вероятность прохождения транспортных маршрутов с верховьев Днепра на меридиональное течение Оки [Шинаков, 2002, 427, 437; Шинаков, 2009, 436, 446]. Но, поскольку тематика тех публикаций была весьма масштабна и объемна, аргументация, способная подтвердить указанные маршруты, практически отсутствовала.

Вместе с тем в ходе накопления исследовательского материала ряд археологических находок стал выглядеть вполне весомым доводом, говорящим в пользу гипотезы о высокой степени вероятности существования «угранского перехода» между Окой и Днепром. В частности, исследуя находки подвесок с тератологической семантикой, по всей видимости, маркирующие воинские статусы, ранги либо должности, удалось сделать вывод о существовании отдельного фактора, благодаря которому происходило выпадение этих регалий: «это рокадный (с запада на восток) путь из смоленского Поднепровья на Оку, а также (через округу Козельска) – с Десны на Оку, и далее – либо в Залесскую землю и на Волжский путь, либо на Юго-Восток Руси и далее – в степь. Он маркируется тремя находками терато-

морфных и орнитоморфных привесок – в верховьях Угры, в будущем – смоленско-черниговском пограничье (Шатуны – Столбово), при впадении Угры в Оку (Спас – Городок) и под Козельском – на пути с Десны на Оку» [Булычев, 1913, *табл. I:8*; Прошкин, 2011, *90–91, рис. 59*; Шинаков, Чубур, Пискунов, 2021, *359*]. Такого рода оформление аргументации, не связанной прямо с приведенной выше, позволяет говорить о приобретении их совокупностью веса, вполне достаточного, чтобы вынести рассматриваемое предположение в публичную сферу.

Таким образом, совокупность имеющихся в настоящее время источников и результатов исследований позволяет утверждать, что в IX–X веках существовала реальная возможность функционирования северо-западного маршрута Окского торгово-транспортного пути, проходившего по течению р. Угры («угранский переход») и выходявшего в верховья Днепра, на что указывает ряд весомых данных, имеющихся в распоряжении исторической науки.

ЛИТЕРАТУРА

Археологическая карта России: Смоленская область / сост. Ю.А. Краснова [и др.]. М.: Институт археологии РАН, 1997. Ч. 2. 262 с.

Булычев Н.И. Раскопки по среднему течению Угры (Ока). Бассейн р. Волги. М.: Тип. Г. Лиснера и Д. Собко, 1913. 77 с., 1 карта, 9 л. ил.

Гайдуков П.Г., Молчанов А.А., Носов Е.Н. Находки восточных монет VI–X вв. На Новгородском (Рюриковом) городище // У истоков русской государственности: Историко-археологический сборник: материалы Международной научной конференции (Великий Новгород, 4–7 октября 2005 года). Великий Новгород: Дмитрий Буланин, 2007. С. 82–88.

Гоглов С.А., Лебедев В.П., Шинаков Е.А. О подражаниях куфическим дирхемам Краснодворского клада монет. X век // Русь, Литва, Орда в памятниках нумизматики и сфрагистики. Вып. 7. М., 2019. С. 70–98.

Гомзин А.А. Восточное монетное серебро IX – начала XI в. в среднем и нижнем Поочье: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2013. 28 с.

Гомзин А.А. Материалы к топографии находок восточных монет в Приильменьи и Поволховье // Нумизматические чтения Государственного исторического музея 2018 года. К 100-летию отдела нумизматики Государственного исторического музея (Москва, 27 и 28 ноября 2018 г.). М.: ГИМ, 2018. С. 46–52.

Грачев С.Ю., Лебедев В.П. Гордеевский клад куфических дирхемов X в. из Брянской области // Нумизматические чтения Государственного исторического музея 2015 года. Памяти Н.А. Фроловой. М.: ГИМ, 2015. С. 65–72.

Григорьев А.В. Славянское население водораздела Оки и Дона в конце I – начале II тыс. н.э. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2005. 207 с., ил.

Ениосова Н.В., Пушкина Т.А. Гнездово как раннегородской центр эпохи формирования древнерусского государства и некоторые вопросы его интерпретации // Древнейшие государства Восточной Европы. 2014 год: Древняя Русь и средневековая Европа: возникновение государств / отв. ред. Т.Н. Джаксон. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2016. С. 258–303.

Зайцев В.В. К вопросу об обращении обрезанных в кружок куфических монет в X в. // Елец и его окрестности: тезисы научной конференции / под ред. А.В. Бессуднова. Елец, 1991. С. 110–112.

Зайцев В.В. О топографии кладов куфических монет в X в., обрезанных в кружок // Итоги научно-исследовательской хранительской деятельности за 1991 год: тезисы научной конференции. СПб.: ГЭ, 1992. С. 27–29.

Зозуля С.С., Каинов С.Ю., Гомзин А.А. Клад куфического серебра из Гнездова. 2010 г. // Государственный исторический музей и отечественная археология: к 100-летию отдела археологических памятников. М., 2014. С. 50–73.

Зоценко В.Н. Гнездово в системе связей Среднего Поднепровья IX–X вв. // Археологический сборник. Гнездово. 125 лет исследования памятника. Труды ГИМ. Вып. 124. М., 2001. С. 121–125.

Императорский Российский исторический музей. Указатель памятников. 2-е изд., доп. М.: Типография А.И. Мамонтова и К°, 1893. 620 с.

Колода В.В., Лебедев В.П., Енуков В.В. Безлюдовский клад и его место в денежной системе Северской земли // Безлюдовский клад X в.: материал и исследования. К 125-летию со дня рождения Р.Р. Фасмера. Археология евразийских степей. Вып. 18 / гл. ред. П.Н. Петров. Казань: Отечество, 2014. С. 6–160.

Леонтьев А.Е. Волжско-Балтийский торговый путь в IX в. // Краткие сообщения института археологии. Вып. 183. Средневековая археология Восточной Европы. М.: Наука, 1986. С. 3–9.

Леонтьев А.Е., Носов Е.Н. Восточноевропейские пути сообщения и торговые связи в конце VIII – X в. // Русь в IX–X веках: археологическая панорама / отв. ред. Н.А. Макаров. М.; Вологда: Древности Севера, 2012. С. 383–401.

Майоров А.А. Древние вятичи и их особое место среди восточнославянских племен IX–XI вв. // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2015. Т. 21, № 6. С. 8–12.

Майоров А.А. К вопросу об ассимиляции вятичами носителей мощинской культуры на территории Верховской историко-географической провинции в VII–VIII веках // Ученые записки Орловского государственного университета. 2016. № 3(72). С. 55–63.

Майоров А.А. Территориальные группировки вятичей VIII–XII вв. // Вестник Костромского государственного университета. 2017. Т. 23, № 3. С. 18–21.

Монгайт А.Л. Рязанская земля. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 400 с.: ил., карт.; 7 л. ил. и карт.

Нефедов В.С. Ранние этапы политогенеза на территории Смоленской земли (конец IX – первая половина XI в.) // Северная Русь и проблемы формирования Древнерусского государства: сборник материалов Международной научной конференции (Вологда – Кириллов – Белозерск, 6–8 июня 2012 г.) / редкол.: С.Д. Захаров (отв. ред.), А.В. Суворов. Вологда: Древности Севера, 2012. С. 88–113.

Пашинский В.М. Экономические и политические последствия борьбы князя Святослава за доминирование в Восточной Европе (по данным о кладах куфических дирхамов) // Российская история. 2019. № 4. С. 54–65.

Потин В.М. Русско-скандинавские связи по нумизматическим данным (IX–XII вв.) // Исторические связи Скандинавии и России IX–XX вв. Труды ЛОИИ. Вып. 11. Л., 1970. С. 64–80.

Прошкин О.Л. Мещовское ополье – основные этапы освоения в IX–XIII вв. по археологическим данным // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 249. Ч. II. 2017. С. 68–85.

Прошкин О.Л. Оборонительные сооружения Чертова Городища – результаты археологического изучения // Археология Подмосковья: материалы научного семинара. Вып. 12. М.: Институт археологии РАН, 2016. С. 64–81.

Прошкин О.Л. Чертово городище: славянское освоение территории Калужского края. Калуга: Золотая аллея, 2011. 124 с.

Пушкина Т.А. Нумизматические материалы из раскопок в Гнездове // Великий Новгород в истории средневековой Европы. К 70-летию Валентина Лаврентьевича Янина. М.: Русские словари, 1999. С. 405–417.

Пушкина Т.А. Сувениры Аустрвег // У истоков русской государственности: Историко-археологический сборник: материалы международной научной конференции (4–7 октября 2005 г., Великий Новгород) / отв. ред. Е.Н. Носов [и др.]. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. С. 325–331.

Седов В.В. Длинные курганы кривичей. Свод археологических источников (САИ). Вып. Е1-8/2. М.: Наука, 1974. 68 с., 31 табл.

Фомин А.В. Топография кладов куфических монет X в. междуречья Днепра и Десны // Чернигов и его округа в IX–XIII вв. Киев, 1988. С. 74–80.

Шинаков Е.А. Болгарский контекст происхождения лучевых головных колец // Археологически хоризонти. Сборник в чест на 70-годишнината на доц. д-р Иван Джамбов. Пловдив: Университетско издателство «Паисий Хилендарски», 2018. С. 121–147.

Шинаков Е.А. Еще раз об «альтернативном» восточнославянском предгосударственном образовании X в. (по данным археологии и нумизматики) // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 8: К 60-летию юбилею А.М. Обломского / отв. ред. А.Н. Бессуднов. Липецк, 2017. С. 193–208.

Шинаков Е.А. Образование древнерусского государства: сравнительно-исторический аспект. Брянск: Изд-во БГУ, 2002. 488 с.

Шинаков Е.А. Образование Древнерусского государства: сравнительно-исторический аспект. 2-е изд., испр. и доп. М.: Восточная литература, РАН, 2009. 477 с.

Шинаков Е.А. Племена Восточной Европы накануне и в процессе образования Древнерусского государства // Ранние формы социальной организации. Генезис, функционирование, историческая динамика / отв. ред. В.А. Попов. СПб.: Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, 2000. С. 303–347.

Шинаков Е.А. Племена Восточной Европы накануне и в процессе образования Древнерусского государства // Древнейшие государства Восточной Европы: 2010 год: Предпосылки и пути образования Древнерусского государства / отв. ред. Е.А. Мельникова. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2012. С. 34–93.

Шинаков Е.А. А.В. Григорьев и новые находки лучевых колец «второго этапа» // Славянские древности веков на территории лесной и лесостепной зон Восточной Европы. К 60-летию со дня рождения А.В. Григорьева / под ред. А.М. Воронцова, А.М. Колоколова. Тула: Гос. музей заповедник «Куликово поле», 2021. С. 40–60.

Шинаков Е.А., Григорьев А.В. О возможности существования государственности на территории позднеархеологической культуры X в. // Вивчення історичної та культурної спадщини Роменщини: проблеми і перспективи: Тези доп. та повідомлень до наук.-практ. конф., присвяч. 70-річчю Ромен. краєзн. музею (листопад, 1990 р.). Суми; Ромни, 1990. С. 66–68.

Шинаков Е.А., Григорьев А.В. Об этнопотестарной «общности среднего уровня» на Юго-Востоке Древней Руси в X в. // Восточная Европа в Древности и Средневековье. XXIX Чтения памяти В.Т. Пашуто. Античные и средневековые общности. М.: Изд-во ИВИ РАН, 2017. С. 253–256.

Шинаков Е.А., Зайцев В.В. Клады как источники по политической географии Среднего Подесенья в древнерусскую эпоху // Археология и история Юго-Востока Древней Руси: материалы научной конференции / науч. ред. А.З. Винников. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1993. С. 64–67.

Шинаков Е.А., Чубур А.А. О характере границ Северянско-Вятичско-Радимичского предгосударственного образования с Русью в середине – второй половине X в. // История: электронный научно-образовательный журнал. 2022. Т. 13, № 2(112).

Шинаков Е.А., Чубур А.А., Пискунов В.О. Привески с тератологическим орнаментом X–XI веков и их дериваты на юго-востоке Руси // Археологическое наследие. 2021. № 1(4). С. 345–374.

Щавелев А.С. «В самых же верховьях реки Днепр обитают росы...» (DAI. 42. 60–61): к вопросу о первом упоминании торгово-ремесленного поселения руси у д. Гнездово // Міста Давньої Русі: збірка наукових праць пам'яті А.В. Кузи. Київ: Стародавній Світ, 2014. С. 369–373.

Щавелев С.Д. Сеймский путь (в системе коммуникаций Восточной Европы I и II тысячелетий н.э.) // Археологический сборник. Гнездово. 125 лет исследования памятника. Труды ГИМ. Вып. 124. М.: ГИМ, 2001. С. 145–158.

Янин В.Л. Денежно-весовые системы домонгольской Руси и очерки истории денежной системы средневекового Новгорода. М.: Языки славянских культур, 2009. 416 с.

A.A. Mayorov

*Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor,*

*acting Head of the History, Philosophy and the Russian Language Chair,
Oryol State Agrarian University named after N.V. Parakhin
Orel, Russia*

E.A. Shinakov

*Doctor of Historical Sciences,
Professor,*

*National History Chair,
Bryansk State University named after academician IG. Petrovsky
Bryansk, Russia*

The Transport Route Dnieper – Oka («Passage along the Ugra») at the End of the 9th – Beginning of the 11th Centuries

The subject of this article is the route of the Oka trade route of the 9th-10th centuries AD. The path along the Oka River was an organic continuation of the well-known Volga and Don trade routes. In most of the works of researchers, for a number of reasons, it was not considered as a route that directly went to the upper reaches of the Dnieper River, capable of acting as a direct transport route between the south and southeast of the Russian Plain on the one hand and the archaeological complex of Gnezdovo and the outskirts of Smolensk - from another. The analysis carried out by the authors of the article offered to the attention of readers shows that by now researchers have data at their disposal that allow us to talk about finding weighty arguments in favor of the previously unpopular hypothesis. These data are obtained by archeology and numismatics. The presence and functioning of the route described above in the last centuries of the first millennium does not at all negate the significance of the well-known trade routes – the Volga-Baltic, as well as «from the Varangians to the Greeks» – but was, apparently, their logical and effective addition.

Key words: Oka trade route; Ugra river; Dnieper river; passage route; archaeological finds; numismatic data.

REFERENCES

Archaeological Map of Russia: Smolensk Region. Part 2 [Arheologicheskaya karta Rossii: Smolenskaya oblast'. Chast' 2]. Comp. Yu.A. Krasnova, S.E. Mikhailchenko, V.S. Nefedov, G.K. Patrick. M.: Institute of Archeology RAS, 1997. 262 p. (in Russian).

Bulychev N.I. Excavations along the Middle Reaches of the Ugra (Oka). Basin of the Volga River [Raskopki po srednemu techeniyu Ugry (Oka). Bassejn r. Volgi]. M.: Printing House of G. Lissner and D. Sobko, 1913. 77 p., 1 map, 9 sheets of illustration (in Russian).

Gaidukov P.G. Molchanov A.A., Nosov E.N. Finds of Oriental Coins of the 6th–10th Centuries. On the Novgorod (Ryurik) Settlement [Nahodki vostochnyh monet VI–X vv. na Novgorodskom

(Ryurikovom) gorodishche]. *At the Origins of Russian Statehood: Historical and Archaeological Collection: Materials of the International Scientific Conference, Veliky Novgorod, October 04–07, 2005*. Veliky Novgorod: Dmitry Bulanin, 2007, pp. 82–88 (in Russian).

Goglov S.A., Lebedev V.P., Shinakov E.A. On Imitations of the Kufic Dirhams of the Krasnodvorskoy Hoard of Coins in the 10th Century [O podrazhaniyah kuficheskim dirhemam Krasnodvorskogo klada monet X vek]. *Rus. Lithuania. Horde in the monuments of numismatics and sphragistics*. Issue 7. M., 2019, pp. 70–98 (in Russian).

Gomzin A.A. Oriental Coin Silver of the 9th – early 11th Centuries in the Middle and Lower Poochie [Vostochnoe monetnoe srebro IX – nachala XI v. v srednem i nizhnem Pooch'e]. Abstract of the thesis ... doctor of historical sciences. M., 2013. 28 p. (in Russian).

Gomzin A.A. Materials for the Topography of the Finds of Oriental Coins in the Ilmenye and the Volkhov Region [Materialy k topografii nahodok vostochnyh monet v Priil'men'e i Povolhov'e]. *Numismatic Readings of the State Historical Museum of 2018. To the 100th Anniversary of the Numismatics Department of the State Historical Museum*. Moscow, November 27 and 28, 2018. M.: GIM, 2018, pp. 46–52 (in Russian).

Grachev S.Yu., Lebedev V.P. Gordeevsky Treasure of Kufic Dirhams of the 10th Century. from the Bryansk Region [Gordeevskij klad kuficheskikh dirhemov X v. iz Bryanskoj oblasti]. *Numismatic Readings of the State Historical Museum of 2015. In memory of N.A. Frolova*. M.: GIM, 2015, pp. 65–72 (in Russian).

Grigoriev A.V. Slavic Population of the Oka and Don Watershed at the End of the 1st - Beginning of the 2nd Millennium AD [Slavyanskoe naselenie vodorazdela Oki i Dona v konce I – nachale II tys. n.e.]. Tula: Mrs. Museum-reserve «Kulikovo field», 2005. 207 p. (in Russian).

Eniosova N.V., Pushkina T.A. Gnezdovo as an Early City Center of the Era of the Formation of the Old Rus State and Some Questions of its Interpretation [Gnyozdovo kak rannegorodskoj centr epochi formirovaniya drevnerusskogo gosudarstva i nekotorye voprosy ego interpretacii]. *Ancient States of Eastern Europe. 2014: Ancient Russia and Medieval Europe: the Emergence of States*. Rep. ed. T.N. Jackson. M.: Dmitry Pozharsky University, 2016, pp. 258–303 (in Russian).

Zaitsev V.V. On the Issue of Circulation of Circled Kufic Coins in the 10th Century [K voprosu ob obrashchenii obrezannyh v kruzhok kuficheskikh monet v X v.]. *Yelets and its Environs. Abstracts of Scientific Conference*. Ed. A.V. Bessudnova. Yelets, 1991, pp. 110–112 (in Russian).

Zaitsev V.V. On the Topography of the Hoards of Kufic Coins in the 10th Century, Cut into a Circle [O topografii kladov kuficheskikh monet v X v., obrezannyh v kruzhok]. *Results of Scientific Research Storage Activities for 1991. Abstracts of Scientific Conference*. SPb.: GE, 1992, pp. 27–29 (in Russian).

Zozulya S.S., Kainov S.Yu., Gomzin A.A. Kufic Silver Hoard from Gnezdovo [Klad kuficheskogo srebra iz Gnezdova]. *2010. State Historical Museum and Domestic Archeology: to the 100th Anniversary of the Department of Archaeological Monuments*. M., 2014, pp. 50–73 (in Russian).

Zotsenko V.N. Gnezdovo in the System of Connections of the Middle Dnieper Region of the 9th–10th Centuries [Gnyozdovo v sisteme svyazej Srednego Podneprov'ya IX–X vv]. *Archaeological collection. Gnezdovo. 125 years of monument research*. Proceedings of GIM. Issue 124. M., 2001, pp. 121–125 (in Russian).

Imperial Russian Historical Museum [Imperatorskij Rossijskij istoricheskij muzej]. *Moment index*. Second edition. M.: Printing House of A.I. Mamontov and Co., 1893. 620 p. (in Russian)/

Koloda V.V., Lebedev V.P., Enukov V.V. Bezlyudovsky Treasure and its Place in the Monetary System of the Seversk Land [Bezlyudovskij klad i ego mesto v denezhnoj sisteme Severskoj zemli]. *Bezlyudovsky Treasure of the 10th Century: Material and Research. To the 125th Anniversary of the Birth of R.R. Fasmer. Archeology of the Eurasian Steppes*. Issue 18. Ch. ed. P.N. Petrov. Kazan. Otechestvo, 2014, pp.6–160 (in Russian).

Leontiev A.E. The Volga-Baltic Trade Route in the 9th Century [Volzhsko-Baltijskij torgovyj put' v IX v.]. *Brief Reports of the Institute of Archeology. 183. Medieval Archeology of Eastern Europe*. M.: Nauka, 1986, pp. 3–9 (in Russian).

Leontiev A.E., Nosov E.N. East European Communication Routes and Trade Relations at the End of the 8th – 10th Centuries [Vostochnoevropejskie puti soobshcheniya i trgovye svyazi v konce VIII – X v.]. *Rus in the 9th–10th centuries: an archaeological panorama*. Resp. ed. N.A. Makarov. Moscow; Vologda: Antiquities of the North, 2012, pp. 383–401 (in Russian).

Mayorov A.A. Old Vyatichi and their special place among the East Slavic tribes of the IX–XI centuries [Drevnie vyatichi i ih osoboe mesto sredi vostochnoslavjanskih plemen IX–XI vv.]. *Bulletin of the Kostroma State University named after Nekrasov*. 2015, vol. 21, no. 6, pp. 8–12 (in Russian).

Mayorov A.A. On the Issue of Assimilation by the Vyatichi of the Carriers of the Moshchin Culture on the Territory of the Verkhovskaya Historical and Geographical Province in the 7th-8th Centuries [K voprosu ob assilyacii vyatichami nositelej moshchinskoj kul'tury na territorii Verhovskoj istoriko-geograficheskoj provincii v VII–VIII vekah]. *The Bulletin of Oryol State University*. 2016, no. 3(72), pp. 55–63 (in Russian).

Mayorov A.A. Territorial Groupings of the Vyatichi VIII–XII Centuries [Territorial'nye grupirovki vyatichej VIII–XII vv.]. *Bulletin of the Kostroma State University*. 2017, vol. 23, no. 3, pp. 18–21 (in Russian).

Mongait A.L. Ryazan Land [Ryazanskaya zemlya]. M.: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1961. 400 p.: 7 illustrations and maps.

Nefyodov V.S. Early Stages of Politogenesis on the Territory of Smolensk Land (Late 9th – First Half of the 11th Century) [Rannie etapy politogeneza na territorii Smolenskoj zemli (konec IX – pervaya polovina XI v.)]. *Northern Rus and the Problems of the Formation of the Old Rus State: Collection of Materials of the International Scientific Conference (Vologda – Kirillov – Belozersk, June 6–8, 2012)*. Ed. S.D. Zakharov (editor-in-chief), A.V. Suvorov. Vologda: Antiquities of the North, 2012, pp. 88–113 (in Russian).

Pashinsky V.M. Economic and Political Consequences of the Struggle of Prince Svyatoslav for Dominance in Eastern Europe (According to the Data on the Treasures of Kufic Dirhams) [Ekonomicheskie i politicheskie posledstviya bor'by knyazya Svyatoslava za dominirovanie v Vostochnoj Evrope (po dannym o kladah kuficheskikh dirhamov)]. *Russian History*. 2019, no. 4, pp. 54–65 (in Russian).

Potin V.M. Russian-Scandinavian Relations According to Numismatic Data (IX–XII centuries) [Russko-skandinavskie svyazi po numizmaticheskim dannym (IX–XII vv.)]. *Historical Relations of Scandinavia and Rus of the IX – XX Centuries*. Proceedings of the LOII. Issue. 11. L., 1970, pp. 64–80 (in Russian).

Proshkin O.L. Meshchovskoye Opol'e – the Main Stages of Development in the 9th-13th Centuries on Archaeological Data [Meshchovskoe opol'e – osnovnye etapy osvoeniya v IX–XIII vv. po arheologicheskim dannym]. *Brief Reports of the Institute of Archeology*. 2017. Issue 249. Part II, pp. 68–85 (in Russian).

Proshkin O.L. Defensive Structures of Chjortovo Settlement – the Results of Archaeological Research [Oboronitel'nye sooruzheniya Chertova Gorodishcha – rezul'taty arheologicheskogo izucheniya]. *Archeology of the Moscow Region: Materials of a Scientific Seminar*. Issue 12. M.: Institute of Archeology RAS, 2016, pp. 64–81 (in Russian).

Proshkin O.L. Chjortovo Settlement: Slavic Development of the Territory of the Kaluga Region [Chertovo gorodishche: slavyanskoe osvoenie territorii Kaluzhskogo kraja]. Kaluga: Golden Alley, 2011. 124 p. (in Russian).

Pushkina T.A. Numismatic Materials from Excavations in Gnezdovo [Numizmaticheskie materialy iz raskopok v Gnyozdove]. *Veliky Novgorod in the History of Medieval Europe. To the 70th Anniversary of Valentin Lavrentievich Yanin*. M.: Russian dictionaries. 1999, pp. 405–417 (in Russian).

Pushkina T.A. Austrweg Souvenirs [Suveniry Austrveg]. *At the Origins of Russian Statehood: Historical and Archaeological Collection: Materials of the International Scientific Conference October 4–7, 2005 Veliky Novgorod*. Ed. E.N. Nosov [et al.]. St. Petersburg: Dmitry Bulanin, 2007, pp. 325–331 (in Russian).

Sedov V.V. Long Burial Mounds of the Krivichi [Dlinnye kurgany krivichej]. *Code of Archaeological Sources (SAI)*. Issue E1-8/2. Moscow: Nauka, 1974. 68 p., 31 charts (in Russian).

Fomin A.V. Topography of Hoards of Kufic Coins of the 10th Century. Interfluves of the Dnieper and Desna [Topografiya kladov kuficheskikh monet X v. mezhdurech'ya Dnepra i Desny]. *Chernigov and its Districts in the 9th – 13th Centuries*. Kyiv, 1988, pp. 74–80 (in Russian).

Shinakov E.A. A.V. Grigoriev and New Finds of Radial Rings of the «Second Stage» [A.V. Grigor'ev i novye nahodki luchevyh kolec «vtorogo etapa»]. *Slavic Antiquities of the Ages in the Forest and Forest-Steppe Zones of Eastern Europe. To the 60th Anniversary of the Birth of A.V. Grigoriev*. Under ed. A.M. Vorontsova, A.M. Kolokolova. Tula: State museum-reservation «Kulikovo field», 2021, pp. 40–60 (in Russian).

Shinakov E.A. Bulgarian Context of the Origin of Radial Head Rings [Bolgarskij kontekst proiskhozhdeniya luchevyh golovnyh kolec]. *Archaeological Horizonti. Collection in Honor of the 70th Anniversary of the Assoc. Dr. Ivan Jambov*. Plovdiv: University Publishing House «Paisiy Hilendarski», 2018, pp. 121–147 (in Russian).

Shinakov E.A. Once Again about the «Alternative» East Slavic Pre-state Formation of the 10th Century. (according to Archeology and Numismatics) [Eshche raz ob «alternativnom» vostochnoslavjanskom predgosudarstvennom obrazovanii X v. (po dannym arheologii i numizmatiki)]. *Verkhnedonskoy archaeological collection*. Issue. 8. To the 60th anniversary of A.M. Oblomsky. Rep. ed. A.N. Bessudnov. Lipetsk, 2017, pp. 193–208 (in Russian).

Shinakov E.A. Formation of the Old Rus State: Comparative and Historical Aspect [Obrazovanie drevnerusskogo gosudarstva: Sravnitel'no-istoricheskij aspekt]. Bryansk: BSU Publishing House, 2002. 488 p. (in Russian).

Shinakov E.A. Formation of the Old Rus State: a Comparative Historical Aspect [Obrazovanie Drevnerusskogo gosudarstva: sravnitel'no-istoricheskij aspekt]. 2nd ed., rev. and additional M.: Eastern Literature, RAS, 2009. 477 p. (in Russian).

Shinakov E.A. Tribes of Eastern Europe on the Eve and in the Process of Formation of the Old Russian State [Plemena Vostochnoj Evropy nakanune i v processe obrazovaniya Drevnerusskogo gosudarstva]. *Early Forms of Social Organization. Genesis, Functioning, Historical Dynamics*. Rep. ed. V.A. Popov. St. Petersburg: Museum of Anthropology and Ethnography of Peter the Great (Kunstkamera) RAS, 2000, pp. 303–347 (in Russian).

Shinakov E.A. Tribes of Eastern Europe on the Eve and in the Process of Formation of the Old Russian State [Plemena Vostochnoj Evropy nakanune i v processe obrazovaniya Drevnerusskogo gosudarstva]. *The Most Ancient States of Eastern Europe: 2010: Background and ways of Formation of the Old Russian State*. Rep. ed. E.A. Melnikova. M.: Russian Foundation for the Promotion of Education and Science, 2012, pp. 34–93 (in Russian).

Shinakov E.A., Grigoriev A.V. On the Possibility of the Existence of Statehood on the Territory of the late Romenska Culture of the 10th Century [O vozmozhnosti sushchestvovaniya gosudarstvennosti na territorii pozdneromenskoj kul'tury X v.]. *Study of the Historical and Cultural Heritage of Romanshchyna: Problems and Prospects: Theses and messages to Scientific and Practical conference, dedicated to 70th birthday of Romny's regional museum (November, 1990)*. Sumy, Romny, 1990, pp. 66–68 (in Russian).

Shinakov E.A., Grigoriev A.V. On the Ethno-potestar «Community of the Middle Level» in the South-East of Ancient Rus' in the 10th Century [Ob etnopotestarnoj «obshchnosti srednego urovnya» na Yugo-Vostoke Drevnej Rusi v X v.]. *Eastern Europe in Antiquity and the Middle Ages. XXIX Readings in memory of V.T. Pashuto. Antique and medieval communities*. M.: Publishing House of IVI RAN, 2017, pp. 253–256 (in Russian).

Shinakov E.A., Zaitsev V.V. Treasures as Sources on the Political Geography of the Middle Desna Region in the Old Rus Era [Klady kak istochniki po politicheskoy geografii Srednego Podesen'ya v drevnerusskuyu epohu]. *Archeology and History of the South-East of Ancient Rus' (materials of a scientific conference)*. Scientific ed. A.Z. Vinnikov. Voronezh: Publishing House of VSU, 1993, pp. 64–67 (in Russian).

Shinakov E.A., Chubur A.A. On the Nature of the Borders of the Severyansko-Vyatichi-Radimichi Pre-state Formation with Russia in the Middle – Second Half of the 10th Century [O haraktere granic Severyansko-Vyatichsko-Radimichskogo predgosudarstvennogo obrazovaniya s Rus'yu v sereдинe - vtoroj polovine X v.]. *Electronic Scientific and Educational journal «History»*. 2022, vol. 13, no. 2(112) (in Russian).

Shinakov E.A., Chubur A.A., Piskunov V.O. Pendants with a Teratological Ornament of the 10th–11th Centuries and their Derivatives in the South-east of Rus [Priveski s teratologicheskim ornamentom X–XI vekov i ih derivaty na yugo-vostoke Rusi]. *Archaeological heritage*. 2021, no. 1(4), pp. 345–374 (in Russian).

Shchhavelev A.S. «Dews Live in the Very Upper Reaches of the Dnieper River ...» (DAI. 42. 60–61): on the Question of the first Mentioning of the Trade and Craft Settlement of Russia near the Village of Gnezdovo [«V samyh zhe verhov'yah reki Dnepr obitayut rosy...» (DAI. 42. 60–61): k voprosu o pervom upominanii torgovo-remeslennogo poseleniya rusi u d. Gnezdovo]. *Mista of Old Rus. Collection of Science Practices in Memory of A.V. Kuzi*. Kiev: Old World, 2014, pp. 369–373 (in Russian).

Shchhavelev S.D. Seimsky Way (in the communication system of Eastern Europe I and II millennia AD) [Sejmskij put' (v sisteme kommunikacij Vostochnoj Evropy I i II tysyacheletij n.e.)]. *Archaeological collection. Gnezdovo. 125 years of Monument research. Proceedings of GIM*. Issue 124. M.: GIM, 2001, pp. 145–158 (in Russian).

Yanin V.L. Monetary and Weight Systems of Pre-Mongol Rus and Essays on the History of the Monetary System of Medieval Novgorod [Denezhno-vesovye sistemy domongol'skoj Rusi i ocherki istorii denezhnoj sistemy srednevekovogo Novgoroda.]. M.: Languages of Slavic cultures, 2009. 416 p. (in Russian).

А.А. Космовская

*Пермский государственный институт культуры
Пермская государственная фармацевтическая академия
Пермь, Россия*

УДК 908(470+571)

DOI 10.35785/2072-9464-2023-61-1-139-153

ОБРОКИ И СБОРЫ С ЛАВОК ЧЕРДЫНСКОГО УЕЗДА В XVII–XVIII ВЕКАХ¹

Ключевые слова: *XVII век; XVIII век; налоговые поступления; воеводская канцелярия; лавочная торговля; оброк; оклад.*

Изучение налогообложения торговой деятельности населения позволяет рассмотреть процесс складывания условий, необходимых для функционирования всероссийского рынка. Такой частный вопрос налоговой истории, как сбор оброков с лавок в конкретных регионах (например, в Чердынском

¹Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-39-60007 («Эффективность финансовой политики воеводской администрации Прикамья в XVII–XVIII вв.»).

The reported study was funded by RFBR, project number 19-31-27001 («The effectiveness of the financial policy of the county administration of Prikamye in the 17th–18th centuries»).

уезде), не получил рассмотрения в историографии. В публикации автор исследует размеры поступлений в казну с лавочной торговли населения Чердынского уезда в XVII–XVIII веках. Финансовая отчетность воеводских учреждений представляет интерес для исследователей истории организации налогообложения на территории Чердынского уезда. В публикации по материалам Российского государственного архива древних актов делается вывод, что владельцы лавок платили сборы вовремя. В исследуемом периоде заметна тенденция сокращения сборов с лавок и лавочных мест в Чердыни. Новые оброчные амбары и амбарные места незначительно увеличивают прибыль воеводских учреждений. Правительственная политика по сокращению числа устаревших налогов положила конец взиманию лавочных сборов в 1775 году. Автором был оценен размер поступлений средств с лавочной торговли. Анализ сумм лавочных сборов позволяет делать выводы о том, что торговля с лавок в Чердынском уезде составляла малую часть доходов уездной канцелярии.

Экономическая история Российского государства XVII–XVIII веков является одной из наиболее важных тем отечественной исторической науки, что связано со сложностью и разнообразием происходящих в этот период перемен во всех сферах общественных отношений. Вопросам развития экономических отношений в период становления и существования абсолютной монархии в России посвящено множество работ. Исследователи экономики Российского государства оперируют конкретными показателями – объемами производства продукции, численностью задействованных в экономическом обороте хозяйств, ценами на определенном этапе исторического развития и т.д. При пристальном внимании к экономическим вопросам XVII–XVIII веков можно выделить и такие периоды, которые изучены в российской историографии крайне неравномерно, не только из-за невнимания историков к отдельным экономическим проблемам, но и вследствие разрозненности и разной доступности источников. Особенно в этом плане «не повезло» отдельным регионам в эпоху формирования и расцвета абсолютистского государства. XVII век относится к одной из самых сложных и малоизученных эпох, в том числе и на региональном уровне. Материалы XVIII века, как правило, менее фрагментарны и более многочисленны, но опять же по отдельным вопросам существуют значительные историографические пробелы.

Особое значение, по мнению автора статьи, имеет изучение экономических процессов тех регионов, где активно развивалась торговля, проходили торговые пути, шло развитие товарно-денежных отношений, формировались устойчивые рыночные связи. Интересен в этом отношении север современного Пермского края, а именно Чердынский уезд.

Исследование налоговых поступлений с лавок, амбаров и лавочных мест Чердынского уезда важно для понимания закономерностей развития

экономики в XVII–XVIII веках. Привлекший внимание автора частный вопрос о количестве лавок и лавочных мест на оброке в Чердынском уезде обусловил обращение к разнообразным материалам.

Автору представляется интересным проследить налоговые поступления с лавок, амбаров и лавочных мест в Чердынском уезде на протяжении XVII–XVIII веков. Насколько хозяйственные промыслы жителей были связаны с численностью населения? Вовремя ли собирались оброчные деньги? Были ли отличия в суммах оброчных и налоговых платежей в XVII–XVIII веках? Ответы на данные вопросы можно получить, анализируя содержание документации Чердынской приказной избы, Соликамского магистрата, Соликамской и Пермской воеводских канцелярий (учреждения, в ведомстве которых в разные периоды находились местные сборы).

Материалы и методы. История налоговых сборов с лавочной торговли отражена в документальном материале, хранящемся в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА). Для изучения информации об оброках с лавок и лавочных мест XVII века автором были использованы данные переписей 1579 года, 1623–1624 годов, сведения из сметных и счетных списков, а также оброчных книг.

В сметных списках воевод, которые отправлялись в приказы, зафиксированы данные о сборах оброков, отсылке имеющихся средств в центр. Счетные списки составлялись при передаче воеводами города друг другу. В них также учитывались средства, собранные в местной приказной избе. В оброчных книгах (это наиболее информативный источник) фиксировались оброки с владельцев производственных и торговых объектов, а также с лиц, которые занимались в городе или уезде ремесленной и торговой деятельностью.

Данные о лавочных местах XVIII века можно извлечь из рапортов, приходо-расходных книг и прочей документации воеводских канцелярий. Все рассмотренные группы материалов представляют особый интерес для исследователей истории организации налогообложения на территории Чердынского уезда.

Содержание источников определило использование сравнительно-сопоставительного метода, с помощью которого исследовались данные разнообразных материалов. Сравнительно-исторический метод применяется в процессе анализа документации воеводских изб Чердынского уезда, Соликамской и Пермской (Кунгурской) канцелярий. Методика сопоставления данных различных источников была использована автором статьи для характеристики налоговых поступлений с лавок, амбаров и лавочных мест.

Историография. В целом проблемы налогообложения в указанный период становились предметом изучения П.Н. Милюкова [Милюков, 1905], С.А. Козлова, З.В. Дмитриевой [Козлов, Дмитриева, 1999], О.И. Марискина [Марискин, 2008] и других авторов. В новейшем исследовании С.А. Козлова и З.В. Дмитриевой показано влияние геополитических факторов на изменение фискальной политики Российского государства в XVII–XVIII веках

[Дмитриева, Козлов, 2020]. На местном уровне вопросы экономической истории Урала рассматривали А.А. Преображенский [Преображенский, 1972] и другие исследователи [Устюгов, 1957]. Что касается оброков, то здесь существуют некоторые историографические пробелы. Сами по себе сборы упоминаются в основном для характеристики развития городской торговли и купеческого сословия [Беспаленок, 2006]. В статье А.И. Раздорского представлен опыт характеристики традиционных промыслов населения города Курска по таможенным и оброчным книгам [Раздорский, 2000]. С одной стороны, историография налоговых сборов является обширной, с другой – частные аспекты некоторых поступлений (с лавок и лавочных мест) предметом специального рассмотрения не становились.

Обсуждение. Обозначим территориальные границы исследования. В начале XVI века образовался Чердынский уезд после ликвидации Великопермского княжества. Традиционными занятиями жителей уезда были торговля, охота, рыбные ловли и хлебопашество. В XVII–XVIII веках Чердынский уезд, богатый в предыдущие столетия (именно там находилась первая столица Прикамья), теряет свое значение. Основные торговые пути перемещаются в XVII столетии в Соликамский, а затем и в Кунгурский уезды.

Для понимания масштаба торговли обозначим примерную численность населения. С 1579 до 1623/24 годов «число дворов с 1493 увеличилось до 2700, а число их владельцев – с 1700 до 3000 человек» [Дмитриев, 1891, 115]. По другим данным, в 1623 году в Чердынском уезде насчитывался 2521 двор, в 1679 году – 3279 дворов [Савич, 1925, 51]. 18 декабря 1708 года территория Чердынского уезда вошла в состав образованной Сибирской губернии [ПСЗ, 4, ст. 2218]. 29 мая 1719 года в составе Сибирской губернии была образована Соликамская провинция (Чердынский и Соликамский уезды). В провинцию вошли города Соликамск (12 005 дворов), Пермь Великая и Чердынь – 1421 двор [ПСЗ, 5, ст. 3380]. 29 апреля 1727 года территория Соликамской провинции была передана из Сибирской губернии в Казанскую [ПСЗ, 7, ст. 5065]. С 27 января 1781 года Чердынский уезд находился в составе Пермской области Пермского наместничества. Численность мужского населения уезда, по данным пятой ревизии 1796 года, составила 38 438 душ мужского пола [Ежегодник, 1913, 16]. Численность жителей за два столетия значительно выросла. Датами отмены лавочных сборов и создания Пермского наместничества в 1781 году ограничены хронологические рамки исследования.

Обозначим некоторые вехи законодательного регулирования лавочных и амбарных оброков и сборов. В 1577 году были установлены твердые пошлины с гостиных дворов и лавок [Козлов, Дмитриева, 1999, 58]. На протяжении XVII века оброки и пошлины с оброков собирались с лавок, амбаров, амбарных и лавочных мест. Местные сборщики и воеводы вели

соответствующую документацию [Космовская, 2019]. Распространенным явлением была наддача, когда размер оброка с лавки увеличивался на некоторую сумму. В начале XVIII века Петр I устанавливает дополнительные сборы, мелкие «канцелярские» налоги становятся сферой юрисдикции Ижорской канцелярии. Местные органы власти (после реформ 1720-х годов – снова воеводы в уездах) ведут учет налоговых поступлений. В 1709 году торгующим людям вменялось в обязанность приписываться к городским посадам (иначе занятия торговлей и промыслами были запрещены). Указом от 13 апреля 1711 года разрешались занятия торговлей людям всех званий при условии уплаты торговых сборов. В 1721 году Уставом Главного магистрата все городское население страны было разделено на «регулярных граждан», распределявшихся по двум купеческим гильдиям, и «подлых людей». За купечеством были закреплены предпочтительные права на занятия торгово-промышленной деятельностью. В 1723 году крестьяне и разночинцы, имевшие лавочную торговлю на сумму более 500 руб., были обложены 40-алтынной подушной податью.

Проекты И.И. Шувалова не обошли стороной мелкие сборы. 20 декабря 1753 года был обнародован указ об отмене 17 таможенных и «мелочных» сборов. Среди них были пошлины «с товаров»: с хлеба, со всяких съестных припасов, сена и дров, с найма извозчиков и т.п. Прочие мелкие сборы (с амбаров, лавок) были переданы в ведение губернских и воеводских канцелярий и городских магистратов [Козлов, Дмитриева, 1999, 164]. В 1760 году Правительствующий сенат запретил торговать российскими и иностранными товарами всем, кроме купечества.

Екатерина II большое внимание уделяла косвенному обложению. При составлении в 1760-х годах окладной книги доходов государства Сенат признал необходимость отмены большей части канцелярских сборов. Среди них были пошлины с кожевенного, охотничьего, овчинного, хмелевого промыслов, кузниц, лавок, амбаров, с постоянных дворов, харчевен, конские сборы и др.

17 марта 1775 года купцы, которые владели капиталом свыше 500 руб., освобождались от подушной подати. Отныне они платили сбор – 1% с объявленного («по совести») капитала. Попутно отменялась часть «канцелярских сборов», в том числе и с амбаров и лавок. Так закончилась история сборов с торговых объектов, которые уже не отвечали требованиям времени. Теперь вернемся назад и рассмотрим, как осуществлялись сборы с торговых лавок, амбаров, лавочных мест в Чердынском уезде на протяжении почти двух столетий.

По переписи Ивана Яхонтова 1579 года в Чердыни были учтены 21 лавка «лучшая» и 46 лавок «средних». По этой же переписи можно оценить размеры оброка. «А оброку им, с тех лавок, давати 7 руб. 25 алтын. С лучших с двадцати с одною лавкою, по 5 алтын с лавки, с средних с 46 лавок, по гривне с лавки на год, да пошлин казенных и дьячих 12 алтын полшесты деньги, с рубля по 10 алтын» [Дмитриев, 1891, 2].

Лавки первой статьи принадлежали преимущественно лучшим людям, а второй или средней статьи – «молодшим». «Переводя все эти платежи на наш счет, получим, что оброку со всех 67 чердынских торговых лавок следовало в казну 7 рублей 75 копеек в год, да казначеевых и дьячих пошлин по 5 копеек с рубля или 38 копеек 1,5 деньги (денежки)» [Дмитриев, 1891, 3].

По переписным данным Михаила Кайсарова 1623–1624 годов, в Чердыни количество лавок и лавочных мест увеличилось. Переписчик разделил лавки на несколько категорий, более точных, нежели в 1579 году. По переписи Кайсарова было выделено четыре статьи торговых лавок, каждая из них делилась на лавки, амбары и выходы (для которых назначалось различное обложение). Отдельно перечислялись мясные и хлебные полки, соляные и хлебные амбары с детализацией оброка и пошлин. «Лавки двух первых статей, платившая высший оклад, оброчились преимущественно лучшими и средними людьми, остальные – молодшими и самыми молодшими» [Дмитриев, 1891, 12]. Лавок первой статьи было 3 («оброку с них 25 алтын, пошлин один алтын полторы деньги; по полтине с лавки, пошлин по полтретьи (2,5) деньги»). Эти суммы поступали с каждой лавки. Лавок второй статьи было учтено 5. С ними Михаил Кайсаров записал 4 амбара с 9 выходами. «Оброку с лавок, амбаров и выходов: 2 рубли 26 алтын 4 деньги». Третьей статьи было «2 лавки, да 3 амбара, а у них 14 выходов» с ежегодной уплатой 2 руб. 13 алтын и 2 денег в казну с добавлением пошлины в размере 4 алтын. Четвертой статьи лавок насчитывалось больше всего – 15, плюс 3 амбара с 4 выходами («оброку: по 3 алтына по 2 деньги с выхода или по 10 копеек, итого 1 рубль 30 алтын, пошлин 3 алтына с деньгою»).

По оброку с лавок первой статьи платили по 51,25 коп. с выхода (помещения) лавки и амбара, второй – по 21 коп., третьей – по 15 и четвертой – по 10 коп. Далее Кайсаров перечислял еще 7 полков мясных и хлебных с оброком 11 алтын 4 деньги, «да пошлин 4,5 деньги». Дополнительным источником дохода местной казны были несколько соляных и хлебных амбаров «под горою» на реке Колве: «оброку с трех амбаров 10 алтын» [Дмитриев, 1891, 13]. Всего с лавок и амбаров в Чердынском уезде поступало в виде ежегодного платежа 8 руб. 27 алтын 6 денег.

В конце XVII число лавок в Чердыни существенно сократилось. Обозначить их количество, размер оброка и пошлин позволяют такие подробные документы, как счетные, сметные списки и окладные росписи. В последних указаны и плательщики оброка.

В Чердынском счетном списке 7194 года (1685/86) указано, что в городе Чердыни существовали амбар и амбарное место Филиппа Валуева, за которые он платил ежегодно 8 алтын полпяты деньги [РГАДА, ф. 137, оп. «Чердынь», д. 8, 63–63 об., 69 об.].

В 1686 году в городе появились новые объекты налогообложения. «Да с новоприбылых двуанбаров и анбарных мест чердынцов Петрушки

Оболенского да Володки Валугева, что они поставили в нынешнем во 194 году в Чердыни на площади подле анбару чердынца Филки Валугева оброку и пошлин 17 алтын 3 деньги» [РГАДА, ф. 137, оп. «Чердынь», д. 8, 69 об.].

Новые амбар и амбарное место фиксируются как в счетном списке 7194 года, так и в «Чердыни города сметном списке денежным окладным и неокладным доходам и мягкой рухляди 7197 г. (1688/89)» [РГАДА, ф. 137, оп. «Чердынь», д. 9]. Помимо того, что деньги за амбары Филиппа Валугева, Петра Оболенского, Владимира Валугева «взяты сполна», приказная изба рапортует: «в нынешнем во 195 году по челобитью чердынца посадского человека Гришки Ветошева отдано ему на оброк под анбар в Чердыни в посаде порозжее место на площади возле анбару чердынца Володки Валугева со встошную сторону, а оброку ему с того места и с анбару платить и с оброку пошлин по 7 алтын на год» [РГАДА, ф. 137, оп. «Чердынь», д. 9, 8]. Всего оброков и с оброков пошлин по сметному списку было взято 33 руб. 23 алтына 2 деньги, но с лавок из них – 1 руб. 1,5 деньги. Основная часть этих средств приходилась на рыбные ловли, мельницы, сенные луга, «портомойные пролуби» и другие мелкие сборы с местных жителей.

В том же архивном материале находится роспись окладная ко 7196 году (1687/88), которая подтверждает имеющиеся объекты налогообложения, как и книга денежным оброчным статьям 7196 года [РГАДА, ф. 137, оп. «Чердынь», д. 9]. «И всего оброков и с оброков пошлин 34 руб. 3 деньги» [РГАДА, ф. 137, оп. «Чердынь», д. 9, 29 об.].

В сметном списке 1685/86 года, окладной росписи на 1686/87 год, окладной росписи и книге денежным оброчным статьям 7195 года (1686/87) [РГАДА, ф. 137, оп. «Чердынь», д. 11] указаны аналогичные суммы оброка и пошлин с Филиппа Валугева, Петра Оболенского, Владимира Валугева и Григория Ветошева. «И всего оброков и с оброков пошлин 33 руб. 20 алтын 2 деньги» [РГАДА, ф. 137, оп. «Чердынь», д. 11, 29 об.]. Количество лавок и сборов с них не меняется и в сметном списке денежных доходов и расходов за 1687/88 год и окладной росписи на 1688/89 год Чердыни с уездом [РГАДА, ф. 137, оп. «Чердынь», д. 12, 1–23]. В Чердынском счетном списке 7197 года (1688/89) присутствуют все те же плательщики [РГАДА, ф. 137, оп. «Чердынь», д. 10]. Складывается впечатление, что лавочная торговля в Чердынском уезде не развивалась. Это может объясняться как существованием рядом Соликамска с уездом, который играл весомую роль в соледобыче и торговле, так и переносом торговых путей на юг Прикамья. Территория Кунгурского уезда занимала более выгодное географическое положение, имела плодородные почвы и находилась на новом пути в Сибирь. Чердынь постепенно утрачивала свое хозяйственное и транспортное значение. Чердынский сметный список окладным и неокладным денежным сборам 7199 года (1690/91), оброчная книга того же года не выявляют новых

плательщиков. «И всего оброков и с оброков пошлин 34 руб. 21 алтын 3 деньги» [РГАДА, ф. 137, оп. «Чердынь», д. 13, 25].

В книге чердынской всяким оброчным статьям 7201 (1692/93) года показано появление нового амбара: «Да на нынешнем 201 году чердынцы Марчко Ожгибесов, Якушко Лыков против челобитья своего и против приговору и владеной памяти ближнего окольничего и воеводы Ивана Ивановича Нарышкина в Чердыни в торговом ряду на порожном месте со встошну от николаевских лавок на запад в ширину на полшеста аршина, а в длину с полдни на сивер на десять аршин построили анбар... а велено им платить на всякой год... обоего оброку и пошлин по 5 алтын по полчетверте деньге на год» [РГАДА, ф. 137, оп. «Чердынь», д. 14, 31–32 об.]. Всего оброков и с оброков пошлин в тот год было собрано 35 руб.

По документации 1686/87–1693/94 годов количество торговых лавок в Чердыни незначительно, но растет. Имеющиеся в наличии также облагаются дополнительным оброком («наддача»). Но в целом применительно к XVII веку мы видим тенденцию постепенного сокращения количества лавок и лавочных мест. Редкие новые оброчные амбары и амбарные места незначительно увеличивают прибыль воеводской избы. К тому же надо отметить, что общее количество денег в местной воеводской избе находилось в пределах 5–7 тысяч руб. ежегодно. Только стрелецкие деньги составляли точный оклад 2862 руб., с таможен и питейной монополии в казну также шли значительные суммы. Лавочные места и амбары особой роли не играли, хотя государство поощряло переоброчку и даже наддачу отдельных оброчных объектов (например, печорского волока, который «стоил» примерно 10 руб., или рыбной ловли), но это были единичные случаи (тогда добавлялась строчка «с печерского волоку новоприбылого оброку и пошлин 10 алтын 3 денги») [РГАДА, ф. 137, оп. «Чердынь», д. 13, 3].

Далее документация уже относится к воеводским канцеляриям XVIII века. Информация по лавкам, амбарам, амбарным и лавочным местам достаточно фрагментарна. Какое-то общее представление о размерах оброка (уже оклада в XVIII веке) можно составить при обращении к рапортам и приходо-расходным книгам Соликамской и Пермской воеводских канцелярий.

Первые упоминания о лавках в Чердынском уезде, которые состоят в окладе, имеются в распоряжении автора статьи применительно к 1730-м годам.

В книге приходной окладным и неокладным доходам Соликамской провинции канцелярии 1735 года зафиксировано, что в целом сумма прихода составила 26 098,49625 руб. В 1732 году с лавок оброчных было собрано доимки 0,4825 руб. [РГАДА, ф. 444, оп. 1, д. 78, 80–105]. Данная информация, конечно, не проясняет размер оклада, лишь косвенно свидетельствуя об отсутствии недоимочности.

В рапорте соликамской канцелярии о приходе и расходе разных сборов денежной и ясашной казны декабря месяца 1748 года показано, что с

лавок, харчевен, варниц в Соликамском и Чердынском уездах состоит в доимке 115,53 руб. и на текущий год данные средства пока не собраны [РГАДА, ф. 576, оп. 1, д. 72].

Реконструировать размеры оклада можно по реестрам Пермской провинциальной канцелярии. Настольный реестр 1759 года для записи остаточной от 1758 года таможенных, кабацких и канцелярских сборов денежной казны содержит сведения о том, что в чердынской ратуше «с мельниц, рыбных ловель, сенных покосов, с лавок и лавочных мест 1756 г. в казну объявлено 21,2925 руб.» [РГАДА, ф. 439, оп. 1, д. 133, 3 об.].

Относительно точные сведения сообщены в ведомости об остаточной от 1763 в 1764 год денежной казны: «коликое число кабацких и канцелярских сборов имеется в остатке, а какие по званию сборы и на который год о том значит ниже сего января 2 дня 1764 году» [РГАДА, ф. 439, оп. 1, д. 165].

С лавок и лавочных мест в 1762 году собиралось 19,6925 руб., а в 1763 году – 26,0125 руб. В соседнем Кунгуре было «заплачено от кунгурского магистрата лавок и лавочных мест – 23,36 руб.» [РГАДА, ф. 439, оп. 1, д. 165, 1]. Чердынская ратуша частично расплатилась в этом же году по регулярным сборам.

С лавок и амбаров Чердынской ратуши оставалось донять 3,84 руб. [РГАДА, ф. 439, оп. 1, д. 165, 5].

В книге приходной пермской провинции из доимки 1765 года уже расписан приход в целом по Пермской канцелярии, которая собирала налоги с Чердынского, Соликамского и Кунгурского уездов [РГАДА, ф. 439, оп. 1, д. 190]: «2 января по промемории из Кунгурского провинциального магистрата у присланного с тою промеморией выборного щетчика Николая Яльшинина принято за сентябрьскую 1764 г. треть денежной казны кабацких за пития с пивовяочными 4963 руб. 40,25 коп., конских пошлин 130 руб. 46 коп., за торговые бани 14 руб. 48 коп. Итого 5091 руб. 34,25 коп. Да с лавок, амбаров, лавочных и амбарных мест, с харчевен, с мыльных и кожевенных промыслов и с постоянных дворов 50 руб. 29 коп., всего 5141 руб. 63,25 коп.» [РГАДА, ф. 439, оп. 1, д. 190, 3]. По документу также можно проследить, в каких местах уезда располагались лавки. В XVII веке, напомним, оброчились только лавки, расположенные в г. Чердыни, а не в уезде.

В доимке состояло почти 20 руб. (см. табл. 1), но данная ситуация не говорит о неплатежеспособности населения. Новый год только начался, сборы вполне могли поступить в ближайшее время.

**Доимка с лавок и лавочных мест Чердынского уезда на 1765 год
[РГАДА, ф. 439, оп. 1, д. 190, 9 об., 10 об.]**

С лавок и лавочных мест Чердынского уезда со станов	Руб.
Верх-Язвенского	0,47
Косинского	2
Ужгинского	0,78
Кольчужского	1,18
Гаенского	1,64
Юмского	0,32
Вильгортского	0,96
Искорского	0,31
Нырбского	0,30
Цыдвенского	0,33
Янидорского	0,29
Бондюжского	1,5
Покчинского	0,62
Пянтежского	1,12
Лимежского	1,5
Могиленского	0,29
Губдорского и Дубровского	1,18
Мошевского на 1763/1764 годы по 96 коп., итого	2,88
Редикорского	0,88
Анисимовского	0,72
Сереговского	0,565
Итого со станов	19,835

Таким образом, оклад со станов составлял 17,915 руб., которые «16 марта Чердынского уезду со станов по окладу на прошлой 1764 год с лавок и с лавочных мест» были приняты Иваном Шавкуновым [РГАДА, ф. 439, оп. 1, д. 190, 11].

В должниках остался только Мошевский стан, как видно из книги приходной пермской провинциальной канцелярии из доимки 1766 года: «Чердынского уезду Мошевского стану на 1762–1765 гг. по 96 коп. на год – 2 руб. 88 коп.» [РГАДА, ф. 439, оп. 1, д. 202, 9 об.]. Они же были приняты 1 марта по доношению соликамской воеводской канцелярии «взысканных с показанного Мошевского стану с лавок и лавочных мест на прошлые 1762–1765 гг.» [РГАДА, ф. 439, оп. 1, д. 202, 10].

Проанализируем теперь данные по соликамской воеводской канцелярии в 1774–1775 годах согласно «годовому рапорту о приходе и расходе и об остатке канцелярских разных сборов денежной казны 1775 г.» [РГАДА, ф. 576, оп. 1, д. 509].

В Чердынском уезде оклад с лавок и лавочных мест на 1774 год составлял 17,915 руб. Он же состоял в доимке по причине того, что «и показывают они и с некоторых владельцев взыскивают, а с иных за отлучкою из

домов в разные места скорейшего взыскания учинить не с кого» [РГАДА, ф. 576, оп. 1, д. 509, 115 об.].

И последний документ, в котором упомянуты лавки и лавочные места, – это рапорт годовой соликамской воеводской канцелярии 1776 года [РГАДА, ф. 576, оп. 1, д. 510].

Таблица 2

Годовой рапорт 1776 года [РГАДА, ф. 576, оп. 1, д. 510, 36]

Настоящий 1776 год	Оклад	В тот оклад в 1776 году во взятие	Итого	Затем против оклада в недоборе
Соликамского магистрата по городу Соликамску	24,705			24,705
С лавок	20,8475			20,8475
Сделана пометка о том, что «в соликамской магистрат сообщено промемориями и сверх того у понуждения находятся унтер-офицер»... и «затем тех денег от того магистрата еще не прислано».				
Чердынского уезда:				
С рыбных лавок, состоящих в казенных дачах	31,6	31,6	31	
С лавок и лавочных мест	17,915	17,915	17,915	

Таким образом, с Чердынского уезда собирали 17,915 руб. с лавок и лавочных мест. Эта сумма могла несущественно варьироваться в течение столетия. Обратим внимание, что казенные дачи с рыбными лавками появляются в документации 1776 года впервые и обложены отдельно. В соседнем более богатом Соликамске с лавок и лавочных мест в городе платились примерно такие же суммы, но местный магистрат вовремя не отправил деньги. А в Чердыни держатели лавок снова не допустили недоимки.

Лавочная торговля в Чердынском уезде конца XVI – начала XVII века отражала высокий уровень развития рыночных отношений. По данным переписей 1579 и 1623/24 годов, количество лавок в городе Чердыни возрастало. В дальнейшем мелкая лавочная торговля уже не является столь популярным занятием среди населения уезда. Количество обложенных оброками, а затем и сборами торговых объектов можно сопоставить с данными о численности населения. Несмотря на увеличение количества жителей Чердынского уезда, объектов налогообложения в виде мелких лавок больше не стало.

Законодательные инициативы влияли на лавочные сборы в Чердынском уезде. Неоднозначная политика по отношению к представителям разных сословий в первой половине и середине XVIII века вряд ли приводила к росту исследуемых сборов. Данные о лавочных поступлениях в Чердынской канцелярии не могут быть использованы при оценке торговой деятельности купечества, так как местные купцы активно занимались не только мелочной лавочной

торговлей. Это очень важный момент, который можно проиллюстрировать данными начала XIX века. В 1803 году в хозяйственном описании Пермской губернии было зафиксировано, что в Чердыни «гостиной двор строится деревянной и частью каменной, в котором по сие время выстроено 29 купеческих и мещанских, в том числе 3 каменные лавки в одном корпусе» [Попов, 1813, 184]. Деревянных амбаров в том же источнике было учтено 35 для складирования привезенных из Вятской губернии хлебных приказов. Купеческая торговля в Чердынском уезде процветала. В Чердыни в 1803 году проживало 5 купцов второй гильдии и 157 третьей, 822 мещанина. Важнейшими занятиями местных купцов и мещан являлись торговля и судоходство [Попов, 1813, 187]. При изменившейся системе сборов с купцов мелкий лавочный сбор во второй половине XVIII века явно не соответствовал требованиям времени.

В документации XVIII века не удалось обнаружить и конкретных плательщиков данных сборов. Рыбные ловли, мельницы, домовые бани имеют закрепленного за ними плательщика, а вот с лавочными и амбарными доходными местами уездные канцелярии старались в детали не углубляться. Это тоже может свидетельствовать о незначительности данных сборов в общей структуре местных бюджетов, составлявших в 1720–1780 годах приблизительно от 20 до 82 тысяч рублей доходов от различных сборов (большую часть, конечно, местные канцелярии получали от винной монополии) [Космовская, 2020, 632].

Исследование документальных материалов XVII–XVIII веков показало, что оброчные и окладные сборы с лавок и лавочных мест составляли малую часть финансовых поступлений в приказные избы и воеводские канцелярии. Реформами Екатерины II подобные мелочные канцелярские сборы были отменены в 1775 году.

ЛИТЕРАТУРА

Беспаленок Е.Д. Лавочная торговля вяземских купцов в XVII веке // Вязьма с древних времен до наших дней: материалы краеведческой конференции (9 июня 2006 г.). Вязьма – Смоленск: Смоленская гор. типография, 2006. С. 39–49.

Дмитриев А.А. Пермская старина: сборник исторических статей и материалов преимущественно о Пермском крае. Вып. 3: Экономические очерки Перми Великой: Чердынский и Соликамский край на рубеже XVI и XVII вв. Пермь: Типография П.Ф. Каменского, 1891. XXVIII, 176, IV с.

Дмитриева З.В., Козлов С.А. Налоги и войны в России XVI–XVIII вв. СПб.: Историческая иллюстрация, 2020. 568 с.

Ежегодник Чердынского Уездного Земства и Календарь на 1914 год / Издание Чердынской Уездной Земской Управы, Пермской губернии. Чердынь: Электромоторная типография П.Р. Безденежных, 1913. 199 с.

Козлов С.А., Дмитриева З.В. Налоги в России до XIX в. Курс лекций и материалы для семинарских занятий. СПб.: Историческая иллюстрация, 1999. 288 с.

Космовская А.А. Воеводское управление в Пермском Прикамье в конце XVI–XVII вв. Пермь: Пермский государственный институт культуры, 2019. 243 с.

Космовская А.А. Рыболовный промысел населения Прикамья и его учет в источниках 1720–1780 гг. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22, № 3(83). С. 626–635.

Марискин О.И. Налоги в России. История и современность: учебное пособие. Саранск: ИСИ, 2008. 335 с.

Милкоков П.Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. 2-е изд. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевич, 1905. 678 с.

Попов Н.С. Хозяйственное описание Пермской губернии по гражданскому и естественному состоянию в отношении к земледелию, многочисленным рудным заводам, промышленности и домоводству, сочиненное по начертанию Императорского Вольного Общества. СПб., 1813. Ч. 3. 352 с.

Преображенский А.А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI – начале XVIII века. М.: Наука, 1972. 391 с.

ПСЗ – Полное Собрание Законов Российской империи (ПСЗ). Т. 4. Ст. 2218.

ПСЗ. Т. 5. Ст. 3380.

ПСЗ. Т. 7. Ст. 5065.

Раздорский А.И. Торгово-ремесленное население Курска в 1639–1659 гг. (опыт сравнительного анализа курских оброчных и таможенных книг) // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. XXVII. СПб., 2000. С. 107–179.

Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 137. Оп. «Чердынь». Д. 8–14.

РГАДА. Ф. 444. Оп. 1. Д. 78.

РГАДА. Ф. 576. Оп. 1. Д. 72, 509, 510.

РГАДА. Ф. 439. Оп. 1. Д. 133, 165, 190, 202.

Савич А.А. Прошлое Урала (исторические очерки). Пермь, 1925. 133 с.

Устюгов Н.В. Солеварная промышленность Соли Камской в XVII веке: к вопросу о генезисе капиталистических отношений в русской промышленности. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1957. 336 с.

A.A. Kosmovskaya

Candidate of Historical Sciences,

Researcher,

Perm State Institute of Culture;

Associate Professor,

Humanitarian and Socio-Economic Disciplines Chair,

Perm State Pharmaceutical Academy

Perm, Russia

Rent and Fees from the Shops of the Cherdyn District in the 17th–18th Centuries

The study of taxation of the population's trading activity allows us to consider the conditions for the functioning of the all-Russian market. Such a particular issue of tax history as the collection of rent from shops in specific regions (for example, in the Cherdyn district) has not received consideration in historiography. The author of the article examines the amount of receipts to the treasury from the shop trade of the population of the Cherdyn district in the 17th – 18th centuries. The financial statements of the provincial institutions are of interest to researchers of the history of the organization of taxation on the territory of the

Cherdyn district. A publication based on materials from the Russian State Archives of Ancient Acts concludes that the shop owners paid their fees on time. During the period under study, there is a noticeable tendency for the reduction of shops and stalls in Cherdyn. New rent barns and barns slightly increase the profits of the provincial institutions. The government's policy to reduce the number of obsolete taxes put an end to the collection of shop fees in 1775. The author estimated the amount of proceeds from the shop trade. An analysis of the amount of shop fees allows us to conclude that trade from shops in the Cherdyn district accounted for a small part of the income of the district office.

Key words: XVII century; XVIII century; tax revenue; voivodship office; trade from shops; quitrent; regular payment.

REFERENCES

Bespalenok E.D. Shop Trade of Vyazma Merchants in the 17th Century [Lavochnaiatorgovliaviazemskikhkuptsov v XVII veke]. *Vyazma from Ancient Times to the Present Day: Materials of the Local History conference (June 9, 2006)*. Viazma; Smolensk: Smolensk Publishing House, 2006, pp. 39–49 (in Russian).

Yearbook of the Cherdyn District Zemstvo and Calendar for 1914 [Ezhegodnik-CherdynskogoUezdnogoZemstva i Kalendar' na 1914 god]. Published by the Cherdyn District Zemstvo Council, Perm province. Cherdyn: Elektromotornaiatipografiia P.R. Bezdenezhnykh, 1913. 199 p. (in Russian).

Dmitriev A.A. Perm antiquity: a collection of historical articles and materials mainly about the Perm Territory [Permskaia starina: sbornik istoricheskikhstateimaterialovpreimushchestvenno o Permskomkrae]. Issue 3. *Economic Assays of Great Perm: Cherdyn-Solikamsk rigion in the XVI–XVII centuries*. Issue 3: Economic Sketches of Perm the Great: Cherdyn and Solikamsk Territories at the turn of the 16th and 17th centuries]. Perm: P.F. Kamenskii, 1891. 176 p. (in Russian).

Dmitrieva Z.V., Kozlov S.A. Taxes and Wars in Russia in the 16th–18th Centuries [Nalogiivoiny v Rossii XVI–XVIII vv.]. St. Petersburg: Istoricheskaiia illiustratsiia, 2020. 568 p. (in Russian).

Kozlov S.A., Dmitrieva Z.V. Taxes in Russia before the 19th Century. A Course of Lectures and Materials for Seminars [Nalogi v Rossii do XIX v. Kursleksiimaterialydlia seminarikhzaniatii]. St. Petersburg: Istoricheskaiia illiustratsiia, 1999. 288 p. (in Russian).

Kosmovskaia A.A. Voivodship Administration in Prikam'e at the End of the 16th–17th Centuries [Voevodskoeupravlenie v PermskomPrikam'e v kontse XVI–XVII vv.]. Perm: Permskii gosudarstvennyi institute kul'tury, 2019. 243 p. (in Russian)

Kosmovskaia A.A. Fishing in the Kama River Area in the Sources of 1720–1780 [Rybolovnyi promysel naseleniia Prikam'iai ego uchet v istochnikakh 1720–1780 gg.]. *The Bulletin of Kemerov State University*. 2020, vol. 22, no. 3(83), pp. 626–635 (in Russian).

Mariskin O.I. Taxes in Russia. History and Modernity: Textbook [Nalogi v Rossii. Istoriiia i sovremennost': uchebnoe posobie]. Saransk: ISL, 2008. 335 p. (in Russian)

Miliukov P.N. State Economy of Russia in the First Quarter of the XVIII Century and the Reform of Peter the Great [Gosudarstvennoe khoziaistvo Rossii v pervoi chetverti XVIII stoletiiia I reforma Petra Velikogo]. St. Petersburg: M.M. Stasiulevich, 1905. 678 p. (in Russian).

Popov N.S. Economic Description of the Perm Province in Terms of Civil and Natural State in Relation to Agriculture, Numerous Factories, Industry and Home Economics, Composed according to the Outline of the Imperial Free Society [Hozhajstvennoe opisanie Permskoj gubernii po grazhdanskomu I estestvennomu sostojaniju v otnoshenii k zemledeliju, mnogochislennym rudnym zavodam, promyshlennosti I domovodstvu, sochinennoe po nachertaniju Imperatorskogo Vol'nogo Obshestva]. St. Petersburg, 1813. Ch. 3. 352 p. (in Russian).

Preobrazhenskii A.A. Ural and Western Siberia in the Late XVI – early XVIII Centuries [Ural I Zapadnaia Sibir' v kontse XVI – nachale XVIII veka]. M.: Nauka, 1972. 391 p. (in Russian).

Complete Collection of Laws of the Russian Empire [PSZ – Polnoe Sobranie Zakonov Rossiiskoi imperii]. Vol. 4. Page. 2218 (in Russian).

PSZ. Vol 5. Page 3380 (in Russian).

PSZ. Vol. 7. Page 5065 (in Russian).

Razdorskii A.I. Trade and Craft Population of Kursk in 1639–1659: (Experience of Comparative Analysis of Kursk Quitrent and Customs Books) [Torgovo-remeslennoe naselenie Kurska v 1639–1659 gg.: (opyt sravnitel'nogo analiza kurskikh obrochnykh I tamozhennykh knig)]. Additional historical disciplines, vol. XXVII, St. Petersburg, 2000, pp. 107–179 (in Russian).

Russian State Archive of Ancient Acts [Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov (RGADA)], form 137, inventory «Cherdyn'», papers 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14 (in Russian).

Russian State Archive of Ancient Acts, form 444, inventory 1, paper 78 (in Russian).

Russian State Archive of Ancient Acts, form 576, inventory 1, papers 72, 509, 510 (in Russian).

Russian State Archive of Ancient Acts, form 439, inventory 1, papers 133, 165, 190, 202 (in Russian).

Savich A.A. The Past of the Urals: (Historical Essays) [Proshloe Urala: (istoricheskie ocherki)]. Perm, 1925. 133 p. (in Russian).

Ustiugov N.V. The Salt Industry of Kama Salt in the 17th Century: the Question of the Genesis of Capitalist Relations in Russian industry [Solevarenniaia promyshlennost' Soli Kamskoi v XVII veke: k voprosu o genezise kapitalisticheskikh otnoshenii v russkoi promyshlennosti]. M.: Academy of Sciences USSR, 1957. 336 p. (in Russian).

Р.А. Савчук

*Издательский совет Русской православной церкви
Москва, Россия*

УДК 930.85

DOI 10.35785/2072-9464-2023-61-1-153-165

**ВЛИЯНИЕ СОВЕТСКОЙ ИДЕОЛОГИИ
НА ПУБЛИЧНЫЙ ДИСКУРС ПРАВОСЛАВНОГО ДУХОВЕНСТВА
И МИРЯН УКРАИНСКОЙ ССР
(вторая половина 1980-х годов)**

Ключевые слова: православие; Украинская ССР; перестройка; идеология; атеизм.

В центре настоящего исследования – конкретные примеры использования секулярных мифологем православным духовенством Украинской ССР во второй половине 1980-х годов под воздействием советской атеистической идеологии. Рассматриваются три аспекта церковного дискурса: осмысление истории, патриотизм и отношение к уни и униатам. В качестве источника взяты публикации в центральном периодическом издании Украинского экзархата «Православный вестник». Обосновываются выводы о значительном влиянии советской атеистической идеологии на

коммуникативные формы и структуры, которые использовало православное духовенство Украинской ССР при взаимодействии с обществом.

Вопрос соотношения форм и содержания во взаимодействии Церкви и общества, пожалуй, один из наиболее сложных и дискуссионных как в церковной среде, так и в светской. Вторая половина 1980-х годов, период так называемой «перестройки», в данном контексте является весьма показательной. После многолетних попыток вытеснить религию из советской реальности, объявить о невозможности ее воспроизведения в социалистическом обществе атеистическая государственная система вынуждена изменить свой курс, признавая за верующими право на активную общественную деятельность. Православное духовенство постепенно возвращается в информационное пространство, начинают реализовываться разнообразные проекты взаимодействия Церкви и государственных, общественных структур на местах. В Украинской ССР данный процесс в целом отображал реалии всего Советского Союза. Специфика тем и сфер взаимодействия определялась скорее региональным фактором, чем методологическим наполнением. В то же время указанные факторы национальной истории, региональных конфликтов именно во второй половине 1980-х годов достигают пика своей актуальности и затем сохраняют ее вплоть до наших дней.

Предметом настоящего исследования являются формы-клише, семиологические структуры и особенности акцентов, которые естественным образом были восприняты и инкорпорированы православным духовенством Украинского экзархата при налаживании активного взаимодействия с атеистическим государством и светским обществом. Выделение данных дискурсивных особенностей в церковных текстах позволяет проследить степень вовлеченности духовенства в светский нарратив, повестку, определяющуюся особенностями политической жизни страны. Важно отметить, что представленный анализ носит не оценочный, а сугубо когнитивный характер. Использование секулярного нарратива духовенством не может характеризоваться как «обмирщение» или искажение внутренних мотивов служителей Церкви. Это всего лишь маркер «пористости» публичного дискурса, показатель корреляции с общественно-политической повесткой. В качестве источника взяты публикации в центральном периодическом издании Украинского экзархата «Православный вестник».

Одним из наиболее значимых исследований в контексте настоящей публикации является работа В.А. Курилова, в которой осмысливается феномен советской секуляризации, обосновываются выводы об изменении в политической стратегии секуляризации со стороны партийного руководства во второй половине 1980-х годов, рассматривается постепенный переход к «кооперационной модели отношения советского государства к религиозным объединениям», «включению религии в социализм» [Курилов, 2018, 187, 155]. В целом церковно-общественные отношения позднесоветского периода рассматривались в разных контекстах в современной отечественной и зарубежной историографии [Шкаровский, 2010; Наука о религии,

2015; Элбакян, 2011; Колмакова, 2017; Колодный и др., 2010; Смолкин, 2021; Курилов, 2018]. Среди украинских исследований проблемы взаимоотношений религии и светского общества, тем или иным образом затрагивающих период «перестройки», следует отметить работы О. Киселева [2016], Е. Панич [2015] и В. Бокоч [2021].

Исторические интерпретации. Оттенки утилитарного восприятия веры, особые акценты на этом факте прослеживаются во многих статьях на исторические темы. Так, в очерке, посвященном деятельности борца с унией Христофора Филалета, особо подчеркивалось, что для него «вера, Церковь – национальная святыня». Отмечалось, что Филалет действовал «с убедительной силой логики и с патриотическим достоинством». Наконец, автор подытоживал: «Апокрисис Христофора Филалета очень хорошо послужил в качестве идеологического оружия Православной Церкви и занял выдающееся место в общем процессе народно-освободительной борьбы против национального и религиозного угнетения украинского народа в Речи Посполитой» [Чобич, 1985а, 28, 30]. В рассказе о принятии христианства святым князем Владимиром автор задавался вопросом, каковы же были мотивы принятия именно православия. Характерна уже сама постановка вопроса, когда акцент смещался на внешнюю обрядовую сторону и сообразность народному духу: «...какие обряд и вера являются самыми верными, наиболее соответствующими для своего народа» [Чобич, 1985б, 27]. Сугубо религиозный вопрос об истинности веры, как он вполне обоснованно мог быть поставлен в церковном издании, фактически подменялся вопросом «соответствия» религии гражданскому обществу, способности таким образом быть «полезной» для него. Идея «внешней» сообразности православия народному духу развивалась и далее: «...именно этот восточный греческий обряд со своими величественными церквями, резьбой, иконами, фресками и росписями, со своими многоцветными церковными ризами, духовно-мелодичным хоровым пением, церковными праздниками, крестными ходами, богослужебными церемониалами, символично-обрядовыми предписаниями, уставами, благословениями и освящениями, наиболее будет соответствовать восточнославянскому народу с его живыми мечтами, художественной душой, с нежным и веселым нравом, который любит говорить, петь, по-братски жить. И по сегодняшний день этот восточный обряд так тесно соединился с нашими народными обычаями и бытом, что трудно себе представить украинца, россиянина или белоруса без него» [Чобич, 1985б, 27]. Секулярное прочтение последствий принятия христианства в рамках требований, которые предъявляла советская идеология, выражалось в утилитарных акцентах, сделанных автором в данном вопросе: «Первым следствием крещения Руси было создание нового христианского государства на Востоке Европы <...> Вторым следствием были прогрессивные на то время формы частной и общественной жизни <...> Вот так работало христианство над облагораживанием обычаев в старом государстве наших князей» [Чобич, 1985б, 28]. Как видим, собственно

евангельский контекст вытесняется за скобки. Христианство рассматривается в качестве идеологии, работающей на благо государства.

Примечательна риторика, к которой прибегает автор статьи «Православие и украинская культура» [Моїсеев, 1989]. Описание благотворного влияния христианства на Русь начинается с акцента на сдвигах в экономической сфере: «...при святом Владимире впервые были пущены в оборот золотые и серебряные монеты» – «значит, сформировался рынок и торговля, отделилось ремесленничество от земледелия, значительный импульс получила металлургия, о чем свидетельствует первый колокол в Десятинной церкви, литейные формы с изображением святых и др.». «Разве вне христианства могла Древняя Русь централизоваться, укрепиться в государственности, выйти на расцвет ремесел, городов, архитектуры...?» [Моїсеев, 1989, 22] – подытоживает свои рассуждения автор. Риторика подобных публикаций вполне сопоставима с выступлениями партийных деятелей, насквозь пронизана светским духом. В подобных рамках атеистического идеологического нарратива предлагалось осмыслять церковную историю. Православие в этом контексте превращалось в фактор государственной и национальной жизни, оставляя на периферии ценностного ряда его религиозную суть. Главными же «критериями» гражданской значимости православия, если исходить из запросов идеологии атеистического государства, в публикациях церковных авторов выступали его «историчность», традиционность и активная роль в сохранении национального и культурного облика исторической Руси: «...православная вера, исконная вера всего русского народа, которая в святом крещении осватила наш народ и все время поддерживала наших предков в борьбе за свою народность, культуру и социальное освобождение» [Бабич, 1988, 27].

Отдельно следует сказать об особом интересе к местной церковной истории. В издании Украинского экзархата публиковалось достаточно много исторических очерков о выдающихся деятелях Киевской митрополии, отдельных страницах ее истории [Чобич, 1987; Федорович, 1987; Карпьяк, 1987]. Обращение к уникальности местных церковных традиций, особенностям истории церкви, безусловно, укрепляло осознание самобытности региона с церковно-исторической точки зрения. Нередко особое внимание к инициативам местных деятелей граничило с абсолютным игнорированием связи их деятельности с общерусским церковно-историческим процессом даже там, где она вполне естественно могла быть обозначена [Кравченко, 1985]. Сам по себе данный процесс не имеет отрицательной смысловой нагрузки. Вполне естественно любить свой край и его историю. Однако прочтение местной церковной истории в секулярном духе советской идеологии с ее требованием практически-утилитарного воплощения патриотизма становилось идейным плацдармом для доминирования светских идей в церковном сознании. К примеру, заканчивая очерк о Киевском митрополите Варлааме Ясинском, автор отмечал: «Как искренний патриот митрополит

Варлаам Ясинский выступал за сохранение прав и прерогатив власти Киевского митрополита, охранял их от возможных ограничений» [Нарейко, 1987, 32]. Исторический факт особенностей церковного мировоззрения духовенства Киевской митрополии, прочитанный в секулярном контексте, из явления церковного – пастырского служения, заботы священноначалия о чистоте обрядов и благе местных приходов – становился частью светской патриотической программы, а в более широком контексте – церковная история вводилась в светский общественно-политический нарратив.

При изложении вероучительной проблематики акцент зачастую смещался в сторону гражданской позиции, неоправданно игнорируя собственно религиозную сторону. Так, согласно утверждению одного из авторов, борец с унией Захария Копыстенский «с патриотическим достоинством» противопоставлял «ученых-соотечественников» «латинникам» [Чобич, 1986а, 25]. А главным достоинством полемиста, которое позволило написать один из лучших антиуниатских трактатов, были не «высокая эрудиция», не «незаурядный писательский талант», а «несомненный патриотизм» автора [Чобич, 1986а, 29]. Создавалась неоправданно акцентированная идейная предпосылка критики «латинствующих» прежде всего как предателей родины и только затем – как веротступников. Характерно, что критика католической экклезиологии в полемических сочинениях XVII века, по мнению украинских церковных авторов конца советской эпохи, была подчинена вполне конкретной политической цели – «развенчанию эгоистической политики папского престола относительно Украины» [Чобич, 1986а, 26]. Идея защиты единства братских народов в изложении украинского советского духовенства второй половины 1980-х годов нередко шла впереди собственно религиозного обоснования несостоятельности унии. Характерна и оценка деятельности соратника Петра I архиепископа Феофана (Прокоповича). Особо отмечались несомненные заслуги последнего в обосновании реформ императора, помощь светской власти в государственных и церковных преобразованиях. Ввиду его прогрессивной и патриотической позиции утверждалось, что «он стоял, безусловно, выше всех иерархов своего времени» [Чобич, 1986б, 27]. Акцентированное внимание к благотворному влиянию Русской Церкви на «государственно-политическую жизнь» [Філарет, 1987, 25] в контексте особенностей советской тоталитарной идеологии можно рассматривать как вынужденное, однако отнюдь не безобидное «оправдание» полезного влияния Церкви на общественную жизнь. Если со стороны духовенства, верующих это могло выражать вполне искреннюю готовность трудиться на благо отечества, то со стороны атеистической идеологической системы воспринималось как свидетельство важной роли Церкви на идеологическом фронте, подтверждало необходимость держать ее под особым контролем.

Среди значительного количества публикаций на исторические темы встречаются в «Православном вестнике» и весьма примечательные попытки обозначить право на научность церковного понимания прошлого, возможность

объективно осмыслять историю с помощью собственно христианских понятий. Один из авторов, стараясь обосновать реальность влияния духовной культуры на материальную, отмечал, что «историческое своеобразие» и «субъективный фактор-понятие» в историческом материализме соответствуют «Промыслу Божьему» в церковной истории [Савчук, 1988, 23]. Подобная линия оправдания церковного мировоззрения как одного из возможных взглядов на прошлое была весьма смелой попыткой реабилитировать христианские идеи в качестве объективного научно обоснованного инструментария осмысления действительности. В то же время такие тексты еще более контрастно оттеняли попытки фактического отказа от христианского содержания церковного мировоззрения, наполнения его секулярным идеологическим смыслом для внешней легитимации православных текстов в советском атеистическом дискурсе.

Патриотизм. Тема патриотизма как одной из важнейших христианских добродетелей составляла важную часть осмысления проблем взаимоотношений Церкви и общества. Характерным при этом можно считать вполне утилитарное прочтение патриотизма. Такой подход, очевидно, задавался и поддерживался официальной советской властью, пристально следившей за позицией Церкви. Утилитарность прочтения патриотизма как христианской добродетели выражалась, в частности, в скрупулезно конкретном описании того, что должно пониматься под родиной: «Родина – это страна, где мы родились, выросли, возмужали; где жили наши предки и живут наши отцы и матери, или где покоится прах тех и других; где жили и живут люди близкие, дорогие нашему сердцу; это общество, народ, среди которого и под влиянием которого мы получили воспитание и образование; это – родная природа, обычаи, быт, наше духовное развитие». Сюда же прибавлялись и «обычаи и формы жизни, которые мы носим в своей духовной природе» [Шевцов, 1985, 25]. Очевидно, что подобная конкретика, наполняя тему патриотизма вполне очевидным земным контекстом, на ментальном уровне делала акцент на понятии долга, чувстве родства, оттесняя универсальную по своей сути евангельскую любовь.

Вторая важная тема в утилитарном прочтении патриотической любви – это «добросовестное исполнение возложенных на нас обязанностей». Значительное внимание уделялось обоснованию принятия тех обязанностей, которые возлагает на человека общество и государство. Ценностное измерение такого прочтения патриотизма также весьма характерно. Прежде всего говорилось о верности государству, обществу, затем о верности международным принципам государства – служении миру, далее шла экологическая проблематика, также связанная с международным авторитетом, и только после «идейных» принципов речь заходила, собственно, о нравственном измерении любви к отечеству [Шевцов, 1985, 26–27]. Человеческое в его библейском контексте образа Божия было напрочь размыто в лоскутном одеяле общественных идеалов

и обязанностей. Характерными можно считать ценностные акценты принятия христианства на Руси, на которые обращали внимание церковные авторы. В одной из публикаций говорилось, что «благодаря православному просветительству на Руси утвердились не только ценности согласия и законности, благодетельной нравственности, но и самосознание обычного человека, который впервые (и, как видим, навеки) запечатлевает свое имя на мече – “коваль Людота”, на литьевой форме “Макосим”, на серебряной чаше – “Наум”. В единении со Христом давний русич становится внутренне самостоятельной личностью – таким, которым мы находим его на фресках; с важной осанкой, умным лицом и глубинным, космическим взглядом “фаюмских” глаз» [Моїсеев, 1989, 22–23]. Кроме примата исключительно «общественных» ценностей «согласия» и «законности», в авторском описании личностного измерения принятия христианства мы видим не святоотеческий образ человека в лучах Божественной благодати, но вполне узнаваемые черты идеалов советской эпохи, «эталонов социалистического реализма», воплощенных в таких монументальных композициях, как, к примеру, «Рабочий и колхозница». Это свидетельствует о глубинном сращивании советских атеистических идеологов с христианским мировоззрением на ментальном уровне. Собственно любовь во многом интерпретировалась как вполне осязаемая общественная сила, направленная на решение конкретных задач этого мира: «В любви к отечеству могущественная сила культурного сближения народов нашей многонациональной страны, полное понимание и братское уважение интересов и потребностей других народов» [Шевцов, 1985, 28]. Примат коллективизма и конкретика выполнения общественных задач вытесняли на периферию собственно евангельский контекст, ценность внутреннего мира реального человека.

Идеологическое измерение унии. В 1986 году были организованы масштабные в рамках Украинского экзархата торжества, посвященные 40-летию Львовского церковного собора, который должен был упразднить унию. В церковной периодике публиковалось достаточно много материалов, посвященных этому событию [Антків, 1985; Никодим, 1986; Політило, 1986]. 17 мая 1986 года во Львове проходил торжественный акт по случаю юбилея Собора. Такое внимание к действительно значимому для Православной церкви на Украине событию было вполне естественным. Однако если вникнуть в смысловые акценты, которые делались украинским духовенством по данному поводу, то становится понятным, что собственно церковное событие во многом осмыслялось в рамках идеологии. «Только при условии политической свободы и национального единства можно было порвать с Брестской унией», – подчеркивал митрополит Киевский и Галицкий Филарет [Доповідь Патріаршого Екзарха, 1986, 30]. Упразднение «греко-католического господства» прямо свя-

зывалось с политическими процессами и успехами советской власти [Никодим, 1986, 23]: «В 1944 году могущественная Советская Армия освободила нас от фашистского порабощения, и все наши земли объединились в единую Украинскую Советскую Социалистическую Республику. После политического объединения вполне естественно встал вопрос о религиозном объединении нашего народа» [Бабич, 1988, 27]. Характерно, что в приведенной цитате внутрицерковного текста отсутствует идея Промысла Бога – главными действующими лицами выступают «могущественная советская армия» и имплицитно советская власть. Образ инициаторов Львовского собора во многом имел совершенно светские черты. К примеру, о протопресвитере Гаврииле Костельнике писали как о «выдающемся общественно-церковном деятеле» и «образцовом гражданине-патриоте» [Романчук, 1986, 27]. Проблема унии в XX веке сводилась в основном к политической истории, поддержке националистов и коллаборационизму. Подобный контекст имел право на существование, однако его абсолютизация, пренебрежение собственно богословским и нравственно-евангельским измерением превращали данные пассажи в исключительно идеологический текст, который мог приобретать совершенно разные оттенки и значения в зависимости от политического дискурса. Характерным можно считать и акцент на «патриотической» составляющей решения религиозного вопроса: «Наша вера является результатом свободного выбора самого народа, на этой основе мы строим свою церковную жизнь, работаем на благо мира и добра, для счастья нашей большой Родины» [Никодим, 1986, 23].

Примечателен и риторико-эмоциональный ряд, который употребляли церковные авторы для описания результата упразднения унии: «Наша вековая мечта сбылась. Злосчастная уния, связанная с бесславием, пропала навсегда. Мы вернулись к вере наших прадедов, к вере наших просветителей равноапостольных святых Владимира и Ольги. Началась новая церковная жизнь в воссоединенных епархиях, ободранные и заброшенные унией храмы полностью отремонтированы, реставрированы и расписаны. В храмах воссоединенных епархий Галичины и Закарпатья служит много молодых священников и диаконов, выпускников духовных школ, семинарий и академий Москвы, Ленинграда и Одессы» [Бабич, 1988, 29]. Как видим, церковный автор описывает событие, которое имеет чрезвычайно важное значение для духовной жизни, спасения миллионов людей, в категориях и образах, близких к секулярному идеологическому нарративу. В итоге получается, что уния связана не с утратой Истины, а с «бесславием», главное значение упразднения унии – в осуществлении некой «народной мечты», чаяний, возвращении к традициям, обновлении памятников архитектуры, наведении порядка, воссоединении в единых границах, дружбе народов, формировании на местах молодежного актива. Текст написан словно под кальку партийных лозунгов и речей представителей номенклатуры.

Важно отметить: в публикациях по поводу обстоятельств возвращения униатов к Православию не используется идея Промысла и внутреннего

стремления человека к Истине. Наоборот, даже вопрос о личностных мотивах инициаторов упразднения унии сводился к признанию ключевого значения все же внешнего обрядово-национального фактора: «“Византинисты” формально остались униатами, на самом же деле стремились к восстановлению давних восточных церковно-национальных традиций. Последовательное развитие (этого направления. – Р. С.)... неизбежно должно было привести... к вере брошенных предков – вере православной <...> Под церковным лозунгом борьбы за “чистоту обряда” шла борьба за сохранение своей народности» [Романчук, 1986, 28–29]. Такая секуляризация проблемы унии со стороны духовенства под влиянием тоталитарной советской идеологии имела своим следствием перенос религиозного вопроса в политическую плоскость и в определенной степени «воодушевляла» светскую интеллигенцию говорить о его решении с позиции пользы для общества и государства. В итоге это привело к тому, что с началом политических трансформаций вопрос упразднения унии, который постулировался как «окончательно решенный», вернулся в общественно-политическую жизнь страны с новой силой и мощной антикоммунистической аргументацией.

* * *

Проанализированные материалы дают основания говорить о значительном влиянии советской атеистической идеологии на публичный дискурс, в рамках которого осуществлялось взаимодействие православного духовенства Украинской ССР с обществом. Представители Церкви использовали такие дискурсивные особенности атеистического советского нарратива, как утилитарное прочтение христианских идей, стремление буквально очертить цели и задачи церковного влияния в обществе, сделать христианские ценности конкретными и осязаемыми. Идея порядка, имманентного, доступного и понятного, постепенно в некоторых аспектах церковно-общественных отношений вытесняла собственно стремление к познанию Истины как центральную идею христианского мировоззрения и общественного служения Церкви. Подобный формат прочтения церковной проблематики предлагался в качестве понятного и обоснованного, знакомого для атеистической общественности. Вместо идеала духовной свободы от низменных страстей, открывающегося через познание Истины, проповеди о Царстве Божьем, которое не от мира сего (Ин. 18 : 36), главным акцентом в общественной активности духовенства, сталкивающегося с миром советских секулярных идеологов, в восприятии светской аудитории становилось освящение имманентного порядка в его конкретных институциональных очертаниях. Имея четкую миссионерскую направленность, в то же время подобные акценты способствовали секуляризации церковных тем среди светской аудитории. С точки зрения светского дискурса это вполне могло восприниматься как частичный отказ от сугубо религиозного христианского содержания общественного служения духовенства и мирян, открытость общественным запросам.

ЛИТЕРАТУРА

Антків Й., прот. Спогади учасника Львівського Собору // Православний вісник. 1985. № 6. С. 30–31.

Бабич В., прот. Що принесла Брестська церковна унія православному народові на Заході Русі // Православний вісник. 1988. № 1. С. 26–29.

Бокоч В.М. Взаємозв'язок суспільно-політичних і релігійно-церковних трансформацій: дис. ... д-ра політ. наук. Одеса, 2021. 455 с.

Доповідь Патріаршого Екзарха всієї України, митрополита Київського і Галицького Філарета на урочистому акті у Львові 17 травня 1986 року // Православний вісник. 1986. № 7/8. С. 30–36.

Карпак І., прот. Митрополічі намісники в Галичині і перший Львівський православний єпископ Макарій Тучапський // Православний вісник. 1987. № 11. С. 27–32.

Кисельов О. Монографія «Культура. Релігія. Атеїзм» як документ часів перебудови // Історія релігій в Україні: Науковий щорічник. 2016. № 2–3. С. 43–50.

Колмакова М.В. Направлення досліджень релігійного сектанства в трудах советских ученых 60–80-х гг. XX в.: дис. ... канд. филос. наук. СПб., 2017. 229 с.

Колодний А.Н., Филипович Л.А., Яроцкий П.Л. Религиоведение Украины в советское время // Вопросы религии и религиоведения. Религиоведение Украины. Ч. I: Феномен советского религиоведения: украинский контекст / под ред. А. Колодного, Л. Филипович, В. Шмидта и П. Яроцкого. М., 2010. С. 9–21.

Кравченко А., прот. Митрополит Київський і Галицький Ієрофей (1796–1799) і його участь у возз'єднанні давніх уніатів // Церковний вісник. 1985. № 1. С. 28–32.

Курилов В.А. Советская модель секуляризации: политическое и правовое регулирование свободы совести в СССР (вторая половина XX века): религиоведческий анализ: дис. ... канд. филос. наук. СПб., 2018. 198 с.

Моїсєєв І.К. Православ'я та українська культура // Православний вісник. 1989. № 11. С. 22–23.

Нарейко П.А. Варлаам Ясинський – митрополит Київський і Галицький // Православний вісник. 1987. № 2. С. 28–32.

«Наука о религии», «Научный атеизм», «Религиоведение»: актуальные проблемы научного изучения религии в России XX – начала XXI в.: коллективная монография / К.М. Антонов [и др.]; науч. ред.: К.М. Антонов, С.А. Воронцов. 2-е изд. М.: Изд-во ПСТГУ, 2015. 263 с.

Никодим, митрополит Львівський і Тернопільський. Свято церковної єдності (До 40-річчя Львівського Собору) // Православний вісник. 1986. № 4. С. 23–24.

Панич О. Науковий атеїзм як культурна система // Українське релігієзнавство. 2015. № 76. С. 21–35.

Політило В., прот. Урочисте святкування 40-річчя Львівського Церковного Собору (1946–1986) у Львові // Православний вісник. 1986. № 7/8. С. 19–25.

Романчук В., прот. Протопрєсвітер Гавриїл Костельник – противник унії // Православний вісник. 1986. № 5. С. 27–30.

Савчук А.П. Значення хрещення Русі у світлі археологічних пам'яток // Православний вісник. 1988. № 4. С. 20–23.

Смолкин В. Свято место пусто не бывает. История советского атеизма. М.: Новое литературное обозрение, 2021. 552 с.

Федорович Й. Київський митрополит Петро Могила та його богослов'я // Православний вісник. 1987. № 10. С. 23–32.

Філарет, митрополит Київський і Галицький. Руська Православна Церква в історії і сьогодні // Православний вісник. 1987. № 8. С. 20–29.

Чобич С., прот. Апокрисис Христофора Філарета: осуд Брестської унії // Православний вісник. 1985а. № 2. С. 26–30.

Чобич С., прот. Архієпископ Феофан Прокопович – видатний діяч першої половини XVIII ст. // Православний вісник. 1986б. № 12. С. 26–28.

Чобич С., прот. Архімандрит Захарія Копистенський – полум'яний апологет Православ'я // Православний вісник. 1986а. № 4. С. 24–30.

Чобич С., прот. Львівські православні братства в боротьбі з католицьким та уніатським засиллям // Православний вісник. 1987. № 1. С. 26–30.

Чобич С., прот. Святий великий князь Володимир-рівноапостольний – просвітител Русі // Православний вісник. 1985б. № 7. С. 26–28.

Шевцов П.А. Християнський патріотизм – любов до своєї Вітчизни // Православний вісник. 1985. № 1. С. 25–28.

Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь в XX веке. М.: Вече: Лепта, 2010. 478 с.

Элбакян Е.С. Феномен советского религиозоведения // Религиоведение. 2011. № 3. С. 141–162.

R.A. Savchuk

Candidate of Theological Sciences,

Scientific Reviewer,

Publishing Council of the Russian Orthodox Church

Moscow, Russia

The Influence of Soviet Ideology on the Worldview of the Orthodox Clergy and Laity of the Ukrainian SSR (the Second Half of the 1980s)

This study examines concrete examples of the formation of a utilitarian view of Orthodoxy among the Orthodox clergy of the Ukrainian SSR in the second half of the 1980s under the influence of Soviet atheistic ideology. Three aspects of the church's worldview are considered: comprehension of history, patriotism and attitude to the union and uniates. The publications in the central periodical of the Ukrainian Exarchate «Orthodox Bulletin» are taken as a source. The conclusions about the significant influence of the Soviet atheistic ideology on the format of interaction of the Orthodox clergy of the Ukrainian SSR with society are substantiated.

Key words: Orthodoxy; Ukrainian SSR; perestroika; ideology; atheism.

REFERENCES

Antonov K.M. and others. «Science of Religion», «Scientific Atheism», «Religious Studies»: Actual Problems of Scientific Study of Religion in Russia of the XX – Beginning of the XXI Century: Collective Monograph [«Наука о религии», «Научный атеизм», «Религиоведение»: актуальные проблемы научного изучения религии в России XX – начала XXI в.: коллективная монография]. М.: PSTGU. 2015. 263 p. (in Russian).

Babych V., archpriest. What did the Brest Ecclesiastical Union Bring to the Orthodox People in Western Russia [Shho prynesla Brests'ka cerkovna unija pravoslavnomu narodovi na Zahodi Rusi]. *Orthodox Issue*, 1988, vol. 1, pp. 26–29 (in Ukrainian).

Bokoch V.M. Interrelation of Socio-political and Religious-ecclesiastical Transformations [Vzajemozv'jazok suspil'no-politychnyh i religijno-cerkovnyh transformacij]. Thesis. ... doctor of Political Sciences. Odesa, 2021. 455 p. (in Ukrainian).

Chobych S., archpriest. Holy Grand Duke Vladimir – Equal-to-the-apostles-educator of Russia [Svjatij velykyj knjaz' Volodymyr-rivnoapostol'nyj – prosvitytel' Rusi]. *Orthodox Issue*, 1985, vol. 7, pp. 26–28 (in Ukrainian).

Chobych S., archpriest. Lvov Orthodox Fraternities in the Struggle against Catholic and Uniate Dominance [L'vivs'ki pravoslavni bratstva v borot'bi z katolyckym ta uniats'kym zasyljam j'']. *Orthodox Issue*, 1987, vol. 1, pp. 26–30 (in Ukrainian).

Chobych S., archpriest. Apocrisis of Christopher Filaret: condemnation of the Brest Union [Apokrysus Hrystofora Filaleta: osud Brests'koi unii']. *Orthodox Issue*, 1985a, vol. 2, pp. 26–30 (in Ukrainian).

Chobych S., archpriest. Archimandrite Zacharias of Kopystensky – Fiery Apoleget of Orthodoxy [Arhimandryt Zaharija Kopystens'kyj – polum'janyj apoleget Pravoslav'ja]. *Orthodox Issue*, 1986a, vol. 4, pp. 24–30 (in Ukrainian).

Chobych S., archpriest. Archbishop Feofan Prokopovich is an Outstanding Figure of the First Half of the XVIII Century [Arhijepyskop Feofan Prokopovych – vydatnyj dijach pershoi' polovyny XVIII st.]. *Orthodox Issue*, 1986b, vol. 12, pp. 26–28 (in Ukrainian).

Report of Patriarchal Exarch of all Ukraine, Metropolitan Filaret of Kiev and Galicia at the Solemn Act in Lvov on May 17, 1986 [Dopovid' Patriarshogo Ekzarha vsijej' Ukrainy, mytropolyta Kyi'vs'kogo i Galyc'kogo Filareta na urochystomu akti u L'vovi 17 travnja 1986 roku]. *Orthodox Issue*, 1986, vol. 7/8, pp. 30–36 (in Ukrainian).

Elbakian E.S. The Phenomenon of Soviet Religious Studies [Fenomen sovetskogo religiovedeniia]. *Religious Studies*, 2011, vol. 3, pp. 141–162 (in Russian).

Fedorovych J. Metropolitan Peter Mogila of Kiev and his theology [Kyj'vs'kyj mytropolyt Petro Mogyla ta jogo bogoslov'ja]. *Orthodox Issue*, 1987, vol. 10, pp. 23–32 (in Ukrainian).

Filaret, Metropolitan. of Kiev and Galicia. The Russian Orthodox Church in history and today [Rus'ka Pravoslavna Cerkva v istorii' i s'ogodni]. *Orthodox Issue*, 1987, vol. 8, pp. 20–29 (in Ukrainian).

Karpjak I., archpriest. Metropolitan Vicars in Galicia and the First Lvov Orthodox Bishop Makary Tuchapsky [Mytropolychi namisnyky v Galychyni i pershyj L'vis'kyj pravoslavnyj jepyskop Makarij Tuchaps'kyj]. *Orthodox Issue*, 1987, vol. 11, pp. 27–32 (in Ukrainian).

Kolmakova M.V. Directions of Research of Religious Sectarianism in the Works of Soviet Scientists of the 60–80s. XX Century [Napravleniia issledovanii religioznogo sektantstva v trudakh sovetskikh uchenykh 60–80-kh gg. XX v]. Thesis. ... candidate of philological sciences. St. Petersburg. 2017. 229 p. (in Russian).

Kolodnyi A.N., Filipovich L.A., Iarotskii P.L. Religious Studies of Ukraine in Soviet Times [Religiovedenie Ukrainy v sovets'koe vremia]. Kolodnyi A., Filipovich L., Shmidt V., Iarotskii P. (eds.) in *Questions of Religion and Religious Studies. Religious Studies of Ukraine. Part I: The Phenomenon of Soviet Religious Studies: the Ukrainian Context [Voprosy religii i religiovedeniia. Religiovedenie Ukrainy. Chast' I: Fenomen sovetskogo religiovedeniia: ukrainskii kontekst]*. M., 2010, pp. 9–21 (in Russian).

Kravchenko A., archpriest. Metropolitan Hierotheos of Kiev and Galicia (1796–1799) and his Participation in the Reunification of the Ancient Uniates [Mytropolyt Kyi'vs'kyj i Galyc'kyj Ijerofej (1796–1799) i jogo uchast' u vozz'jednanni davnih uniatiu]. *Orthodox Issue*, 1985, vol. 1, pp. 28–32 (in Ukrainian).

Kurilov V.A. The Soviet Model of Secularization: Political and Legal Regulation of Freedom of Conscience in the USSR (the Second Half of the Twentieth Century): Religious Studies Analysis [Sovetskaia model' sekularizatsii: politicheskoe i pravovoe regulirovanie svobody sovesti v SSSR (vtoraia polovina KhKh veka): religiovedcheskii analiz]. Thesis ... candidate of philological sciences. St. Petersburg. 198 p. (in Russian).

Kyselov O. Monograph «Culture. Religion. Atheism» as a document of the Times of perestroika [Monografija «Kul'tura. Relygyja. Ateyzm» jak dokument chasiv perebudovy]. *History of Religion in Ukraine: naukovyj shhorychnyk*, 2016, vol. 2–3, pp. 43–50 (in Ukrainian).

Moi'sejev I.K. Orthodoxy and Ukrainian Culture [Pravoslav'ja ta ukrai'ns'ka kul'tura]. *Orthodox Issue*, 1989, vol. 11, pp. 22–23 (in Ukrainian).

Narejko P.A. Varlaam Yasynsky-Metropolitan of Kiev and Galicia [Varlaam Jasyns'kyj – mytropolyt Kyi'vs'kyj i Galyc'kyj]. *Orthodox Issue*, 1987, vol. 2, pp. 28–32 (in Ukrainian).

Nykodym, Metropolitan. Feast of Church Unity (Dedicated to the 40th Anniversary of Lvov Cathedral) [L'vivs'kyj i Ternopil's'kyj. Svjato cerkovnoi' jednosti (Do 40-richchja L'vivs'kogo Soboru)]. *Orthodox Issue*, 1986, vol. 4, pp. 23–24 (in Ukrainian).

Panych O. Scientific atheism as a cultural system [Naukovyj ateizm jak kul'turna systema]. *Ukrainian Religion Studying*, 2015, vol. 76, pp. 21–35 (in Ukrainian).

Politylo V., archpriest. Solemn Celebration of the 40th Anniversary of the Lvov Church Council (1946–1986) in Lviv. [Urochytse svjatkuvannja 40-richchja L'vivs'kogo Cerkovnogo Soboru (1946–1986) u L'vovi]. *Orthodox Issue*, 1986, vol. 7/8, pp. 19–25 (in Ukrainian).

Romanchuk V., archpriest. Protopresbyter Gabriel Kostelnik-opponent of the Union [Protopresviter Gavryil Kostel'nyk – protyvnyk unii]. *Orthodox Issue*, 1986, vol. 5, pp. 27–30 (in Ukrainian).

Savchuk A.P. Significance of the Baptism of Rus in the Light of Archaeological Sites [Znachennja hreshhennja Rusi u svitli arheologichnyh pam'jatok]. *Orthodox Issue*, 1988, vol. 4, pp. 20–23 (in Ukrainian).

Shevcov P.A. Christian Patriotism – Love for your Fatherland [Hrystyjans'kyj patriotyzm – ljubov do svojei' Vitchyzny]. *Orthodox Issue*, 1985, vol. 1, pp. 25–28 (in Ukrainian).

Shkarovskii M.V. The Russian Orthodox Church in the XX Century [Russkaia Pravoslavnaia Tserkov' v XX veke]. M.: Veche, 2010. 478 p. (in Russian).

Smolkin V. A Holy Place is Never Empty. History of Soviet Atheism [Sviato mesto pusto ne byvaet. Istoriia sovetskogo ateizma], M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2021. 552 p. (in Russian).

А.В. Ушаков

*Новгородский государственный университет
им. Ярослава Мудрого
Великий Новгород, Россия*

УДК 94(4)

DOI 10.35785/2072-9464-2023-61-1-165-174

ТОРГОВАЯ ПОЛИТИКА «НОВГОРОДСКИХ ГОСТЕЙ» ЛЮБЕКА В КОНЦЕ XV ВЕКА

Ключевые слова: «новгородские гости»; русско-ганзейская торговля; Любек; Ревель; Новгород.

В статье представлен анализ ганзейской документации, позволяющей определить специфику торговой стратегии любекской корпорации «новгородских гостей» (die Lübecker Nowgorodfahrer) в конце XV века. Традиционная система русско-ганзейского товарообмена, при которой любечане торговали с русскими исключительно при посредничестве ливонцев, в рассматриваемый период окончательно перестала отвечать растущим интересам любекской корпорации, в связи с чем «новгородские гости» совершили попытку ее видоизменения путем сокращения привилегий ливонских купцов, получив в ответ активное сопротивление магистрата Ревеля (Таллина). В то же время усилилось влияние корпорации на ганзейскую контору в Брюгге, что позволяет сделать вывод о намерении «новгородских гостей» взять под контроль товарный транзит Брюгге – Новгород. Не стоит забывать, что

исследуемые события имели место в период ослабления русско-ганзейской торговли. Вопреки устоявшемуся в историографии мнению автор приходит к выводу, что в конце XV века торговля с Новгородом не утратила актуальности ни для любечан, ни для ливонцев. Подобная позиция подтверждается также размером затрат «новгородских гостей» на организацию посольств в Москву и других расходов, сопутствовавших действиям, направленным на возобновление русско-ганзейской торговли.

«Новгородские гости» являлись специализированной торговой корпорацией, формировавшейся из состоятельных любекских купцов, ориентированных на русский рынок. Усиление роли «новгородских гостей» в русско-ганзейской торговле относится ко второй половине XV века. Купцов связывали прочные партнерские контакты с магистратами Любека и Ревеля, их предпринимательская деятельность имела большое значение для балтийской торговли, в связи с чем коммерческие интересы «новгородских гостей» оказывали непосредственное влияние на специфику организации русско-ганзейского товарообмена. Стремление корпорации к усилению собственного влияния в Восточной Прибалтике и наибольшему контролю над коммерческими операциями в регионе привело к конфликту с ревельским городским советом, чьи интересы не совпадали с вектором торговой политики «новгородских гостей». Ситуация усугублялась кризисом русско-ганзейских отношений, наступившим в связи с присоединением Новгорода к Московскому государству, шаткостью торгового договора 1487 года, а также развитием «необычной торговли» (*ungewonlicke kopenschop*), противоречившей «старине» – традиционным правовым нормам, являвшимся фундаментом ганзейской торговли. В данном контексте анализ торговой политики «новгородских гостей» в конце XV века позволит в очередной раз обратиться к специфике функционирования русско-ганзейского товарообмена и к особенностям взаимоотношений отдельных участников Ганзейского союза.

Указанной проблематики кратко коснулся Л.К. Гетц в фундаментальной монографии, посвященной анализу русско-ганзейского товарообмена, отметив, что торговая стратегия «новгородских гостей» конца XV века была всецело подчинена стремлению любекского магистрата к монопольной торговле в Восточной Прибалтике [Goetz, 1922, 227–229], при этом выводы автора далеко не всеобъемлющи и требуют обстоятельного пересмотра. Общеганзейские тенденции к реорганизации торгового процесса, будь то расширение кооперации ганзейских купцов, увеличение масштабов товарообмена или рост противоречий между ливонскими и заморскими купцами, торговавшими на русском направлении, в той или иной мере отражены в работах Э. Тиберга [Tiberg, 1975; 1995], Р. Хаммель-Кизова [Hammel-Kiesow, 2000], В. Старка [Stark, 1993], К. Янке [Jahnke, 2014]. Наблюдения, описанные в настоящей статье, расширяют имеющиеся представления, касающиеся данной проблематики.

Источником для данного исследования послужили фрагменты ганзейской купеческой переписки, опубликованные в многотомных собраниях ливонских актов (Liv- Est- und Kurländisches Urkundenbuch, LEKUB), ганзейских актов (Hansisches Urkundenbuch, HUB), а также в изданиях протоколов и сопутствующих документов ганзейских съездов (Hanserecesse. Die Recesse und andere Akten der Hansetage, HR). Источники представлены постановлениями и письмами, составленными различными участниками Ганзейского союза. Переписка носила исключительно деловой характер, а потому достаточно точно и ярко отражает интересы сторон, участвовавших в рассматриваемых событиях.

28 июня 1491 года «новгородские гости» разработали и утвердили восемь пунктов нового порядка функционирования ганзейской торговли на ее русском направлении [HUB, 1916, № 458; Hildebrandt, 1865, № 365]. Согласно положениям, транзит товаров, поступающих из Любека, мог идти исключительно в Ревель, Дерпт, Нарву или Новгород – города, в которых купцы корпорации имели непосредственные торговые предприятия. Запрещалось вывозить товары в Пярну, Ригу, Кенигсберг, Данциг и Стокгольм. То же самое касалось товаров, следовавших из Ливонии в Северную Германию. Более того, перевозку товаров разрешалось совершать исключительно на судах, нанятых фрахтовщиками (*frachtheren*) – олдерменами «новгородских гостей», находившимися в Ревеле. По всей видимости, ревельцы не располагали достаточным количеством холков – больших парусных судов, значительно превосходивших когти по грузоподъемности, что косвенно подтверждается данными, приводимыми Ю. Кремом [Kreem, 2017, 600]. В связи с этим, когда непогода мешала прибытию больших кораблей из Любека, фрахтовщикам позволялось нанимать для перевозки товаров суда меньших размеров, но обязательно наиболее надежные. Таким образом, указанный порядок значительно сокращал свободы ливонских купцов и ставил их в зависимое положение от любечан. Стоит отметить, что постановление было разработано в рамках общей системы противодействия пиратской угрозе, производимой «новгородскими гостями» на протяжении XV века, и особенно второй его половины. Отдельные его пункты, к примеру необходимость отпускать корабли в море исключительно в составе флотилии, не раз фигурировали в переписке олдерменов корпорации с магистратами Любека и Ревеля [HUB, 1916, № 56, 808; HR, 1883, № 335]. Так, к примеру, шкипер Генрих Шальм (*Hinrik Schalm*), отправившийся в 1473 году в плавание в одиночку и без наемников на борту, должен был быть осужден за нарушение соответствующей клятвы [LEKUB, 2018, № 152]. С учетом того, что «новгородские гости» относились к весьма состоятельной части любекского купечества [Harder- Gersdorff, 2002b, 99] и организовывали перевозку крупных партий товаров, очевидно их стремление обезопасить перевозимые грузы. Именно поэтому предполагалось особенно дорогостоящие товары отправлять исключительно на холках и лишь по установленным маршрутам, которые гарантировали исполнение правила «чистого пути» [HUB, 1916, № 458].

То есть предложенный корпорацией порядок функционирования балтийской торговли в первую очередь был направлен на борьбу с угрозой пиратства, однако его ультимативность и отсутствие альтернатив подчеркивают желание «новгородских гостей» поставить ревельскую торговлю под свой контроль. Не стоит забывать, что каждый, кто отказывался следовать установленным пунктам, лишался привилегий ганзейского купца. К тому же другим участникам торгового союза запрещалось вести с ним дела, а также ему запрещалось впредь пользоваться судами, нанятыми фрахтовщиками [HUB, 1916, № 458].

Магистрат Любека всячески поддерживал инициативу «новгородских гостей», аргументируя свою позицию пиратским разгулом на Балтике. По свидетельству обеспокоенных ратманов, «ныне море из-за несправедливых пиратов время от времени все больше и больше охвачено огнем» (*nu de zee vormiddelst unrichtigen zeeroveren van tyden to tyden jo mer werdt bevlomet*) [HUB, 1916, № 477]. Соответственно, магистрат Любека советовал ревелльцам принять предложенный «новгородскими гостями» порядок ради всеобщего блага, так как он был направлен на снижение торговых рисков. В то же время любекские ратманы получали многочисленные жалобы на различные притеснения своих купцов в Ревеле, введение новых пошлин и поборов, которые значительно осложнили торговую деятельность. «Заморские» ганзейцы были вынуждены несколько раз взвешивать свои товары, выплачивая соответствующее «весчее» – особый налог за пользование весами. Не исключено, что, помимо прочего, предлагаемый «новгородскими гостями» порядок фрахтования судов и перевозки товаров был реакцией на действия ревелльского магистрата, стремившегося, в свою очередь, сократить прибыли любекских купцов. Не стоит забывать, что ливонцы всячески пытались сохранить свое посредническое положение в торговле северогерманских городов с Новгородом, нередко притесняя любечан по сравнению с русскими купцами, торговавшими в Ревеле [Sprandel, 1984, 30], или же отстаивая соответствующий запрет на гостевую торговлю [Tiberg, 1975, 23; Бессуднова, 2021, 24].

Магистрат Ревеля, однако, не спешил принимать любекское постановление. Со свойственной ганзейцам дипломатичностью ратманы согласились с тем, что предложенные «новгородскими гостями» пункты, безусловно, направлены на сокращение рисков при морских плаваниях и разработаны для всеобщего блага, но все же им хотелось перевозить товары на судах, зафрахтованных самостоятельно [HUB, 1916, № 571]. Любек продолжал настаивать на том, чтобы советы Ревеля и Дерпта приняли установленный порядок без лишних обсуждений, но в то же время любечане пошли на некоторые уступки, подчеркнув, что на кораблях, нанятых фрахтовщиками, следовало перевозить дорогостоящие товары, к примеру лакены [HUB, 1916, № 747]. Так или иначе, вопрос о введении нового порядка следования купеческих судов обсуждался вплоть до 1495 года: некоторые пункты все же были приняты, в остальном же стороны остались при тради-

ционных торговых правилах [HUB, 1916, № 808]. Однако стремление «новгородских гостей» к видоизменению устоявшихся норм ради расширения собственных привилегий в очередной раз подчеркивает заинтересованность «заморских» ганзейцев в новгородской торговле, несмотря на закрытие Немецкого подворья в 1494 году и осложнение русско-ганзейских связей.

В конце XV века «новгородские гости» активно выступали против усиления роли торговых приказчиков (*gesellen*) в восточно-балтийском товарообмене. Гезеллен, молодые служащие (*junge knechte*), совершали сделки с товаром своего работодателя от его имени, получая в качестве оплаты определенный процент с торговых операций. Состоятельный купец руководил действиями приказчиков из своей конторы с помощью переписки [Cordes, 2000, 10–11]. В 1492 году магистрат Ревеля выступил за расширение прав гезеллен, а именно с просьбой позволить торговым приказчикам перевозить «стапельные товары» (*Stapelgut*) на крупных судах и торговать ими [HUB, 1916, № 808]. Стоит отметить, что товары, которыми торговали ганзейцы, можно разделить на две большие категории: первые были упакованы надлежащим образом, а также взвешены в пункте отправления, в ганзейских источниках именовались *Ventegut*, не нуждались в проверке качества перед продажей; вторые – *Stapelgut* – упаковывались и взвешивались по месту прибытия, их качество никто не гарантировал, торговля подобным товаром порой приводила к судебным тяжбам [Jenks, 2005, 38–39]. В связи с этим можно предположить, что «новгородские гости» опасались дополнительного усиления позиций ревельцев в русско-ганзейском товарообмене и не стремились пополнять ревельскую казну пошлиной за взвешивание товаров на местных весах. При этом вести самостоятельную торговлю молодым служащим не возбранялось, но исключительно мелкими партиями определенных товаров, в связи с чем, стараясь увеличить собственные прибыли, гезеллен нередко обманывали торговых партнеров, нарушали устоявшиеся нормы русско-ганзейского товарообмена, чем осложняли пребывание немецких купцов в Новгороде [Бессуднова, 2016, 139]. «Новгородские гости» выступили резко против подобной инициативы, несмотря на то что рост торговой активности гезеллен был способен привести к сокращению дополнительных расходов на осуществление товарообмена со стороны купцов корпорации. По всей видимости, подобные противоречия обусловлены тем, что большинство приказчиков были ревельскими бюргерами [Бессуднова, 2021, 35] и расширение их прав означало увеличение роли Ревеля в восточно-балтийской торговле, чему любечане стремились всячески противодействовать.

Немаловажной частью русско-ганзейской торговли являлся импорт фламандского сукна: из Новгорода во Фландрию поступало сырье, возвращаясь на Русь в виде готовых изделий [Harder-Gersdorff, 2002a, 136]. Посредническое место в новгородско-фламандском товарообмене традиционно занимал Любек. Стремление «новгородских гостей» к монополизации торговли в Восточной Прибалтике непосредственно взаимосвязано с усилением влияния корпорации во Фландрии. Об этом говорит уже тот факт, что

немецкие купцы из ганзейской конторы в Брюгге в 1497 году жаловались магистрату Любека, что «новгородские гости» относительно фламандской торговли придерживаются крайне жесткой политики. Купцы писали любекским ратманам: «Почтенные господа, сделайте доброе дело и запретите “новгородским гостям” непрерываемо говорить от вашего имени» (*Wilt, erbare heren, woll don unde vorbaden de Nouwersfarers voer ju unde hort se spreken*) [HR, 1888, № 735]. Специфика взаимоотношений купцов корпорации с магистратом Любека является темой отдельного исследования, однако, безусловно, «новгородские гости» для достижения наибольших выгод нередко использовали влияние любекского совета. Таким образом, стоит говорить не только о росте влияния корпорации на русско-ганзейскую торговлю в Ливонии – в конце XV века «новгородские гости» старались укрепить свое положение в целом в торговле на русском направлении.

Купцы корпорации принимали непосредственное финансовое участие в событиях, последовавших за закрытием Немецкого подворья в Новгороде в 1494 году. Расходы на организацию посольств Готшалька Реммелинкреде и Томаса Шрове, отправившихся в Москву для переговоров по освобождению арестованных ганзейских купцов, как и сопутствующие траты, оплачивались из средств фунтовой пошлины (*Pfundzoll*) [LEKUB, 1900, № 24; HR, 1888, № 434] – налога, собиравшегося со всех ввозимых в город товаров и предназначавшегося для военных и иных нужд [Sarnowsky, 2015, 70]. Судя по всему, «новгородские гости» выплачивали значительную часть от общего поступления фунтовой пошлины в ревельскую казну. Когда в 1499 году магистрат Дерпта попросил ратманов Ревеля выделить часть пунтцоля на покрытие определенных трат, связанных с организацией дерптской торговли, последние выступили категорически против, аргументировав свой отказ тем, что подобную статью расходов «новгородские гости» не станут оплачивать [HUB, 1916, № 808; LEKUB, 1900, № 826]. В 1518 году олдермены корпорации, находившиеся в Любеке, просили олдерменов, пребывавших в Ревеле, поспособствовать отмене фунтовой пошлины, отметив: «...поскольку эти деньги, как бы много их ни было, будут взяты с нас» (*wante idt gelt yls þo vele na amparte uns*) [Tallinna Linnaarchiv, fol. 11]. Несмотря на то, что пунтцоль крайне негативно сказывался на прибыльности торговли и несоответствие взглядов ревельцев и любечан на отдельные статьи расходных счетов привело к ожесточенным спорам в 1516–1517 годах, «новгородские гости» выплачивали на различные действия по возобновлению русско-ганзейских связей значительные суммы, исчислявшиеся десятками тысяч марок [HR, 1899, № 709; HR, 1905, № 44, 54]. Подобные траты в очередной раз заставляют задуматься: такой ли бесперспективной стала русско-ганзейская торговля после закрытия Немецкого подворья в Новгороде, как это принято считать?

Торговая политика «новгородских гостей» конца XV века характеризовалась ростом внутриганзейских противоречий, обусловленных увеличением влияния корпорации на балтийскую торговлю. «Новгородские гости» стремились к максимальному контролю над русско-ганзейским товарообменом, что

вызвало активное противоборство со стороны магистрата Ревеля. Проблема введения нового порядка фрахтования судов, а также вопрос о расширении прав гезеллен наглядно демонстрируют специфику давнего конфликта: и любечане, и ревелыцы желали сосредоточить в своих руках управление русским рынком, всячески в этом препятствуя друг другу. При этом «новгородские гости» старались диктовать свои условия купцам, торговавшим во Фландрии, таким образом стремясь контролировать товарный транзит Брюгге – Новгород. Немаловажно, что исследуемые процессы имели место в период упадка русско-ганзейских отношений, связанных с непоследовательной политикой Москвы. Попытки «новгородских гостей» взять под контроль восточно-балтийскую торговлю, а также заинтересованность купцов корпорации в скорейшем преодолении кризиса наглядно показывают очевидную актуальность русско-ганзейского товарообмена в конце XV века.

ЛИТЕРАТУРА

- Бессуднова М.Б. Русско-ганзейская торговля в первой половине XVI века. СПб.: Евразия, 2021. 480 с.
- Бессуднова М.Б. Специфика и динамика развития русско-ливонских противоречий в последней трети XV века. Воронеж: Научная книга, 2016. 453 с.
- Cordes A. Wie verdiente der Kaufmann sein Geld? // *Hansische Handelsgesellschaften im Mittelalter*. Lübeck, 2000. S. 6–14.
- Goetz L.K. *Deutsch-Russische Handelsgeschichte des Mittelalters*. Lübeck, 1922. 572 s.
- Hanserecesse. *Die Recesse und andere Akten der Hansetage*. Ab. 3. Bd. 2. Leipzig: Verlag von Duncker & Humblot, 1883. 687 s.
- Hanserecesse. *Die Recesse und andere Akten der Hansetage*. Ab. 3. Bd. 3. Leipzig: Verlag von Duncker & Humblot, 1888. 590 s.
- Hanserecesse. *Die Recesse und andere Akten der Hansetage*. Ab. 3. Bd. 6. Leipzig: Verlag von Duncker & Humblot, 1899. 863 s.
- Hanserecesse. *Die Recesse und andere Akten der Hansetage*. Ab. 3. Bd. 7. Leipzig: Verlag von Duncker & Humblot, 1905. 941 s.
- Hansisches Urkundenbuch. Bd. 11. Leipzig: Verlag von Duncker & Humblot, 1916. 899 s.
- Hammel-Kiesow R. *Die Hanse*. München: C. H. Beck Verlag, 2000. 128 s.
- Harder-Gersdorff E. *Hansische Handelsgüter auf dem Großmarkt Nowgorod (13.–17.Jh.): Grundstrukturen und Forschungsfragen* // *Nowgorod. Markt und Kontor der Hanse*. Köln: Böhlau, 2002a. S. 133–152.
- Harder-Gersdorff E. *Lübeck, die Kompagnie der Novgorodfahrer und der Russlandhandel vor der Gründung St. Petersburgs* // *Hansische Geschichtsblätter*. Köln; Weimar; Wien: Böhlau, 2002b. Bd. 120. S. 97–147.
- Hildebrandt H. Bericht über die in Reval'schen Rathsarchiv für die russisch-livländischen Wechselbeziehungen im 15. und 16. Jahrhundert ausgeführten Untersuchungen // *Mélanges Russes tirés du Bulletin historico-philologique de l'Académie des sciences*. SPb., 1865. Vol. 4. S. 716–802.
- Jahnke C. *Die Hanse*. Stuttgart: Reclam Vorlag, 2014. 245 s.
- Jenks S. *Transaktionskostentheorie und die mittelalterliche Hanse* // *Hansische Geschichtsblätter*. Köln; Wien: Böhlau, 2005. Bd. 123. S. 31–42.
- Kreem J. *The Teutonic Order and the Baltic sea in the 13th–16th centuries* // *The sea in history. The Medieval World*. Woodbridge: Boydell & Brewer, 2017. P. 595–604.
- Liv-, Est- und Curländisches Urkundenbuch. Ab. 1. Bd. 13. Köln; Wien; Weimar: Böhlau Verlag, 2018. 840 s.

Liv-, Est- und Curländisches Urkundenbuch. Ab. 2. Bd. 1. Riga, Moskau: Verlag von J. Deubner, 1900. 900 s.

Sarnowsky J. The «Golden Age» of the Hanseatic League // A Companion to the Hanseatic League. Leiden; Boston: Brill, 2015. P. 64–100.

Sprandel R. Die Konkurrenzfähigkeit der Hanse im Spätmittelalter // Hansische Geschichtsblätter. Köln; Wien: Böhlau, 1984. Bd. 102. S. 21–38.

Stark W. Über Techniken und Organisationsformen des hansischen Handels im Spätmittelalter // Der hansische Sonderweg? Beiträge zur Sozial- und Wirtschaftsgeschichte der Hanse. Köln: Böhlau, 1993. S. 191–202.

Tallinna Linnaarchiv, f. 230. BD 14–IV. fol. 2–20.

Tiberg E. Moscow, Livonia and the Hanseatic League (1487–1550). Stockholm: Gotab, 1995. 290 s.

Tiberg E. Moskau, Livland und die Hanse // Hansische Geschichtsblätter. Köln, 1975. Bd. 93. S. 13–70.

A.V. Ushakov

*Junior Research Associate,
Scientific Research Center,*

Assistant,

World History and International Relations Chair,

Novgorod State University

Veliky Novgorod (Russia)

Trade Policy of the «Nowgorodfahrer» from Lübeck in the Late 15th Century

The article presents an analysis of Hanseatic documentation to define specifics of the trading strategy of the «Nowgorodfahrer» from Lübeck guild in the late 15th century. The traditional Hanseatic-Russian exchange of merchandise where the Lübeck people trading with the Russians exclusively being brokered by of the Livonians, during the period in question finally became incompatible with growing interests of Lübeck corporation, and this is the reason why the «Nowgorodfather» made an attempt to change it by reducing the privileges of Livonian merchants and received active countermeasures of the town council of Reval (Tallinn) in return for. At the same time, the guild's impact on the Hanseatic branch in Brügge increased, which makes it possible to draw conclusion that the representatives of «Nowgorodfather» were poised to take control of the Brügge-Novgorod merchandise transit. It was essential to recall that the considered events took place in the period of weakening of the Hanseatic-Russian trade. Contrary to established opinion in historiography, the author reasons that in the late 15th century, the trade with Novgorod was not overtaken by events either for the Lübeck people or for the Livonians. This position is also confirmed by the amount of costs of the «Nowgorodfather» for embassies to Moscow and other costs connected with actions focused on the resume of Hanseatic-Russian trade.

Key words: «Nowgorodfahrer»; Hanseatic-Russian trade; Lübeck; Reval; Novgorod.

REFERENCES

- Bessudnova M.B. Russian-Hanseatic Trade in the First Half of the XVI Century [Russko-ganzeyskaya trgovlya v pervoy polovine XV veka]. St. Petersburg: Eurasia, 2021. 480 p. (in Russian).
- Bessudnova M.B. Specifics and Dynamics of Livonian-Russian Conflicts in the Last Tird of the 15th Century [Spetsifika i dinamika razvitiya russko-livonskikh protivorechiy v posledney treti XV veka]. Voronezh: Scientific book, 2016. 453 p. (in Russian).
- Civil Register of Hanseatic League [Hansisches Urkundenbuch]. Vol. 11. Leipzig: Verlag von Duncker & Humblot, 1916. 899 p. (in German).
- Civil Register of Livonia, Estonia and Courland [Liv-, Est- und Curländisches Urkundenbuch]. Chapter 1. Vol. 13. Köln; Wien; Weimar: Böhlau Verlag, 2018. 840 p. (in German).
- Civil Register of Livonia, Estonia and Courland [Liv-, Est- und Curländisches Urkundenbuch]. Chapter 2. Vol. 1. Riga, M.: Verlag von J. Deubner, 1900. 900 p. (in German).
- Cordes A. How the Merchant Earned his Money [Wie verdiente der Kaufmann sein Geld?]. *Hansische Handelsgesellschaften im Mittelalter*. Lübeck, 2000, pp. 6–14 (in German).
- Goetz L. K. German-Russian Trade History of the Middle Ages [Deutsch-Russische Handelsgeschichte des Mittelalters]. Lübeck, 1922. 572 p. (in German).
- Hammel-Kiesow R. Hanseatic League [Die Hanse]. München: C.H. Beck Verlag, 2000. 128 p. (in German)
- Hanseatic Recessions. Recessions and Other Acts of the Hansetag [Hanserecesse. Die Recesse und andere Akten der Hansetage]. Ab. 3. Bd. 2. Leipzig: Verlag von Duncker & Humblot, 1883. 687 p. (in German)
- Hanseatic Recessions. Recessions and Other Acts of the Hansetag [Hanserecesse. Die Recesse und andere Akten der Hansetage]. Ab. 3. Bd. 3. Leipzig: Verlag von Duncker & Humblot, 1888. 590 p. (in German)
- Hanseatic Recessions. Recessions and Other Acts of the Hansetag [Hanserecesse. Die Recesse und andere Akten der Hansetage]. Leipzig: Verlag von Duncker & Humblot, 1899. 863 p. (in German)
- Hanseatic Recessions. Recessions and Other Acts of the Hansetag [Hanserecesse. Die Recesse und andere Akten der Hansetage]. Ab. 3. Bd. 7. Leipzig: Verlag von Duncker & Humblot, 1905. 941 p. (in German)
- Harder- Gersdorff E. Lubeck, the Guild of Novgorod Guests and Russian Trade before the Founding of St. Petersburg [Lübeck, die Kompanie der Novgorodfahrer und der Russlandhandel vor der Gründung St. Petersburgs]. *Hansische Geschichtsblätter*. Köln; Weimar; Wien: Böhlau, 2002. Bd. 120, pp. 97–147 (in German)
- Harder-Gersdorff E. Hanseatic Goods on the Novgorod Market (13th–17th centuries): basic structure and research questions [Hansische Handelsgüter auf dem Großmarkt Nowgorod (13.–17.Jh.): Grundstrukturen und Forschungsfragen]. *Novgorod. Markt und Kontor der Hanse*. Köln: Böhlau, 2002, pp. 133–152 (in German).
- Hildebrandt H. Report on the Search for Sources on Russian-Livonian Relations in the 15th-16th Centuries in the Reval City Archive [Bericht über die in Reval'schen Rath'sarchiv für die russisch-livländischen Wechselbeziehungen im 15. und 16. Jahrhundert ausgeführten Untersuchungen]. *Mélanges Russes tirés du Bulletin historico-philologique de l'Académie des sciences*. SPb., 1865. Vol. 4, pp. 716–802 (in German).
- Jahnke C. Hanseatic League [Die Hanse]. Stuttgart: Reclam Vorlag, 2014. 245 s. (in German).
- Jenks S. The Theory of Side Coast and the Medieval Hansa [Transaktionskostentheorie und die mittelalterliche Hanse]. *Hansische Geschichtsblätter*. Köln; Wien: Böhlau, 2005. Bd. 123. pp. 31–42. (in German).
- Kreem J. The Teutonic Order and the Baltic Sea in the 13th–16th Centuries [Tevtonskiy orden i Baltiyskoye more v 13–16 vekach]. *The sea in history. The Medieval World*. Woodbridge: Boydell & Brewer, 2017, pp. 595–604 (in English).

Sarnowsky J. The «Golden Age» of the Hanseatic League [«Zolotoy vek» Ganzy]. *A Companion to the Hanseatic League*. Leiden; Boston: Brill, 2018, pp. 64–100 (in English)

Sprandel R. Hansa Competitiveness in the Late Middle Ages [Die Konkurrenzfähigkeit der Hanse im Spätmittelalter]. *Hansische Geschichtsblätter*. Köln; Wien: Böhlau, 1984. Bd. 102, pp. 21–38 (in German).

Stark W. On the Techniques and Organizational Forms of Hanseatic Trade in the Late Middle Ages [Über Techniken und Organisationsformen des hansischen Handels im Spätmittelalter]. *Der hansische Sonderweg? Beiträge zur Sozial- und Wirtschaftsgeschichte der Hanse*. Köln: Böhlau, 1993, pp. 191–202 (in German).

Tallinna Linnaarchiv (Tallinnskiy gorodskoy archiv), f. 230. BD 14–IV. fol. 2–20 (in German).

Tiberg E. Moscow, Livonia and the Hanseatic League [Moskau, Livland und die Hanse]. *Hansische Geschichtsblätter*. Köln, 1975. Bd. 93. S. 13–70 (in German).

Tiberg E. Moscow, Livonia and the Hanseatic League [Moskva, Livoniya i Ganza] (1487–1550). Stockholm: Gotab, 1995. 290 p. (in English).

Л.И. Ивонина

*Смоленский государственный университет
Смоленск, Россия*

УДК 94

DOI 10.35785/2072-9464-2023-61-1-174-185

НЕСОСТОЯВШИЙСЯ СОЮЗ: ОЛИВЕР КРОМВЕЛЬ И ВЕЛИКИЙ КОНДЕ

Ключевые слова: Кромвель; Конде; дипломатия; переговоры; государственный интерес; испанская Фронда; англо-испанская война.

Кровопрлитная Тридцатилетняя война превратилась в «европейскую гражданскую войну», частью которой стали «параллельные» гражданские потрясения в Англии и Фронда во Франции. Дипломатия этого периода отличалась особой сложностью, противоречивостью и причудливым переплетением государственных, социальных и личных интересов. В нее органично вписываются отношения главы Английской республики Оливера Кромвеля и французского принца Луи де Конде. В статье рассматриваются ход и итоги непрямого диалога между двумя политическими лидерами. Переговоры между ними проходили по нескольким линиям: о заключении брака между наследником Конде и дочерью Кромвеля, о возможности для мятежного принца стать французским королем, о получении взаимной поддержки и даже о новом религиозно-политическом состоянии Европы. Характер переговоров определяли время и расстановка сил в Британии, Франции и на континенте. В отношении Фронды принцев и испанской Фронды английский лидер использовал выжидательную тактику, умело вмешиваясь в отношения между французским правительством и оппозицией. Интересы государства требовали союза со стабильной в политическом отношении Францией для борьбы против

Испании. Конде же, ожидая помощи из Англии, руководствовался прежде всего личными интересами и не желал идти на компромиссы. Будучи принцем крови, он, восхищаясь Кромвелем, все равно ставил его ниже себя.

Дипломатия трансформирующегося европейского социума середины XVII века отличалась особой сложностью, противоречивостью и многовекторностью, причудливым переплетением государственных, социальных и личных интересов. В нее органично вписываются отношения главы Английской республики (1649–1653), а затем лорда-протектора Оливера Кромвеля и знаменитого французского полководца принца Луи де Конде (Великого Конде) через своих агентов. Это было непростое время для обоих государств: по сути, кровопролитная Тридцатилетняя война (1618–1648) превратилась в «европейскую гражданскую войну», частью которой стали «параллельные» политические потрясения в Англии, или Английская революция (1640–1660) и Фронда во Франции (1648–1653).

Сегодня большинство историков сходятся во мнении, что Кромвель не был фанатиком в вопросах веры. Руководствуясь в целом убеждением, что он является «божественным орудием в создании нового и светлого будущего» [Venning, 1995, 22; Scott, 2000, 159], Кромвель на деле был реалистом и прагматиком. Его дипломатия представляла собой гармоничное соединение «протестантского интереса», то есть создания союза протестантских государств Европы, с так называемым «Западным проектом» (Western Design) колонизации Вест-Индии¹ [Writings, 1945, III, 275, 305] при одновременном выгодном взаимодействии с католическими государствами. Кроме того, в интересах Англии он вступал в отношения с различными враждующими партиями в европейских странах.

Современники, потомки и исследователи, восхищаясь полководческим даром Великого Конде, подвергают критике действия принца во время Фронды. Что касается его службы испанскому королю, то здесь одни историки и биографы, дабы прямо не назвать Конде предателем, чаще всего ограничиваются фиксацией событий, а другие пользуются расхожими клише «мятежник» и «изменник». Тем не менее с позиций современной исторической науки, предпочитающей анализировать социальные структуры и институты и основываться на междисциплинарных подходах, его фигура органично вплетается в трансформирующийся социум XVII века и анализируется на фоне развития бюрократического государства, жизни придворного общества, роли привилегий дворянства и системы патронажа [Блюш, 1998, 792; Pouilly, 1985, 8; Lynn, 1997, 276; Véguin, 2003, 12].

Что связывало Кромвеля и Конде и способствовало их непрямому диалогу? В первую очередь это оппозиционный характер действий обоих лидеров. И тот и другой выступали, хотя и с разным социальным подтекстом,

¹ Атлантическая экспедиция против Испании с целью защиты английской торговли в Вест-Индии.

против абсолютной монархии. И тот и другой испытывали потребность в любом союзнике на фоне неустойчивой власти (Кромвель) либо борьбы за власть или влияние на престол (Конде). Кромвель учитывал обстановку, в которой ему пришлось возвыситься и править: глобальный кризис в Европе, сопряженный с кризисом перестройки государственного устройства и экономики в Англии со всеми вытекающими из этого обстоятельствами. Серьезнейшую угрозу его положению составляли роялисты на Британских островах и за границей, провозгласившие королем после казни в январе 1649 года Карла I Стюарта его старшего сына Карла II. Конде же во время Фронды принцев (1650–1653) находился в шаге от реальной власти, но проиграл, а в годы так называемой испанской, или второй, Фронды (1653–1658), когда он воевал против Франции на стороне Мадрида (1653–1658), боролся за нее.

Кроме того, нельзя исключать взаимную симпатию этих незаурядных личностей. Английский лидер, которому только в зрелом возрасте, после сорока лет, довелось проявить свой полководческий дар, не мог обойти пристальным вниманием знаменитые победы Великого Конде (начавшего свою военную карьеру с битвы при Рокруа с испанской армией в 1643 году) на полях Тридцатилетней войны. А импульсивный и честолюбивый принц, со своей стороны, нередко сравнивал себя с Оливером Кромвелем. Отвлекаясь от конкретных политических и конфессиональных мотивов, Конде желал стать таким же, как английский лидер, триумфатором, добившимся реальной власти. Как и его политический противник – первый министр Франции кардинал Джулио Мазарини, он втайне симпатизировал главе Английской республики.

Отношения между этими незаурядными людьми завязались в начале 1650-х годов. В это время решение кардинала Мазарини урегулировать политический кризис во Франции путем ареста и заключения в тюрьму принца Конде, его брата принца Конти и шурина герцога де Лонгвиля повлекло за собой множество разрушительных последствий для государства, включая военные операции, проведенные маршалом Тюренном против королевских армий, и усилившуюся враждебность оппозиции к первому министру и стилю его правления. В течение января 1651 года открытое осуждение кардинала, прежде всего Парижским парламентом, подорвало остатки власти Мазарини и вынудило его освободить принцев. Несмотря на надежды Мазарини на сближение с Конде, он был изгнан из Франции и в конце концов поселился в Брюле во владениях архиепископа Кельнского [Parrot, 2020, 8–12].

Переговоры между принцем и главой Английской республики проходили по нескольким линиям: о заключении брака между наследником Конде и дочерью Кромвеля, о возможности для принца стать французским королем, о получении взаимной поддержки и даже о новом религиозно-политическом состоянии европейского континента. Характер переговоров определяли время и расстановка сил внутри государств и на континенте. Во время Фронды принцев дружественные связи Кромвеля с Луи де Конде

были обусловлены сильным влиянием принца в Париже. А с 1653 года вплоть до заключения союза с Францией против Испании в 1655 году лорд-протектор, продолжая общаться с принцем, лавировал и использовал политическое давление на французское правительство, которому противостоял мятежный полководец вместе с испанской армией.

Первые контакты между Кромвелем и Конде были связаны с именем Эдварда Сексби, агитатора в армии и доверенного лица лидера левеллеров² Джона Лильберна. Сексби являлся губернатором острова Портленд в ранге капитана, затем служил полковником кавалерии в армии Кромвеля в Шотландии. В 1651 году он был уволен военным трибуналом за то, что перестал платить жалованье некоторым солдатам. На самом же деле Сексби пытался вынудить их вступить в новый полк, который формировал. Несмотря на эти, по сути, антиправительственные действия, он был направлен Государственным советом республики на континент с особой конфиденциальной миссией. Как видно, Кромвель рассчитывал решить две задачи: отвлечь Сексби от оппозиционных действий в Англии и использовать его левеллерские идеи во Франции.

Так или иначе, Сексби получил от секретного комитета Государственного совета, состоявшего из Кромвеля, Скотта и Уайтлока, инструкции проникнуть на континент и докладывать о ходе Фронды и о настроениях населения, чтобы располагать полезной информацией и использовать ее в своих интересах. Призывы демократической республики Ормэ в Бордо тщательно изучались Кромвелем и Охвостем Долгого парламента. В сопровождении четырех человек Сексби отправился во Францию, где пребывал в течение 21 месяца. В первую очередь, чего и следовало ожидать, он вступил во взаимоотношения с оппозицией – принцем Конде и другими фрондерами различных политических устремлений. За это время он успел составить проект республиканской конституции для Франции, найденный среди бумаг кардинала Мазарини и принца Конде. Примечательно, что этот документ, посвященный принцам Конде, Конти и городу Бордо, повторял название республиканской конституции левеллеров – «Народное соглашение» (*L'Accord du Peuple*) и при ближайшем рассмотрении являл собой простой его перевод. Он должен был стать манифестом французских республиканцев Бордо и Гиени. Вполне естественно, что подобный проект не мог быть позитивно воспринят принцами Конде и Конти, которым приходилось мириться с существованием Ормэ для сохранения единства оппозиционных Мазарини сил. Секретный агент Конде по имени Лене написал на проекте: «Мемуар для его Светлости Конти от месье Сексби и Арундела не одобрен» [Bernstein, 1963, 174–175].

² От англ. *levellers* – уравниатели, радикальное крыло пуритан-индепендентов.

Несмотря на то, что во время ирландской военной кампании Кромвеля 1651 года много ирландцев бежало и поступило на службу к принцу Конде, английский лидер продолжал ссужать кондеянцам деньги и разрешил импортировать французские вина в Англию по низким тарифам [Thurloe, 1742, II, 311–324; The Writings, 1945, III, 324, 349]. А принц Конде и фрондеры из Бордо послали в Лондон двух агентов Баррьера и Коньяка, которым было поручено просить поддержки со стороны Английской республики и предложить взамен свободную торговлю с Гиенью, некоторые льготы в пользу французских гугенотов и даже уступку стратегически важного острова Олерона недалеко от Ларошели [Saulnier, 2002, 249–250].

3 февраля 1653 года Фронда закончилась, и в Париж неоспоримым хозяином положения вернулся кардинал Мазарини. Политическое противостояние Конде и первого министра Франции закончилось победой последнего. Но упрямый принц решил еще побороться с кардиналом, отправившись на службу к испанскому королю и обратив свое оружие и военное искусство против Франции на целых семь лет. В 1654 году за государственную измену его заочно приговорили к смертной казни. Тем не менее еще в апреле 1653 года Кромвель продолжал оказывать помощь проигравшим фрондерам, желая использовать франко-испанскую войну для своей выгоды. Глава Английской республики принимал послов принца, изучал карты и посылал своих агентов Иоахима Хейна и Жана-Батиста Ступе оценить шанс на успех в международной политике, если он прислушается к призывам Конде и его испанских сторонников [Conde, Sevelinges, 1820, I, 236–237].

Такой политический шаг был не случайным. Значительная часть гугенотов склонялась к тому, чтобы заменить на французском троне Людовика XIV принцем Конде, семья которого была в прошлом протестантской. Вынашивались также планы женить принца на шведской королеве Кристине, с которой он имел довольно тесные отношения, причем не только политического, но и интеллектуального характера. Отношения Конде – Кристине – Кромвель были связаны с именем Исаака Ла Пейера, в то время юриста-гугенота (позже он перешел в католичество), служившего семье Конде в качестве секретаря и параллельно дипломатического агента. Мирозозрение Пейера формировалось под влиянием известных философов Томаса Гоббса и Рене Декарта, он переписывался с интеллектуалами Европы и сам являлся другом королевы Кристины, патронессы Декарта. В связи со своими учеными занятиями и службой принцу Конде он часто путешествовал по континенту. В начале 1650 года Пейер отправился вместе со своим господином в Испанские Нидерланды, откуда совершил тайную дипломатическую миссию в Испанию. В конце того же года с другими эмиссарами Конде он посетил Британию, но безрезультатно [Popkin, 1987, 12].

Шведская королева даже финансировала издание анонимной публикации гугенота-юриста «PRAE-Adamitae» («Преадамиты»). Суть этой работы состояла в том, что Адам был прародителем не всего человечества, а только евреев. В теологическом плане его идея отвергала концепцию первородного греха, который свойственен всем людям. Кристина и Пейер беседовали с раввином Менаше Бен Израэлем, который впоследствии посетил Британию, встречался с Кромвелем и способствовал реадмиссии евреев на Альбион. Менаше и Ла Пейер были единомышленны в том, что приход еврейского Мессии на Землю неизбежен [Ивонина, 2020, 132–139]. Пейер, помимо этого, был убежден, что Мессия прежде всего явится королем Франции, если таковым станет принц Конде. Мессия освободит Святую Землю, восстановит Храм и создаст мировое правительство, регентом которого станет французский монарх [Reugère, 1655, 8].

Параллельно Кристина, Конде и Кромвель вели переговоры о создании конфессионально-политического мирового устройства, для чего станет необходимым устранение нынешнего короля Франции. Желая союза со Швецией, Кромвель отправил своего посла Уайтлока в Стокгольм, сопроводив миссию своим собственным портретом и посвященными ему стихами поэта Эндрю Марвелла. Как сообщал по приезде Уайтлок, королева была восхищена Кромвелем, оценивала его как политика много выше, нежели Конде, и сравнивала со своим предшественником Густавом Вазой [Morrow, 2016, 56; Whitelocke, 1855, I, 247, 285; Marvell, 1984, 247].

В связи с тем что в 1654 году шведская королева, расточительность которой не знала границ, отреклась от престола и затем перешла в католицизм, ее религиозно-политические проекты с Кромвелем и Конде не осуществились. Но не это было главной причиной краха проектов – во многом они носили налет политического авантюризма того времени. Здесь стоит привести еще один пример подобного рода. Уже упоминавшийся глава французской реформированной церкви в Сохо Жан Батист Ступе, доверенное лицо Кромвеля, вынашивал планы вторжения во Францию с Альбиона и распространения там протестантизма. В 1654–1655 годах он отправился во Францию для встречи с гугенотами, а затем двинулся в Испанские Нидерланды и предстал перед Конде с проектом, согласно которому в случае, если принц объявит себя французским королем, Кромвель тут же совершит вторжение во Францию. Конде на это заметил, что он был бы рад стать королем Франции, но только при одном условии: Кромвель должен первым осуществить вторжение и оставить в королевстве католическое вероисповедание [Millenarianism and Messianism, 2013, 80].

Династические браки являлись не только желательным, но и почти обязательным элементом дипломатии той эпохи. В 1653 году Оливер Кромвель начал поиски подходящего мужа для своей дочери Мэри. Он хотел, чтобы браки его детей стали частью процесса политической консолидации Англии, и стремился заключить брачные союзы с влиятельными людьми и

семьями. Переговоры о руке Марии велись с несколькими могущественными потенциальными союзниками, включая сыновей герцога Бекингема и принца Конде. В бумагах Тюрло в письме из Парижа от 14 января 1654 года от некоего J.B. говорится: «Мой корреспондент сказал мне сегодня, что герцог Энгийенский, сын принца Конде, должен жениться на дочери лорда-протектора и что за это принц получит из Англии помощь». В другом письме того же автора от 17 января 1654 года сообщается, что «перспектива брака герцога Энгийенского, сына принца Конде, с дочерью его светлости лорда-протектора встревожила двор. Кажется, и герцог Бекингом присматривается к союзу с одной из дочерей протектора» [Noble, 1784, I, 195].

Эти дипломатические маневры продолжались четыре года. В связи с внутри- и внешнеполитическими событиями времен Протектората политические потребности Кромвеля изменились и он стал присматривать новые брачные альянсы для своих дочерей. Наконец, самый влиятельный человек в Англии нашел супруга для Мэри. Им стал вдовец Томас Белоуз, виконт Фоконберг. Он исповедовал англиканство и, хотя сам не являлся роялистом, происходил из семьи, которая выступала против пуританской партии Кромвеля. Этот брачный союз демонстрировал поиски Кромвелем примирения со своими политическими противниками. Кроме того, он увидел в Белоузе умного человека с высокими моральными качествами, что может сделать его хорошим мужем для любимой дочери [Fraser, 1973, 172–178]. Кстати, в то время также рассматривался брак сестры Мэри по имени Фрэнсис с королем в изгнании Карлом II [Noble, 1784, I, 195–196].

Так или иначе, реальная политика диктовала свои условия. Внешнеполитические потребности Британии и официальной Франции способствовали заключению в ноябре 1655 года торгового договора (с секретными статьями, содержащими обязательства взаимной финансовой и военной поддержки), а в марте 1657 года – наступательного союза против общего противника – Испании. Документы тех лет пестрят описаниями непрерывных переговоров между Мазарини и Кромвелем. Французский историк Ф. Сольнье назвал союз между этими выдающимися политиками – католиком и пуританином – «единством противоположностей» [Saulnier, 2002, 233]. Войну против Испании глава Английской республики планировал начать по крайней мере с 1654 года, а переговоры между ним и Мазарини по этому вопросу перманентно велись с 1652 года [Simms, Trim, 2011, 62]. Еще на фоне неустойчивости своей власти во время Фронды французский кардинал признавал, что «следует ныне начать переговоры с Английской республикой и признать за ней название, которого она желает». Более того, Мазарини опасался, что, несмотря на то что первый посол Кромвеля в Испании был убит, на фоне обострившихся англо-голландских противоречий, которые в итоге вылились в англо-голландскую войну 1652–1654 годов, Лондон все же сможет найти общий язык с Мадридом. Это было бы крайне

невыгодно для Франции [*Lettres du Cardinal Mazarin*, 1883, III, 134, 255]. Первый министр Франции как-то сказал английскому послу Дж. Даунингу, передавшему в своем письме его слова в Лондон, что он так сильно «желает правильного взаимопонимания» с Кромвелем [Thurloe, 1744, III, 734], что требования Англии имеют для него первостепенное значение.

Заключение Вестминстерского мирного договора между Англией и Республикой Соединенных провинций в апреле 1654 года, несмотря на продолжающееся коммерческое соперничество двух держав, помогло развеять опасения англичан, что Франция может объединить силы с голландцами против Англии [Venning, 1995, 166–189]. Кроме того, Кромвель с одобрения Государственного совета решил начать крупную морскую экспедицию против Испании в Вест-Индии. Это был самый ясный сигнал, что он отходит от своей ранее тщательно продуманной политики неприсоединения между Испанией и Францией и склоняется в сторону от последней. Поэтому не удивительно, что в январе 1656 года, накануне англо-испанской войны, разочарованный развитием событий Конде желал военной удачи Карлу II Стюарту, а не лорду-протектору [Todd, 1812, 157].

К началу 1657 года религиозные проблемы между Лондоном и Парижем (преследования гугенотов и вальденсов в Савойе³) были сняты, по крайней мере на время, и путь к наступательному союзу, зафиксированному Парижским договором в марте 1657 года, был расчищен. Договор предусматривал совместные атаки с суши и моря на Дюнкерк, Мардик и Гравелин [The Writings and Speeches of Oliver Cromwell, 1947, 911–915]. Англо-франко-испанская война завершилась знаменитой «битвой в дюнах» 14 июня 1658 года за укрепленную крепость-порт Дюнкерк. Она состоялась за несколько месяцев до смерти Кромвеля и положила конец испанской службе Луи де Конде. В составе англо-французской армии находились солдаты армии «новой модели» под командованием Уильяма Локкарта в красных плащах, которые привели в удивление обе стороны упрямой свирепостью при штурме, особенно преодолением песчаного холма высотой 50 м, стойко защищаемого испанскими ветеранами. Еще до начала сражения опытный маршал Тюренн с удовлетворением сообщал Мазарини, что английские солдаты в хорошей форме, на что кардинал отвечал, что из-за этого он и принял «плохие условия договора» [Memoires de Turenne, 1782, II, 108, 114; *Lettres du cardinal Mazarin*, 1883, III, 90].

В испанской армии Конде и дона Хуана Австрийского не было согласия по стратегическим и тактическим вопросам, и в результате исход двухчасового сражения близ Дюнкерка решили десант с английских кораблей и фланговый

³ Вальденсы были потомками средневекового еретического движения, большинство последователей которого проживали в отдаленных альпийских долинах на территории современной юго-восточной Франции и северо-западной Италии. Постепенно вальденсы переняли доктрину кальвинистской ветви Реформации и сотрудничали со швейцарской, гугенотской, голландской, шотландской реформатскими церквями и пуританской общиной в Англии.

удар кавалерии Тюренна, который своевременно воспользовался отливом. Ранним утром 14 июня в испанский лагерь разведка принесла новости, что противник покинул свои позиции, Конде понял маневр и посоветовал дону Хуану отступить, пока не поздно. Испанец отбросил эту идею: «Я убежден, что сегодня будет величайший день славы испанского оружия!» «Это будет действительно великий день, – спокойно ответил принц, – если вы согласитесь отступить. Здесь англичане». В ходе внезапного нападения франко-английских сил войска Конде и дона Хуана Австрийского оказались полностью разгромленными, а гарнизон Дюнкерка капитулировал [Memoires du Duc d'York, 1888, 160–165; Memoires de Louis XIV, 1884, 37–39; Денисон, 2001, 258].

В итоге военной помощи кондеянцы от Кромвеля так и не дождались. В ходе Фронды принцев и испанской Фронды Оливер Кромвель придерживался выжидательной тактики, умело и деликатно вмешиваясь в отношения между французским правительством и оппозицией. Интересы государства подталкивали английского лидера к союзу со стабильной во внутривосточном отношении Францией, необходимому для успешного ведения военных действий против Испании. Конде же обладал в высшей степени авантюрным характером и руководствовался прежде всего личными интересами. Ожидая помощи из Англии, сам он не желал идти на компромиссы. Будучи принцем крови и искренне восхищаясь Кромвелем, Конде все равно ставил его ниже себя на социальной лестнице. Поэтому во время осады Дюнкерка в 1658 году принц и красные плащи Уильяма Локкарта оказались по разные стороны баррикад.

ЛИТЕРАТУРА

- Блюш Ф. Людовик XIV. М.: Ладомир, 1998. 815 с.
 Денисон Дж.Т. История конницы. Кн. 1. М., 2001. 432 с.
 Иволина Л.И. Радмиссия евреев в Англию: позиция Оливера Кромвеля и общественное мнение // Евреи в мировой истории, культуре и политике. СПб.: Санкт-Петербургский институт иудаики, 2020. С. 132–139.
 Béguin K. *Les Princes de Condé: Rebelles, courtisans et mécènes dans la France du Grand Siècle*. Paris: Champ Vallon, 2003. 464 p.
 Bernstein E. *Cromwell and Communism: Socialism and Democracy in the Great English Revolution*. Psychology Press, 1963. 287 p.
 Louis Joseph de Bourbon Conde (prince de), Charles Louis de Sevelinges. *Mémoires pour servir à l'Histoire de la Maison Condé / Par L.-G. Michaud*. T. I. Paris, 1820. 380 p.
 Fraser A. *Cromwell: The Lord Protector*. NY: Alfred Knopf, 1973. 774 p.
 Holberton E. *Bulstrode Whitelocke's embassy to Sweden in 1653–4 // Poetry and the Cromwellian Protectorate: Culture, Politics, and Institutions*. Oxford University Press, 2008. P. 6–36.
 Grimoard, Philippe Henri (comte de Grimoard; 1753–1815) (comte de Grimoard; 1753–1815). *Collection des lettres et mémoires trouvés dans les porte-feuilles du Maréchal de Turenne pour servir de preuves et d'éclaircissements à une partie de l'histoire de Louis XIV, et particulièrement à celle des campagnes du général français*. T. 2. Paris: Chez Nyon l'aîné, Libraire, 1782. 712 p.
Memoires de Louis XIV / Par A. Longnon. Paris, 1884. 225 p.
 Lynn J.A. *Giant of the Grand Siècle. The French Army 1610–1715*. Cambridge, 1997. 334 p.
 Marvell Andrew. *The Complete Poems / ed. by George de F. Lord*. London: J. M. Dent & Sons, Ltd., 1984. 664 p.

- Lettres du Cardinal Mazarin Pendant Son Ministère* / par M.A. Cheruel. T. III. Paris, 1883. 1161 p.
- Millenarianism and Messianism in Early Modern European Culture. Vol. IV: Continental Millenarians: Protestants, Catholics, Heretics / ed. by John Christian Laursen, R.H. Popkin. Springer Science & Business Media, 2013. 126 c.
- Morrow J.L. Three Skeptics and the Bible: La Peyrere, Hobbes, Spinoza, and the Reception of Modern Biblical Criticism. Wipf and Stock Publishers, 2016. 198 p.
- Noble M. Memoirs of the Protectorate-house of Cromwell: Deduced from an Early Period, and Continued Down to the Present Time: Collected Chiefly from Original Papers and Records, with Proofs and Illustrations: Together with an Appendix, and Embellished with Elegant Engraving. T. 1. London: Pearson and Rollason, 1784. 544 p.
- Parrot D. 1652: The Cardinal, the Prince, and the Crisis of the Fronde. Oxford: Oxford University Press, 2020. 336 p.
- La Peyrère Isaac. A Theological Systeme upon the Presupposition, that men were before Adam. London, 1655. 38 p.
- Popkin Richard Henry. Isaac La Peyrère (1596–1676): His Life, Work, and Influence. London: BRILL, 1987. 241 c.
- Pouilly I. de. Portrait de Kondé. Nanterre, 1985. 266 p.
- Saulnier F. Cromwell et Mazarin ou l'alliance des contraires, 1655–1658 // *Revue d'histoire diplomatique*. 2002. № 3. P. 249–250.
- Scott J. England's Troubles: Seventeenth-Century English Political Instability in European Context. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. 255 p.
- Simms B., Trim D.J.B. Humanitarian Intervention: A History. Cambridge University Press, 2011. 404 p.
- Todd G.J. A Catalogue of the Archiepiscopal Manuscripts in the Library at Lambeth Palace: With an Account of the Archiepiscopal Registers and Other Records There Preserved. London: Law and Gilbert, 1812. 270 p.
- Thurloe J. A Collection of State Papers of John Thurloe. Vol. II. London: Fletcher Gyles, 1742. 744 p.; Vol. III. London: Fletcher Gyles, 1744. 818 p.
- Venning T. Cromwellian Foreign Policy. London: Palgrave Macmillan, 1995. 338 p.
- Whitlocke Bulstrode. A Journal of the Swedish Embassy in the Years 1653 and 1654. Vol. 1. Longman, Brown, Green, and Longmans, 1855. 451 p.
- The Writings and Speeches of Oliver Cromwell / ed. by W.C. Abbot. Vol. III–IV. Cambridge (Mass.), 1945, 1947. 965, 1002 p.
- Mémoires du Duc d'York sur les *événements arrivés* en France pendant les années 1652 à 1659 // *Nouvelle collection des Mémoires pour servir à l'Histoire de France* / Par M. Michaud. T.X. P., 1888.

L.I. Ivonina

*Doctor of Historical Sciences,
Professor,
Universal History Chair,
Smolensk State University
Smolensk, Russia*

The Failed Alliance: Oliver Cromwell and the Great Conde

The bloody Thirty Years' War turned into a «European civil war», which part were the «parallel» civil upheavals in England and the Fronde in France. This pe-

riod's diplomacy was distinguished by particular complexity, inconsistency and a bizarre interweaving of state, social and personal interests. The relationship between the head of the English Republic, Oliver Cromwell, and the French prince, Louis de Condé, organically fits into it. The article examines the course and results of the indirect dialogue between the two political leaders. Negotiations between them took place along several lines: the conclusion of a marriage between the heir to Condé and the daughter of Cromwell, about the possibility for the rebellious prince to become the French king, about obtaining mutual support, and even about the new religious and political state of Europe. The nature of the negotiations was determined by the timing and balance of power in Britain, France and on the Continent. With regard to the Fronde of Princes and the Spanish Fronde, the English leader adopted a waiting tactic, skillfully intervening in relations between the French government and the opposition. The interests of the state required an alliance with a stable France to fight against Spain. At that time, Condé, waiting for help from England, was guided, first of all, by personal interests and did not want to compromise. As a prince of the blood, he, while admiring Cromwell, still put him below himself.

Key words: Cromwell; Condé; diplomacy; negotiations; interest of state; Spanish Fronde; Anglo-Spanish War.

REFERENCES

- Blushe Fr. Louis XIV [Ludowik XIV]. Moscow: Ladomir, 1998. 815 p. (in Russian).
- Denison J.T. The History of Cavalry [Istorija konnizi]. Book 1, M., 2001. 432 p. (in Russian).
- Ivonina L.I. Readmission of Jews to England: Oliver Cromwell's Position and Public Opinion [Re-admissija evreev v Angliju: pozicija Olivera Kromvelja i obschestvennoje mnenije]. *Jews in world history, culture and politics*. SPb, Sankt-Peterburg institute of Jewry, 2020, pp. 132–139 (in Russian).
- Béguin K. The Princes of Condé: Rebels, Courtiers and Patrons in the France of the Grand Siècle [Les Princes de Condé : Rebelles, courtisans et mécènes dans la France du Grand Siècle]. Paris: Champ Valon, 2003. 464 p. (in French).
- Bernstein E. Cromwell and Communism: Socialism and Democracy in the Great English Revolution. Psychology Press, 1963. 287 p. (in English).
- Louis Joseph de Bourbon Conde (prince de), Charles Louis de Sevelinges. Memoirs to Serve the History of the Condé House [Mémoires pour servir à l'Histoire de la Maison Condé], par L.-G. Michaud, t. I. Paris, 1820. 380 p. (in French).
- Fraser A. Cromwell: The Lord Protector. NY: Alfred Knopf, 1973. 774 p. (in English).
- Holberton Ed. Bulstrode Whitelocke's Embassy to Sweden in 1653–4. *Poetry and the Cromwellian Protectorate: Culture, Politics, and Institutions*. Oxford University Press, 2008, p. 6–36 (in English).
- Grimoard Philippe Henri (comte de Grimoard; 1753–1815) (comte de Grimoard; 1753–1815). Collection of Letters and Memoirs Found in the Portfolios of Maréchal de Turenne to Serve as Proof and Clarification of Part of the History of Louis XIV, and Particularly that of the Campaigns of the French General [Collection des lettres et mémoires trouvés dans les portefeuilles du Maréchal de Turenne pour servir de preuves et d'éclaircissements à une partie de l'histoire de Louis XIV, et particulièrement à celle des campagnes du général français]. Vol. 2. Paris: Chez Nyon l'aîné, Libraire, 1782. 712 p. (in French).
- Memoires de Louis XIV, par A. Longnon. Paris, 1884. 225 p. (in French).
- Lynn J.A. Giant of the Grand Siècle. The French Army 1610–1715. Cambridge, 1997. 334 p. (in English).
- Marvell Andrew. The Complete Poems, ed. George de F. Lord. London: J. M. Dent & Sons, Ltd., 1984. 664 p. (in English).

Letters of Cardinal Mazarin During His Ministry [Lettres du Cardinal Mazarin Pendant Son Ministère], par M.A. Cheruel, vol III. Paris, 1883. 1161 p. (in French).

Millenarianism and Messianism in Early Modern European Culture. Vol. IV: Continental Millenarians: Protestants, Catholics, Heretics. Ed. by John Christian Laursen, R.H. Popkin. Springer Science & Business Media, 2013. 126 p. (in English).

Morrow J.L. Three Skeptics and the Bible: La Peyrere, Hobbes, Spinoza, and the Reception of Modern Biblical Criticism. Wipf and Stock Publishers, 2016. 198 p. (in English).

Noble M. Memoirs of the Protectorate-house of Cromwell: Deduced from an Early Period, and Continued Down to the Present Time: Collected Chiefly from Original Papers and Records, with Proofs and Illustrations: Together with an Appendix, and Embellished with Elegant Engraving, vol. 1. London, Pearson and Rollason, 1784. 544 p. (in English)

Parrot D. 1652: The Cardinal, the Prince, and the Crisis of the Fronde. Oxford: Oxford University Press, 2020. 336 p. (in English).

La Peyrère Isaac. A Theological Systeme upon the Presupposition, that Men were before Adam. London, 1655. 38 p. (in English).

Popkin Richard Henry. Isaac La Peyrère (1596–1676): His Life, Work, and Influence. London: BRILL, 1987. 241 p. (in English).

Pouilly I. de. Portrait de Kondé. Nanterre, 1985. 266 p. (in French).

Saulnier F. Cromwell et Mazarin ou l'alliance des contraires, 1655–1658. *Revue d'histoire diplomatique*, 2002, no 3, p. 249–250 (in French).

Scott J. England's Troubles: Seventeenth-Century English Political Instability in European Context. Cambridge, Cambridge University Press, 2000. 255 p. (in English).

Simms B., Trim D.J.B. Humanitarian Intervention: A History. Cambridge University Press, 2011. 404 p. (in English).

Todd G.J. A Catalogue of the Archbishopal Manuscripts in the Library at Lambeth Palace: With an Account of the Archbishopal Registers and Other Records There Preserved. London, Law and Gilbert, 1812. 270 p. (in English).

Thurloe J. A Collection of State Papers of John Thurloe, vol. II, London, Fletcher Gyles, 1742. 744 p.; vol. III, London, Fletcher Gyles, 1744. 818 p. (in English).

Venning T. Cromwellian Foreign Policy. London, Palgrave Macmillan, 1995. 338 p. (in English).

Whitelocke Bulstrode. A Journal of the Swedish Embassy in the Years 1653 and 1654, vol. 1. London, Longman, Brown, green, and Longmans, 1855. 451 p. (in English).

The Writings and Speeches of Oliver Cromwell, ed. by W. C. Abbot, vol. III, IV, Cambridge (Mass.), 1945, 1947. 965, 1002 p. (in English).

Memoirs of the Duke of York on the Events that Happened in France during the Years 1652 to 1659 [Mémoires du Duc d'York sur les événements arrivés en France pendant les années 1652 à 1659]. *Nouvelle collection des Mémoires pour servir à l'Histoire de France*, par M. Michaud, T. X.P., 1888 (in French).

А.А. Шумаков

Тульский филиал Российского экономического университета

им. Г.В. Плеханова

Тула, Россия

УДК 94(100)

DOI 10.35785/2072-9464-2023-61-1-186-203

НЕСОСТОЯВШАЯСЯ РЕВОЛЮЦИЯ ГАБРИЭЛЯ 1800 ГОДА: ПРИЧИНЫ И ПРЕДПОСЫЛКИ

Ключевые слова: заговор Габриэля Проссера; Вирджинский заговор; восстания рабов; Ричмонд; рабство; аболиционизм; афроамериканская история (Black History); Габриэль Проссер; Джеймс Монро; Томас Джефферсон.

Работа посвящена малоизученной теме Вирджинского заговора рабов под предводительством Габриэля и является первым в отечественной историографии исследованием данного вопроса. В представленной статье подробно анализируются причины и предпосылки несостоявшегося восстания 1800 года. При этом автор опирается на опубликованные материалы судебного разбирательства и труды ведущих западных исследователей.

Первая часть посвящена непосредственно истории изучения данного вопроса. Далее, используя историко-генетический и ретроспективный методы, автор прослеживает влияние внешне- и внутривнутриполитических, социальных, экономических, демографических, социокультурных факторов на складывание взрывоопасной ситуации в Вирджинии к 1800 году, а также выделяет ряд субъективных причин и предпосылок рабского заговора, таких как мотивы личной мести и банальные просчеты властей, не принявших должных мер. При этом основной акцент делается именно на сравнении подходов и обосновании комплекса причин и предпосылок в западной историографии.

В итоге автор приходит к выводу о том, что в случае с заговором Габриэля речь идет не просто о несостоявшемся восстании, а о возникновении в Вирджинии конца XVIII – начала XIX века настоящей революционной ситуации, формированию которой способствовала совокупность взаимосвязанных факторов.

Результаты исследования могут быть использованы в научно-исследовательской и преподавательской деятельности, связанной с изучением американской истории и истории афроамериканского народа (так называемой Black History).

История восстаний рабов всегда привлекала внимание исследователей и простых обывателей. Однако нужно понимать, что в подавляющем большинстве случаев речь идет о знаковых событиях, существенно повлиявших на ход исторического процесса, в то время как неудачные попытки

организации мятежей, не доведенные до стадии воплощения, зачастую игнорируются академической наукой. Между тем они не менее показательны, чем непосредственно сами восстания, а нередко даже превосходят их по масштабу и значению. Вирджинский заговор рабов 1800 года как раз представляет собой красноречивое подтверждение данного тезиса.

Это событие вполне могло изменить историю США, но оставило лишь неглубокий след в памяти современников. В августе 1800 года до 10 тысяч рабов были готовы бросить вызов сложившимся на Юге рабовладельческим порядкам, имея все шансы повторить путь своих собратьев на Сан-Доминго. И только в силу случайного стечения обстоятельств, носящего явно форс-мажорный характер, им не удалось воплотить свой план.

В данной работе автор, опираясь на работы ведущих американских исследователей, попытается проанализировать причины и предпосылки несостоявшегося восстания рабов 1800 года под предводительством Габриэля, чтобы понять, в числе прочего, природу самого явления.

История изучения. Серьезный интерес к указанному событию у широкой публики начал просыпаться только спустя 60 лет, во многом благодаря начавшейся Гражданской войне 1861–1865 годов и знаменитому американскому писателю-аболиционисту Томасу Уэнтворту Хиггинсону. В 1862 году в статье в журнале *The Atlantic Monthly* он писал: «Копаясь в пыльных подшивках газет в поисках подлинных записей Денмарка Веси и Ната Тернера, я время от времени улавливал проблески заговора, возможно, более масштабного по своим очертаниям, чем у них обоих. Он оставался в тени на протяжении полувека, прослеживаемый только в политических событиях, которые были связаны с ним, и полностью искаженных устных традициях, которые пытались сохранить хоть какую-то память о нем. И хотя исследования в публичных библиотеках только доказали мне, как быстро исчезают материалы по американской истории, – поскольку ни одно из наших крупных учреждений не располагает, например, подшивкой какой-либо южной газеты за 1800 год, – все же то немногое, полученное мной, может представлять интерес, что делает его достойным сохранения» [Higginson, 1862].

Конечно, данная публикация не была первой попыткой анализа событий 1800 года. К примеру, 17 сентября 1831 года в аболиционистской газете *Liberator* (Бостон) Ллойда Джорджа Гаррисона вышел романтизированный отчет, перепечатанный из *Albany Evening Journal*, в котором автор вспоминал о событии «почти 30-летней давности». В нем Габриэль предстает перед читателями в образе «мученика свободы» [Gabriel's Defeat, September 17, 1831]. Указанный отчет изобилует неточностями и явными преувеличениями, что не могло не вызвать соответствующей реакции. Ответом стал выход 17 октября того же года статьи в *Richmond Enquirer*, где автор, опираясь в основном на сохранившееся послание губернатора

Джеймса Монро к Генеральной ассамблее Вирджинии, раскритиковал работу своего предшественника за сознательное искажение фактов, подделку высказываний и в целом охарактеризовал ее как неприкрытую попытку «сделать из бандита Габриэля – героя» [Gabriel's Defeat, 1831, October 21]. Любопытно, что в обоих случаях интерес к заговору был обусловлен Вирджинским восстанием рабов под предводительством Ната Тернера, произошедшим 21–23 августа 1831 года. В дальнейшем данная тенденция в американской историографии сохранится. Исследователи Саутгемптонского восстания неизменно будут обращаться к событиям 1800 и фигуре Габриэля, ставшего, наряду с Тернером, одним из символов афроамериканского сопротивления и борьбы с рабством.

Несмотря на относительную популярность темы Вирджинского заговора рабов 1800 года в американской публицистике и культуре, стоит признать, что в западной историографии она проработана относительно слабо. Основными исследованиями по данному вопросу являются труд профессора истории колледжа Ле Мойн в Сиракузах Дугласа Р. Эгертона «Восстание Габриэля: заговоры рабов Вирджинии 1800 и 1802 годов» [Egerton, 1993], профессора гуманитарных наук Техасского университета Джеймса Сидбери «Орала на мечи: раса, восстание и идентичность в Вирджинии Габриэля, 1730–1810» [Sidbury, 1997] и почетного профессора Университета штата Юта Майкла Николлса «Шепот восстания: рассказ о заговоре Габриэля» [Nicholls, 2012]. Отдельное место занимает работа «Заговор Габриэля: документальная история» профессора истории Университета Содружества Вирджинии Филипа Шварца, собравшего и опубликовавшего сохранившиеся письменные свидетельства об указанном событии [Schwarz, 2013]. Также тема несостоявшегося восстания 1800 года затрагивалась в трудах Герберта Аптекера, Эрика Фонера, Филипа Фонера, Юджина Дженовезе, Ульриха Филлипса, Джеральда Маллина, Джона Франклина, Альберта Работо, диссертациях Уильяма Эрнста и Ла'Нейс Мэри Литтлтон.

Что касается отечественной историографии, то с сожалением приходится констатировать: нашими исследователями этот вопрос не прорабатывался или же освещался весьма поверхностно. Примерами могут служить труды советских американистов А.В. Ефимова [Ефимов, 1958] и Э.Л. Нитобурга [Нитобург, 1979]. Особого интереса указанные работы в контексте данного исследования не представляют, так как приведенные там сведения о Вирджинском заговоре 1800 года носят исключительно ознакомительный характер.

Причины и предпосылки. Как это ни парадоксально звучит, в отличие от непосредственного хода событий, комплекс причин и предпосылок несостоявшегося Вирджинского восстания рабов 1800 года во всех трех указанных монографиях проанализирован довольно основательно. Д. Эгертон, Д. Сидбери и М. Николлс уделяют ключевое внимание данному вопросу. Тем не менее ни один из приведенных анализов нельзя назвать исчерпыва-

ющим. Скорее, эти труды дополняют друг друга, так как исследователи подходят к решению задачи с совершенно различных сторон. Так, Д. Эгертон акцентирует внимание в первую очередь на политических и социально-экономических аспектах несостоявшегося рабского восстания 1800 года, в то время как влияние религиозных и культурных факторов считает сильно раздутым. Д. Сидбери, напротив, отводит ключевую роль именно религиозным и социокультурным аспектам Вирджинского заговора 1800 года, рассматривая период с 1730 по 1810 год в контексте процесса формирования афроамериканской идентичности. М. Николлс больше внимания уделяет конкретным субъективным факторам. Опираясь на обширный документальный материал, он подробно исследует личные мотивы участников событий и конкретные обстоятельства.

По мнению автора этих строк, причины и предпосылки восстания необходимо разделить на следующие группы: объективные (внешнеполитические, внутривнутриполитические, экономические, социальные и социокультурные) и субъективные (личные мотивы участников заговора и действия властей).

1. Объективные предпосылки

1.1 Внешнеполитические

Западные исследователи, как правило, выделяют три ключевых исторических события, которые в существенной мере повлияли на формирование у рабов в Южных штатах особой идентичности и революционного сознания, а возможно, даже служили примером и источником вдохновения для «вирджинских заговорщиков». Речь идет о Войне за независимость 1775–1783 годов, Великой французской революции 1789–1792 годов и Гаитянской революции 1791–1803 годов.

Первая породила у чернокожего населения определенные надежды на скорое освобождение рабов в Новом Свете и устранение всех форм дискриминации. Стоит отметить, что подобного рода обещаниями в годы войны активно разбрасывались как «лоялисты», так и «патриоты», призывая афроамериканцев вступать в ряды своих армий. Однако после окончания боевых действий, несмотря на прогрессивные устремления отдельных представителей правящего класса США, никакого всеобщего освобождения не последовало, что вызвало разочарование у большей части негритянского населения.

Если говорить о ситуации в Вирджинии, то следует отметить, что в этом штате вербовка рабов в ряды Континентальной армии оставалась под запретом на протяжении всего периода Войны за независимость¹. Только свободным неграм предоставлялось такое право. Тем не менее около сотни вирджинских невольников все же получили свободу благодаря службе в рядах ополчения в период с 1775 по 1783 год. Подобный парадокс объясняется

¹ Подавляющее большинство рабов-добровольцев Вирджинии служило в период с 1775 по 1776 год в Эфиопском полку лорда Данмора, последнего британского губернатора Вирджинии.

тем, что плантаторы часто откупались от службы, отправляя вместо себя своих рабов [Egerton, 1993, 6].

Впрочем, несмотря на столь незначительное количество освобожденных в Вирджинии, Война за независимость все же оказала существенное влияние на афроамериканскую общину. Многие здешние невольники положительно восприняли аболиционистскую и эгалитаристскую риторику, звучавшую с обеих сторон, и полагали, что американская революция не завершена.

Если говорить конкретно об интересующем нас событии, то в подтверждение гипотезы о чрезвычайном влиянии Американской революции на радикализацию афроамериканской общины Вирджинии исследователи обычно приводят прямые отсылки обвиненных рабов во время судебного процесса 1800 года к авторитету отцов-основателей. К примеру, согласно свидетельству английского путешественника Роберта Сатклифа, в 1804 году посетившего Ричмонд и общавшегося с местным адвокатом, неустановленный участник заговора 1800 года на заседании заявил следующее: «Мне нечего предложить, кроме того, что мог бы предложить генерал Вашингтон, если бы он был схвачен британцами и предстал перед судом. Я рисковал своей жизнью, пытаясь добиться свободы для моих соотечественников, и я добровольно жертвую собой ради общего дела» [Sutcliff, 1812, 50]. Существует еще несколько устных упоминаний и свидетельств об аналогичных высказываниях в суде, приписываемых Габриэлю и его сподвижникам. Правда, они относятся, скорее, к устной традиции, так как самих стенограмм заседаний не сохранилось. С другой стороны, влияние Американской революции можно наблюдать на примере многочисленных судебных процессов по исковым заявлениям местных рабов и их представителей, требовавших освобождения. Почти в каждом из них можно найти апелляции к Декларации независимости и авторитету отцов-основателей.

Великая французская революция дала чернокожим невольникам еще большую надежду на то, что рабство вскоре будет искоренено не только в США, но и во всем мире. Конечно же, многими она рассматривалась как продолжение того самого революционного процесса, начавшегося в 1775 году [Sidbury, 1997, 41]. 4 февраля 1794 года Декретом Конвента в республике была провозглашена отмена рабства. Это событие вызвало мощнейший подъем освободительного движения во многих местах, включая Вест-Индию и Сан-Доминго, где на тот момент уже два с половиной года полыхало восстание. Именно оно и привело к радикализации настроений среди черных рабов в США, утвердив наиболее активных из них во мнении, что только путем открытого вооруженного выступления можно добиться свободы. Все это вызвало рост профранцузских настроений среди негритянской общины.

Первые беженцы из Сан-Доминго массово начали прибывать на берега Чесапикского залива уже в 1793 году. В основном это были француз-

ские переселенцы, значительная часть которых осела на Юге США. Центром эмиграции в Вирджинии стал город Норфолк, где, по воспоминаниям, проживало до трех тысяч французов [Weld, 1968, 175–176]. Разумеется, вместе с бывшими плантаторами приезжали и их невольники, устанавливавшие контакты с местными представителями негритянской общины. К 1795 году в Соединенные Штаты прибыло порядка двенадцати тысяч чернокожих рабов из Сан-Доминго, львиная доля которых пришлась именно на Вирджинию [Egerton, 1993, 47]. Такой приток населения объясняется тем, что, в отличие от других, данный штат не вводил серьезных ограничений на въезд.

Стремительное увеличение количества негритянского населения за счет прибывших с «мятежного острова» не могло не вызывать беспокойства у местных властей и плантаторов, но в силу ряда политических причин, рассмотренных ниже, серьезных мер по ограничению и контролю принято не было. Любопытно, что даже самого Габриэля некоторые исследователи называют рабом, прибывшим с Сан-Доминго [Wilson, 1984, 477].

Еще одной важной линией политического раскола и фактором самоидентификации являлось отношение к Франции и Великой французской революции. Республиканцы во главе с Томасом Джефферсоном считались ярко выраженными франкофилами, в то время как федералисты во главе с Александром Гамильтоном четко придерживались «пробританской» ориентации. После прихода к власти Джона Адамса партийное противостояние резко обострилось. Американское правительство взяло четкий курс на открытую конфронтацию с Первой республикой, что привело сначала к острому дипломатическому конфликту (так называемое Дело XYZ), а затем и к необъявленной морской войне 1798–1800 годов.

В это время в Южных штатах, особенно в Вирджинии, активно циркулировали слухи, распускаемые сторонниками Федералистской партии и прибывшими с Сан-Доминго рабами, о том, что лидер гаитянских повстанцев Франсуа Доминик Туссен-Лувертюр вскоре вторгнется в США со своей армией рабов по приказу Наполеона. К примеру, об этом открыто заявлял в своей предвыборной речи конгрессмен от Южной Каролины Роберт Годлоу Харпер 20 марта 1799 года [Egerton, 1993, 46]. Многие негры, несомненно, с воодушевлением воспринимали подобные новости, надеясь на скорое освобождение.

Особую роль «французского фактора» подчеркивают в своих работах Д. Эгертон и Д. Сидбери. Только если первый, опираясь на показания некоторых участников заговора, отмечал вполне конкретное участие как минимум двух бывших французских военных Шарля Керси и Александра Бедденхерста [Egerton, 1993, 181–184], то второй полагал, что влияние было сугубо культурным. Он даже специально ввел термин «французскость» («frenchness») для обозначения особого расположения к этой стране, ее выходцам на Юге США и Великой Французской революции со стороны рабов

и местных республиканцев [Sidbury, 1997, 39, 40, 43, 46, 47]. В то же время М. Николлс считал фактор французского влияния сильно преувеличенным.

Нельзя точно сказать, в какой именно степени указанные события повлияли на организаторов Вирджинского заговора, но то, что они повлияли, является практически несомненным. В качестве конкретного задокументированного доказательства можно привести то, что, согласно показаниям участника выступления Бена Вулфолка, Габриэль предупреждал о недопустимости нанесения какого-либо вреда квакерам, методистам и французам [Egerton, 1993, 51].

1.2. Внутривнутриполитические

Не менее отчетливо прослеживается влияние внутривнутриполитических факторов, способствующих складыванию взрывоопасной ситуации в Вирджинии и на всем белом Юге. Связаны они с обострением противостояния двух правящих партий. Весной 1800 года прошли выборы в Конгресс, которые, как утверждает ряд исследователей, поставили страну фактически на грань гражданской войны. Противостояние Федералистской и Республиканской партий достигло своего апогея, и Вирджиния грозила стать как раз той самой линией раскола.

Данный штат традиционно считался оплотом Республиканской партии. Однако после прихода к власти в 1797 году «федералиста» Джона Адамса, обострения американо-французских отношений и принятия ряда норм, направленных «против подстрекательства к мятежам в границах штатов», многие местные республиканцы почувствовали себя в значительной мере ущемленными в политических правах. 21 декабря 1798 года Ассамблея Вирджинии официально осудила принятые акты как «явное и тревожное нарушение конституции» [Egerton, 1993, 35–36]. В свою очередь, местная партийная резолюция призывала другие штаты присоединиться к Вирджинии в борьбе за сохранение прежней автономии.

Одновременно с этим происходила и политизация чернокожего населения. В первую очередь это касалось так называемых «городских или ремесленных рабов», значительная часть которых, по мнению Д. Эгертона, поддерживала республиканцев. Американский историк также утверждал, что одним из таких «кустарных» республиканцев был и сам Габриэль. Грамотный раб, несомненно, воочию наблюдавший все эти ожесточенные политические споры в Ричмонде, читавший местные газеты и общавшийся с белыми рабочими, вполне мог сделать вывод о надвигающейся гражданской войне. Согласно показаниям Бена Проссера, Габриэль всерьез рассчитывал на поддержку городской бедноты и называл своими главными врагами торговцев [Testimony in the Trial of Gabriel, October 6, 1800]. Стоит отметить, что подобная трактовка отвергается Д. Сидбери и М. Николлсом, считавшими представление о Габриэле как об убежденном республиканце, глубоко вовлеченном в политический процесс, явным преувеличением

[Sidbury, 1997, 88]. Впрочем, это не отменяет тезиса о том, что лидеры заговора могли быть хорошо осведомлены о сложившейся внутривластной ситуации и искренне надеяться использовать ее в своих целях.

1.3. Экономические

Экономические предпосылки во многом связаны с кризисом 1793 года, вызванным падением цен на табак вследствие разразившейся войны между Англией и Францией. Падение спроса на основной экспортный товар привело к избытку рабской силы во многих хозяйствах Вирджинии, а также к весьма парадоксальному эффекту в виде одновременного усиления и изменения формы эксплуатации. Дело в том, что многим рабовладельцам в то время пришлось искать новые источники дохода. Одним из них являлась широко распространенная, хотя и не вполне законная, практика сдачи рабов в аренду. Причем в большинстве случаев невольнику предоставлялась возможность самому искать себе заказы. Таким образом, раб получал относительную свободу передвижения и возможность заработка, а хозяин – дополнительный источник дохода.

Стоит отметить, что, несмотря на широкое распространение, подобного рода практика не приветствовалась властями Вирджинии. С декабря 1792 года в штате действовал акт, согласно которому любого раба, отпущенного для свободного найма, надлежало задерживать и передавать мировому судье для избрания меры пресечения [Egerton, 1993, 81]. Впрочем, эта норма изначально выглядела неисполнимой, так как никто, кроме самих властей, не был заинтересован в ее строгом соблюдении. Даже белые ремесленники видели в таких рабах не столько конкурентов, сколько потенциальных помощников или подмастерьев, активно прибегая к их услугам при выполнении тех или иных заказов.

Можно предположить, что именно стремлением в будущем получать стабильный доход за счет такого найма и объясняется желание Томаса Проссера обучить своих рабов – братьев Соломона и Габриэля – грамоте и ремеслу. Грамотные и высококвалифицированные рабы могли стоить гораздо дороже [Egerton, 1993, 81] и приносить больший доход. Исследователи предполагают, что Габриэль преуспел на указанном поприще и был вполне востребован как ремесленник. В противном случае сложно объяснить последующее нежелание Томаса Генри Проссера расставаться со своим своенравным рабом после вынесения обвинительного приговора в ноябре 1799 года и назначения солидной суммы залога.

Помимо свободы перемещения, такой раб получал и определенную экономическую самостоятельность, так как часть заработанных средств мог оставлять себе [Egerton, 1993, 26]. Это существенно повышало его статус в общине и давало возможность приобретать все необходимое. В Вирджинии действовал запрет на продажу рабам алкоголя и пороха без разрешения хозяина, но он также выглядел заведомо неисполнимым. Дело в том, что в Ричмонде, как и в

других городах штата, множество лавок и таверн принадлежало свободным неграм. Кроме того, в лавках и тавернах белых также трудилось немало рабов, помогавших своим братьям. По многим свидетельствам, Габриэль являлся частым посетителем подобных заведений и имел постоянные отношения с торговцами, причем как с черными, так и с белыми.

Наличие денежных средств, помимо всего прочего, давало возможность для организации сопротивления. Это можно отчетливо наблюдать, изучая материалы дела, а именно – процесс вербовки. Одним из основных мест рекрутирования будущих участников восстания являлись традиционные субботние и воскресные пикники или посиделки, организованные непосредственно лидерами заговора [Egerton, 1993, 61]. Кроме того, там, где это было необходимо, Габриэль и его соратники использовали подкуп и с этой целью даже специально выделяли своим эмиссарам денежные средства [Egerton, 1993, 56].

1.4. Социальные

К социальным предпосылкам восстания можно отнести изменение способа производства и неразрешимые классовые противоречия на Юге США.

В Вирджинии можно было наблюдать двойной антагонизм: торговцев и наемных рабочих – в городах, крупных землевладельцев и безземельных крестьян и рабов – в сельской местности. Будучи высококвалифицированным ремесленником, работавшим как на плантации в Брукфилде, так и в Ричмонде, Габриэль, равно как и другие лидеры заговора, мог относить себя к любой из указанных категорий. Это, безусловно, отражалось на его мировосприятии. Исходя из показаний еще одного участника заговора – Бена Проссера, можно сделать вывод, что именно торговцев лидер восстания видел своими главными врагами [Egerton, 1993, 40–41]. Несомненно, еще большую ненависть у рабов вызывали землевладельцы, представлявшие собой главных эксплуататоров. На них в первую очередь был направлен гнев заговорщиков. Об этом можно судить хотя бы по тому, что первыми жертвами восстания были назначены Томас Генри Проссер, Уильям Мосби, Авессалом Джонсон и их соседи [Letter from Mosby Sheppard, 1800].

Кризис 1793 года и отток населения в города привел к существенному изменению рынка труда в Вирджинии. Последнее десятилетие XVIII века ознаменовалось резким ростом спроса на квалифицированную рабочую силу. Белые ремесленники, составлявшие всего шесть процентов населения в городах на Юге США, не могли его удовлетворить. Многие рабовладельцы-плантаторы, такие как Томас Генри Проссер, стремились воспользоваться сложившейся ситуацией и повысить свое благосостояние, начав сдавать рабов в аренду, а затем и предоставив им возможность самим искать заказы. Для работодателей найм невольников являлся способом снижения издержек.

Кроме того, сам способ производства в Южных штатах – Д. Эгертон называет его сеньориальным – во многом способствовал складыванию революционной ситуации. По мнению американского историка, в той же Вирджинии рабы имели определенные права на средства производства, в то время как плантаторы больше напоминали средневековых феодалов. При этом жесткий патриархальный уклад постепенно сменялся мягким патернализмом [Egerton, 1993, 4]. Отсюда и стремление предоставить своим подопечным возможность получить образование и овладеть профессией. Происходящие социальные изменения давали вирджинским рабам прекрасную возможность добиться большей автономности и мобильности, а также предоставляли новые возможности для организации и, конечно же, сопротивления.

С тезисами Д. Эгертона не согласен М. Николлс, считавший, что основную роль в подготовке восстания играли именно так называемые полевые рабы, к которым, по сути, относился и сам Габриэль. Д. Сидбери в этом отношении занимает промежуточную позицию, отмечая ключевую роль урбанизации, изменившей модель расовых отношений как в городе, так и в сельской местности [Sidbury, 1997, 178] и создавшей «небольшие трещины в системе расового контроля» [Sidbury, 1997, 99]. «Растущие ожидания, порожденные урбанизацией, в сочетании с осознанием большинством местных рабов того, что реальное изменение их статуса маловероятно, стимулировали как готовность добиваться радикальных изменений, так и тенденцию защищать ограниченные выгоды» [Sidbury, 1997, 99], – писал американский историк.

Таким образом, налицо складывание классической революционной ситуации в Вирджинии к 1800 году ввиду наличия явного противоречия между производительными силами и производственными отношениями, которое вполне могло привести к качественным изменениям. Несмотря на определенный уровень образования, квалификации и автономии, грамотные рабы были лишены политических прав, зато, обладая высоким авторитетом среди соплеменников, всегда могли опереться на поддержку афроамериканской общины. Это, несомненно, порождало в таких чернокожих невольниках стремление к повышению собственного статуса и обретению тех прав, которыми пользовались белые, а для решения данной проблемы необходимо было преодоление существующей системы социально-экономических отношений.

1.5. Демографические

Демографические изменения в Ричмонде, Вирджинии и на всем Юге США также можно назвать одной из важнейших предпосылок восстания. Динамика роста населения демонстрирует следующую картину. Согласно данным переписи 1784 года, чернокожие в Ричмонде составляли почти половину населения (671 – белые, 625 – рабы, 48 – свободные негры) [Sidbury, 1997, 278]. В дальнейшем население города продолжало стремительно расти. К 1790 году оно достигло 3700 человек, к 1800-му – 5700, к 1810-му – почти 10 000 человек [Sidbury, 1997, 164–165]. При этом рост чернокожего

населения Ричмонда составил более 700% в указанный период [Sidbury, 1997, 223] и позволил сохранить данную пропорцию. В других округах Вирджинии (Хенрайко, Ганновер, Честерфилд, Кэролайн), охваченных заговором, количество чернокожего населения было еще выше и достигало 60% [Sidbury, 1997, 58]. Всего же в Вирджинии, согласно данным федеральной переписи населения 1800 года, рабы составляли порядка 48% населения (без учета свободных негров) [Sidbury, 1997, 58].

Логично предположить, что Габриэль учитывал данный фактор и считал, что с учетом присоединившейся городской бедноты и свободных негров повстанцам будет обеспечена поддержка большинства населения не только в Ричмонде, но и во всем штате. Это также во многом объясняет его завышенные ожидания и количественные оценки участников восстания, которые, очевидно, исходили из общего числа негритянского населения в различных округах Вирджинии, записываемого в ряды повстанческой армии, что называется, по умолчанию.

Отдельно стоит упомянуть процесс креолизации. Уже к началу 1760-х годов приток рабов из Африки заметно снизился, а когда начался бойкот английских товаров, и вовсе практически иссяк. Тем не менее количество чернокожего населения продолжало увеличиваться за счет естественного прироста [Egerton, 1993, 16]. Плантационное хозяйство всячески способствовало этому процессу. Рабовладельцы были заинтересованы в увеличении численности своих рабов, поэтому поощряли ранние браки. Благодаря этим изменениям формировались устойчивые семейно-родственные связи, которые сыграли огромную роль в процессе организации восстания.

1.6. Социокультурные

Последней важной группой объективных причин и предпосылок заговора рабов являются социокультурные факторы. Данный вопрос можно рассматривать сразу в трех различных парадигмах: как городскую культуру Ричмонда и других центров в Вирджинии, как часть культурных особенностей развития местных евангелистских течений и как влияние традиционной западноафриканской культуры.

Первая выражалась в складывании особой системы отношений между белым и черным населением в городской среде. По утверждению Д. Эгертона, в таких городах, как Ричмонд, рабы пользовались большей свободой, чем где бы то ни было, считая себя частью единой рабочей городской культуры. Это в значительной степени сближало их с простыми работниками. Стоит отметить, что М. Николлс, Д. Сидбери и Ф. Шварц не разделяют в полной мере эту точку зрения, считая, что в случае с заговором Габриэля имели место как городские, так и сельские культурные традиции афроамериканской общины [Schwarz, 2013, 11].

Влияние евангелистско-протестантских традиций на формирование предпосылок к восстанию также просматривается довольно отчетливо.

Мало того, что большинство вирджинских рабов являлись прихожанами местных баптистской и методистской церквей, проповедовавших эгалитарные и аболиционистские принципы, так еще и само участие в богослужениях открывало огромные перспективы для самоорганизации негритянских общин, чем, собственно, воспользовались Габриэль и его соратники. Лидер восстания, по всей видимости, принадлежал к одной из местных баптистских общин и отлично знал Священное Писание. Именно это фактически спасло ему жизнь во время судебного разбирательства осенью 1799 года.

Евангелистские богослужения с их проповедями о равенстве имели не только идеологический, но и сугубо практический эффект, стирая грань между черными и белыми «братьями». Особенно характерно это было для 1770–1780-х годов, когда начали свою деятельность первые негритянские пасторы. В конце XVIII века в Вирджинии появляются Африканские баптистские церкви в Вильямсбурге, Питерсберге и Норфолке. В 1794 году Ричард Аллен основывает Африканскую методистскую епископальную церковь в Пенсильвании. В Вирджинии же ее приходы появились только в 1840 году. Но даже в объединенных церквях негры составляли значительную часть паствы, причем явно просматривалась тенденция к ее постепенному увеличению. К примеру, количество чернокожих прихожан баптистской церкви в Ричмонде на момент восстания превышало число белых [Egerton, 1993, 9]. Причем, как отмечали очевидцы, рабы пользовались всеми правами и могли даже выступать перед паствой, что зачастую вызывало возмущение властей [Raboteau, 1986, 203].

Пиком аболиционистской риторики стали резолюции Генеральной методистской конференции в 1784-м и Генерального комитета баптистов Вирджинии в 1789 году, фактически запретившие своим членам приобретать рабов, владеть ими и продавать их [Raboteau, 1999, 26]. Однако затем под давлением властей и общественного мнения обе общины отказываются от этих правил: методистская церковь в 1785 году [Raboteau, 1999, 27], а баптистская в 1793 году [Harrison, January 1971, 1] принимают резолюции о том, что вопрос рабства не является религиозным.

Джеральд Маллин и Д. Эгертон оспаривают тезис о наличии глубоких религиозных мотивов в организации массового заговора. Последний даже настаивает на том, что, несмотря на баптистское воспитание в юности и отличное знание Священного Писания, Габриэль в целом был далек от религиозной риторики. В своей работе Д. Эгертон категорически отвергает все утверждения целого ряда исследователей, считавших Габриэля и его брата Мартина «черными проповедниками» [Egerton, 1993, 179–181]. В то же время Д. Сидбери, напротив, говорит о невозможности понять истинные мотивы заговора без обращения к религиозной составляющей. В подтверждение этому тезису он довольно основательно разбирает эпизод из показаний Бена Вулфолка, связанный с его богословской дискуссией с братом Габриэля Мартином накануне

восстания и попаданием Габриэля на борт шхуны «Мэри», когда лидер восстания представился именем библейского пророка Даниила [Sidbury, 1997, 75–81]. Как бы то ни было, высокая степень религиозности негритянской общины не позволяет игнорировать данный фактор.

Еще более спорным моментом является оценка влияния западноафриканских культурных традиций. В показаниях Бена Вулфолка сохранилось лишь одно упоминание о том, что заговорщики как минимум учитывали этот социокультурный фактор. Так, один из лидеров восстания Джордж Смит заявлял, что «ведьмы и колдуны», умеющие пользоваться чарами, могут оказаться полезными в привлечении людей, поскольку сельские рабы верят, что они могут «предсказать, когда их вот-вот постигнет какое-либо бедствие». Но Габриэль отверг подобные измышления [Egerton, 1993, 52].

В американской историографии мнения относительно влияния западноафриканских традиций разделились. Д. Эгертон их фактически полностью отрицает, в то время как Д. Сидбери считает, что «Габриэль и его последователи, несомненно, сохраняли африканские элементы в своем мировоззрении, но не проявляли заметного или сознательного интереса к этим корням» [Sidbury, 1997, 83]. Схожей позиции придерживается и М. Николлс.

2. Субъективные

2.1. Личные мотивы

Личные конфликты некоторых рабов с плантаторами назывались одной из основных причин возникновения Вирджинского заговора. Первым, кто озвучил подобную версию, был известный американский журналист Джеймс Томсон Каллендер, пребывавший на тот момент в заключении в ричмондской тюрьме по обвинению в подстрекательстве к бунту. 13 сентября 1800 года в письме вице-президенту Томасу Джефферсону он сообщал, что хозяин Габриэля – Томас Генри Проссер «необычайно варварски вел себя по отношению к своим рабам», чем фактически спровоцировал восстание [To Thomas Jefferson..., 13 September 1800]. Впоследствии эта версия не раз воспроизводилась в различных аболиционистских изданиях.

Если же обратиться непосредственно к материалам дела, можно найти несколько упоминаний, подтверждающих, что Габриэль и его сподвижники были движимы мотивами личной мести, причем как конкретным людям, так и всем белым. В частности, сам лидер восстания в качестве первых жертв выбрал своего хозяина и бывшего надсмотрщика, арендатора соседней плантации Авессалома Джонсона, с которым у него в сентябре 1799 года произошел серьезный конфликт, закончившийся судебным разбирательством, обвинительным приговором и клеймением. Причем если в отношении Томаса Генри Проссера все предельно ясно, то в случае с Джонсоном, даже не являвшимся землевладельцем, однозначно просматриваются мотивы личной мести.

Безусловно, Габриэль не был одинок в желании поквитаться за нанесенные оскорбления со своими владельцами. К примеру, Уилл Мосби «был полон решимости убить своего хозяина», Билли Липскомб, самостоятельно присоединившийся к заговору, «заметил, что подвергся насилию со стороны господина, и выразил желание отомстить» [Sidbury, 1997, 88]. Ряд рабов, по всей видимости, и вовсе исходил из мотивов мести всем белым вне зависимости от пола, возраста и социального положения. К примеру, Джейкоб Вудфин заявлял: «Я убью белого человека так же легко, как сажусь поест», Торнтон Гилман был «чертовски рад услышать», что они вскоре будут «убивать белых», Льюис Уильямсон жаждал отомстить за свое угнетение, отрубив «голова своему господину и госпоже», а также «знал, где их деньги» [Sidbury, 1997, 88]. Последнее тоже важно, так как многие рабы были увлечены жадой не только мести, но и наживы, чему сохранилось немало свидетельств.

Касательно мотивов мести и планов самого Габриэля по отношению к белым существует два противоположных мнения. Согласно первому, он ожидал, что после начала восстания к нему присоединятся городские рабочие, а после победы бывший невольник сядет за один стол с местными торговцами; кроме того, лидер заговора велел щадить квакеров, методистов, французов и белых женщин, не имевших рабов. В то же время участник заговора Бен Проссер заявлял, что повстанцы готовили массовую резню всех белых мужчин «от колыбели и выше» [Sidbury, 1997, 97].

2.2. Действия властей

Несомненно, важным субъективным фактором стала недооценка опасности восстания со стороны вирджинских властей. Так, например, слухи о заговоре активно начали распространяться за несколько недель до выступления, но местные власти откровенно игнорировали подобные обращения, считая их сильно преувеличенными [Sidbury, 1997, 120–121].

Более того, в июне 1800 года ряд армейских частей был расформирован, а имевшееся оружие направлено на инвентаризацию в Ричмонд. Предполагалось, что оно будет заменено на новые мушкеты, закупленные в Филадельфии в количестве 4 тысяч. Это предоставляло заговорщикам отличную возможность атаковать безоружный город и захватить арсенал. Именно он был основной целью восставших в Ричмонде. Согласно показаниям Бена Проссера и Гилберта Янга, Габриэль даже пытался договориться с привратником, свободным мулатом Робертом Коули, имевшим доступ к оружейной комнате Капитолия [Egerton, 1993, 57–58].

О том, что восставшие однозначно знали о происходящем, еще более красноречиво свидетельствует эпизод на собрании 10 августа в Свит-Спрингс, где состоялась дискуссия по поводу определения даты начала выступления между Беном Вулфолком и Мартином Проссером. Последний,

выступая против отсрочки восстания, заявил, что более подходящего момента ждать не приходится, так как «солдаты уволены, все оружие убрано и отсутствуют патрули» [Sidbury, 1997, 59–60].

Фактор очевидной недооценки опасности и масштабов возможного восстания отмечают практически все исследователи и современники, акцентируя внимание на том, что если бы не форс-мажорные обстоятельства, то у повстанцев были бы все шансы на успех.

Итак, проведенный анализ показывает, что заговор 1800 года нельзя назвать спонтанной попыткой организации бунта рабов. Он являлся результатом долгой и кропотливой организационной работы, проходившей в весьма благоприятных условиях. Бесспорным свидетельством этого становится наличие целого комплекса взаимосвязанных причин и предпосылок, как объективных, так и субъективных.

Американская, Великая французская и особенно Гаитянская революции, несомненно, повлияли на этот процесс, став примерами успешного освобождения в результате вооруженного восстания, вынудившими власти пойти на важные социальные преобразования. Обострившиеся противоречия между правящими партиями США и фактическое противостояние Генеральной Ассамблеи штата и федерального правительства создали весьма благоприятные условия для восстания рабов. Кризис 1793 года и глубокие изменения в экономическом укладе привели к усилению классового антагонизма, причем как в городах, так и в сельской местности. Кризис плантационного хозяйства и рост спроса на квалифицированную рабочую силу в городах привел к перестройке экономической системы и, как следствие, самой системы социальных отношений, заставив рабовладельцев отказаться от жесткой патриархальной модели управления и предоставить своим рабам больше свобод. Количественный рост и креолизация чернокожего населения в Вирджинии также являлись важной предпосылкой качественных изменений. Совокупность различных социокультурных факторов привела к созданию принципиально новых возможностей для самоорганизации и сопротивления; культурная обособленность представителей различных африканских племен и народностей отошла на второй план, уступив место афроамериканской идентичности. И наконец, наличие личной заинтересованности отдельных рабов и явные просчеты властей Вирджинии сделали успех восстания весьма вероятным.

Все перечисленное говорит не только о создании благоприятных условий для восстания, но и о складывании самой настоящей революционной ситуации. Однако, как известно, не всякая революционная ситуация ведет к революции.

ЛИТЕРАТУРА

Ефимов А.В. Очерки истории США. От открытия Америки до окончания гражданской войны. М.: Учпедгиз, 1958. 441 с.

- Нитобург Э.Л. Негры США. XVII – начало XX в.: историко-этнографический очерк. М.: Наука, 1979. 297 с.
- Egerton D.R. Gabriel's Rebellion: The Virginia Slave Conspiracies of 1800 and 1802. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1993. 262 p.
- Gabriel's Conspiracy: A Documentary History / ed. by Philip J. Schwarz. Charlottesville: University of Virginia Press, 2013. 260 p.
- Gabriel's Defeat (September 17, 1831). URL. <https://encyclopediavirginia.org/entries/gabriels-defeat-september-17-1831/> (дата обращения: 30.05.2022).
- Gabriel's Defeat (October 21, 1831). URL. <https://encyclopediavirginia.org/entries/gabriels-defeat-october-21-1831/> (дата обращения: 30.05.2022).
- Harrison Daniel W. Virginia Baptists and the Negro in the Antebellum Era // Journal of Negro History. January 1971. Vol. LVI, № 1. P. 1–16.
- Higginson T.W. Gabriel's Defeat // The Atlantic Monthly, September 1862. P. 337–345. URL. <https://encyclopediavirginia.org/entries/gabriels-defeat-by-thomas-wentworth-higginson-september-1862/> (дата обращения: 30.05.2022).
- Letter from Mosby Sheppard to James Monroe (August 30, 1800). URL. <https://encyclopediavirginia.org/entries/letter-from-mosby-sheppard-to-james-monroe-august-30-1800/> (дата обращения: 30.05.2022).
- Nicholls M.L. Whispers of Rebellion: Narrating Gabriel's Conspiracy. Charlottesville: University of Virginia Press, 2012. 248 p.
- Raboteau A.J. African-American Religion. New York: Oxford University Press, 1999. 144 p.
- Raboteau A.J. The Slave Church in the Era of the American Revolution // Berlin I. and Hoffman R., eds. Urbana: The University of Illinois Press, 1986. P. 193–216.
- Sidbury J. Ploughshares into Swords: Race, Rebellion, and Identity in Gabriel's Virginia, 1730–1810. Cambridge, England: Cambridge University Press, 1997. 292 p.
- Sutcliff R. Travels through Some Parts of North America, in the Years 1804, 1805, and 1806. Philadelphia, Pa.: B. and T. Kite, 1812. 318 p.
- Testimony in the Trial of Gabriel (October 6, 1800). URL. <https://encyclopediavirginia.org/entries/testimony-in-the-trial-of-gabriel-october-6-1800/> (дата обращения: 30.05.2022).
- To Thomas Jefferson from James Thomson Callender, 13 September 1800. URL. <https://wwwFOUNDERS.archives.gov/documents/Jefferson/01-32-02-0090> (дата обращения: 30.05.2022).
- Weld I. Travels through the States of North America. 2 vols. 1807. Reprint. New York: Johnson Reprints, 1968. 412 p.
- Wilson C. Criminal History of Mankind. New York: Putnam's Sons, 1984. 702 p.

A.A. Shumakov

Candidate of Historical Sciences

Associate Professor,

Humanities Chair,

Tula Branch of the Plekhanov Russian University of Economics

Tula, Russia

Gabriel's Failed Revolution of 1800: Causes and Prerequisites

This work is devoted to a very little-studied topic of the Virginia Slave Conspiracy led by Gabriel and is the first study of this issue in Russian historiography. The present article analyzes in detail the causes and prerequisites of the failed uprising of 1800. At the same time, the author relies on the published materials of the trial and the works of leading Western researchers.

The first part is devoted directly to the history of studying this issue. Using historical-genetic and retrospective methods, the author traces the influence of foreign policy, domestic political, social, economic, demographic, socio-cultural factors on the formation of a socially explosive situation in Virginia by 1800, and also identifies a number of subjective reasons and prerequisites for a slave conspiracy, such as: motives of personal revenge and banal miscalculations of the authorities who did not take proper measures. At the same time, the main emphasis is on comparing approaches and substantiating the complex of causes and prerequisites in Western historiography.

As a result, the author comes to the conclusion that in the case of Gabriel's conspiracy, it is not just about a failed uprising, but about the emergence in Virginia of the late XVIII – early XIX centuries of a real revolutionary situation, the formation of which was facilitated by a combination of interrelated factors.

The results of the research conducted in this article can be used in research and teaching activities related to the study of American history and the history of the African-American people (Black History).

Key words: *Gabriel Prosser conspiracy; Virginia Conspiracy; slave revolts; Richmond; slavery; abolitionism; African-American history (Black History); Gabriel Prosser; James Monroe; Thomas Jefferson.*

REFERENCES

Efimov A.V. Essays on the History of the USA. From the Discovery of America to the End of the Civil War [Ocherki istorii SSHA. Ot otkrytiya Ameriki do okonchaniya grazhdanskoj vojny]. M.: Uchpedgiz, 1958. 441 p. (in Russian).

Nitoburg E.L. Negroes of the USA. XVII – the Beginning of the XX Century: Historical and Ethnographic Essay. [Negry SSHA. XVII – Nachalo XX v.: istoriko-etnograficheskiy ocherk]. Moscow: Nauka, 1979. 297 p. (in Russian).

Egerton D.R. Gabriel's Rebellion: The Virginia Slave Conspiracies of 1800 and 1802. By Douglas R. Egerton. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1993. 262 p. (in English).

Gabriel's Conspiracy: A Documentary History. Ed. Philip J. Schwarz. Charlottesville: University of Virginia Press, 2013. 260 p. (in English).

Gabriel's Defeat (September 17, 1831). Available at: <https://encyclopediavirginia.org/entries/gabriels-defeat-september-17-1831/> (accessed: 30.05.2022) (in English).

Gabriel's Defeat (October 21, 1831). Available at: <https://encyclopediavirginia.org/entries/gabriels-defeat-october-21-1831/> (accessed: 30.05.2022) (in English).

Harrison Daniel W. Virginia Baptists and the Negro in the Antebellum Era. *Journal of Negro History*. January 1971, vol. LVI, no 1, pp. 1–16 (in English).

Higginson T.W. Gabriel's Defeat // *The Atlantic Monthly*, September 1862, 337–345. Available at: <https://encyclopediavirginia.org/entries/gabriels-defeat-by-thomas-wentworth-higginson-september-1862/> (accessed: 30.05.2022) (in English).

Letter From Mosby Sheppard to James Monroe (August 30, 1800). Available at: <https://encyclopediavirginia.org/entries/letter-from-mosby-sheppard-to-james-monroe-august-30-1800/> (accessed: 30.05.2022) (in English).

Nicholls M.L. Whispers of Rebellion: Narrating Gabriel's Conspiracy. Charlottesville: University of Virginia Press, 2012. 248 p. (in English).

Raboteau A.J. African-American Religion. New York: Oxford University Press, 1999. 144 p. (in English).

Raboteau A.J. The Slave Church in the Era of the American Revolution. Berlin I. and Hoffman R., eds., Urbana: The University of Illinois Press, 1986, pp. 193–216 (in English).

Sidbury J. Ploughshares into Swords: Race, Rebellion, and Identity in Gabriel's Virginia, 1730–1810 (Cambridge, England: Cambridge University Press, 1997. 292 p. (in English).

Sutcliff R. Travels through Some Parts of North America, in the Years 1804, 1805, and 1806. Philadelphia, Pa.: B. and T. Kite, 1812. 318 p. (in English).

Testimony in the Trial of Gabriel (October 6, 1800). Available at: <https://encyclopediaivirginia.org/entries/testimony-in-the-trial-of-gabriel-october-6-1800/> (accessed: 30.05.2022) (in English).

To Thomas Jefferson from James Thomson Callender, 13 September 1800. Available at: <https://wwwFOUNDERS.archives.gov/documents/Jefferson/01-32-02-0090> (accessed: 30.05.2022) (in English).

Weld I. Travels through the States of North America. 2 vols. 1807. Reprint. New York: Johnson Reprints, 1968. 412 p. (in English).

Wilson S. Criminal History of Mankind. New York: Putnam's Sons, 1984. 702 p. (in English).

О.Ю. Иванова

Смоленский государственный университет

Смоленск, Россия

УДК 908

DOI 10.35785/2072-9464-2023-61-1-203-218

НАСТУПЛЕНИЕ КРАСНОЙ АРМИИ НА СЫЧЕВСКОМ НАПРАВЛЕНИИ В ХОДЕ ОПЕРАЦИИ «МАРС»

Ключевые слова: *операция «Марс»; операция «Уран»; Ржевско-Вяземский выступ; отвлекающая операция; железная дорога Сычевка – Ржев; 20-я армия.*

Статья посвящена наступлению Красной армии на Сычевском направлении в ходе операции «Марс» в ноябре-декабре 1942 года.

Данное наступление было одним из самых кровопролитных сражений среди всех частных отвлекающих боев операции «Марс». Именно здесь, северо-восточнее Сычевки, войска 20-й армии, сделав упор на массовое применение сведенных в танковые корпуса танков, попытались перерезать железную дорогу Сычевка – Ржев, что неминуемо привело бы к падению Ржева. Однако противник, разгадавший замысел советского командования, принял серьезные меры по организации противотанковой обороны, впервые применил новые эффективные средства борьбы с советскими танками. Это позволило ему достичь превосходства над советскими танковыми корпусами, которые тщетно пытались прорвать сильно укрепленные позиции немцев. Образовавшийся под Сычевкой позиционный тупик стал для врага победным (он отстоял Сычевку и железную дорогу на Ржев).

Для Красной армии бои под Сычевкой обернулись большими потерями. В тактическом плане войска 20-й армии своей цели не достигли и боевую задачу не выполнили. Однако в оперативном плане они на всем протяжении операции вели изматывающие противника ожесточенные бои, требовавшие от него постоянных подкреплений.

В итоге операции «Марс» Красная армия сковала огромные силы врага, в том числе резервы, которые так и не попали под Сталинград. В этом плане она успешно выполнила стоявшую перед ней стратегическую задачу, способствуя разгрому немцев на Волге.

Операция «Марс», или вторая Ржевско-Сычевская (25 ноября – 20 декабря 1942 года), – одна из самых спорных военных операций 1942 года. Она долгие годы замалчивалась. В 1977 году появилась посвященная ей статья американского исследователя Дэвида М. Гланца [Гланц, 1977]. В 2006 году вышла в свет его обстоятельная монография по этой теме [Гланц, 2006]. Автор утверждает, что из-за огромного масштаба и амбициозной стратегической цели операция «Марс» была по меньшей мере столь же важной, как и операция «Уран», а Жуков потерпел в ней поражение. Некачественный перевод и редактурa книги привели к многочисленным ошибкам (железная дорога Сычевка – Ржев, например, часто называется «шоссе», что приводит к путанице и затрудняет понимание текста). Книга Гланца разделила историков на два лагеря. Появились статьи со всевозможными оценками и комментариями, которые можно свести к двум основным точкам зрения. Первая: операция «Марс» была задумана как равнозначная операции «Уран», как отдельная самостоятельная операция, но КА не смогла реализовать стратегический замысел командования; вторая: операция «Марс» имела целью отвлечение и сковывание сил противника и с этой точки зрения достигла успеха [Орлов, 2000; Гуркин, 1999; Гуркин, 2000; Уланенков; Мягков, 2013; Гареев, 2003]. Интересные, не лишённые логики рассуждения об операции «Марс» содержатся в публикациях Г.Г. Кольванова; М. Ходаренка и О. Владимиров [Кольванов; Ходаренок, Владимиров].

Стремясь вырвать у врага стратегическую инициативу, советское Верховное командование приняло решение начать зимнюю кампанию 1942–1943 годов переходом в контрнаступление под Сталинградом. Политбюро ЦК ВКП(б), ГКО и Ставка постановили «считать предстоящую операцию в районе Сталинграда главным мероприятием до конца 1942 года на всем советско-германском фронте, сосредоточив на ней основное внимание...» (цит по: [История Второй мировой войны, 1976, т. 6, 28; Гареев, 2003, 18]).

Между тем летом и осенью 1942 года КА вела активные боевые действия на западном направлении, держала здесь крупные силы и резервы. Все это, по расчетам Ставки, должно было дезориентировать противника, создать у него иллюзию того, что именно здесь начнется широкое зимнее наступление советских войск. Немецкое командование и в самом деле

наиболее вероятным направлением возможных наступательных действий КА зимой 1942–1943 годов считало западное. «Противник на Восточном фронте перешел к жесткой обороне, имея цель удержать Ржев и Сычевку», – констатировала разведка ЗапФ [ГАНИСО, ф. 8, оп. 1, д. 21, л. 439].

В середине осени 1942 года немецкой авиаразведке удалось вскрыть переброску крупных советских резервов в районы южнее Торопца и северо-восточнее Сычевки. Немецкое верховное командование пришло к выводу о том, что КА «проводит подготовку крупной зимней операции против центральной группы армий, к которой она должна быть готова примерно в начале ноября...» [Великая Отечественная война, 1998, кн. 2, 35].

Дата начала операции «Марс» переносилась несколько раз, так как она была тесно связана с подготовкой контрнаступления под Сталинградом и всецело зависела от его временных рамок. Операция «Марс» фактически началась 24 ноября 1941 года, когда под г. Белым была проведена разведка боем, и закончилась 21 января 1942 года, когда 3-я УДА К.Н. Галицкого успешно завершила Великолукскую наступательную операцию КалФ.

Возможности в течение длительного времени обеспечить скрытность подготовки к операции и внезапность перехода в наступление не было. Не исключено, что переброска резервов специально афишировалась, чтобы привлечь внимание противника.

Германское ОКХ пришло к выводу: «Противник, очевидно, проводит подготовку крупной зимней операции против центральной группы армий, к которой он должен быть готов примерно в начале ноября... Направлением главного удара в зимней операции при действиях в районе северо-восточнее Сычевки и южнее Торопца должны быть середина и левый фланг группы армий “Центр”» [Там же, 35]. Таким образом, немцы задолго до начала операции разгадали замыслы советского командования, вскрыли районы разветывания, участки прорыва, привлекаемые силы, направления ударов и даже определили срок перехода советских войск в наступление, что свидетельствовало о потере КА элемента оперативной внезапности.

Ставка предпринимала все усилия, чтобы приковать внимание германского командования к западному направлению. Одной из таких мер стала акция по дезинформации: при помощи двойного агента была осуществлена «утечка» информации о том, что 15 ноября КА нанесет удар на Северном Кавказе и подо Ржевом. «Немцы ждали удара подо Ржевом и отразили его», – пишет П.А. Судоплатов [Судоплатов, 1996, 188]. Интересно, что сообщение двойного агента о советском наступлении во многом совпадало с подготовленным в ГШ планом.

Советская дезинформация достигла цели. С октября по начало декабря ГА «Центр» дополнительно получила 21 дивизию. Из-под Ленинграда против правого крыла КалФ немцы перебросили 11-ю А. Таким образом,

тот факт, что немцам благодаря дезинформации стали известны планы советского командования, сыграл не отрицательную, как пишет А.В. Исаев [Исаев, 2006, 232], а положительную роль, так как помог в осуществлении стратегических замыслов на Волге.

Организуя контрнаступление под Сталинградом, Ставка одновременно предусмотрела частные отвлекающие операции в районах Демянска, Великих Лук, Ржева и Вязьмы с целью сковывания сил врага, ликвидации угрозы Москве, а главное – привлечения туда дополнительных вражеских резервов. Сталин специально послал на западное направление именно Жукова, поскольку у немцев сложилось мнение: где Жуков – там наступление [Великая Победа, 2015, т. 4, 11]. Командующие фронтами и армиями истинной цели операции не знали, в нее были посвящены всего четыре человека: И.В. Сталин, Г.К. Жуков, А.М. Василевский, Л.П. Берия [Великая Отечественная война, 2012, т. 3, 393].

Операцию «Марс» планировалось начать 25 ноября сразу по трем направлениям. На ее первом этапе 20-я и 31-я А ЗапФ должны были нанести удар по восточному фасу ржевско-вяземского выступа на 40-километровом участке вдоль рек Осуга и Вазуза. Одновременно войскам 22-й и 41-й А КалФ ставилась задача нанести встречный удар с западного фаса выступа, из района Белого в направлении на Холм-Жирки, окружить немецкую 9-ю А и уничтожить ее по частям. 3-я УдА КалФ должна была перейти в наступление с задачей охватить Великие Луки с двух сторон. «Удары наносились на широком фронте, на ряде разобренных направлений», – анализирует ситуацию М. Гареев. Сделано это было специально, «с целью максимально сковать все основные группировки войск ГА “Центр”» [Гареев, 2003, 19].

Документы Ставки по операции «Марс» не опубликованы, что вызывает различные трактовки ее целей, задач, хода и итогов. Некоторые исследователи [Гланц, 1977; Гланц, 2006; Исаев, 2006; Колыванов], в отличие от официальной трактовки, считают ее не отвлекающей, а главной на том основании, что в ней было задействовано больше сил, чем в Сталинградской наступательной операции, которую, в свою очередь, относят к второстепенной, отвлекающей. Они опираются на опубликованную в томе 6 «Истории Второй мировой войны» 1976 года таблицу по распределению сил и средств на советско-германском фронте на 19 ноября 1942 года. Ее данные свидетельствуют о том, что на КалФ и ЗапФ на участке от Холма до Болхова была сосредоточена наиболее значительная часть всей группировки советских войск на советско-германском фронте – 31,4% всей живой силы, 32% орудий и минометов, 45,9% всех танков [История Второй мировой войны, 1976, т. 6, 35]. КалФ и ЗапФ вместе с Московской зоной обороны имели 1890 тыс. человек и 3375 танков, в то время как три фронта под Сталинградом – 1103 тыс. человек и 1463 танка. Однако при этом в состав сил под Сталинградом

не включены части, брошенные под Сталинград уже после контрудара Манштейна, в то время как Д. Гланц в состав советских войск под Москвой включает резервы Ставки (войска Московской зоны обороны), хотя в боевых действиях они участия не принимали.

Итак, численность советских войск в начале операции «Марс» составляла 545 070 человек (без войск 5-й и 33-й А, Московской зоны обороны) [Россия и СССР в войнах XX века, 2010, 356]. Численность же войск трех советских фронтов под Сталинградом на 19 ноября равнялась 1103 тыс. человек [История Второй мировой войны, 1976, т. 6, 35] или 1106 тыс. человек [История Второй мировой войны, 1976, т. 6, 45; Советская Военная энциклопедия, т. 7, 518]. Таким образом, в операции «Марс» были задействованы относительно небольшие силы – не более трети всех сил фронтов, что было в два раза меньше численности войск, первоначально задействованных в Сталинградской наступательной операции [Попель, 2001, 435–436]. Никакие манипуляции с цифрами изменить соотношение сил не могут: однозначно под Сталинградом было задействовано больше советских войск, чем в операции «Марс» на ржевско-вяземском выступе.

Учет резервов Ставки, не задействованных в ходе операции «Марс», привел ряд исследователей к ошибочному заключению: в «отвлекающей операции», пишут А.В. Исаев, Г. Колыванов, не может быть задействовано сил больше, чем в основном наступлении, так как это противоречит принципу военного искусства – массированию сил и средств на направлении главного удара. Выходит, операция «Марс», делают вывод они, не отвлекающая, а главная [Исаев, 2006, 230; Колыванов]. Сложности в оценке операции «Марс» заключаются в том, что материалы по ней до сих пор засекречены. В пользу отвлекающего характера операции могут говорить лишь отдельные, но крайне важные свидетельства. Например, то, что снаряды отправлялись под Сталинград, а наши войска на Ржевско-Вяземском выступе оставались на «голодном пайке».

Но в данном конкретном случае значительная по масштабам отвлекающая операция «Марс» со множеством ударов на разных направлениях требовала и соответствующих сил для ее реализации. Необходимые для выполнения задач силы были подсчитаны ГШ и выделены. Осенью 1942 года, в отличие от начала года, Ставка ВГК действовала более реалистично, осуществляя не несколько, как тогда, а лишь одну крупную стратегическую операцию под Сталинградом. Но даже ее с трудом удалось обеспечить материально. Экономика СССР еще не была способна на большее. Вот почему ЗапФ и КалФ, сковавшие одну из самых сильных немецких группировок в интересах войск под Сталинградом, не получили к началу операции и в ходе ее ни одного снаряда. В итоге запасы имевшихся в войсках КалФ и ЗапФ боеприпасов были меньше требуемого в 3–13 раз (в зависимости от калибра) [История Второй мировой войны, 1976, т. 6, 40]. Низкую обеспеченность боеприпасами усугубляло и то, что на

второй день операции командование ЗапФ повторило артподготовку, израсходовав боеприпасы, предназначенные на всю операцию [Радзиевский, 1979, 50; ЦАМО РФ, ф. 208, оп. 2513, д. 1156, 266].

Периметр ржевско-вяземского выступа обороняла 9-я А генерал-полковника Вальтера Моделя. Общая ее численность к началу советского наступления составляла 140 тыс. человек, 1 900 орудий и 125 танков. На направлениях главных ударов КалФ и ЗапФ превосходили немецкую 9-ю А по людям в 4, по танкам – в 10, по артиллерии – более чем в 2 раза.

Особенностью операции «Марс» должно было стать массовое применение танковых (механизированных) корпусов, на которые делалась основная ставка. Однако советские тк и мк не имели в своем составе достаточно мощной артиллерии, в том числе САУ, и потому значительно уступали по боевым возможностям эквивалентным немецким соединениям – тд. Гитлеровцы обладали значительным превосходством в подвижных частях, оперативно перебрасывая их на направления, где складывалась неблагоприятная ситуация.

Наступление на Сычевском направлении началось 25 ноября, первым его этапом стала артподготовка, которая велась с 7-50 на протяжении 1,5 часа. Густой туман и пурга резко снизили видимость, которая не превышала 20 м [Гетман, 1973, 64]. В результате эффективность артогня, который велся вслепую, не прицельно, а наугад, оказалась крайне низкой [ЦАМО РФ, ф. 373, оп. 6631, д. 56, 24]. Позже из показаний пленных выяснилось, что по западному берегу Вазузы противник имел только сильное боевое охранение, а главная полоса обороны была отнесена от берега на несколько километров. КА вела артподготовку по окопам боевого охранения, тогда как основные огневые точки оказались неподдающимися из-за плохо проведенной разведки [Северюгов, 1957, 143]. Густой туман и снегопад, однако, сыграли и положительную роль: дали возможность пехоте достичь вражеских окопов почти без потерь [Попель, 2001, 443].

31-я А прорвать оборону врага не смогла, так же как и наступавшие южнее в направлении на Гредякино три дивизии правого крыла 20-й А. Еще южнее 247-я сд генерал-майора Г.Д. Мухина совместно с 80-й и 240-й тбр сумела форсировать Вазузу и захватить небольшой плацдарм на ее западном берегу, выбив противника из калининских деревень Зеваловка и Кузнечиха. К исходу дня дивизия овладела сычевскими населенными пунктами Бобровка, Старая и Новая Гриневка, Подъяблонька, Холм, продолжая наступать в юго-западном направлении.

Усилия 247-й сд поддержала 148-я сбр, овладевшая д. Пруды. Стремясь развить успех, командующий 20-й А генерал-майор Н.И. Кирюхин бросил на помощь 247-й сд 331-ю сд полковника П.Ф. Берестова, поставив ей задачу расширить плацдарм. Форсировав Вазузу к югу от с. Хлепень, дивизия продвинуться вперед не смогла. Прорыва, таким образом, добиться не удалось, и плацдарм не был расширен. Это, однако, не остановило Н.И. Кирюхина, решившего выдвинуть на пятачок шириной в 3 и глубиной в 1,5 км

8-й гв. ск с целью развития успеха. В свою очередь, Г.К. Жуков и комфронта И.С. Конев приняли решение, не дожидаясь образования бреши во вражеской обороне, здесь же ввести в бой подвижную группу (6-й тк П.М. Армана и 2-й гв. кк В.В. Крюкова).

На рассвете 26 ноября на плацдарм начали выдвигаться части 8-го гв. ск, 6-го тк и 2-го гв. кк. «...Две сотни танков, 30 тысяч солдат, 10 тысяч кавалеристов длинными колоннами растянулись по двум узким дорогам и мостам», – пишет Н.К. Попель [Попель, 2001, 444]. Войска при этом подвергались беспощадному артиллерийскому обстрелу, несли потери. Затруднили переправу возникший хаос и неорганизованность. Поскольку плацдарм был слишком мал, то в первую очередь на него переправляли танки и пехоту 6-го тк. Предназначенные для стремительных атак дивизии 2-го гв. кк смогли переправиться лишь 27 ноября. К середине дня 26 ноября 6-й тк п-ка П.М. Армана завершил переправу и получил приказ, развивая успех 247-й сд, овладеть сычевскими населенными пунктами Новая Гриневка, Никоново, Арестово и др., после чего перерезать железную дорогу Сычевка – Ржев.

Другой неприятный для танкистов сюрприз – многочисленные уцелевшие в тылу у них мелкие немецкие подразделения (роты, взводы, батареи). Они укрепились в кирпичных домах, превращенных в дзоты, заняли позиции под взорванными советскими танками. Уничтожить их не представлялось возможным – для этого нужен был артиллерийский огонь прямой наводкой. Однако советские танки действовали без артиллерийского сопровождения и пехоты и потому несли большие потери. Уже в первый день наступления потери 6-го тк оказались огромными. Из-за неподавленной системы артогня противника 22-я тбр потеряла почти половину из своих 60 танков [Гланц, 2006, 137], а в целом корпус – 50–60% боевых машин и до 60% бойцов [Исаев, 2006, 241]. Более того, ночью противник сумел вернуть с таким трудом захваченные 6-м тк деревни Никоново, Большое и Малое Кропотово, Арестово, Подосиновку.

Тем не менее 26 ноября, как пишет Д. Гланц, немцам удалось лишь чудом избежать катастрофы. Они сумели удержать оборону, так как эффективно перемещали свои войска на угрожаемые направления [Гланц, 2006, 140]. Противник усиленно перебрасывал к участку прорыва части XXVII ак из района Ржева и XXXIX тк со стороны Сычевки. Они готовили удар, но наши войска их опередили [Ющук, 1974].

Бронетанковые силы 20-й А – почти 200 танков – к концу дня вплотную подошли к железной дороге, но не смогли ее пересечь и не выполнили поставленную задачу первого дня наступления. Немцы ожесточенно оборонялись. На полях догорали 50 сожженных советских танков [Там же]. Подступы к железной дороге немцы защищали с невероятным упорством. «Нам объяснили, что надо обороняться изо всех сил, – показал пленный немец, – так как если Ржевская железная дорога будет захвачена русскими, немецкой армии придется удирать до Смоленска»... (цит. по: [Гетман, 1973, 71; ЦАМО РФ, ф. 373, оп. 6631, д. 56, 15]).

27 и 28 ноября командование 20-й А снова направило усилия на дальнейшее расширение плацдарма. Немцы же старались удержать позиции до подхода оперативных резервов. Утром 28 ноября 25 бомбардировщиков Ju 88 нанесли удар по боевым порядкам советских войск в районе д. Крюково. Зенитчики стреляли очень метко и сбили 18 из них [ЦАМО РФ, ф. 373, оп. 6631, д. 56, 25].

В ночь с 28 на 29 ноября к месту прорыва подошли немецкие резервы со стороны Вязьмы, Сычевки и Ржева. Они тут же нанесли сильные встречные контрудары. В итоге части 6-го тк и 2-го гв. кк оказались отрезанными от основных сил 20-й А западнее железной дороги. У танкистов на исходе были боеприпасы и горючее. И.С. Конев приказал 6-му тк нанести удар с тыла по врагу, сдерживавшему наступление 20-й А. Утром 29 ноября части корпуса совместно с самокатно-мотоциклетной бригадой атаковали с запада Малое Кропотово и к 9-00 захватили его, потеряв 18 танков и половину личного состава [Исаев, 2006, 246]. Танкисты организовали оборону деревни, ожидая наши части с востока. Они вкопали в землю оставшиеся пять танков, чтобы применить их как неподвижные огневые точки.

Противник атаковал Малое Кропотово вечером 29 ноября. Ожесточенный бой за деревню продолжался и ночью. В ночь на 30 ноября подразделения 6-го тк прорвались к д. Никоново Петраковского сельсовета, где соединились с войсками 20-й А.

Крупного успеха на западном берегу р. Вазузы добилась 150-я сбр подполковника И.М. Подберезина и 148-я сбр подполковника М.И. Герусова. Стремясь расширить плацдарм в южном и юго-западном направлениях, 1 декабря после нескольких дней боев бригады сумели захватить [Наступательная операция «Марс». Штурм Хлепня; ЦАМО РФ, ф. 373, оп. 6631, д. 56, 27–30] крупный немецкий оп Хлепень, что позволило обезопасить правый фланг 20-й А.

30 ноября противник, сосредоточив крупные силы пехоты и танков у станции Осуга, повел наступление на конницу 3-го гв. кк, находившуюся в тылу, вблизи немецкой передовой. Заняв д. Белохвостово и совхоз Никишкино, немцы намеревались окружить и уничтожить кавалеристов. В создавшейся обстановке командование ЗапФ по радио объединило ряд кавалерийских частей в кавалерийскую группу во главе с командиром 20-й кд полковником П.Т. Курсаковым. Ей было приказано, не ввязываясь в затяжные бои, уйти в глубокий тыл противника – урочище Починковский Мох и приступить к партизанским действиям в районе железной дороги Ржев – Великие Луки и большака Сычевка – Холм-Жирковский [ЦАМО РФ, ф. 17, оп. 480945, д. 1, 10].

Однако выполнить приказ оказалось непросто. 1 декабря группа Курсакова выдвинулась в лес в районе д. Макруши, западнее дороги Сычевка – Ржев. Поскольку железная дорога в ходе боевых действий была блокирована, этот большак стал единственным, по которому снабжался Ржев.

Интенсивное движение по нему, а также вражеская пехота и танки, перекрывшие участок Карпово – Сверкушино, делали задачу пересечения дороги трудновыполнимой. Выбора не было. Большой части группы удалось пересечь большак. Однако часть войск оказалась отсеченной от основных сил и сумела преодолеть его лишь 2 декабря.

С 4 декабря группа Курсакова расположилась на базе партизанского отряда «За Родину» в урочище Ушинский Мох, что в глубине обширного Починковского леса. Она наносила удары по тыловым частям врага совместно с партизанами. Наиболее крупной победой стало уничтожение немецкого артиллерийского дивизиона в населенном пункте Ильюшкино Андреевского района в ночь на 16 декабря. Враг потерял до двухсот солдат и офицеров.

Командующий фронтом Конев прислал конникам поздравительную радиogramму по случаю этой победы [ЦАМО РФ, ф. 17, оп. 480945, д. 1, 12]. Автор книги «За рейдом рейд» П.Н. Кудинов допустил досадную ошибку: ночной бой за населенный пункт Ильюшкино он описал как бой за районный центр Холм-Жирки [Кудинов, 1983, 69–73]. Бой начался, по его словам, со взрыва партизанами железнодорожного моста рядом с селом. Это свидетельствует о том, что автор не знает того, о чем пишет, так как районный центр не имеет железнодорожного сообщения.

После потери Ильюшкино немецкое командование сняло с фронта 87-ю пд и несколько лыжных батальонов и направила их на северо-запад Андреевского района [Кудинов, 1983, 156].

Учитывая сложившееся положение, 24 декабря командование ЗапФ отдало кавгруппе приказ покинуть Починковский лес и идти на соединение с войсками КалФ. 3 января группе удалось без потерь пересечь Шиздеровский большак, контролируемый немцами, и выйти в тыл прифронтовых частей противника. Ослабленная, без продовольствия и боеприпасов, она была не в состоянии преодолеть передний край вражеской обороны.

Командование 22-й А в день прорыва 6 января организовало артиллерийскую подготовку по позициям противника в районе выхода танкистов и конников. Танки расширили брешь, через которую в течение двух суток выходили окруженцы. Д. Гланц признает: «Рискованный 40-дневный рейд в тылу врага остался героической страницей». Отрезанная от основных войск советская кавалерия продержалась более месяца, «проявив поразительную стойкость и отвагу», и в конце концов прорвалась к своим [Гланц, 2006, 355, 358].

4 декабря в командование 20-й А вступил генерал-майор М.С. Хозин [ЦАМО РФ, ф. 148а, оп. 3763, д. 126, 198]. Армия ни на день не прекращала попыток взломать вражескую оборону. 1 декабря на северном фланге ее соединения наконец-таки взяли Гредякино. На остальных участках успехов не было. Противник ожесточенно сопротивлялся, а наши стрелковые части лишились серьезной поддержки танков.

8 декабря 1942 года командующие войсками ЗапФ и КалФ получили директиву Ставки «О задачах по разгрому ржевско-сычевско-оленино-белыйской группировки противника», которая приказывала совместными усилиями КалФ и ЗапФ к 1 января 1943 года разгромить группировку противника в районе Ржев – Сычевка – Оленино – Белый и прочно закрепиться на фронте Ярыгино – Сычевка – Андреевское – Ленино – Новое Ажево – Дентялево – Свиты. ЗапФ предписывалось в течение 10–11 декабря прорвать оборону противника на участке Большое Кропотово, Ярыгино и не позднее 15 декабря овладеть Сычевкой, 20 декабря вывести в р-н Андреевское не менее двух сд для организации замыкания совместно с 41-й А КалФ окружения противника [ЦАМО РФ, ф. 148а, оп. 3763, д. 126, 203; Жуков, 1985, т. 2, 312]. К концу января 1943 года намечалось разгромить всю гжатско-вяземско-холм-жирковскую группировку противника и выйти на линию старого оборонительного рубежа 1941 года. Со взятием Вязьмы операция считалась завершённой [Русский архив, 1996, 163].

Наступление началось 11 декабря в 10-10 по всему фронту армии. Артподготовка длилась 50 минут, после чего войска 20-й А пошли в атаку. Она осуществлялась «в лоб». Особенно ожесточенный характер носили бои за Подосиновку и Жеребцово, Большое и Малое Кропотово. Жеребцово и Подосиновка с 11 по 14 декабря переходили из рук в руки по несколько десятков раз. Не случайно район боев у этих населенных пунктов, усеянный нашими сгоревшими танками, называли «Долиной смерти» [Наступательная операция «Марс». 14 декабря].

За неделю тяжелейших боев войска 20-й А окончательно исчерпали свои наступательные возможности. Только за первый день наступления 5-й тк потерял 48 танков [Исаев, 2006, 255]. Как утверждает Д. Гланц, за двое суток наступления на участке шириной в 4 км было уничтожено 300 советских танков [Гланц, 2006, 333; Гланц, 1977, 23].

Упор на массовое применение танков себя не оправдал. А.В. Исаев называет создавшуюся ситуацию классическим позиционным тупиком [Исаев, 2006, 257, 277]. Создав механизированные корпуса, КА несколько улучшила боевое применение танков, но все же уступала немецким танковым дивизиям, имевшим в своем распоряжении мощные и маневренные САУ: StuG III с длинноствольной 75-мм пушкой и дополнительным бронированием передней части корпуса [Холявский, 2001, 29], 76,2-мм противотанковые самоходные пушки «Мардер II» и САУ «Мардер II» с 75-мм пушкой Pak 40. Самоходные орудия, пишет Гроссман, «были лучшим истребительно-противотанковым оружием и часто спасали в безвыходных положениях» [Гроссман, 1996, 94].

Помимо самоходок, германские войска научились весьма успешно применять для борьбы с танками 88-мм зенитную пушку Flak 18. Она по праву считается одним из наиболее грозных образцов оружия вермахта, одинаково эффективного как против самолетов, так и против бронетанковой техники [Шунков, 2004, 199]. Основным противотанковым средством пехоты с весны 1942 года стала колесная 75-мм пушка Pak 40.

Противник, получив эффективные средства борьбы с советскими танками, умело использовал их на поле боя. Немцы старались занять выгодные для себя позиции, где создавали продуманную систему огня противотанковой артиллерии. САУ, как правило, действовали из засад, внезапно и почти в упор поражая наши танки. Зенитки Flak 18 служили для уничтожения прорвавшихся танков. Кроме того, у немцев были сформированы группы «истребителей танков», вооруженных подрывными снарядами. Часть советских танков к тому же увязала в снегу или бросалась экипажами из-за неисправностей. Противник гибко маневрировал резервами, постоянно перебрасывал боевые группы на угрожаемые направления. Войска же 20-й А действовали шаблонно, лишь иногда применяли тактику штурмовых групп. Слабый уровень боевой подготовки войск наряду с мощной немецкой противотанковой обороной оказался еще одной причиной позиционного тупика, из которого не было выхода. 18 декабря М.С. Хозин подписал приказ о переходе армии к обороне. В целом к январю 1943 года положение на этом участке фронта стабилизировалось.

Подводя итог, можно сказать, что наступление Красной армии на Сычевском направлении в ходе операции «Марс» не смогло привести к значительным тактическим успехам, несмотря на героизм и самопожертвование советских войск. Причины этого заключаются в превосходстве сил противника, как численном, так и техническом. Противник резко усилил противотанковую оборону. Возник позиционный кризис. Преодолеть этот тупик, прорвать сильно укрепленные позиции врага КА в то время оказалась неспособна.

В то же время яростные бои на ржевско-вяземском выступе в ноябре-декабре 1942 года велись непрерывно, они не прекращались, невзирая на неудачи, большие потери, на нехватку времени и тщательной подготовки наступлений. Ставке был нужен не решительный прорыв с последующим наращиванием сил (хотя подобная возможность на ряде направлений не исключалась), а изматывающие противника бои на широком фронте, связывающие его войска, не дающие им возможности выйти из сражения, требующие подкреплений из-за угрозы падения выступа. Всего в операции «Марс» активными наступательными действиями наши войска сковали до 30 вражеских дивизий, завязших в кровопролитных боях. Вот почему ее никак нельзя признать провальной. Кроме выполнения стратегически важной задачи – способствовать успешному проведению операции «Уран» – операция «Марс» решила еще одну: сняла угрозу неожиданного вражеского удара на Москву.

ЛИТЕРАТУРА

Великая Отечественная война 1941–1945. Военно-исторические очерки. В 4 кн. Кн. 2: Перелом. М.: Наука, 1998. 502 с.

Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. Т. 3: Битвы и сражения, изменившие ход войны. М.: Кучково поле, 2012. 864 с.

Великая Победа: в 15 т. / под общ. ред. С.Е. Нарышкина, А.В. Торкунова. Т. 4: Другое лицо войны. М., 2015. 414 с.

- ГАНИСО – Государственный архив новейшей истории Смоленской области. Ф. 8. Оп. 1. Д. 21. Л. 439.
- Гареев М.А. Операция «Марс» и современные «марсиане» // Военно-исторический журнал. 2003. № 10. С. 17–21.
- Гетман А.Л. Танки идут на Берлин (1941–1945). М.: Наука, 1973. 392 с.
- Гланц Д. М. Операция «Марс» (ноябрь – декабрь 1942 г.) // Вопросы истории. 1977. № 8. С. 14–27.
- Гроссман Х. Ржев – краугольный камень Восточного фронта. Ржев: Ржевский книжный клуб, 1996. 156 с.
- Исаев А.В. Когда внезапности уже не было. История ВОВ, которую мы не знали. М.: Яуза, Эксмо, 2006. 480 с.
- История Второй мировой войны. 1939–1945. Т. 6: Коренной перелом в войне. М.: Воениздат, 1976. 520 с.
- Кудинов П.Н. За рейдом рейд. Калининград, 1983. 206 с.
- Мягков М.Ю. Операция «Марс»: ее стратегическое и военно-политическое значение в ходе Сталинградской битвы // Родина. 2013. № 2. С. 142–146.
- Попель Н.К. Танки повернули на запад. М. – СПб, 2001. 4480 с.
- Радзиевский А.И. Прорыв. По опыту Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М.: Воениздат, 1979. 191 с.
- Россия и СССР в войнах XX века: Потери вооруженных сил. Статистические исследования / под общ. ред. Г.Ф. Кривошеева. М.: Олма-пресс, 2001. 608 с.
- Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1942 год. Т. 16 (5-2). М., Терра, 1996. 624 с.
- Севрюгов С.Н. Так это было... Записки кавалериста (1941–1945). М.: Воениздат, 1957. 352 с.
- Советская Военная энциклопедия. Т. 7. М.: Воениздат, 1979. 448 р.
- Судоплатов П.А. Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля. М.: Гея, 1996. 510 с.
- Холявский Г.Л. Энциклопедия бронетехники. Гусеничные боевые машины, 1919–2000 гг. Минск: Харвест, 2001. 656 с.
- ЦАМО РФ – Центральный архив министерства обороны Российской Федерации. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 126.
- ЦАМО РФ. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 126.
- ЦАМО РФ. Ф. 17. Оп. 480945. Д. 1.
- ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2513. Д. 1156.
- ЦАМО РФ. Ф. 373. Оп. 6631. Д. 56.
- Шунков В.Н. Вермахт. Минск: Белкнига, 2004.
- Ющук И.И. В районе Сычевки // Рабочий путь. 1974. 11 июня.
- Гланц Д.М. Крупнейшее поражение Жукова. Катастрофа Красной Армии в операции «Марс» 1942 г. М., 2006. URL: http://militera.lib.ru/research/glantz_d03/index.html (дата обращения: 24.06.2020).
- Гуркин В.В. «Марс» в орбите «Урана» и «Сатурна» // Военно-исторический журнал. 2000. № 11. URL: <http://www/1942.ru/book/mars-ur-saturn/htm> (дата обращения: 24.06.2020).
- Кольванов Г. «Марс», оказавшийся в тени «Урана» // Независимое военное обозрение. 2005. 2 декабря. URL: <http://nvo.ng.ru/history/2005-12-02/5-mars.html> (дата обращения: 07.10.2017).
- Наступательная операция «Марс». 14 декабря. URL: hlepen.edusite.ru/p32aa1.html (дата обращения: 23.01.2016)
- Наступательная операция «Марс». Штурм Хлепня. URL: hlepen.edusite.ru/p16aa1.html (дата обращения: 23.01.2016).
- Орлов А.С. Операция «Марс»: различные трактовки // Мир истории. 2000. № 4. URL: <http://www.km.ru/referats/A0FEC80F60BF4607A3D75E85225915A2> (дата обращения: 24.06.2020).

Уланенков В.С. «Марс». Осколки, или Вторая Ржевско-Сычевская наступательная операция. 25.11–20.12.1942 г. URL: <http://ulausu.narod.ru/mars> (дата обращения: 07.06.2021).

Ходаренок М., Владимиров О. Не в бой, а на убой // Независимое военное обозрение. 2001. 8 июня. URL: http://nvo.ng.ru/history/2001-06-08/5_fight.html (дата обращения: 24.10.2020).

СОКРАЩЕНИЯ

А – армия
б-н – батальон
гв. – гвардейский
ГА – группа армий
ГШ – Генеральный штаб
ВГК – Верховное главнокомандование
ЗапФ – Западный фронт
КалФ – Калининский фронт
КА – Красная армия
кд – кавалерийская дивизия
кк – кавалерийский корпус
кп – кавалерийский полк
мк – механизированный корпус
мсд – мотострелковая дивизия
ОКХ – главное командование сухопутных сил вермахта
оп – опорный пункт
пд – пехотная дивизия
тбр – танковая бригада
тк – танковый корпус
САУ – самоходная артиллерийская установка
с. – село
сбр – стрелковая бригада
ск – стрелковый корпус
сд – стрелковая дивизия
УдА – ударная армия

O.Y. Ivanova

Candidate of Historical Sciences,

Associate Professor,

Department of Universal History and International Relations,

Smolensk State University

Smolensk, Russia

The Red Army's Offensive in the Sychevsky Direction during Operation «Mars»

The article is devoted to the offensive of the Red Army in the Sychev direction during Operation «Mars» in November-December 1942.

This offensive was one of the bloodiest battles among all the private diversionary battles of Operation «Mars». It was here, northeast of Sychevka, that the troops of the 20th Army, focusing on the mass use of tanks reduced to tank corps, tried to cut the Sychevka-Rzhev railway, which would inevitably lead to the fall of Rzhev. However, the enemy, who had guessed the plan of the Soviet command, took serious measures to organize anti-tank defence, for the first time applied new

effective means of combating Soviet tanks. This allowed him to achieve superiority over the Soviet tank corps, which tried in vain to break through the heavily fortified German positions. The positional deadlock formed near Sychevka became victorious for the enemy (he defended Sychevka and the railway to Rzhev).

For the Red Army, the battles near Sychevka turned into great losses. Tactically, the troops of the 20th Army did not achieve their goal and did not fulfill their combat mission. However, operationally, they fought fierce battles exhausting the enemy throughout the operation, requiring constant reinforcements from him.

As a result of Operation «Mars», the Red Army shackled huge enemy forces, including reserves that never fell under Stalingrad. In this regard, she successfully fulfilled her strategic task, contributing to the defeat of the Germans on the Volga.

Key words: *Operation «Mars»; Operation «Uranus»; Rzhev-Vyazma salient; diversionary operation; Sychevka–Rzhev railway; 20th Army.*

REFERENCES

The Great Patriotic War of 1941–1945. Military-historical Essays. Book Two. Fracture [Velikaia Otechestvennaia voina 1941–1945. Voенno-istoricheskie ocherki. Kniga vtoraiа. Perelom]. Moscow: Nauka, 1998. 502 p. (in Russian).

The Great Patriotic War of 1941–1945. In 12 vols. 3. Battles and Fights that changed the Course of the War [Velikaia Otechestvennaia voina 1941–1945 godov. In 12 vol. Vol. 3. Bitvy i srazheniia, izmenivshie khod voiny]. Kuchkovo pole, 2012. 864 p. (in Russian).

The Great Victory [Velikaia Pobeda]. In 15 vol. Ed. S.E. Naryshkin, A.V. Torkunov. Vol. 4: Another Face of War [Drugoe litso voiny]. M., 2015. 414 p. (in Russian).

State Archive of the Modern History of the Smolensk Region [Gosudarstvennyi arkhiv noveishei istorii Smolenskoii oblasti]. Fund 8, List 1. Record 21. 439 p. (in Russian).

Gareev M.A. Operation «Mars» and Modern «Martians» [Gareev M.A. Operatsiia «Mars» i sovremennye «marsiane»]. *Voенno-istoricheskii zhurnal*, 2003, no. 10, pp. 17–21 (in Russian)

Hetman A.L. Tanks go to Berlin (1941–1945) [Tanki idut na Berlin (1941–1945)]. M.: Science, 1973. 392 p. (in Russian).

Glants D.M. Operation «Mars» (November–December 1942) [Operatsiia «Mars» (noiabr' – dekabr' 1942 g.)]. *History issues*, 1977, no. 8, pp. 14–27 (in Russian).

Grossman H. Rzhev is the Cornerstone of the Eastern Front [Rzhev – kraevgol'nyi kamen' Vostochnogo fronta]. Rzhev: Rzhevskii knizhnyi klub, 1996. 156 p. (in Russian).

Gurkin V.V. Human Losses of the Soviet Armed Forces in 1941–1945: New Aspects [Liudskie poteri Sovetskikh vooruzhennykh sil v 1941–1945 gg.: novye aspekty]. *Voенno-istoricheskii zhurnal*, 1999, no. 2, pp. 2–13 (in Russian).

Zhukov G.K. Memories and Reflections. To the 40th Anniversary of the Great Victory. In 3 vols. Vol. 2. 6th ed. [Vospominaniia i razmyshleniia. K 40-letiiu Velikoi Pobedy]. M.: APN, 1985. 327 p. (in Russian).

Isaev A.V. When there was no Surprise Anymore. The History of the Second World War, which we did not Know [Isaev A.V. Kogda vnezapnosti uzhe ne bylo. Istoriia VOV, kotoruiu my ne znali]. Moscow: Yauza, Eksmo, 2006. 480 p. (in Russian).

History of the Second World War. 1939–1945. Vol. 6. A Radical Change in the War [Istoriia Vtoroi mirovoi voiny. 1939–1945. T. 6: Korennoi perelom v voine]. M.: Military Publishing House, 1976. 520 p. (in Russian).

Kudinov P.N. After One Raid Comes Another Raid [Za reidom reid]. Kaliningrad, 1983. 206 p. (in Russian).

Myagkov M.Yu. Operation «Mars»: its Strategic and Military-political Significance during the Battle of Stalingrad [Operatsiia «Mars»: ee strategicheskoe i voenno-politicheskoe znachenie v khode Stalingradskoi bitvy]. *Rodina*, 2013, no. 2, pp. 142–146 (in Russian).

Popel N.K. Tanks Turned to the West [Tanki povernuli na zapad]. Moscow – St Petersburg: AST, Terra Fantastica, 2001. 480 p. (in Russian).

Radzievsky A.I. Breakthrough. Based on the Experience of the Great Patriotic War of 1941–1945 [Proryv. Po opytu Velikoi Otechestvennoi voiny 1941–1945 gg.]. M.: Military Publishing House, 1979. 191 p. (in Russian).

Russia and the USSR in the Wars of the XX Century: Losses of the Armed Forces. Statistical Research [Rossiia i SSSR v voynakh XX veka: Poteri voozruzhennykh sil. Statisticheskie issledovaniia]. M.: Olma-press, 2001. 608 p. (in Russian).

Russian Archive: The Great Patriotic War. The VGK Rate. Documents and Materials. 1942. [Russkii arkhiv: Velikaia Otechestvennaia. Stavka VGK. Dokumenty i materialy. 1942]. Vol. 16 (5–2). Moscow: Terra, 1996. 624 p. (in Russian).

Sudoplatov P.A. Intelligence and the Kremlin. Notes of an Undesirable Witness [Razvedka i Krem'l'. Zapiski nezhelatel'nogo svidetelia]. M.: Geia, 1996. 510 p. (in Russian).

Kholyavsky G.L. Encyclopedia of Armored Vehicles. Tracked Combat Vehicles, 1919–2000 [Entsiklopediia bronetekhniki. Gusenichnye boevye mashiny. 1919–2000 gg.]. Minsk: Kharvest, 2001. 656 p. (in Russian).

The Soviet Military Encyclopedia. [Sovetskaia Voennaia entsiklopediia]. Vol. 7. M.: Military Publishing House, 1979. 448 p. (in Russian).

Sevryugov S.N. So it was... Notes of a Cavalryman (1941–1945). [Tak eto bylo... Zapiski kavalerista]. M.: Military Publishing House, 1957. 352 p. (in Russian).

Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation (TSAMO of the RF) [Tsentral'nyi arkhiv ministerstva oborony Rossiiskoi Federatsii (TSAMO of the RF)]. Fund 148a. List 3763. Record 126, p. 198 (in Russian).

Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation (TSAMO of the RF) [Tsentral'nyi arkhiv ministerstva oborony Rossiiskoi Federatsii (TSAMO of the RF)]. Fund 148a. List 3763. Record 126. Page 203 (in Russian)

Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation (TSAMO of the RF) [Tsentral'nyi arkhiv ministerstva oborony Rossiiskoi Federatsii (TSAMO of the RF)]. Fund 17. List 480945. Record 1. Page 12 (in Russian).

Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation (TSAMO of the RF) [Tsentral'nyi arkhiv ministerstva oborony Rossiiskoi Federatsii (TSAMO of the RF)]. Fund 17. List 480945. Record 1. Page 10 (in Russian).

Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation (TSAMO of the RF) [Tsentral'nyi arkhiv ministerstva oborony Rossiiskoi Federatsii (TSAMO of the RF)]. Fund 208. List 2513. Record 1156. Page 266. (in Russian)

Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation (TSAMO of the RF) [Tsentral'nyi arkhiv ministerstva oborony Rossiiskoi Federatsii (TSAMO of the RF)]. Fund 373. List 6631. Record 56. Page 24 (in Russian).

Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation (TSAMO of the RF) [Tsentral'nyi arkhiv ministerstva oborony Rossiiskoi Federatsii (TSAMO of the RF)]. Fund 373. List 6631. Record 56. Page 25 (in Russian).

Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation (TSAMO of the RF) [Tsentral'nyi arkhiv ministerstva oborony Rossiiskoi Federatsii (TSAMO of the RF)]. Fund 373. List 6631. Record 56. Page 27–30 (in Russian).

Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation (TSAMO of the RF) [Tsentral'nyi arkhiv ministerstva oborony Rossiiskoi Federatsii (TSAMO of the RF)]. Fund 373. List 6631. Record 56. Page 65 (in Russian).

Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation (TSAMO of the RF) [Tsentral'nyi arkhiv ministerstva oborony Rossiiskoi Federatsii (TSAMO of the RF)]. Fund 373. List 6631. Record 56. Page 15 (in Russian).

Shunkov V.N. Wehrmacht [Vermakht]. Minsk: Belkniha. 448 p. (in Russian).

Yushchuk I.I. In the Area of Sychevka [V raione Sychevki]. *Working way*, 1974, June 11 (in Russian).

Glantz D.M. Zhukov's Biggest Defeat. The Disaster of the Red Army in Operation «Mars» 1942. [Krupneishee porazhenie Zhukova. Katastrofa Krasnoi Armii v operatsii «Mars» 1942 g.] *Available at: http://militera.lib.ru/research/glantz_d03/index.html* (accessed: 24 June 2020) (in Russian).

Gurkin V.V. «Mars» in the Orbit of «Uranus» and «Saturn» [«Mars» v orbite «Urana» i «Saturna»]. *Voenno-istoricheskii zhurnal*, 2000, no. 11. *Available at: <http://www/1942.ru/book/mars-ur-saturn/htm>* (accessed: June 24, 2020) (in Russian).

Kolyvanov G. «Mars», Caught in the Shadow of «Uranus» [«Mars», okazavshiisia v teni «Urana»]. *Nezavisimoe voennoe obozrenie*, 2005, December 2. *Available at: <http://nvo.ng.ru/history/2005-12-02/5-mars.html>* (accessed October 07, 2017) (in Russian).

Offensive Operation «Mars». December, 14 [Nastupatel'naia operatsiia «Mars». December, 14 dekabria]. *Available at: hlepen.edusite.ru/p32aa1.html* (accessed: January 23, 2016) (in Russian).

Offensive Operation «Mars». Storming of Khlepen. [Nastupatel'naia operatsiia «Mars». Shturm Khlepnia]. *Available at: hlepen.edusite.ru/p16aa1.html* (accessed: January 23, 2016) (in Russian).

Orlov A.S. «Operation Mars»: various interpretations [Operatsiia «Mars»: razlichnye traktovki]. *Mir istorii*, 2000, no. 4. *Available at: <http://www.km.ru/referats/A0FEC80F60BF4607A3D75E85225915A2>* (accessed: 24 June 2020) (in Russian).

Ulanenkov V.S. «Mars». Fragments, or the Second Rzhev-Sychev Offensive Operation. 25.11–20.12.1942 [«Mars». Oskolki, ili Vtoraia Rzhevsko-Sychevskaia nastupatel'naia operatsiia. 25.11–20.12.1942]. *Available at: <http://ulausu.narod.ru/mars>* (accessed: 07 June 2021) (in Russian).

Khodarenok M., Vladimirov O. Not to Fight, but to Slaughter [Ne v boi, a na uboi]. *Independent Military Review*, 2001, June, 8. *Available at: http://nvo.ng.ru/history/2001-06-08/5_fight.html* (accessed: 24 June 2020) (in Russian).

С.А. Елизаров

*Гомельский государственный
технический университет им. П.О. Сухого
Гомель, Республика Беларусь*

УДК 94(476)«1953–1964»

DOI 10.35785/2072-9464-2023-61-1-218-232

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ОРГАНОВ МЕСТНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ БССР (1953–1964)¹

Ключевые слова: *Белорусская ССР; Советы депутатов трудящихся; административно-территориальное деление; исполнительные комитеты; отделы; управления; номенклатура; кадровая политика.*

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения задания государственных программ научных исследований Республики Беларусь на 2021–2025 гг.

В статье рассматриваются основные направления реорганизации структуры исполкомов Советов депутатов трудящихся – местных органов государственного управления БССР, расширения их материально-финансовой базы, новые тенденции в кадровой номенклатурной практике в 1953–1964 годах. Отмечается, что партийно-государственная политика относительно роли органов местного государственного управления в 1953–1964 годах в целом носила обновленный характер. Решающей становится инициативная высшим союзным руководством линия на сокращение административно-управленческого аппарата и расходов на его содержание, которая реализуется путем укрупнения как административно-территориальных единиц, так и структурных подразделений исполкомов. Центральным союзным органам принадлежала и инициатива расширения прав местных Советов и их исполкомов по формированию материально-финансовой базы своей деятельности. В номенклатурной кадровой работе происходит перераспределение сверху вниз сфер номенклатурной ответственности. Высшее образование становится необходимым атрибутом занятия руководящих должностей районного и областного уровней. Значительно возрастает степень мобильности руководящих кадров исполкомов Советов.

Советы как органы, представляющие интересы трудящихся, рассматривались большевистскими лидерами в качестве несомненного (с их точки зрения) свидетельства превосходства новой, советской формы «подлинно демократического общества». Однако довольно быстро надежды на непосредственное управление народом государством развеялись, реальные полномочия стали концентрироваться в исполкомах Советов, в свою очередь выполнявших решения комитетов большевистской (коммунистической) партии.

Исполнителями решений высших партийно-советских органов власти и управления на местах были местные Советы, и прежде всего их исполнительные комитеты, конституционный статус которых в советской системе органов государственной власти и управления в 1954–1964 годах определялся Конституцией СССР 1936 года и Конституцией БССР 1937 года (с последующими изменениями и дополнениями). Местные Советы (областные, районные, городские, районные в городах, поселковые и сельские) выступали в качестве территориальных органов государственной власти, их исполнительные комитеты – как исполнительные и распорядительные органы в пределах своей административно-территориальной единицы.

В советской историографии (в том числе и белорусской) вопросы функционирования системы местных органов государственной власти и управления рассматривались в привычной марксистско-ленинской парадигме с упором на определяющую роль в их работе коммунистической партии как решающее условие успешности их деятельности [Кукушкин, 1979; Лепешкин, 1967; Лукьянов, 1978; Петриков, 1972; Шабанов, 1969]. Такие

публикации представляют интерес прежде всего благодаря наличию значительного фактического материала, в первую очередь это касается фундаментального исследования белорусских историков-правоведов «История государства и права Белорусской ССР» [История государства и права Белорусской ССР, 2, 1976].

В современной белорусской историографии проблемы функционирования местных Советов рассматриваются фрагментарно и в самом кратком виде в различного рода учебных пособиях по истории государства и права [Довнар, 2017; Кругалевіч, 2000]. В обобщающих исследованиях по проблемам государственного строительства Беларуси главным образом обращается внимание на республиканский уровень, лишь эпизодически подвергаются анализу вопросы организации работы местных Советов [Гісторыя Беларусі, 6, 2011; Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ў канцы 18 – пачатку 21 ст., 2, 2012; История белорусской государственности, 5, 2020].

В российской историографии подобными вопросами занимаются преимущественно юристы, исследуя их прежде всего с точки зрения развития юридической теории и практики, а историческая составляющая создает лишь необходимый для этого фон [Дудников, 2015; Смирнова, 2009].

В представленной статье автор предпринял попытку обобщить свои прежние наработки по конкретным аспектам этой проблемы и в концентрированном виде выделить основные приоритеты высшего партийно-советского руководства СССР в отношении местных органов государственной власти и управления, а также описать ход и результаты их реализации в БССР в период «великого десятилетия Н.С. Хрущева» 1953–1964 годов. Это позволит лучше понять не только систему организации власти и управления в указанный период, но и в целом реформаторский потенциал «хрущевской эпохи». Кроме того, материал будет полезен для проведения сравнительных исследований по отдельным республикам и регионам СССР, выявления общего и специфичного в трансформациях на локальных уровнях советской управленческой системы.

Работа подготовлена на основе как уже опубликованных источников, так и материалов Национального архива Республики Беларусь, большинство из которых впервые вводится в научный оборот. Свое исследование автор базирует на принципе холизма, рассматривая местные Советы как системообразующий элемент, легитимировавший всю советскую политическую систему и долгие годы обеспечивавший ее сохранение и функционирование.

С началом нового исторического этапа в развитии советского общества, связанного со смертью И.В. Сталина и приходом к власти «нового старшего руководства» («старого») – власть перешла к людям, и до этого входившим в круг высшего партийно-советского руководства СССР, «нового» – начавшего проводить модернизацию сложившейся при Сталине системы

политико-экономических отношений), стали происходить значительные изменения и в системе органов местного государственного управления.

Традиционно в советской практике при всех новациях средств и методов их реализации важная роль (нередко – первоочередная) отводилась организационному фактору, прежде всего – приспособлению системы органов государственного управления к этим менявшимся властным приоритетам. В 1954–1964 годах можно выделить несколько основных тенденций в изменении организационной структуры, функционального содержания и кадрового обеспечения местных органов государственной власти и управления.

Первое направление – сокращение управленческого аппарата. Первые официальные заявления постсталинского руководства по этой проблеме относятся к 1954 году: постановление ЦК КПСС от 26 января 1954 года «О серьезных недостатках в работе партийного и государственного аппарата», постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 14 октября 1954 года «О существенных недостатках в структуре министерств и ведомств СССР и мерах по улучшению работы государственного аппарата» [Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам, 4, 1958, 311–316]. Известный лозунг «Кадры решают все» никогда не снимался и до этого с повестки дня, однако время от времени он приобретал обновленную оболочку и выдвигался в качестве первоочередной задачи. «Новое старое» руководство за счет сокращения административно-управленческого аппарата предполагало, во-первых, уменьшить расходы на его содержание, во-вторых, направить высвободившихся специалистов непосредственно на производство.

Во-первых, для решения этих задач широко используется сокращение административно-территориальных единиц, что должно было значительно сократить и число самих органов управления, и количество занятых в них работников. В результате в Белорусской ССР за 1954–1964 годы из 12 областей 6 были ликвидированы. Площадь Брестской области за этот период возросла в 2,5 раза, Витебской – в 2 раза, Гомельской – в 2,6 раза, Гродненской и Минской – в 1,9 раза, Могилевской – в 1,4 раза. Количество районов сократилось на 54% – со 175 в 1954 году до 77 к началу 1964 года. Из оставшихся 77 районов республики 75 районов за указанный период подвергались расширению, при этом некоторые из них – многократно: Лепельский район Витебской области укрупнялся 4 раза, 8 районов – трижды, 35 районов – дважды, 31 район – по одному разу [Елизаров, 2009, 178–179].

Во-вторых, ведущим становится сокращение числа структурных подразделений местных исполкомов. В частности, за 1953–1964 годы в облисполкомах был ликвидирован ряд отделов и управлений: культурно-просветительских учреждений, искусств, кинофикации, полиграфии и издательств, радиоинформации, местной промышленности и местной топливной промышленности, дорожные, автомобильного транспорта, промышленности продовольственных товаров, юстиции, по транспортному освоению малых рек, по

строительству в колхозах и др. В свою очередь, в райисполкомах перестали функционировать отделы торговли, автомобильного транспорта и шоссейных дорог, здравоохранения, по строительству в колхозах, а также сектор кадров при председателях райисполкомов. При этом основным методом стало объединение двух и более отделов или управлений в один орган: например, в 1953 году областные отделы культурно-просветительных учреждений, искусств, управлений кинофикации, полиграфии и издательств, радиоинформации вошли в состав единых областных управлений культуры, а областные отделы местной промышленности и местной топливной промышленности – в состав областных управлений местной и топливной промышленности.

В наибольшей степени управленческие реорганизации (и по частоте осуществления, и по своему содержанию) коснулись сельского хозяйства. Сначала в 1954 году были ликвидированы районные управления сельского хозяйства и заготовок, а их основные функции переданы МТС. В свою очередь, реорганизация в 1958 году МТС привела к появлению в структуре райисполкомов районных инспекций по сельскому хозяйству, которые также через короткое время перестали существовать, а вместо них в каждом районе стали функционировать опытно-показательные хозяйства. Однако и эта новация не закрепились – в марте 1962 года создавались (сначала на несколько районов, с декабря 1962 года – на один укрупненный район) территориальные производственные колхозно-совхозные управления (ТПКСУ), которые должны были заниматься планированием, контролем за состоянием производства и заготовок сельскохозяйственных продуктов, активно воздействовать на организацию производства в каждом колхозе и совхозе и отвечать за обеспечение страны продуктами сельского хозяйства.

Результаты усилий по сокращению административно-управленческого аппарата органов государственного управления представлены в таблице 1.

Таблица 1

Динамика изменения численности административно-управленческого аппарата БССР (1956–1963)

Органы государственного управления	Численность административно-управленческих работников						
	1954	1956	1959	1960	1962	1963	+/-
Республиканские	3079	3 748	4 128	4 180	4 598	5 241	+ 70%
Областные	5593	5 574	4 080	3 834	4 363	4 647	- 17%
Городские и районные	19444	15 825	12 919	11 840	12 123	11 895	- 39%
Сельские и поселковые	5650	6 563	6 584	6 389	6 323	6 355	+12 %
<i>Всего</i>	33766	31 710	27 711	26 243	27 407	28 138	- 17%

Составлено автором по: [НАРБ, ф. 30, оп. 5, д. 4191, 16; НАРБ, ф. 30, оп. 5, д. 6182, 21, 87; НАРБ, ф. 30, оп. 5, д. 7095, 7, 192–193; НАРБ, ф. 30, оп. 9, д. 29, 6; НАРБ, ф. 30, оп. 9, д. 388, 45].

Из таблицы видно, что в наибольшей степени (на 39%) сокращению подвергся аппарат среднего звена административно-территориального

управления – районные и городские органы государственного управления. Однако при этом следует учитывать, что за 1956–1962 годы число сельских районов сократилось в два раза. К тому же заметно, что аппарат постепенно приспособился к условиям административно-территориальных реорганизаций, делая их малопродуктивными. Как только в процессе укрупнения районов был сделан небольшой перерыв (с февраля 1960 по март 1962 года был ликвидирован только один район), численность работников районных и городских органов государственной власти сразу же увеличилась. Ликвидация в апреле и декабре 1962 года 54 районов привела к сокращению районного аппарата государственного управления всего на 573 единицы, одновременно городской аппарат увеличился на 345 единиц, областной – на 284, республиканский – на 643 единицы [НАРБ, ф. 30, оп. 9, д. 29, 6; НАРБ, ф. 30, оп. 9, д. 388, 45].

Второе направление – укрепление материально-финансовой базы деятельности местных Советов и исполкомов путем расширения возможностей их непосредственного участия в пополнении местных бюджетов.

С 1953 года в аппарате ЦК КПСС все более популярной становится идея расширения прав местных органов власти и управления. Конкретные меры по реализации курса центральной союзной власти на расширение прав и материально-финансовых возможностей местных Советов начинают приниматься и реализовываться с 1955 года: в мае 1955 года принимается соответствующее постановление Совета Министров СССР, в августе 1955 года – аналогичное постановление белорусского правительства «Об изменении порядка государственного планирования и финансирования хозяйства и передаче некоторых вопросов на решение исполкомов областных, городских и районных Советов депутатов трудящихся, министров и руководителей ведомств БССР» [Справочник советского работника, 1962, 127–133].

После этого в 1956 году и сами облисполкомы БССР несколько активизировались, дополнительно выдвинув новые, хотя и довольно скромные, предложения: предоставить им право утверждать титульные списки капитального строительства по объектам местного значения, использовать сверхплановую прибыль торговли, кино, типографий для расширения их деятельности. Наиболее значительным и смелым предложением была передача права распределять все товары, производившиеся райпромкомбинатами, артелями промкооперации [НАРБ, ф. 4п, оп. 81, д. 1149, 19].

Постановлениями Совета Министров БССР от 12 июня 1957 года «О передаче некоторых вопросов хозяйственного и культурного строительства на решение облисполкомов и Минского горисполкома» и от 5 августа 1959 года «О некоторых вопросах хозяйственного и культурного строительства, дополнительно передаваемых на решение Совнархоза, министров, руководителей ведомств, облисполкомов и Минского горисполкома» на решение облисполкомов было передано еще в общей сложности 36 вопросов,

которые до этого входили в компетенцию Совета Министров БССР [СЗ БССР, 1957, № 6, ст. 141; СЗ БССР, 1959, № 9, пост. 190].

В результате с 1955 по 1959 год облисполкомы дополнительно получили право самостоятельно решать вопросы об утверждении титульных списков строителей местного подчинения; о направлении на финансирование хозяйственного строительства и социально-культурных мероприятий дополнительно выявленных и полученных при исполнении бюджета доходов; об использовании сверхплановых накоплений местной промышленности на ее расширение и сверхплановых накоплений коммунальных предприятий на приобретение инвентаря и оборудования; о централизации и совместном использовании средств на жилищное, коммунальное и культурно-бытовое строительство; об увеличении за счет бюджета области ассигнований на капитальный ремонт жилого фонда и объектов культурно-бытового назначения; об утверждении структуры и штатов административно-управленческого персонала предприятий и хозяйственных организаций местного подчинения и др.

Несмотря на всю ограниченность и предложений местного руководства, и принятых правительством СССР и БССР мер, тем не менее в существовавшей сверхцентрализованной системе управления это было важным шагом на пути расширения сферы полномочий и ответственности областных органов власти и управления, реального роста их роли в решении вопросов жизнеобеспечения населения региона. Например, право утверждать титульные списки строителей местного подчинения позволяло облисполкомам значительно расширить свое влияние на развитие социальной инфраструктуры и местной промышленности. В результате других мер на деле росла и материальная заинтересованность в работе предприятий местной промышленности и коммунального хозяйства, успех которой означал появление у исполкомов дополнительных ресурсов самостоятельного финансирования предприятий местного подчинения и социально-культурных мероприятий.

Третье направление – перемены в номенклатурной кадровой политике и кадровом составе местных органов государственного управления БССР.

Во-первых, ведущей тенденцией организации номенклатурной работы была передача кадровой ответственности сверху вниз: за счет сокращения номенклатур ЦК КПСС расширялись возможности ЦК КПБ непосредственно влиять на кадровый состав руководителей в республике. В свою очередь ЦК КПБ передавал часть своих кадровых полномочий обкомам КПБ. Однако здесь все и останавливалось: райкомовские и горкомовские номенклатуры практически оставались неизменными. Это было отражение общей тенденции 1950 – начала 1960-х годов к перераспределению властных полномочий между субъектами управления, расширению органи-

зационных, финансовых и административных прав республиканских и областных органов власти и управления, и только в редких случаях – городских и районных.

Перераспределению номенклатурной ответственности способствовало и возвращение к двойной системе номенклатур – основной и учетно-резервной, расширявшей кадровые возможности нижестоящих партийных комитетов в кадровой политике, но сохранявшей контролирующие функции вышестоящих.

Инициатива перестройки номенклатурной системы исходила из союзного центра – 1 июня 1956 года новая номенклатура ЦК КПСС была утверждена Президиумом ЦК КПСС: основная номенклатура сократилась почти вдвое, а учетно-контрольная – более чем в 3,5 раза. Одновременно партийным органам на местах предлагалось пересмотреть «в сторону сокращения» свою номенклатуру должностей, предоставив больше прав нижестоящим органам [Региональная политика Н.С. Хрущева. ЦК КПСС и местные партийные комитеты. 1953–1964 гг., 2009, 7].

В октябре 1956 года подобное сокращение провели и в ЦК КПБ, а исключенные из номенклатур ЦК КПБ должности передавались в номенклатуры обкомов партии, министерств и ведомств. Вслед за этим обкомы КПБ, министерства и ведомства также пересмотрели свои номенклатурные списки [НАРБ, ф. 4п, оп. 81, д. 1151, 3, 30]. Сокращение номенклатурных списков проходило и в дальнейшем. Если в 1954 году основная номенклатура ЦК КПБ насчитывала 2907 человек, учетно-контрольная – 983 [НАРБ, ф. 4п, оп. 81, д. 1151, 1, 122], то последняя из номенклатур ЦК КПБ «хрущевского» периода (июль 1963 года) включала 1688 человек по основной, 739 – по учетно-контрольной [НАРБ, ф. 4п, оп. 109, д. 38, 96, 235–256].

В июле 1963 года в основную номенклатуру ЦК КПСС (высший слой белорусской партийно-советской элиты) по местным органам государственной власти и управления БССР входили председатели облисполкомов, в учетно-контрольную – заместители председателей облисполкомов. В свою очередь, основная номенклатура ЦК КПБ включала (кроме должностей номенклатуры ЦК КПСС) председателей районных и городских исполкомов, начальников производственных колхозно-совхозных управлений, председателей комитетов по радиовещанию и телевидению при промышленных облисполкомах, начальников облуправлений Министерства охраны общественного порядка, учетно-контрольная – начальников областных управлений культуры, торговли и связи, заместителей председателей городских, районных и районных в городе исполкомов Советов депутатов трудящихся.

По собственно номенклатурам обкомов КПБ проходили руководители большинства отделов и управлений облисполкомов, некоторых отде-

лов районных и городских исполкомов (по основной – народного образования, по учетно-контрольной – финансов и культуры) [НАРБ, ф. 4п, оп. 109, д. 38, 96, 235–256].

Фактически на протяжении всего периода оставалась неизменной номенклатура райкомов партии: сюда входили все руководители отделов и управлений райисполкомов (кроме народного образования), председатели сельсоветов. Перечни должностей районных номенклатур включали практически всех работников, так или иначе связанных с распорядительной деятельностью: не только председателей колхозов, но и бригадиров тракторных и полеводческих бригад, животноводческих ферм, колхозных агрономов и зоотехников, руководителей предприятий местного подчинения, директоров школ и т.п.

Во-вторых, в 1953–1964 годах заметные изменения происходят в кадровом составе руководителей местных исполкомов Советов депутатов трудящихся. «Портрет» среднестатистического председателя белорусского облисполкома на 1 января 1953 года выглядел следующим образом: мужчина в возрасте 50 лет, белорус, коммунист с довоенным партстажем, со средним образованием, стажем работы в должности от 5 до 10 лет и общим стажем руководящей работы более 15 лет [НАРБ, ф. 4п, оп. 81, д. 1761, 107], а на 1 января 1962 года – мужчина в возрасте 50 лет, белорус, коммунист с военным партстажем, с высшим образованием, стажем работы в должности менее 3 лет и общим стажем руководящей работы более 15 лет [НАРБ, ф. 4п, оп. 109, д. 32, 167]. Видимые отличия председателя облисполкома 1962 года от своего коллеги 1953 года – более высокий уровень образования и меньший стаж пребывания в должности.

В 1953–1963 годах в Гродненской и Молодечненской областях сменилось по два председателя облисполкомов, в Брестской, Гомельской, Могилевской областях – по три, в Минской – четыре, в Витебской – пять. Среди основных мотивов замены председателей облисполкомов главным был перевод на более высокую руководящую должность, преимущественно на партийную работу. Для многих должности председателей облисполкомов служили необходимой ступенью в более престижной и значимой партийной карьере: председательство в облисполкоме означало, что человек знаком с советской работой и может руководить по партийной линии со знанием дела.

Председатель районного и городского (рай/гор) исполкомов на 1 января 1953 года – мужчина в возрасте 45 лет, белорус, коммунист с довоенным партийным стажем, с высшим / незаконченным высшим (педагогическим) и средним специальным образованием, стажем работы в должности от 2 до 10 лет и общим стажем руководящей работы свыше 10 лет [НАРБ, ф. 4п, оп. 81, д. 1761, 111–111 об.]; на 1 апреля 1963 года – мужчина в возрасте около 40 лет, белорус, коммунист с военным и послевоенным стажем,

с высшим партийно-политическим образованием и вузовским (педагогическим или «другим», не техническим или сельскохозяйственным) образованием, стажем работы в занимаемой должности до 3 лет и общим стажем руководящей работы свыше 15 лет [НАРБ, ф. 4п, оп. 109, д. 32, 177].

Степень ротации среди председателей рай/горисполкомов была выше, чем у председателей облисполкомов. Пиковые значения их сменяемости приходились на годы наиболее интенсивных реорганизаций районного административно-территориального деления (ликвидации районов, изменения административных статусов городских поселений): в 1959 году при ликвидации 14 районов сменилось 38,7% председателей, в 1960 году – соответственно 15 и 42,4%, с марта 1962 по март 1963 года – 54 и 54,7%. В результате – массовые замены и перемещения руководителей районов не только ликвидированных, но и сохранившихся. Естественно, административно-территориальные реорганизации затронули не только председателей райисполкомов, но и весь районный аппарат управления. В условиях же отсутствия значительных перемен в районном административно-территориальном делении сменяемость председателей районных и городских исполкомов составляла около 25%.

Изменяется вектор официального обоснования ротации местных глав районов и городов: первоначально (до 1957 года) доминировали формулировки негативного характера («не справился с работой», «скомпрометировал себя») [НАРБ, ф. 4п, оп. 109, д. 46, 22, 38]. А на рубеже 1960 года позитивные обоснования изменений в составе председателей рай/горисполкомов значительно преобладают и составляют в среднем 60%: «сталинские» кадры утратили свои позиции на региональном уровне, им на смену пришли «хрущевские» выдвиженцы [НАРБ, ф. 4п, оп. 109, д. 64, 15, 19; НАРБ, ф. 4п, оп. 109, д. 65, 163, 177].

Ротация районных и городских руководителей проходила в среде номенклатурных работников – попасть на эти должности без номенклатурного прошлого было невозможно. Предварительно необходимо было пройти руководящие должности в партийном, советском или хозяйственном аппарате, входившие в различные номенклатурные списки, начиная с районного и городского уровней. Пополнение происходило (за очень редким исключением) за счет лиц, уже имевших большой опыт руководящей или ответственной работы во всех отраслях (стаж такой работы более 5 лет в 1953 году имели 93,8%, в 1958 году – 98,8%, в 1960, 1961 и 1962/63 годах – 100% председателей рай/горисполкомов) [НАРБ, ф. 4п, оп. 109, д. 38, 169; НАРБ, ф. 4п, оп. 109, д. 62, 163, 177; НАРБ, ф. 4п, оп. 109, д. 59, 45, 46, 193].

Таким образом, партийно-государственная политика относительно органов местного государственного управления в 1953–1964 годах в целом была значительно обновлена. Постсталинское руководство, главным образом под нажимом Н.С. Хрущева, действовало решительно: радикально было сокращено число административно-территориальных единиц (областей и районов)

и, соответственно, число исполкомов и других органов и организаций, действовавших в ликвидированных областях и районах. Столь же значительные сокращения произошли в составе организационных структур местных исполкомов: их число было уменьшено в основном за счет объединения нескольких исполкомовских отделов и управлений. Стремительность, с которой уже в 1953 году началось сокращение, говорит о том, что, вероятнее всего, это было уже не только назревшее, но и перезревшее решение, в некоторых своих параметрах готовившееся ранее 1953 года. Правда, эффект и от радикальных реорганизаций оказался незначительным: бюрократическая система довольно быстро выработала механизмы приспособления к такого рода мероприятиям и показала способность к самовоспроизводству.

Центральным союзным органам принадлежала инициатива расширения прав местных Советов и их исполкомов по формированию материально-финансовой базы своей деятельности. Большой активности местное руководство не проявляло, занимая в целом выжидательную позицию. В результате правительственные решения более существенным образом, чем предложения местных руководителей, расширяли сферу самостоятельности местной советской вертикали власти.

Сама система распределения материально-финансовых средств между союзным центром, республикой и местными Советами, а также между административно-территориальными единицами в 1953–1964 годах не претерпела принципиальных изменений. Централизованная система распределения доходов сохранилась, составляя экономическую основу вертикальной управленческой иерархии и зависимости нижестоящего административно-территориального звена от вышестоящих структур.

Заметные перемены наблюдаются и в кадровой номенклатурной политике. В результате реорганизации механизма номенклатурной работы происходит перераспределение сверху вниз сфер номенклатурной ответственности, вследствие чего значительно расширяются возможности главным образом областных партийных руководителей влиять на кадровый состав органов местного государственного управления.

Отмечается значительный рост образовательного уровня руководителей местных исполкомов: высшее образование становится необходимым атрибутом занятия руководящих должностей районного и областного уровней. Ведущей являлась тенденция повышения степени мобильности руководящих кадров. С одной стороны, это значительно расширяло возможности карьерного роста, проходила массовая замена прежних руководителей людьми более мобильными и образованными, способными действовать в русле новых партийно-государственных приоритетов. С другой стороны, со временем, заняв должности, новые руководители стали все сильнее ощущать потребность в кадровой стабильности и уверенности в своем будущем, что в условиях постоянных управленческих реорганизаций, инициированных Н.С. Хрущевым и его

сторонниками, становилось невозможным. Высокая степень ротации кадров, которая способствовала быстрому карьерному росту, со временем превращается в свою противоположность и уже вызывает недовольство у вновь занявших руководящие должности людей.

ЛИТЕРАТУРА

Гісторыя Беларусі. У 6 т. Т. 6: Беларусь у 1946–2009 гг. Мінск: Современная школа, Экоперспектива, 2011. 728 с.

Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ў канцы 18 – пачатку 21 ст. У 2 кн. Мінск: Беларуская навука, 2012. Кн. 2. 654 с.

Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. 1917–1957 годы: сборник документов. В 4 т. Т. 4: 1953–1957. М.: Госполитиздат, 1958. 864 с.

Довнар Т.И. История государства и права Беларуси: учеб. пособие. Минск: Изд. центр БГУ, 2017. 198 с.

Дудников А.А. Организационно-правовые основы формирования и деятельности местных Советов депутатов трудящихся в послевоенное время: 1945–1953 гг.: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Белгород, 2015. 23 с.

Елизаров С.А. Формирование и функционирование системы административно-территориального деления БССР (1919–1991 гг.). Гомель: ГГТУ им. П.О. Сухого, 2009. 222 с.

История государства и права Белорусской ССР. В 2 т. Минск: Наука и техника, 1976. Т. 2. 655 с.

История белорусской государственности. В 5 т. Минск: Беларуская навука, 2020. Т. 5. 759 с.

Круталевіч В.А., Юхо І.А. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі (1917–1945 гг.): вуч. дапаможнік. Мінск: Беларуская навука, 2000. 237 с.

Кукушкин Ю.С. От первых Советов рабочих депутатов к Советам народных депутатов. М.: Политиздат, 1979. 80 с.

Лагун С.Р. Укрепление Советов Белоруссии и повышение их роли в строительстве социализма. Минск: Наука и техника, 1970. 304 с.

Лепешкин А.И. Советы – власть народа (1936–1967). М.: Юрид. лит., 1967. 375 с.

Лукиянов А.И. Развитие законодательства о советских представительных органах власти. М.: Юрид. лит., 1978. 352 с.

Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 4п. Оп. 81. Д. 1149.

НАРБ. Ф. 4п. Оп. 81. Д. 1151.

НАРБ. Ф. 4п. Оп. 81. Д. 1761.

НАРБ. Ф. 4п. Оп. 109. Д. 32.

НАРБ. Ф. 4п. Оп. 109. Д. 38.

НАРБ. Ф. 4п. Оп. 109. Д. 46.

НАРБ. Ф. 4п. Оп. 109. Д. 59.

НАРБ. Ф. 4п. Оп. 109. Д. 62.

НАРБ. Ф. 4п. Оп. 109. Д. 64.

НАРБ. Ф. 4п. Оп. 109. Д. 65.

НАРБ. Ф. 30. Оп. 5. Д. 4191.

НАРБ. Ф. 30. Оп. 5. Д. 6182.

НАРБ. Ф. 30. Оп. 5. Д. 7095.

НАРБ. Ф. 30. Оп. 9. Д. 29.

НАРБ. Ф. 30. Оп. 9. Д. 388.

Петриков П.Т. Советы депутатов трудящихся БССР и их роль в создании материально-технической базы коммунизма (1959–1965 гг.). Минск: Наука и техника, 1972. 308 с.

Региональная политика Н.С. Хрущева. ЦК КПСС и местные партийные комитеты. 1953–1964 гг. М.: Российская политическая энциклопедия, 2009. 774 с.

Смирнова К.С. Местные Советы депутатов трудящихся в советском государстве периода «оттепели» (1953–1964 гг.): историко-правовое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2009. 28 с.

Собрание законов, указов Президиума Верховного Совета Белорусской ССР, постановлений и распоряжений Совета Министров Белорусской ССР (СЗ БССР). 1957. № 6. Ст. 141.

СЗ БССР. 1959. № 9. Пост. 190.

Справочник советского работника. Минск: Госиздательство БССР, 1962. 657 с.

Шабанов Ю.В. Партийное руководство Советами депутатов трудящихся. Минск: Беларусь, 1969. 84 с.

S.A. Elizarov

Doctor of Historical Sciences,

Professor,

Social-Humanitarian and Legal Disciplines Chair,

Pavel Sukhoi State Technical University of Gomel

Homel, Belarus

The Main Trends in the Development of the System of Local Government Bodies of the BSSR (1953–1964)

The article discusses the main directions in reorganizing the structure of the executive committees of the Soviets of Workers' Deputies – local government bodies of the BSSR, expansion of their material and financial base, new trends in personnel nomenclature practice in 1953–1964. It is noted that the party-state policy regarding the role of local government bodies in 1953–1964 was generally updated. The line initiated by the supreme Union leadership to reduce the administrative and administrative apparatus and its maintenance costs, which is implemented through both the consolidation of administrative-territorial units and structural divisions of executive committees, becomes decisive. The central Union bodies also took the initiative to expand the rights of local Soviets and their executive committees to form the material and financial base of their activities. In nomenclature personnel work, the spheres of nomenclature responsibility are redistributed from top to bottom. Higher education becomes a necessary attribute of holding senior positions at the district and regional levels. The degree of mobility of the executive staff of the executive committees of the Soviets is significantly increasing.

Key words: *Byelorussian SSR; Soviets of Workers' Deputies; administrative-territorial division; executive committees; departments; administrations; nomenclature; personnel policy.*

REFERENCES

Collection of Laws, Decrees of the Presidium of the Supreme Soviet of the Byelorussian SSR, Resolutions and Orders of the Council of Ministers of the Byelorussian SSR [Sobraniezakonov, ukazov Prezidiuma Verhovnogo Soveta Belorusskoj SSR, postanovlenij irasporyazhenij Soveta Ministrov Belorusskoj SSR (SZ BSSR). 1957. No 6. Page 141 (in Russian).

SZ BSSR. 1959. No 9. Post. 190.

Directives of the CPSU and the Soviet Government on Economic Issues 1917-1957. Coll. doc. in 4 vols. Vol. 4. 1953–1957 [Direktivi KPSS I Sovetskogo Pravitelstva po hozyaistvennim voprosam. 1917–1957 gg. V 4 t. T. 4. 1953–1957 godi]. M.: State Publishing House of Political Literature, 1958. 864 p. (in Russian).

Dudnikov A.A. Organizational and Legal Foundations of the Formation and Activity of Local Councils of Workers' Deputies in the Post-war Period: 1945–1953: abstract of thesis ...Candidate of Law. sciences [Organizatsionno-pravovye osnovy formirovaniya I deyatel'nosti mestnih Sovetov deputatov trudyaschihsya v poslevoennoe vremya: 1945–1953 gg.: avtoreferat dis. ... kandidata yurid. nauk]. Belgorod, 2015. 23 p. (in Russian).

Dovnar T.I. History of the State and Law of Belarus: Study Guide [Istoriya gosudarstva i prava Belarusi: ucheb. posobie]. Minsk: Izd. centr BGU, 2017. 198 p. (in Russian).

Elizarov S.A. Formation and Functioning of the System of Administrative-territorial Division of the BSSR (1919-1991) [Formirovanie I funkcionirovanie sistemi administrativno-territorialnogo dele-niya BSSR 1919–1991 gg.]. Gomel: GGTU im. P.O. Suhogo, 2009. 222 p. (in Russian).

Guide of the Soviet Employee [Spravochnik sovetskogo rabotnika]. Minsk: State Publishing House BSSR, 1962. 657 p. (in Russian).

History of Belarus in 2 vol. Vol. 6. Belarus in 1946–2009 [Gistoryya Belarusi u 6 t. T. 6. Belarus u 1946–2009 gg.] Minsk: Sovremennaya shkola, Ekoperspektiva, 2011. 728 p. (in Belorussian).

History of the Belarusian Statehood in 5 vols. Vol. 5 [Istoriya belorusskoi gosudarstvennosti. V 5 t. T. 5]. Minsk: Belaruskaya navuka, 2020. 759 p. (in Russian).

History of the Belarusian Statehood in the Late 18th-early 21 Centuries in 2 books. Book 2 [Gistoryya belaruskaj dzjarzhavnasci kanca 18 – pachatku 21 cht. U 2 kn. Kn 2]. Minsk: Belorusskaya nauka, 2012. 654 p. (in Belorussian).

History of the State and Law of the Byelorussian SSR: in 2 vols. Vol. 2 [Istoriya gosudarstva i prava Belorusskoi SSR: v 2 t. T. 2.]. Minsk: Nauka i tehnika, 1976. 655 p. (in Russian).

Kukushkin Y.S. From the First Soviets of Workers' Deputies to the Soviets of People's Deputies [Ot pervih Sovetov rabochih deputatov k Sovetam narodnih deputatov]. M.: State Publishing House of Political Literature, 1979. 80 p. (in Russian).

Krutolevich V.A., Juho I.A. History of the State and Law of Belarus (1917–1945): Study Guide [Gistoryja dzjarzhavy i prava Belarusi (1917–1945 gg.): vuch. dapamozhnik]. Minsk: Belaruskaya navuka, 2000. 237 p. (in Belorussian).

Lagun S.R. Strengthening of the Soviets of Belarus and Increasing their Role in the Construction of Socialism [Ukreplenie Sovetov Belorussii I povishenie ih roli v stroitel'stve socializma]. Minsk: Nauka i tehnika, 1970. 304 p. (in Russian).

Lepeshkin A.I. Soviets – the Power of the People (1936–1967) [Soveti – vlast naroda (1936–1967)]. M.: Yurid. lit., 1967. 375 p. (in Russian).

Lukyanov A.I. Development of Legislation on Soviet Representative Bodies of Power [Razvitie zakonodatel'stva o sovetskikh predstavitel'nykh organah vlasti]. M.: Yurid. lit., 1978. 352 p. (in Russian).

The National Archives of Belarus (NARB) [NARB-NatsionalnyarkhivRespubliki Belarus]. Fund 4p. List 81. Record 1151 (in Russian).

The National Archives of Belarus (NARB) [NARB-NatsionalnyarkhivRespubliki Belarus]. Fund 4p. List 81. Record 1761 (in Russian).

The National Archives of Belarus (NARB) [NARB-NatsionalnyarkhivRespubliki Belarus]. Fund 4p. List 109. Record 32 (in Russian).

The National Archives of Belarus (NARB) [NARB-NatsionalnyarkhivRespubliki Belarus]. Fund 4p. List 109. Record 38 (in Russian).

The National Archives of Belarus (NARB) [NARB-NatsionalnyarkhivRespubliki Belarus]. Fund 4p. List 109. Record 46 (in Russian).

The National Archives of Belarus (NARB) [NARB-NatsionalnyarkhivRespubliki Belarus]. Fund4p0. List 109. Record 59 (in Russian).

The National Archives of Belarus (NARB) [NARB-NatsionalnyarkhivRespubliki Belarus]. Fund 4p. List 109. Record 62 (in Russian).

The National Archives of Belarus (NARB) [NARB-NatsionalnyarkhivRespubliki Belarus]. Fund 4p. List 109. Record 64 (in Russian).

The National Archives of Belarus (NARB) [NARB-NatsionalnyarkhivRespubliki Belarus]. Fund 4p. List 109. Record 65 (in Russian).

The National Archives of Belarus (NARB) [NARB-NatsionalnyarkhivRespubliki Belarus]. Fund 30. List 5. Record 4191 (in Russian).

The National Archives of Belarus (NARB) [NARB-NatsionalnyarkhivRespubliki Belarus]. Fund 30. List 5. Record 6182 (in Russian).

The National Archives of Belarus (NARB) [NARB-NatsionalnyarkhivRespubliki Belarus]. Fund 30. List 5. Record 7095 (in Russian).

The National Archives of Belarus (NARB) [NARB-NatsionalnyarkhivRespubliki Belarus]. Fund 30. List 9. Record 29 (in Russian).

The National Archives of Belarus (NARB) [NARB-NatsionalnyarkhivRespubliki Belarus]. Fund 30. List 9. Record 388 (in Russian).

Petrikov P.T. Soviets of Workers' Deputies of the BSSR and their Role in Creating the Material and Technical Base of Communism (1959–1965) [Soveti deputatov trudyaschihsya BSSR i ih rol v sozdanii materialno-tehnicheskoi bazi kommunizma (1959–1965 gg.)]. Minsk: Nauka i tehnika, 1972. 308 p. (in Russian).

Regional Policy of N.S. Khrushchev. The Central Committee of the CPSU and Local Party Committees. 1953–1964 [Regional'naya politika N.S. Hrushcheva. CK KPSS i mestnye partijnnyekomitety. 1953–1964]. M.: ROSSPEN, 2009. 774 p. (in Russian).

Shabanov Yu.V. Party Leadership of the Soviets of Workers' Deputies [Partiinoye rukovodstvo Sovetami deputatov trudyaschihsya]. Minsk: Belarus, 1969. 84 p. (in Russian).

Smirnova K.S. Local Councils of Workers' Deputies in the Soviet State of the «Thaw» Period (1953–1964): Historical and Legal Research: abstract of thesis ... candidate of Law Sciences [Mestnie Soveti deputatov trudyaschihsya v sovetskom gosudarstve perioda «otpepli» 1953–1964: gistoriko-pravovoe issledovanie: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk]. Krasnodar, 2009. 28 p. (in Russian).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Басыров Шамиль Рафаилович – доктор филологических наук, профессор кафедры германской филологии Донецкого национального университета (ДНР, Россия). E-mail: schambar@yandex.ru.

Бочорога Каролина Витальевна – магистрант Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского. E-mail: kbotsoroga@mail.ru.

Войтальянова Янина Иосифовна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры технического иностранного языка Сибирского государственного университета науки и технологий им. М.Ф. Решетнева (г. Красноярск). E-mail: yana.05@mail.ru.

Елизаров Сергей Александрович – доктор исторических наук, профессор кафедры социально-гуманитарных и правовых дисциплин Гомельского государственного технического университета им. П.О. Сухого (Республика Беларусь). E-mail: sergeyelisarov@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7015-3702>.

Иванова Ольга Юрьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений Смоленского государственного университета. E-mail: olga05ivanova@mail.ru.

Ивонина Людмила Ивановна – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Смоленского государственного университета. E-mail: ivonins@rambler.ru.

Калиущенко Владимир Дмитриевич – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой германской филологии Донецкого национального университета (ДНР, Россия). E-mail: v.kaliushenko@donnu.ru.

Космовская Анна Алексеевна – кандидат исторических наук, научный сотрудник Пермского государственного института культуры; доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Пермской государственной фармацевтической академии Министерства здравоохранения РФ. E-mail: akosmovskaya@list.ru.

Лешкова Наталия Викторовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания и славянских языков Горловского института иностранных языков (ДНР, Россия). E-mail: nataleshkova@yandex.ru.

Лицарева Александра Федоровна – соискатель кафедры русского устного народного творчества Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова; преподаватель Московского колледжа управления, гостиничного бизнеса и информационных технологий «Царицыно». E-mail: alya-alya@yandex.ru.

Лунькова Екатерина Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Смоленского государственного университета. E-mail: ttf32lunkova@mail.ru.

Майоров Анатолий Александрович – кандидат исторических наук, и.о. заведующего кафедрой истории, философии и русского языка Орловского государственного аграрного университета им. Н.В. Парахина. E-mail: aamajorov@rambler.ru.

Павлова Лариса Викторовна – доктор филологических наук, профессор кафедры литературы и журналистики Смоленского государственного университета. E-mail: pavlar@inbox.ru.

Романова Ирина Викторовна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой литературы и журналистики Смоленского государственного университета. E-mail: irina.romanova@bk.ru.

Савчук Руслан Александрович – PhD, научный рецензент Издательского совета Русской православной церкви (г. Москва). E-mail: russ_sav@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9917-2413>.

Сиразетдинова Регина Наильевна – ассистент кафедры германских языков Уфимского университета науки и технологии (Стерлитамакского филиала) (Республика Башкортостан, Россия). E-mail: r.n.sirazetdinova@struust.ru.

Терских Марина Викторовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского. E-mail: terskihm@mail.ru.

Ушаков Артем Владимирович – младший научный сотрудник Научно-исследовательского центра, ассистент кафедры всемирной истории и международных отношений Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. E-mail: demiardo13@gmail.com.

Шелихова Светлана Викторовна – старший преподаватель кафедры технического иностранного языка Сибирского государственного университета науки и технологий им. М.Ф. Решетнева (г. Красноярск). E-mail: shelihovasvetlana@mail.ru.

Шинаков Евгений Александрович – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Брянского государственного университета им. академика И.Г. Петровского. E-mail: shinakov@mail.ru.

Шумаков Андрей Андреевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Тульского филиала Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. E-mail: takamori@rambler.ru.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

М.Н. Артеменков (Смоленск, председатель)

Михаил Николаевич Артеменков – кандидат исторических наук, доцент, завкафедрой государственно-правовых дисциплин, ректор Смоленского государственного университета

И.В. Романова (Смоленск, зампредседателя)

Ирина Викторовна Романова – доктор филологических наук, профессор, завкафедрой литературы и журналистики Смоленского государственного университета

В.А. Волков (Москва)

Владимир Алексеевич Волков – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России Московского педагогического государственного университета

А.Б. Каменский (Москва)

Александр Борисович Каменский – доктор исторических наук, профессор, руководитель школы исторических наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

В.С. Кошелев (Минск, Республика Беларусь)

Владимир Сергеевич Кошелев – доктор исторических наук, профессор, завкафедрой истории нового и новейшего времени Белорусского государственного университета

А. Молнар (Дебрецен, Венгрия)

Ангелика Молнар – доктор, PhD, доцент Института славистики Дебреценского университета

Л.В. Рацибурская (Нижний Новгород)

Лариса Викторовна Рацибурская – доктор филологических наук, профессор, завкафедрой русского языка и общего языкознания Института филологии и журналистики Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского

Ф.Б. Успенский (Москва)

Федор Борисович Успенский – член-корреспондент РАН, доктор филологических наук, профессор, директор Института русского языка им. В.В. Виноградова Российской академии наук

Н.А. Фатеева (Москва)

Наталья Александровна Фатеева – доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института русского языка им. В.В. Виноградова Российской академии наук

З.А. Харитончик (Минск, Республика Беларусь)

Зинаида Андреевна Харитончик – доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания Минского государственного лингвистического университета

И.Р. Чикалова (Минск, Республика Беларусь)

Ирина Ромуальдовна Чикалова – доктор исторических наук, профессор, завкафедрой всеобщей истории и методики преподавания истории Белорусского государственного педагогического университета им. Максима Танка, ведущий научный сотрудник Института истории Национальной академии наук Беларуси

THE EDITORIAL COUNCIL

M.N. Artyomenkov (Smolensk, The Chairperson)

Mikhail Nikolaevich Artyomenkov – Candidate of history, Associate Professor, Head of the Department of State and Legal Disciplines, Rector of Smolensk State University

I.V. Romanova (Smolensk, Deputy Head)

Irina Viktorovna Romanova – Doctor of philology, Professor, Head of the Department of Literature and Journalism, Smolensk State University

V.A. Volkov (Moscow)

Vladimir Alekseyevich Volkov – Doctor of history, Associate Professor, Professor of the Department of History of Russia, Moscow State Pedagogical University

A.B. Kamensky (Moscow)

Alexander Borisovich Kamensky – Doctor of history, Professor, Head of School of History of the National Research University Higher School of Economics

V.S. Koshelev (Minsk, The Republic of Belarus)

Vladimir Sergeyevich Koshelev – Doctor of history, Head of the Department of Modern and Contemporary History, Belarusian State University

A. Molnar (Debrecen, Hungary)

Angelka Molinar – Doctor of sciences, PhD, Associate Professor, the Institute of Slavic Studies at the University of Debrecen

L.V. Ratsiburskaya (Nizhny Novgorod)

Larisa Viktorovna Ratsiburskaya – Doctor of philology, Professor, Head of the Department of the Russian Language and General Linguistics, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

F.B. Uspensky (Moscow)

Fedor Borisovich Uspensky – Corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of philology, professor, Director of V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences

N.A. Fateyeva (Moscow)

Natalya Alexandrovna Fateyeva – Doctor of philology, Chief Researcher, V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences

Z.A. Kharitonchik (Minsk, The Republic of Belarus)

Zinaida Andreyevna Kharitonchik – Doctor of philology, Professor, Professor of the Department of General Linguistics, Minsk State Linguistic University

I.R. Chikalova (Minsk, The Republic of Belarus)

Irina Romualdovna Chikalova – Doctor of history, Professor, Head of the Department of World History and Theory and Methods of Teaching, Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank; Leading Researcher, the Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

И.В. Романова (гл. редактор)

Ирина Викторовна Романова – доктор филологических наук, профессор, завкафедрой литературы и журналистики Смоленского государственного университета

А.В. Тихонова (зам. гл. редактора)

Анастасия Владимировна Тихонова – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России, заместитель директора по науке Смоленского государственного музея-заповедника

Р.В. Белютин (отв. секретарь)

Роман Вячеславович Белютин – доктор филологических наук, доцент, завкафедрой немецкого языка Смоленского государственного университета

С.Н. Андреев

Сергей Николаевич Андреев – доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков Смоленского государственного университета

С.Ю. Артемова

Светлана Юрьевна Артемова – доктор филологических наук, доцент кафедры истории и теории литературы Тверского государственного университета

Л.И. Ивонина

Людмила Ивановна Ивонина – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений Смоленского государственного университета

Д.Е. Комаров

Дмитрий Евгеньевич Комаров – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории казачества и социально-гуманитарных наук Смоленского казачьего института промышленных технологий и бизнеса (филиала) Московского государственного университета технологий и управления им. К.Г. Разумовского (Первый казачий университет)

А.В. Королькова

Анжелика Викторовна Королькова – доктор филологических наук, профессор кафедры литературы и журналистики Смоленского государственного университета

Л.В. Павлова

Лариса Викторовна Павлова – доктор филологических наук, профессор кафедры литературы и журналистики Смоленского государственного университета

О.Е. Похаленков

Олег Евгеньевич Похаленков – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры литературы Института филологии и массмедиа Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского

А.М. Ранчин

Андрей Михайлович Ранчин – доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Ю.Л. Цветков

Юрий Леонидович Цветков – доктор филологических наук, профессор кафедры зарубежной литературы Института гуманитарных наук Ивановского государственного университета

РЕДАКТОРЫ РУБРИК

С.Н. Андреев, Л.В. Павлова (филологические науки)

Л.И. Ивонина, А.В. Тихонова (исторические науки)

EDITORIAL BOARD

I.V. Romanova (Editor-in-chief)

Irina Viktorovna Romanova – Doctor of philology, Professor, Head of the Department of Literature and Journalism, Smolensk State University

A.V. Tikhonova (Vice Editor-in-chief)

Anastasia Vladimirovna Tikhonova – Doctor of history, Associate Professor, Professor of the Department of History of Russia, Smolensk State University, Deputy Director of Science, Smolensk State Museum Reserve

R.V. Belyutin (Executive Editor)

Roman Vyacheslavovich Belyutin – Doctor of philology, Associate Professor, Head of the Department of the German Language, Smolensk State University

S.N. Andreev

Sergey Nikolayevich Andreev – Doctor of philology, Professor, Professor of the Department of the Foreign Languages, Smolensk State University

S.Yu. Artemova

Svetlana Yurievna Artemova – Doctor of philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of History and Theory of Literature, Tver State University

L.I. Ivonina

Lyudmila Ivanovna Ivonina – Doctor of history, Professor, Professor of the Department of World History and International Relations, Smolensk State University

D.Y. Komarov

Dmitry Yevgenyevich Komarov – Doctor of history, Associate Professor, Professor of the Department of the History of Cossack and Social and Humanitarian Sciences, Smolensk Regional Cossack Institute of Industrial Technologies and Business (branch) of K.G. Razumovsky Moscow State University of Technologies and Management

A.V. Korolkova

Anzhelika Viktorovna Korolkova – Doctor of philology, Professor, Professor of the Department of Literature and Journalism, Smolensk State University

L.V. Pavlova

Larisa Viktorovna Pavlova – Doctor of philology, Professor, Professor of the Department of Literature and Journalism, Smolensk State University

O.Y. Pokhalenkov

Oleg Yevgenyevich Pokhalenkov – Doctor of philology, Associate Professor, Professor of the Department of Literature of the Institute of Philology and Mass Media, Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovski

A.M. Ranchin

Andrei Mikhailivich Ranchin – Doctor of philology, Professor, Professor of the Department of the History of Russian Literature, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University

Yu.L. Tsvetkov

Yuriy Leonidovich Tsvetkov – Doctor of philological sciences, professor at the department of foreign literature of the Institute for Humanities, Ivanovo State University

EDITORS OF SECTIONS

S.N. Andreev, L.V. Pavlova (Philology)

L.I. Ivonina, A.V. Tikhonova (History)

УВАЖАЕМЫЕ ПОДПИСЧИКИ!

Доводим до Вашего сведения, что с **1 сентября 2022 года** во всех почтовых отделениях России открыта подписка на журнал **«Известия Смоленского государственного университета»**.

Журнал включен в подписной каталог Почты России. Подписка осуществляется во всех отделениях почтовой связи и в онлайн-сервисе podpiska.pochta.ru.

Журнал выходит 4 раза в год. Годовая подписка состоит из 4 номеров.

Стоимость **полугодовой** подписки – 1144 руб. 44 коп.

Система доставки – **адресная**.

Индексы в Объединенном каталоге

Подписной индекс – **ПН182**

Адрес редакции и издателя:

214000, Смоленская область, Смоленск, ул. Пржевальского, 4

Смоленский государственный университет

Тел.: (4812) 700231, факс: (4812) 383157

E-mail: izwestija@smolgu.ru

Научное издание

Известия
Смоленского государственного
университета

Выходит 4 раза в год
2023, № 1(61)

Издательство
Смоленского государственного университета
214000, Смоленская область, г. Смоленск, ул. Пржевальского, 4

Редакторы *К.Н. Апазиди, И.В. Марусова, О.В. Папко*
Редактор англоязычных текстов *П.В. Силаев*
Технический редактор *И.В. Марусова*
Компьютерная верстка *А.П. Борисов*

Дата выхода 22. 05. 2023. Формат 70x100¹/₁₆.
Усл. п. л. 19,5. Тираж 300 экз.

Отпечатано: Типография ИП Суркова Н.Н.
Смоленская область, г. Смоленск, ул. Б. Совестькая, д.12/1

Цена свободная